Z 39.201 / 1

<36637600390018

<36637600390018

Bayer. Staatsbibliothek

1688

СБОРНИКЪ РУКОПИСЕЙ

представленныхъ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ

о

СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБОРОНѢ

севастопольцами

Томъ I

10 АВГ. 1930

8491.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія и Литографія А. Траншеля, на углу Невск. и Владимірск. пр., д № 45—1

1872.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft

Ausgeschieden

Fg/75/96072

«*И для героевъ есть невозможное*».

Слова Государя Императора.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

СЛАВНОЙ ПАМЯТИ

ВСѢХЪ СПОДВИЖНИКОВЪ

СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБОРОНЫ

Два года тому назадъ послѣдовало воззваніе Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича ко всѣмъ Севастопольцамъ — съ просьбою помочь собиранію всего, что еще уцѣлѣло въ памяти и рукописяхъ о событіяхъ Севастопольской обороны.

Ожиданія Его Императорскаго Высочества оправдались. Всякій кто могъ, и чѣмъ могъ, откликнулся на призывъ. Поступили разсказы, воспоминанія, письма, записки и дневники.

Весь этотъ цѣнный для Исторіи и дорогой сердцу каждаго Русскаго матеріалъ предназначается, какъ было сказано въ воззваніи, къ храненію въ Севастопольскомъ музеѣ. Но прежде того, Его Императорскому Высочеству угодно было назначить къ печати всѣ тѣ рукописи, которыя, кромѣ цѣнности матеріала, имѣютъ живой интересъ разсказа, освѣщающаго колоритомъ отдѣльные эпизоды или эпохи Севастопольской обороны.

Главная цѣль настоящаго изданія—собрать для Русскихъ читателей въ одной книгѣ разсказы очевидцевъ и участниковъ объ одномъ изъ величайшихъ событій нашей исторіи, въ которомъ съ такою силою и въ такой высокой простотѣ проявилось движеніе русскаго народнаго духа на защиту родного края. Для всякаго Русскаго, къ какому бы сословію ни принадлежалъ

онъ, для юноши, равно какъ и для взрослаго, чтеніе великой повѣсти о Севастопольской оборонѣ, разсказанной ея сподвижниками, послужитъ навсегда неисчерпаемымъ источникомъ благороднѣйшаго вдохновенія, утверждая и оживляя въ сердцахъ чувство любви къ отечеству и вѣрности, незнающей предѣла самоотверженію.

Независимо отъ сего, обнародованіе предлагаемыхъ разсказовъ имѣетъ цѣлью — вызвать и со стороны другихъ очевидцевъ и участниковъ того-же дѣла — такія дополненія и объясненія, которыя могли бы въ послѣдствіи послужить для будущаго историка вѣрнымъ пособіемъ къ возстановленію полной и точной исторіи Севастопольской обороны.

Всѣ вошедшія въ сборникъ статьи внесены по указанію Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, и печатаются въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ доставлены.

СЛУЖЕБНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ
Александра Петровича Хрущова.

(нынѣ Генерала отъ Инфантерiи, Генерала-Адъютанта)

ВО ВРЕМЯ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБОРОНЫ.

Дозв. ценз. 16 Мая 1872 г.

Тип. А. Траншеля, Влад. пр. 1.

ВИДЪ СЕВАСТОПОЛЯ ВЪ 1854 ГОДУ.

СЛУЖЕБНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

Александра Петровича Хрущова

(нынѣ Генералъ отъ Инфантеріи, Генералъ-Адъютанта)

ВО ВРЕМЯ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБОРОНЫ.

Въ октябрѣ 1853 года полковникъ Хрущовъ, съ ввѣреннымъ ему Волынскимъ пѣхотнымъ полкомъ, перевезенъ на эскадрѣ Черноморскаго флота изъ Одессы въ Севастополь. Съ апрѣля до 2-го сентября 1854 года, съ своимъ полкомъ и двумя батареями, занималъ бухты южной стороны: Стрѣлецкую, Камышевую и казачью, для обороны ихъ, въ случаѣ покушенія непріятеля высадиться на этихъ пунктахъ.

3-го сентября присоединился къ войскамъ сосредоточеннымъ на рѣкѣ Альмѣ у деревни Бурлюкъ.

8-го числа участвовалъ въ Альменскомъ сраженіи, находясь въ главномъ резервѣ. * При общемъ отступ-

* Находясь въ резервѣ, Волынскій полкъ не принималъ дѣятельнаго участія въ дѣлѣ; но намъ памятно, какъ первое достигшее до

леніи и Волынскій полкъ сталъ постепенно отодвигаться къ Улукуловской долинѣ, гдѣ полковникъ Хрущовъ, пропустивъ мимо себя части 16-й дивизіи, взялъ съ собою двѣ батареи 14 бригады и, по указанію флигель-адъютанта Исакова, занялъ позицію, избранную начальникомъ артиллеріи г. м. Кишинскимъ, на высотахъ за Улукуловской долиной. Такимъ образомъ былъ прикрытъ неизбѣжный безпорядокъ отступленія войскъ, потерявшихъ сраженіе, такъ что союзники назвали наше отступленіе belle retraite. Когда всѣ отступавшія части выдвинулись по направленію къ рѣкѣ Качѣ, тогда и полковникъ Хрущовъ съ своимъ отрядомъ началъ медленно отступать, будучи готовымъ всякую минуту встрѣтить непріятеля, если бы онъ сталъ преслѣдовать насъ. Были уже сумерки, когда нашъ отрядъ спустился въ долину р. Качи у дер. Ефендикіой.

Утромъ 9-го числа полковникъ Хрущовъ, присоединивъ къ своему отряду Минскій пѣхотный полкъ (одной бригады съ Волынскимъ полкомъ), двинулся высотами лѣваго берега внизъ по р. Качѣ и остановился насупротивъ дер. Мамашая, гдѣ проходитъ большая Севастопольско-Евпаторійская дорога. Нигдѣ въ окрестностяхъ другихъ войскъ не было видно, кромѣ Бородинскаго Его Величества полка, который тоже

полка ядро, пролетѣвъ возлѣ полковника, вырвало нѣсколько человѣкъ изъ знаменныхъ рядовъ и солдаты инстинктивно наклонились.— «Не кланяться и стоять смирно»—произнесъ громко и покойно полковникъ Хрущовъ. И съ этой минуты волынцы никогда не привѣтствовали поклонами непріятельскіе снаряды.

незная куда слѣдовать, остановился въ нѣкоторомъ разстоянiи отъ рѣки. Флигель-адъютантъ Исаковъ, проведшiй ночь съ Минскимъ полкомъ, и самъ незная гдѣ находились начальствующiе лица, предложилъ полковнику Хрущову отпустить Минскiй полкъ, за неимѣнiемъ патроновъ, и присоединить къ себѣ Бородинскiй, командиръ котораго полковникъ Шелюта-Веревкинъ оказался моложе полковника Хрущова, что было исполнено. Два полка съ двумя батареями заняли позицiю на высотахъ лѣваго берега Качи и оставались на ней до полудня; пока флигель-адъютантъ Исаковъ увѣдомилъ полковника Хрущова запиской изъ Севастополя о приказанiи главнокомандующаго слѣдовать туда же.

Непрiятель былъ ясно виденъ на Альминскихъ высотахъ, слѣдовательно и онъ могъ хорошо видѣть нашъ отрядъ, составлявшiй импровизованный арiергардъ отступившей армiи, а потому могъ еще болѣе убѣдиться, что мы отступили въ порядкѣ.

Утромъ 10-го числа главнокомандующiй приказалъ полковнику Хрущову занять съ Волынскимъ полкомъ и двумя батареями прежнiя позицiи у бухтъ.

12-го числа князь Меншиковъ рѣшился оставить Севастополь и предпринять извѣстное фланговое движенiе, чрезъ р. Черную и Мекензiеву гору, на р. Бельбекъ и потомъ на р. Качу—къ Бакчисараю. Полковнику Хрущову приказано слѣдовать туда же.

14-го вечеромъ главномандующiй находясь на р. Качѣ, приказалъ полковнику Хрущову съ 6-ю баталiонами, дивизiономъ артиллерiи, сотнею Черномор-

скихъ пластуновъ и $^1/_2$ сотнею казаковъ, пройти чрезъ королевское ущелье на высоты деревни Эзенбашика, дабы обозрѣть р. Черную и спускъ съ Мекензіевой горы къ дер. Чоргуну и, если представится возможность—атаковать непріятеля. Отрядъ шелъ всю ночь и утромъ 15 числа расположился на высотахъ дерев. Эзенбашикъ предъ дер. Упа. Далѣе слѣдовать съ артиллеріею было невозможно, да и не было надобности, ибо полковникъ Хрущовъ удостовѣрился что союзники окончательно перешли на южную сторону. Ночью отрядъ возвратился на авангардную позицію арміи на р. Бельбекѣ.

17-го сентября главнокомандующій перевелъ войска съ Качи и Бельбека на сѣверную сторону Севастополя. Наше появленіе, послѣ пяти дневнаго отсутствія, произвело неописанную радость въ гарнизонѣ города.

Съ этого времени до 18 сентября полковникъ Хрущовъ находился съ ввѣреннымъ ему полкомъ при главной квартирѣ и нѣсколько дней командовалъ Инкерманскою позиціею, а 19-го числа введенъ въ Севастополь и поставленъ на 4-й бастіонъ, гдѣ оставался безсмѣнно три недѣли, а потомъ перемѣнялся съ другими войсками чрезъ 7 или 8 дней. Служба на бастіонѣ была трудная и никакого помѣщенія: офицеры и солдаты отдыхали и укрывались отъ непогоды въ норкахъ, вырытыхъ за брустверами. Непріятель велъ осадныя работы преимущественно на 4-й бастіонъ. Усиленная пальба на этотъ бастіонъ почти не умолкала, и были ночи, въ которыя на площадку его падало до 700 бомбъ.

6-го декабря полковникъ Хрущовъ, за отличіе въ сраженіяхъ произведенъ въ генералъ-маіоры со старшинствомъ съ 8 сентября, а 16-го января назначенъ командиромъ 1-й бригады 16-й пѣхотной дивизіи, но командовалъ полкомъ до 25-го марта, т. е. до прибытія новаго командира.

Въ половинѣ января 1855 года Волынскій полкъ переведенъ съ городской части на карабельную.

Въ началѣ февраля пространство между Киленъ и Троицкою балками не было занято непріятелемъ; туда по ночамъ посылались въ секреты наши пластуны и штуцерные. Главнокомандующій, желая предупредить непріятеля на этой мѣстности, рѣшился занять оную войсками и построить тамъ редуты. Исполненіе этого предпріятія возложено было на генералъ-маіора Хрущова. Въ его распоряженіе назначили: для работъ три баталіона Селенгинскаго полка подъ командою полковника Сабашинскаго и для прикрытія работъ четыре баталіона Волынскаго.

9-го февраля, съ наступленіемъ сумерокъ, генералъ Хрущовъ, получивъ на бастіонѣ № 2-го *благословеніе* отъ начальника гарнизона барона Сакена, перевелъ свой отрядъ чрезъ Киленъ-балку двумя колоннами: мимо водопровода по саперной дорогѣ, и чрезъ мостъ, устроенный для сего на Киленъ-бухтѣ. По мѣрѣ всхода на высоты, правая колонна прикрывалась цѣпью съ резервами и по занятіи всей мѣстности приступила къ постройкѣ редута, названнаго въ послѣдствіи Селенгинскимъ, по имени полка, который строилъ его. Разбивка редута сдѣлана полковникомъ Тотле-

беномъ, а постройка производилась подъ ближайшимъ наблюденіемъ гвардіи штабсъ - капитана Тидебеля. Въ эту же ночь мы построили нѣсколько ложементовъ для укрытія—штуцерныхъ, высылаемыхъ на день.

10-го утромъ волынцы отведены были за начатый редутъ въ балку 42 экипажа, а селенгинцы въ городъ. Днемъ работы продолжались внутри редута однимъ баталіономъ, присланнымъ на смѣну ночныхъ рабочихъ.

Непріятель только утромъ замѣтилъ о занятіи нами высотъ правой стороны Киленъ-балки и открылъ ружейный огонь изъ ближайшихъ траншей (батарей вблизи не было). Наши штуцерные перестрѣливались съ непріятелемъ.

На слѣдующую ночь баталіоны Волынскаго полка снова поставлены на позицію, а три Селенгинскихъ баталіона приведены для работъ. Непріятель не безпокоилъ насъ, но въ его траншеяхъ слышна была усиленная работа.

По причинѣ каменистаго грунта, бруствера редута возвышались медленно, такъ что къ вечеру 11-го числа еще нельзя было поставить орудій.

11-го, по закатѣ солнца, генералъ Хрущовъ расположилъ Волынскій полкъ, подобно предшествовавшимъ ночамъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: *4-й* баталіонъ, въ ротныхъ колоннахъ, занялъ пространство по линіи ложементовъ отъ спуска къ Троицкимъ погребамъ, чрезъ саперную дорогу, до острога Киленъ-балки, идущаго къ лѣвому флангу непріятельской траншеи на Сапунъ горѣ, загнувши свой правый флангъ вдоль по

гребню лощины. Отъ каждой роты одинъ взводъ былъ вызванъ въ цѣпь. Прочіе баталіоны, въ колоннахъ къ атакѣ, поставлены: *2-й* впереди строившагося редута, въ обліческомъ къ линіи ложементовъ положеніи: онъ приходился за второю половиною праваго фланга цѣпи; *1-й* за срединою цѣпи, тыломъ къ балкѣ 42 экипажа; *3-й* былъ выдвинутъ немного влѣво къ скату лощины, идущей къ Троицкимъ погребамъ, въ томъ вниманіи что натискъ непріятеля предполагался скорѣе на тотъ пунктъ. Это предположеніе вполнѣ оправдалось ходомъ самаго дѣла.

Три баталіона Селенгинскаго полка находились на работѣ: 2 и 3-й въ самомъ редутѣ, а 1-й во рву.

До 10-ти часовъ вечера въ непріятельскихъ траншеяхъ слышна была усиленная работа кирками, потомъ звукъ шанцоваго инструмента сталъ менѣе слышенъ, а къ полуночи вовсе затихъ.

12-го февраля, въ исходѣ втораго часа по полуночи, по захожденіи ярко до того свѣтившей луны, занимавшіе секреты впереди цѣпи, Черноморскіе пластуны извѣстили генерала Хрущова, что непріятель выходитъ изъ своихъ траншей. Почти въ туже минуту цѣпь 11 и 13 ротъ открыла учащенный огонь.

Совершенно готовые Волынскіе баталіоны стали въ ружье. Генералъ велѣлъ зажечь фальшвейеръ — условный сигналъ для бастіоновъ и пароходовъ, что его атакуютъ,—и двинулъ 2-й баталіонъ на одну высоту съ первымъ; но, услышавъ на лѣвомъ флангѣ шумъ рукопашнаго боя, тотчасъ же повернулъ баталіоны налѣво, дабы занять траншею, примыкавшую къ лѣвому

фасу редута, съ тѣмъ чтобы обезпечить себя отъ обхода съ лѣваго фланга.

Зуавы быстро наступали, бѣглымъ шагомъ дошли до редута и многіе изъ нихъ вскочили въ самый ровъ. Храбрецы заплатили жизнію за свою отвагу. Находившіеся въ редутѣ селенгинцы встрѣтили непріятеля сильнымъ огнемъ.

Между тѣмъ 3-й Волынскій баталіонъ, а также 11 и 12 роты, отражали огнемъ и штыками нападеніе другой непріятельской колонны.

Убѣдясь, что французы лишены возможности обойти насъ съ лѣваго фланга, генералъ Хрущовъ приказалъ подать сигналъ къ наступленію: удалые волынцы лихо ринулись впередъ, поражая штыками зуавовъ, Венсенскихъ стрѣлковъ и морскихъ солдатъ, силившихся подать помощь своимъ товарищамъ. Около часу длился рукопашный бой, въ которомъ волынцы показали себя героями, сражаясь съ отборными французскими войсками. Русскій штыкъ превозмогъ, и непріятель въ безпорядкѣ началъ отступать къ своимъ траншеямъ.

Пройдя линію нашихъ ложементовъ, генералъ прекратилъ дальнѣйшее преслѣдованіе непріятеля, дабы не попасть подъ огонь нашихъ пароходовъ,—устроилъ баталіоны и поставилъ ихъ въ двѣ линіи, чтобы быть въ совершенной готовности встрѣтить непріятеля, если бы онъ рѣшился вновь атаковать нашу позицію новыми силами, собранными около ихъ траншей. Но французы будучи совершенно разстроенными, не только не возобновили нападенія, но даже не сдѣлали ни одного выстрѣла по нашимъ баталіонамъ, которые оста-

вались на позиціи близь ложементовъ до самаго разсвѣта.

При началѣ атаки, лишь только фальшвейеръ успѣлъ догорѣть, орудія, предварительно направленныя съ Корнилова и № 2-го бастіоновъ, открыли огонь разрывными снарядами по наступавшему непріятелю. Также началась пальба съ пароходовъ, становившихся на ночь противъ Троицкой и Георгіевской балокъ. Выстрѣлы съ пароходовъ нанесли много вреда непріятелю, въ особенности при отступленіи его къ своимъ траншеямъ. Однимъ изъ пароходовъ „Владиміръ", командовалъ храбрый капитанъ Бутаковъ, (нынѣ вице-адмиралъ и генералъ-адъютантъ) французскія войска, назначенныя для атаки, состояли подъ командою дивизіоннаго генерала Майрана и подъ главнымъ распоряженіемъ Боске; велъ же колонны г. Моне, который былъ раненъ при началѣ боя, какъ равно и командиръ Зуавскаго полка Клеръ.

Наша потеря состояла изъ 65-ти убитыхъ и 346 раненыхъ, въ томъ числѣ 6-ть офицеровъ. Изъ раненыхъ, преимущественно штыками, болѣе 100 человѣкъ остались во фронтѣ.

Въ общемъ числѣ выбывшихъ изъ строя. Селенгингинцы потеряли только 15-ть человѣкъ, слѣдовательно вся тяжесть боя лежала на волынцахъ.

Французы понесли большую потерю, оставя болѣе ста тѣлъ на мѣстѣ сраженія, въ томъ числѣ 10 офицеровъ.

Во время рукопашнаго боя зуавскій офицеръ нанесъ саблю на генерала Хрущова (чего онъ не могъ

видѣть, смотря въ другую сторону), но стоявшій возлѣ него рядовой Бѣлоусовъ закололъ зуава, а полковой гарнистъ Павловъ, въ тоже время, выхватилъ у него саблю. *

Въ тотъ же день около 2-хъ часовъ пополудни Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи, въ сопровожденіи генералъ - адъютанта Философова и другихъ лицъ своей свиты, удостоили своимъ посѣщеніемъ позицію, занимаемую генераломъ Хрущовымъ и, именемъ Государя Императора, благодарили храбрыхъ волынцевъ. Ихъ Высочества довольно долго оставались на позиціи, не смотря на ружейную пальбу съ непріятельскихъ траншей, и весьма милостиво разговаривали съ офицерами и солдатами. Можно себѣ представить восторгъ полка.

Главнокомандующій по причинѣ болѣзни, не могъ пріѣхать на позицію; но тотчасъ послѣ боя прислалъ 25-ть знаковъ отличія военнаго ордена св. Георгія для возложенія на болѣе отличившихся нижнихъ чиновъ, а также наградилъ орденами нѣсколькихъ офицеровъ, въ томъ числѣ и пишущаго эти строки, ординарца генерала, прапорщика Маклакова (нынѣ полковникъ).

Сверхъ того Государь Императоръ наградилъ чинами или орденами всѣхъ офицеровъ Волынскаго полка бывшихъ въ дѣлѣ 12-го февраля, а нижнимъ

* Эпизодъ этотъ изображенъ въ рисункѣ Тимма въ издаваемомъ имъ «Художественномъ листкѣ» и большой картинѣ, писанной художникомъ Шарлеманемъ.

Фотографическій снимокъ съ этой картины при семъ прилагается какъ равно портретъ генерала.

чинамъ обоихъ полковъ пожаловалъ по 1 руб. серебр., и по четыре знака отличія военнаго ордена на каждую роту. За дѣло 12-го февраля генералъ-маіоръ Хрущовъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени, минуя Станислава 1 степени и Владиміра 3 степени.

Въ приказѣ по арміи за № 48-мъ главнокомандующій князь Меншиковъ, между прочимъ такъ выразился о дѣлѣ 12-го февраля: „....Относя такой достославный отпоръ отчаяннаго непріятельскаго покушенія къ храбрости, хладнокровію и распорядительности генералъ - маіора Хрущова, мнѣ искренно пріятно поздравить его съ подвигомъ молодецкаго дѣла, въ которомъ всѣ ввѣренные ему чины оправдали ожиданія Государя Императора.

Другой, компетентный судья въ военномъ дѣлѣ, начальникъ Севастопольскаго гарнизона баронъ Сакенъ, въ донесеніи своемъ главнокомандующему о дѣлѣ 12-го февраля, сказалъ между прочимъ: „....Быстрота натиска этихъ отборныхъ войскъ (французскихъ) въ два часа темной ночи была изумительна. Они были встрѣчены батальнымъ огнемъ, за которымъ послѣдовалъ ударъ въ штыки. Рукопашный бой продолжался часъ и французы сражались героями, но русскій грозный штыкъ въ рукахъ удалыхъ волынцевъ осуществилъ отзывъ 12-го февраля: „натискъ" и отбросилъ непріятеля въ Троицкую балку, откуда онъ отступилъ въ траншеи...." Далѣе прося о наградѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, баронъ Сакенъ выразился: „Генералъ Хрущовъ оказалъ бдительность, распорядительность, спокойствіе и храбрость...."

Главнокомандующій и начальникъ гарнизона вполнѣ справедливо оцѣнили подвигъ генерала Хрущова, которому дѣйствительно принадлежала вся честь успѣшнаго отраженія непріятеля отъ строившагося и не вооруженнаго редута. Всѣ мы были свидѣтелями его распорядительности и невозмутимаго спокойствія въ самыя опасныя минуты. Генералъ адъютантъ Философовъ, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ сказалъ генералу Хрущову: „При посѣщеніи сего дня Великими Князьями вашихъ раненныхъ, одинъ изъ нихъ, которому осталось жить нѣсколько часовъ, на слова утѣшенья и благодарности, отвѣчалъ Ихъ Высочествамъ: я умру спокойно, исполнивъ свою обязанность. И при этомъ прибавилъ: какъ же намъ нейти было впередъ, когда нашъ генералъ былъ постоянно впереди. Подобный отзывъ умирающаго солдата о своемъ начальникѣ весьма знаменателенъ".

По окончаніи Селенгинскаго редута построенъ былъ на той же мѣстности Волынскій редутъ.

Во второй половинѣ февраля и въ мартѣ 1855 года генералъ Хрущовъ находился на лѣвой половинѣ оборонительной линіи (на карабельной), но не имѣлъ особыхъ порученій. Между тѣмъ прибылъ въ Крымскую армію новый главнокомандующій князь Горчаковъ.

11-го апрѣля главнокомандующій, желая воспрепятствовать непріятелю приблизиться своими траншеями къ редуту Шварца, рѣшился занять мѣстность предъ этимъ редутомъ и построить большіе ложементы. Исполненіе сего предпріятія князь Горчаковъ возложилъ на генерала Хрущова, сказавъ ему: „Пору-

чаю вамъ сегодня, съ наступленіемъ сумерковъ, занять съ пятью баталіонами мѣстность между редутомъ Шварца и французскими траншеями, построить тамъ ложементы, по указанію Тотлебена, и, въ случаѣ нападенія, удержаться въ нихъ во чтобы то ни стало".

По захожденію солнца, въ довольно свѣтлую лунную ночь, генералъ Хрущовъ вывелъ изъ редута Шварца и отъ батарей Забудскаго три баталіона Екатеринбургскаго и два Волынскаго полковъ и занялъ безпрепятственно сказанную мѣстность, расположивъ два баталіона въ ротныхъ колоннахъ съ густою цѣпью стрѣлковъ, а три въ резервѣ. Тотчасъ послѣ этого выведены были для работъ два суздальскихъ баталіона.

Въ теченіи ночи, не смотря на жестокій огонь изъ непріятельскихъ траншей и ближнихъ батарей, четыре ложемента были построены. Съ разсвѣтомъ. оставя въ ложементахъ сотню штуцерныхъ, генералъ Хрущовъ согласно приказанію отвелъ отрядъ за укрѣпленія оборонительной линіи. Днемъ (12 числа) французы обратили на вновь построенные ложементы сильный огонь и частію обрушили ихъ. Штуцерные едва могли укрываться за ложементами.

Генералъ Хрущовъ, отдавая отчетъ начальнику гарнизона графу Сакену объ исполненіи даннаго ему порученія, высказалъ свое мнѣніе о трудности удержать за собою эти работы, но исполнилъ приказаніе— усилить въ слѣдующую ночь построенные ложементы, соединить ихъ траншею и возвести два резервныхъ ложемента.

Для работъ назначили два Суздальскихъ баталіона,

а въ прикрытіе три Екатеринбургскаго и два Алексапольскаго полковъ.

Къ вечеру 12-го апрѣля войска эти были собраны у 5-го баталіона и батарей Забудскаго; а когда совершенно стемнѣло генералъ Хрущовъ направилъ изъ редута Шварца генеральнаго штаба штабсъ-капитана Лаврова съ охотниками для содержанія секретовъ, и къ каждому изъ 4-хъ ложементовъ по двѣ роты Екатеринбургскаго полка, третій же баталіонъ этого полка и два Алексапольскихъ приказалъ вывести для составленія второй линіи.

Лишь только двѣ головныя роты подошли къ крайнему лѣвому ложементу, а прочія колонны стали приближаться къ остальнымъ тремъ, какъ французы, въ довольно значительныхъ силахъ, бросились изъ своихъ траншей и стремительно атаковали нашу позицію. У лѣваго ложемента закипѣлъ рукопашный бой; прочіе же, французы заняли и стали обращать противъ насъ, открывъ при этомъ сильный ружейный огонь по колоннамъ Екатеринбургскаго полка, которыя, объятые паническимъ страхомъ, бросились назадъ съ крикомъ ура и стрѣляя вверхъ.

Приказавъ маіору Хохлову держаться на лѣвомъ флангѣ линіи ложементовъ, генералъ Хрущовъ непустилъ отступавшія части въ редутъ, успокоилъ ихъ, и приведя въ возможный порядокъ подъ жестокимъ огнемъ, двинулъ, съ барабаннымъ боемъ на занятыя непріятелемъ ложементы.

Екатеринбургцы, имѣя въ головѣ офицеровъ и командующаго полкомъ подполковника Богинскаго, смѣ-

ло бросились впередъ и выбили непріятеля на всѣхъ пунктахъ.

Французы пробовали вновь атаковать насъ, но будучи встрѣчены сильнымъ огнемъ екатеринбургцевъ, занявшихъ уже мѣста свои по диспозиціи на линіи ложементовъ,—вынуждены были окончательно отказаться отъ своего предпріятія. Вступая въ свои траншеи, непріятель открылъ убійственный огонь, не умолкавшій цѣлую ночь. Не взирая на это множество бросаемыхъ непріятелемъ бомбъ, мы приступили къ работѣ и къ утру успѣли исправить и утолстить прежніе ложементы и насыпать два резервныхъ.

Мы потеряли въ эту ночь выбывшими изъ строя до 350 человѣкъ; къ общему сожалѣнію въ числѣ раненыхъ были: подполковникъ Богинскій и саперный капитанъ Ахбауеръ, которые вскорѣ умерли отъ ранъ.

Въ журналѣ извѣстій изъ Крымской арміи № 185 сказано, между прочимъ: „Удержаніе за нами этихъ работъ и производство ихъ подъ самымъ близкимъ огнемъ непріятеля дѣлаетъ величайшую честь нашему войску и генералъ-маіору Хрущову“.

Въ представленіи же генерала къ наградѣ, начальникъ гарнизона выразился: „Генералъ Хрущовъ еще разъ ознаменовалъ наше оружіе блистательнымъ отраженіемъ непріятельскаго нападенія“... *

Позицію занятую нами предъ редутомъ Шварца

* Представленіе генерала Хрущова къ наградѣ золотою саблею, украшенной алмазами, заваляюсь въ Главномъ Штабѣ и осталось безъ послѣдствій.

генералъ Хрущовъ передалъ 13-го апрѣля въ вѣдѣніе начальника 1-го отдѣленія оборонительной линіи; а въ ночь на 20-е число французы овладѣли вышесказанными ложементами. Такимъ образомъ опасенія генерала Хрущова сбылись.

Въ эту грустную ночь полагали что непріятель, вслѣдъ за взятіемъ ложементовъ, атакуетъ Шварца редутъ; а потому графъ Сакенъ поручилъ генералу Хрущову принять до утра начальство надъ войсками на этомъ пунктѣ, что и было имъ исполнено, не смотря на болѣзнь. Прибывъ на редутъ, онъ положилъ нѣсколько ротъ правѣе укрѣпленія и велѣлъ имъ, а также гарнизону редута, производить по французамъ занявшимъ ложементы безпрерывный батальный огонь до самаго утра.

Основываясь на нѣкоторыхъ данныхъ, главнокомандующій полагалъ, что непріятель сдѣлаетъ высадку между Евпаторіей и устьемъ рѣки Качи, а потому приказалъ начальнику 12-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанту Липранди быть готовымъ къ выступленію съ Инкерманской позиціи при первомъ извѣстіи о высадкѣ. Для командованія же Инкерманскою позиціею, въ случаѣ ухода съ оной генерала Липранди, князь Горчаковъ назначилъ генерала Хрущова и приказалъ ему 23-го апрѣля перейти на эту позицію что бы ознакомиться съ нею. Тамъ оставался генералъ Хрущовъ до 8 мая; а въ этотъ день, по личному приказанію главнокомандующаго, принялъ начальство надъ Чоргунскимъ отрядомъ, вмѣсто генералъ-лейтенанта Жабокрицкаго.

Чоргунскій отрядъ былъ, такъ сказать, авангардомъ, относительно войскъ, расположенныхъ на Мекензіевой горѣ и въ Королезскомъ ущельи. Онъ состоялъ изъ 4-хъ баталіоновъ Бородинскаго Его Величества полка, роты стрѣлковъ, греческаго легіона, 2-хъ гусарскихъ эскадроновъ, одного казачьяго полка и дивизіона артиллеріи. По отдаленности его отъ главныхъ силъ, отрядъ этотъ былъ въ фальшивомъ положеніи, ибо, по своей малочисленности, не могъ удержать позицію при нападеніи непріятеля въ значительныхъ силахъ. Это предвидѣлось и, въ случаѣ нападенія, ему приказано было отступать по дорогѣ въ Королезское ущелье, что могло поставить его, безъ всякой пользы, въ безвыходное положеніе. На столь важной позиціи слѣдовало имѣть самостоятельный отрядъ изъ пѣхоты и кавалеріи, который былъ бы въ силахъ не допустить непріятеля занять лѣвый берегъ Черной рѣчки и Байдарскую долину; въ случаѣ же невозможности, по недостатку войскъ, исполнить это, надобно было предоставить однимъ казакамъ наблюденіе за дѣйствіями непріятеля.

Союзники, съ прибытіемъ подкрѣпленій, нашли возможнымъ отдѣлить часть войскъ для занятія лѣваго берега Черной рѣчки и Байдарской долины, дабы пользоваться водою, подножнымъ кормомъ и лѣсомъ.

Съ этою цѣлью, передъ разсвѣтомъ 13-го мая, непріятельскія войска направились отъ Сапунъ горы и с. Кадыкіоя тремя колоннами, всего въ числѣ 47 т. Двѣ первыя колонны перешли чрезъ р. Варнутку, оттѣснили казачьи аванпосты и возвратились на высоты

у с. Комары; войска же главной лѣвой колонны * атаковали съ разсвѣтомъ Чоргунскую позицію съ праваго фланга. Кавалерія, въ числѣ 12-ти эскадроновъ съ конною артиллеріею, на рысяхъ, перешла каменный мостъ и направилась сначала по Мекензіевой дорогѣ въ обходъ Телеграфной горы. Тамъ встрѣтили ихъ наши гусары съ двумя сотнями казаковъ и, не смотря на свою малочисленность, выдержали атаку. Тогда непріятель обратилъ свои эскадроны противъ баталіона, стоявшаго у подошвы Телеграфной горы. Баталіонъ, построившись въ каре, встрѣтилъ кавалерію батальнымъ огнемъ и, продолжая отстрѣливаться, сталъ отступать, по приказанію генерала Хрущова, на Телеграфную гору, и оттуда на такъ называемую Артиллерійскую гору, гдѣ генералъ сосредоточилъ три баталіона и дивизіонъ артиллеріи.

Едва мы заняли эту позицію, какъ непріятельская кавалерія и часть легкой пѣхоты взошли на Телеграфную гору и открыли оттуда артиллерійскій и ружейный огонь.

Видя, что непріятель въ большихъ массахъ двигается по всѣмъ направленіямъ долины лѣваго берега Черной рѣчки, и что часть пѣхоты перешла уже, вслѣдъ за кавалеріей, на правый берегъ, генералъ Хрущовъ приказалъ отряду, послѣ непродолжительной перестрѣлки, начать отступленіе по Шулинской дорогѣ, согласно данной ему инструкціи. Генералъ за-

* Она состояла изъ кавалерійскихъ дивизій Морриса и Далонвиля 5 т., пѣхотныхъ дивизій Канробера и Брюно—13 т. и трехъ турецкихъ дивизій Омеръ Паши—20 т.,—всего 38 т.

нялъ позицію на Морской луговинѣ, въ двухъ верстахъ отъ Чоргунова. Непріятель не преслѣдовалъ насъ. Мы потеряли убитыми и раненными до 20 человѣкъ.

Съ этого времени весь этотъ лѣвый берегъ р. Черной остался въ рукахъ непріятеля. На Федюхиныхъ высотахъ и Гасфортой горѣ (насупротивъ Чоргуна) расположилось до 40 т. войскъ всѣхъ оружій.

Наши аванпосты были выдвинуты до д. Чоргунъ и казачій постъ постоянно находился днемъ на Телеграфной горѣ. Постъ этотъ служилъ телеграфомъ для нашего отряда.

22-го мая непріятель произвелъ усиленную рекогносцировку съ пѣхотою и кавалеріею чрезъ Байдарскую долину до с. Уркусты.

Отъ постояннаго бдѣнія и сильныхъ жаровъ, генералъ Хрущовъ занемогъ и, съ разрѣшенія главнокомандующаго, передавъ свой отрядъ генералъ лейтенанту Бельгарду, переѣхалъ 27-го мая для пользованія отъ болѣзни въ с. Бельбекъ.

5-го іюня генералъ Бельгардъ, при появленіи на окружающихъ высотахъ небольшаго отряда сардинцевъ, отвелъ ввѣренный ему отрядъ съ Морской луговины въ Королезское ущелье, гдѣ находился его дивизіонный штабъ.

Получивъ облегченіе отъ болѣзни, генералъ Хрущовъ, по личному приказанію главнокомандующаго, возвратился 8-го іюня въ Севастополь, гдѣ вскорѣ назначенъ былъ помощникомъ начальника правой половины оборонительной линіи (городской части) гене-

ралъ-лейтенанта Семякина. При этой обязанности онъ оставался до перехода нашихъ войскъ на сѣверную сторону Севастополя. Такимъ образомъ отсутствіе его изъ осажденнаго города продолжалось шесть недѣль, т. е. съ 23-го апрѣля по 8-е іюня.

Въ этотъ промежутокъ времени совершились въ Севастополѣ два важныя событія: первое грустное для насъ—заключалось въ отнятіи французами 26-го мая Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ и Камчатскаго люнета, а второе—въ блистательномъ отраженіи нашими войсками 6-го іюня штурма на бастіоны лѣвой половины оборонительной линіи.

Въ несчастномъ дѣлѣ 4-го августа на р. Черной генералъ Хрущовъ, по нахожденію въ Севастополѣ, не могъ участвовать; но по диспозиціи, войска гарнизона должны были сдѣлать вылазки нѣсколькими колоннами; начальствованіе одною изъ нихъ поручалось генералу Хрущову. Вылазки изъ города не состоялись, потому что наша армія была отброшена при атакѣ Федюхиныхъ горъ.

Въ августѣ союзники усилили бомбардированіе города, а съ 24 числа началась жестокая бомбардировка. Въ этотъ день, по отчетамъ французскаго военнаго министра, брошено въ городъ, съ однихъ французскихъ батарей, до 70 т. разрывныхъ снарядовъ. Конечно, мы теряли много людей, но гарнизонъ былъ бодръ, ожидая каждую минуту штурма.

Извѣстно, что штурмъ состоялся 27 августа въ полдень на бастіоны Корабельной, а въ $2^1/_2$ часа на укрѣпленіе лѣваго фланга перваго отдѣленія, гдѣ ко-

мандовалъ войсками, по приказанію начальника правой половины оборонительной линіи, генералъ-маіоръ Хрущовъ.

На Корабельной французы овладѣли Малаховымъ курганомъ, но были отбиты отъ 2-го баталіона и куртины, какъ равно англичане отъ 3-го баталіона.

Еще въ часъ пополудни французскій главнокомандующій Пелисье подалъ сигналъ начать атаку противъ нашихъ укрѣпленій городской части; но командиръ 1-го корпуса де-Саль не замѣтилъ условнаго сигнала и повелъ атаку только въ 2$^1/_2$ часа.

Густая цѣпь охотниковъ бросилась на люнетъ Бѣлкина; въ слѣдъ за цѣпью двигались колонны въ числѣ около 10-ти т.—французы быстро спустились въ лощину, но картечнымъ огнемъ съ люнета и сосѣдственныхъ батарей были опрокинуты и свернули по направленію къ войскамъ, стремившимся въ эту минуту на исходящій уголъ 5-го бастіона.

Колонны, направленныя на этотъ бастіонъ, не взирая на нашъ огонь, достигли рва и начали уже взбираться на валъ бастіона, но командиръ Подольскаго полка, полковникъ Аленниковъ, двинулъ резервъ на встрѣчу аттакующимъ и сбросилъ ихъ штыками въ ровъ.

Въ то время, когда непріятель отброшенный отъ 5-го бастіона, отступалъ въ свои траншеи, новыя колонны бросились на редутъ Шварца.

Французы стремительно перескочили черезъ ровъ и стали сбираться на брустверъ праваго фаса, который не могъ быть обстрѣленъ фланговымъ картечнымъ

огнемъ, потому что непріятель предварительно сбилъ орудія. Это обстоятельство дало возможность французамъ ворваться въ правую половину редута. Атака же на исходящій уголъ и лѣвый фасъ была отброшена нашимъ огнемъ. Житомирцы удержались за траверсомъ, раздѣлявшимъ редутъ на двѣ части.

Видя успѣхъ непріятеля на этомъ пунктѣ, генералъ Хрущовъ послалъ на помощь Житомирцамъ два Минскихъ баталіона. Въ тоже время, командиръ Екатеринбургскаго полка, полковникъ Веревкинъ (нынѣ генералъ-маіоръ), занимавшій траншею между 4-мъ бастіономъ и редутомъ Шварца, бросился съ двумя ротами къ аттакованному редуту. Совокупнымъ ударомъ Житомирцевъ, Минцевъ и Екатеринбургцевъ, непріятель былъ прогнанъ изъ укрѣпленія. Вся площадь редута была завалена тѣлами французовъ.

Непріятель, сильно поражаемый картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, отступилъ въ свои траншеи и не возобновлялъ нападенія.

Послѣдствія отбитія штурма отъ 5-го бастіона и редута Шварца были весьма важны: Пелисье нашелся вынужденнымъ отказаться отъ своего намѣренія аттаковать 4-й бастіонъ, и войска наши могли безпрепятственно, въ ту же ночь, перейти на сѣверную сторону, что было бы сопряжено съ чрезвычайными затрудненіями, еслибъ непріятелю удалось овладѣть укрѣпленіями лѣваго фланга 1-го отдѣленія и утвердиться въ нихъ.

При аттакѣ на эти верки, непріятель понесъ огромную потерю, что доказываетъ убыль генераловъ

1-го корпуса: убиты начальникъ штаба Раве и бригадный командиръ Бретонъ; ранены бригадные генералы, Кустонъ и Трошю. Въ плѣнъ взятъ командиръ 46-го Линейнаго полка, Банеръ *.

Нашъ главнокомандующій, убѣдясь лично, что отнятіе у непріятеля Малахова кургана потребовало бы огромныхъ жертвъ, рѣшился перевести гарнизонъ Севастополя на сѣверную сторону. Для прикрытія отступленія войскъ чрезъ мостъ назначены были, подъ начальствомъ генерала Хрущова, три полка: Волынскій, Минскій и Тобольскій (послѣднимъ командовалъ полковникъ Зеленый, нынѣ министръ Государственныхъ Имуществъ).

Полки эти—краса и честь Крымской арміи—расположились на указанныхъ генераломъ мѣстахъ, съ твердою рѣшимостію скорѣе умереть, чѣмъ отступить до перехода всѣхъ войскъ чрезъ мостъ.

Переходъ войскъ на сѣверную сторону продолжался до 7½ часовъ утра 28 августа; непріятель не тревожилъ насъ и только изрѣдка бросалъ бомбы, которыя на мостъ не попадали.

Аріергардъ началъ отступленіе около 8-ми часовъ

* Генералъ-маіоръ Хрущовъ, въ воздаяніе особеннаго мужества и отличія оказанныхъ при отбитіи штурма на Севастополь 27-го августа (слова грамоты), пожалованъ золотою саблею алмазами украшенною, съ надписью «за храбрость», — хотя начальникъ гарнизона графъ Сакенъ настоятельно просилъ главнокомандующаго о пожалованіи генералу Хрущову ордена св. Георгія 3-го класса, который слѣдовалъ генералу по статуту. Этимъ важнымъ для военныхъ людей орденомъ Государь Императоръ наградилъ впослѣдствіи генерала Хрущова.

утра, и генералъ Хрущовъ, вмѣстѣ съ начальникомъ бывшаго гарнизона, графомъ Сакеномъ и княземъ Васильчиковымъ, имѣли честь послѣдними переѣхать черезъ мостъ.

Генералъ лейтенантъ Бухмейеръ, стоявшій все время на мосту, построеніе котораго, по его мысли и подъ непосредственнымъ его распоряженіемъ, обезпечило отступленіе гарнизона, — увидя генерала Хрущова, сказалъ: „Вы заключаете шествіе, вы точка—я развожу мостъ".

28-го августа, генералу Хрущову поручена въ командованіе 16-я пѣхотная дивизія, а черезъ нѣсколько дней — 12 дивизія и другія войска, расположенныя на сѣверной сторонѣ Севастополя. Мы тотчасъ же приступили къ сооруженію новыхъ батарей по бухтѣ и на морскомъ берегу. Непріятель сильно стрѣлялъ по сѣверному укрѣпленію.

27-го сентября, генералъ Хрущовъ перешелъ съ 12-ою дивизіею на промежуточную позицію между Инкерманомъ и Мекензіевою горою, и 20-го октября отвелъ эту дивизію въ составъ Евпаторійскаго отряда, гдѣ, по приказанію главнокомандующаго, передалъ оную генералъ-маіору князю Химшѣеву, не смотря на убѣдительную просьбу командира 4-го корпуса графа Сакена, чтобы генералъ Хрущовъ оставленъ былъ во главѣ 12-й дивизіи.

Отдавая объ этомъ приказъ по корпусу (21-го октября), графъ Сакенъ, между прочимъ, выразился: „Мнѣ пріятно выразить мою искреннюю признательность командовавшему этою дивизіею, генералъ-

маіору Хрущову, который знаніемъ дѣла, распорядительностію и попечительностію о начальствуемой имъ дивизіи, въ короткое время своего командованія, привелъ въ возможно лучшій порядокъ и устройство часть, понесшую предъ тѣмъ тяжкія потери, и заслужилъ единогласное довѣріе подчиненныхъ.

29-го октября, генералъ Хрущовъ имѣлъ счастіе получить личную благодарность Государя Императора за Севастопольскую службу, при объѣздѣ Его Величествомъ передовыхъ позицій арміи.

Какъ 16-я пѣхотная дивизія, въ которой генералъ Хрущовъ считался бригаднымъ командиромъ, предназначалась къ выходу изъ Крыма, то его назначили командиромъ 2-й бригады, 9-й пѣхотной дивизіи, а вслѣдъ за симъ, ему поручена въ командованіе эта дивизія и Инкерманская позиція. На этой позиціи, которая отдѣлялась отъ непріятеля только узкою и мелкою Черною рѣчкою, генералъ Хрущовъ пробылъ всю зиму, до заключенія мира.

Нынѣ генералъ Хрущовъ, въ званіи генералъ-адъютанта и генерала отъ инфантеріи, состоитъ генералъ-губернаторомъ западной Сибири и командующимъ войсками тамошняго округа“.

ВОСПОМИНАНІЯ

Командира 4-го бастіона капитана 1-го ранга

Реймерса

(БЫВШАГО КАПИТАНЪ-ЛЕЙТЕНАНТОМЪ)

о 8-ми мѣсячной бытности его въ Севастополѣ во время его бомбардированія.

До прихода непріятельскаго флота и высадки десанта, находился я на кораблѣ „Уріилъ“ старшимъ офицеромъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, мы каждый день снимались съ якоря, уходили въ море и къ вечеру приходили обратно въ Севастополь. По высадкѣ непріятелемъ десанта въ Кизловѣ и послѣ Алминскаго дѣла, когда непріятель сдѣлалъ обходъ на Южную сторону, первоначальное желаніе Корнилова было выйдти съ флотомъ въ море и дать сраженіе, для чего и было сдѣлано распоряженіе принять снаряды и быть готовымъ къ снятію съ якоря. Но по совѣщаніи флагмановъ и командировъ, это распоряженіе было отмѣнено, и отданъ приказъ приготовить 5 кораблей къ затопленію бухты, дабы непрія-

тель не могъ въ нее войдти. Команду же со всѣхъ кораблей назначили къ орудіямъ на бастіоны (что впослѣдствіи оказалось очень полезнымъ). Вечеромъ того же числа, былъ данъ сигналъ кораблямъ, назначеннымъ къ затопленію, занять свои мѣста, отъ Сѣверной батареи къ Южной. Простоявъ сутки такимъ образомъ, по данному вечеромъ же сигналу, прорубили корабли. Къ утру они всѣ были потоплены, исключая 100 пушечнаго корабля 3-хъ Святителей, который какъ будто не хотѣлъ погружаться, и для скорѣйшаго погруженія коего было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ изъ Николаевской батареи въ подводную его часть. (Было также предположеніе не топить корабли, а встрѣтить непріятеля лѣвымъ бортомъ). Изъ командъ потопленныхъ кораблей составили баталіоны и размѣстили ихъ по бастіонамъ. Нашему 39-му баталіону, подъ командою капитана 1-го ранга Варницкаго, пришлось занять мѣсто на бульварѣ около Грибка. (Черезъ двѣ недѣли командиръ былъ раненъ и я принялъ баталіонъ). Вѣроятно всѣмъ извѣстно, въ какомъ состояніи была первоначально наша оборонительная линія около 4-го бастіона, а потому, чтобъ привести ее въ сколько нибудь надлежащій видъ, потребовалось много работъ, какъ-то: надо было сдѣлать пороховые погреба, перемѣнить малый калибръ орудій на большой, углубить рвы, утолстить брустверъ и проч. Но траверзовъ и блиндажей не успѣли сдѣлать на нашемъ бастіонѣ, что впослѣдствіи оказалось большимъ промахомъ, потому что непріятель, открывъ огонь изъ своихъ замаскированныхъ траншей, дѣйствовалъ продольно по лѣ-

вому фасу 4-го бастіона и мы, не имѣя траверзовъ, должны были терять много людей. Также трудно было создавать подъ сильнымъ огнемъ непріятеля и блиндажи. Непріятель въ это время провелъ нѣсколько траншей и сдѣлалъ закрытыя батареи, работы, которымъ мы всѣми средствами старались препятствовать и противъ которыхъ мы безпрерывно дѣйствовали изъ орудій и штуцеровъ.

Наконецъ, насталъ ужасный день начала бомбардированія. Сначала въ 7 часовъ утра, непріятель открылъ сильный штуцерной огонь, потомъ начали свои дѣйствія орудія и, мортиры и въ добавокъ, съ флота загремѣли орудія. Картина сдѣлалась ужасная! Послышались всюду стонъ и крикъ раненыхъ, моментально все занесло дымомъ и мы, думая, что непріятель прямо бросится на штурмъ, открыли огонь изо всѣхъ орудій, стрѣляя, разумѣется, неизвѣстно куда! Но выбросивши по 25 снарядовъ съ орудія, мы должны были замолчать, потому что снарядовъ оставалось у насъ мало, вслѣдствіе чего, впродолженіе цѣлаго дня, наши орудія и валъ представляли вѣрную цѣль непріятелю и претерпѣвали много поврежденій. (Теперь всякому легко видѣть ошибки, сдѣланныя въ Севастополѣ, но при бывшихъ въ то время суетѣ, суматохѣ и короткости времени не было возможности все предусмотрѣть). Въ моментъ начала бомбардированія, арестанты потребовали Корнилова и выпросили себѣ свободу, говоря, что насталъ теперь для нихъ день, въ который они могутъ загладить свои проступки. И дѣйствительно, они молодцами оправдали свои обѣщанія; въ первый день

работы неустрашимо таскали раненыхъ, приносили снаряды, воду и проч., такъ что въ первый же день изъ нихъ, какъ слышно было, выбыло до половины. Оставшіеся поступили на батареи и тѣ, которые находились у меня на бастіонѣ, были всѣ безъ изъятія отважные и славные ребята, даже нѣкоторые, впослѣдствіи получили Георгіевскіе кресты. Около двухъ недѣль я оставался командующимъ 39-мъ баталіономъ. Сначала стояли мы на бульварѣ около Грибка, а потомъ поступили на барикады около театра. Это время было самое тяжелое для насъ, потому что мы оставались безъ всякаго занятія, сидѣли въ назначенныхъ мѣстахъ и были свидѣтелями ужасной потери и страданій людей. Но къ счастію, мнѣ чрезъ три недѣли дали новое назначеніе, отправивъ помощникомъ 4-го бастіона къ капитану лейтенанту Завадовскому, извѣстному храброму и достойному офицеру, съ которымъ мнѣ однако, съ сожалѣнію, не долго пришлось послужить вмѣстѣ, ибо скоро его ранили и я долженъ былъ замѣнить его мѣсто. На 4-мъ бастіонѣ у меня тогда находилось около 50-ти орудій съ люнетомъ, 5 мортиръ 5-ти и 3-хъ пудовыхъ и 20 полупудовыхъ и при оныхъ 6 офицеровъ съ командою около 600 человѣкъ. (Первоначально прислуга у орудій состояла изъ матросовъ рабочаго экипажа, ластовыхъ, артиллеристовъ и арестантовъ, но впослѣдствіи начали пополнять ее солдатами). Офицеровъ же было 6-ть человѣкъ и зачастую доходило до двоихъ. Въ иной же какой нибудь несчастный день, случалось, замѣщались всѣ новыми. Порядокъ у насъ заведенъ былъ слѣдующій:

два вахтенныхъ офицера стояли одинъ на лѣвомъ фасѣ, другой на правомъ, и при каждомъ изъ нихъ находился сигнальщикъ съ трубой, который слѣдилъ за всѣми дѣйствіями непріятеля, и давалъ мнѣ знать обо всѣхъ работахъ его, дабы во-время открыть огонь изъ тѣхъ орудій, которыя наиболѣе могли вредить ему. Никогда не забуду тотъ моментъ, когда въ первый день бомбардированія, Корниловъ, Нахимовъ, Тодтлебенъ и почтенный священникъ съ крестомъ, благословляя всѣхъ, обходили бастіоны. Съ какимъ чувствомъ каждый изъ насъ подходилъ къ кресту, и какъ одушевляли насъ своимъ спокойнымъ духомъ всѣ эти достойные люди. Но, къ сожалѣнію, въ первый же день мы должны были лишиться героя нашего Корнилова. Ежедневными посѣтителями моего бастіона были: начальникъ оборонительной линіи адмиралъ Нахимовъ, главный инженеръ Тодтлебенъ и жившіе у насъ на бастіонѣ начальники 2 отдѣленія, сначала адмиралъ Новосильскій, а потомъ капитаны 1-го ранга Кутровъ, Спицинъ и Микрюковъ. Отъ начала бомбардированія и, можно сказать, до конца его, 4-й бастіонъ находился болѣе всѣхъ подъ выстрѣлами непріятеля, и не проходило дня впродолженіе всей моей 8-ми мѣсячной службы, который бы оставался безъ пальбы. Въ большіе же праздники, французы на свои мѣста сажали турокъ и этимъ не давали намъ ни минуты покоя. Случались дни и ночи, въ которые на нашъ бастіонъ падало до 2-хъ тысячъ бомбъ и дѣйствовало нѣсколько сотъ орудій. Но подобныя сильныя угощенія случались довольно рѣдко, отплачивать за нихъ

приходилось большою потерею людей и раззореніемъ какого-нибудь бруствера, который мы должны были всегда создавать къ утру вновь, а также перемѣнять подбитыя орудія и станки подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ. Пріятно было видѣть, съ какою любовію каждый комендоръ орудія хлопоталъ объ исправленіи своей амбразуры, траверзы и орудія и вообще о приведеніи всего въ порядокъ, и какъ хватало силъ у этихъ молодцовъ работать день и ночь для каждаго изъ насъ было непонятно. Въ первые 2 мѣсяца на 4-й бастіонъ не было блиндажей для команды и офицеровъ, всѣ мы помѣщались въ старыхъ казармахъ; но когда непріятель объ этомъ развѣдалъ, то направилъ на нихъ выстрѣлы и срылъ ихъ. Вообще внутренность бастіона представляла тогда ужасный безпорядокъ. Снаряды непріятельскіе въ большомъ количествѣ валялись по всему бастіону; земля для исправленія брустверовъ, для большей поспѣшности бралась тутъ же около орудій, а потому вся кругомъ была изрыта и представляла неудобства даже для ходьбы. Адмиралъ Нахимовъ, приходя ко мнѣ, каждый разъ выговаривалъ обратить вниманіе на приведеніе бастіона въ порядокъ и устройство блиндажей. Но мнѣ казалась эта работа тогда невозможною, такъ какъ подъ сильнымъ огнемъ и безпрерывнымъ раззореніемъ брустверовъ, намъ едва хватало времени поспѣвать исправленіемъ къ утру поврежденій брустверовъ. Но какъ у насъ въ Черномъ морѣ невозможнаго ничего не было, то я и началъ отдѣлять по нѣсколько человѣкъ прислуги отъ орудій на эту работу и, черезъ 2 недѣли усиленныхъ трудовъ, съ помо-

щію инженеровъ, я успѣлъ сдѣлать 6 блиндажей, выровнять по возможности землю, подобрать въ кучи бомбы, ядра и осколки и привести бастіонъ въ лучшій видъ. Блиндажи мы дѣлали довольно скоро, потому что дубовые кряжи брались изъ адмиралтейства, на верхній накатъ. Сверху насыпалось около аршина земли, потомъ клали въ два ряда фашинникъ, пересыпанный землею. Но не смотря на эту настилку и насыпь, все-таки 12-ти пудовыя бомбы, падавшія иной разъ въ одну точку одна за другой, пробивали и блиндажи. Также случалось, что нѣкоторыя бомбы, вкатываясь въ блиндажъ и разрываясь внутри, убивали и ранили находящихся тамъ. Я самъ два раза былъ свидѣтелемъ появленія въ блиндажѣ подобной непрошенной гостьи, но меня Богъ въ тѣ раза миловалъ. Разумѣется отъ синяковъ, контузій и легкихъ ранъ нельзя было уберечься, равно какъ и отъ земли, которая, обваливаясь съ брустверовъ и траверзовъ, засыпала зачастую. Но пока силы дозволяли, до послѣдней своей раны, я оставался на бастіонѣ. Ядра и бомбы, приходившіяся намъ по калибру, мы обратно посылали къ непріятелю. Ежедневно же эта приборка производилась на зарѣ, такъ какъ пальба въ это время была слабѣе, и каждый комендоръ послѣ своего утренняго обѣда, т. е. около 3-хъ часовъ утра, имѣлъ обыкновеніе убирать часть бастіона около своего орудія.

Впослѣдствіи я вполнѣ согласился, что подобныя усиленныя занятія заставляютъ солдата забыть тягостное его положеніе, не даютъ ему времени думать объ окружающей его опасности, и тѣмъ дѣлаютъ его

совершенно хладнокровнымъ. По приведеніи бастіона въ порядокъ, адмиралъ Нахимовъ благодарилъ меня за сдѣланное и сказалъ: „Теперь я вижу-съ, что для черноморца невозможнаго ничего нѣтъ-съ“. Когда были сдѣланы блиндажи, то у орудій мы держали половину прислуги, чѣмъ много сохранили людей. Въ исходящемъ же углу былъ прибитъ у насъ къ столбику образъ Спасителя, который такъ чудно сохранялся до моего ухода съ бастіона, т. е. до 29-го мая. Много намъ помогали въ скорости исправленія амбразуръ наши систерны, ставившіяся въ щеки амбразуръ и насыпавшіяся землею. Сверху же мы накладывали мѣшки съ землею. Систерны также врывались въ землю и служили намъ для запасовъ воды, въ которой мы имѣли большой недостатокъ, впослѣдствіи же они были раззорены бомбами, и бастіонъ рѣшительно бѣдствовалъ водою. Воду и орудія сначала возили на лошадяхъ, но впослѣдствіи, за большою убылью лошадей, нашимъ бѣднымъ матросикамъ пришлось таскать какъ орудія, такъ и воду на себѣ. Случалось бомбѣ завязнуть въ бруствѣрѣ между турами и, по разрывѣ, зажечь ихъ. Тогда, не имѣя воды затушить огонь, наши Митрохи бросались по неволѣ на бруствѣръ, и засыпали пламя землею, дѣлая изъ себя вѣрную цѣль для непріятеля. Не разъ мнѣ приходилось удивляться находчивости нашей команды, напримѣръ: платформы наши были не вѣрны, прицѣлы и мишени сбиты, а они,—сдѣлавъ себѣ приспособленія изъ деревянныхъ прицѣловъ и различныхъ марокъ, направляли всегда выстрѣлы, не смотря на всѣ неудобства и невѣрности,

довольно удачно. Далѣе: мортиры для насъ были совершенно незнакомыя орудія, но матросики наши въ самомъ скоромъ времени приспособились къ нимъ и дѣйствовали изъ нихъ лихо, безъ всякаго понятія объ основныхъ правилахъ. Разъ зашелъ ко мнѣ одинъ артиллерійскій полковникъ, желая видѣть дѣйствіе мортиръ, и удивлялся, что мы зарядъ кладемъ въ нее не по вѣсу, а просто на глазъ манерками. По сдѣланіи же нѣсколькихъ выстрѣловъ на разное разстояніе, онъ вполнѣ убѣдился, что снаровка много значитъ при подобной неправильности. Вообще нашъ глазъ такъ принаровился къ полету и направленію всякаго ядра и бомбы, что мы положительно знали, съ какой батареи и изъ какого орудія сдѣланъ выстрѣлъ. Орудія же съ отбитыми цапфами у насъ не бросались, а лежали на подошвѣ рва и въ разныхъ мѣстахъ бастіона, съ цѣлію зарядить ихъ, на случай штурма, картечью. Скоро непріятель приблизился къ намъ посредствомъ тихой сапы, взрывами трехъ галерей образовались три воронки, и онъ находился уже отъ насъ около 25 саженъ. Тогда приходилось намъ плохо заряжать орудія, такъ какъ ихъ штуцера дѣйствовали прямо въ наши амбразуры. Сначала въ амбразурахъ мы имѣли деревянные щиты, которые однако оказались весьма неудобными, потому что обломками дерева били своихъ людей. Потомъ, по совѣту адмирала Зарина, сдѣлали тросовые (веревочные), которые оказались очень удобными и оставались до конца.

У непріятеля въ воронкахъ были поставлены мортиры, и они въ деревянныхъ кадкахъ съ потдонами

бросали оттуда къ намъ гранаты, которыя мы называли букетами и которыя никогда не бывали такъ удачны, какъ наши; мы бросали свои въ желѣзныхъ корпусахъ изъ пяти пудовыхъ мортиръ, въ которыхъ помѣщалось до 50-ти гранатъ и дѣлали залпъ въ 250, падавшій прямо въ воронку. При разрывѣ гранатъ, онѣ невольно выскакивали изъ воронокъ и тогда наши штуцера стрѣляли по нимъ. Букеты наши сильно надоѣдали имъ, и они, бывало, кричатъ намъ по нашему: „шабашъ вамъ бросать ихъ!“ Иной разъ мы и миловали ихъ, но за то, когда они намъ разваливали брустверъ, и задавали много работъ, то уже мы не давали имъ пощады, и засыпали ихъ своими букетами. Непріятель велъ мины, а мы контръ-мины, и частехонько задавали имъ комуфлеты. Однажды передъ взрывами воронокъ, подползъ къ намъ ночью одинъ французскій саперъ; мы всѣ ему очень обрадовались, потому что Тотлебенъ нуждался въ нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ о минныхъ работахъ. Сначала саперъ очень испугался и не хотѣлъ ничего отвѣчать, но потомъ разговорился, не давая однако никакихъ свѣдѣній. Мы его отправили къ Тотлебену (жившему въ то время съ Васильчиковымъ), но и тамъ первоначально онъ не хотѣлъ давать никакихъ объясненій, покуда Тотлебенъ не задѣлъ самолюбіе француза, сказавъ Васильчикову по французски: „что за охота намъ возиться съ нимъ, это не сержантъ, а простой солдатъ, ничего не знающій о минныхъ работахъ“. Услыхавъ это, французъ встрепенулся и, желая выказать свое знаніе, выболталъ имъ все, что зналъ, и далъ всѣ нужныя свѣдѣнія.

Вспоминая все прошлое, невольно останавливаешься мыслью на той ужасной ночи, въ которой непріятель, приближаясь къ намъ, сдѣлалъ одинъ за другимъ три огромные взрыва своихъ галлерей, для образованія воронокъ. Послѣ перваго взрыва, я бросился прямо къ исходящему углу, но на пути застигнутъ былъ вторымъ сильнѣйшимъ взрывомъ, и на мой крикъ барабанщику бить тревогу, получилъ отвѣтъ, что онъ убитъ. (Тревогу же я велѣлъ ударить для того, что черезъ перебѣжчиковъ было намъ дано знать о намѣреніи непріятеля послѣ трехъ взрывовъ идти на приступъ). Вскорѣ послѣдовалъ третій взрывъ, бывшій сильнѣе двухъ первыхъ, и громадные глыбы земли и камней полетѣли на бастіонъ. Ночь была совершенно темная, крикъ и стонъ раненыхъ всюду раздавался и, вдругъ, къ довершенію всего, послышался крикъ: „правый фасъ обвалился и амбразуры засыпало"; слѣдовательно, нельзя было открыть пушечнаго огня; ружейный же и мортирный начались еще послѣ перваго взрыва. По осмотрѣ же моемъ обоихъ фасовъ, я убѣдился, что они не были обвалены, а что только нѣкоторыя амбразуры засыпаны землею; поэтому, приказавъ ихъ очистить, черезъ полчаса мы могли открыть пальбу изъ орудій, которая и продолжалась около 3/4 часа. Наконецъ, мы пустили нѣсколько свѣтящихъ ядеръ, осмотрѣли мѣстность кругомъ и, убѣдившись, что у непріятеля все спокойно, пробили отбой и начали исправлять поврежденія и убирать раненыхъ, для чего прислано было къ намъ немедленно до 2,000 солдатъ съ инструментами. Не-

пріятель же въ это время не зѣвалъ и, зная наши поврежденія и собранную массу людей, дѣйствовалъ въ насъ очень удачно, и съ каждымъ выстрѣломъ клалъ нѣсколько человѣкъ. (Вѣроятно, у него съ вечера были уже наведены орудія и назначены мѣлкомъ возвышенія и направленія ихъ). Къ утру же, не смотря на безпрерывныя потери, мы однако успѣли все исправить, и снова открыть огонь изо всѣхъ орудій, изъ которыхъ нѣкоторыя были замѣнены 68-ми фунтовыми бомбическими, хватавшими прямо къ нимъ въ лагерь. Но не долго пришлось намъ потѣшиться ими; въ скоромъ времени замѣтили они амбразуры ихъ, и строчили въ нихъ до тѣхъ поръ, пока совершенно не сбили.

Лихо дѣйствовалъ у меня одинъ арестантъ изъ полупудовыхъ мортиръ, но жаль, что въ одинъ изъ залповъ, по неосторожности своей, онъ нагнулся противъ дула мортиры, которая, сдѣлавъ преждевременный выстрѣлъ, разорвала его пополамъ.

Еще былъ у меня славный комендоръ орудія, бывшій, какъ я узналъ послѣ, изъ арестантовъ (вообще списковъ и канцеляріи у насъ никакихъ не было, и люди ходили въ чемъ попало, такъ что мы зачастую и не знали кто какой службы). Награды мы всѣ раздавали по своему усмотрѣнію, докладывая объ этомъ словесно начальству, и Нахимовъ, приходя на бастіонъ, приносилъ на раздачу намъ Георгіевскіе кресты, которые называлъ *гостинцемъ*. Такъ однажды пришлось мнѣ дать крестъ вышесказанному комендору, который мнѣ объявилъ, что онъ рабочаго экипажа. На другой же день, когда я проходилъ мимо его, онъ бро-

сился мнѣ въ ноги со словами: „не погубите! я васъ обманулъ, не сказавъ, что нахожусь въ арестантахъ“. Сдѣлавъ ему наставленіе, я просилъ Нахимова перевести его въ рабочій экипажъ и оставить у него крестъ, такъ какъ онъ дѣйствительно былъ достоенъ его. Нахимовъ исполнилъ мою просьбу, но, къ сожалѣнію, онъ мало пользовался своимъ правомъ. Черезъ нѣсколько времени оторвало ему обѣ руки и онъ былъ отправленъ въ Николаевъ, гдѣ въ скорости и умеръ. Передъ смертію его, когда я тоже былъ послѣ раны своей отправленъ туда же, онъ, узнавъ, что я здѣсь, пожелалъ меня видѣть. Когда я пришелъ къ нему, онъ заплакалъ и дернулъ плечами, какъ бы желая обнять меня. Признаюсь, сердце мое сжалось при видѣ такого глубокаго чувства со стороны бывшаго арестанта, вполнѣ искупившаго все свое прошлое; невольно закралась въ душу тоска, при видѣ его ужасныхъ страданій и приближающейся смерти. Вообще мы часто не знали чѣмъ вознаграждать и поощрять многихъ достойныхъ, за ихъ отважные подвиги и за то, что бывъ раненными и контуженными, до послѣдней силы не оставляли бастіона; для этого мы просили Нахимова выдавать намъ ежедневно деньги для раздачи достойнымъ, что служило имъ поощреніемъ, такъ какъ Георгіевскіе кресты нельзя было всѣмъ раздавать. Для своего развлеченія наши матросики однажды придумали пускать на непріятельскую сторону змѣй съ изображеніемъ на немъ въ карикатурномъ видѣ француза и турка, и онъ красовался впродолженіе дня надъ ихъ траншеями до тѣхъ поръ, пока ихъ штуцерники не перебили нити, и змѣй упалъ

между ихъ траншеями и нашимъ бастіономъ. Тогда ночью отправились съ обѣихъ сторонъ на фуражировку, и нашимъ молодцамъ удалось утащить змѣй; на слѣдующій день онъ снова леталъ—пока окончательно его не сбило вѣтромъ и унесло за траншеи.

Первое время приносилъ мнѣ мой обѣдъ деньщикъ съ квартиры, но такъ какъ на пути ему часто случалось разливать супъ отъ разрыва какой-нибудь мимо летѣвшей бомбы, то мы и устроили у себя маленькій блиндажъ для кухни, которая держалась довольно долго,—пока бомба до тла не разорила ее.

Разъ матросики наши сдѣлали намъ сюрпризъ, украсивъ входъ въ блиндажъ нашъ плющемъ и различными цвѣтами, доставъ ихъ въ городѣ изъ ближайшихъ домовъ, такъ что Тотлебенъ и Нахимовъ, приходя къ намъ, любовались подобными забавами. Все это доказываетъ насколько былъ покоенъ духъ Русскаго солдата и этому, надо отдать справедливость, способствовали много спокойныя посѣщенія нашего начальства.

Въ началѣ кампаніи армейскіе офицеры удивлялись тому, что наши матросики, не снимая шапки, такъ свободно говорятъ съ нами, и что вообще у насъ слаба дисциплина. Но на самомъ дѣлѣ они впослѣдствіи убѣдились въ противномъ, видя какъ моментально, по первому приказанію, тѣже матросы бросались исполнять самыя опасныя работы; солдаты ихъ, поступившіе къ орудіямъ, дѣлались совершенно другими людьми, видя отважныя выходки матросовъ.

Нахимовъ, приходя первое время къ намъ на бас-

тіонъ, подсмѣивался надъ тѣмъ, кто при пролетѣ штуцерной пули невольно присѣдалъ,—говоря: „что вы мнѣ кланяетесь?“ И дѣйствительно, подобная предосторожность излишня, такъ какъ при свистѣ пули, она значитъ уже пролетѣла. Когда получилъ капитанъ лейтенантъ Ивашкинъ Георгіевскій крестъ (онъ находился на 5 бастіонѣ) — то пришелъ просить адмирала Новосильскаго и всѣхъ насъ къ себѣ на пирогъ. Но выходя изъ Адмиральскаго блиндажа, отъ штуцерной пули палъ онъ мертвымъ около траншеи, и мы уже не на радость, а за упокой товарища доѣли пирогъ.

Также былъ у насъ на бастіонѣ саперный капитанъ Тонагель, рѣдкій по душѣ человѣкъ и славный служака; онъ постоянно для высматриванія непріятельскихъ работъ вылѣзалъ на насыпи блиндажей и пороховыхъ погребовъ, и забывая мой совѣтъ смотрѣть лучше у сигнальщиковъ между мѣшками, въ одинъ роковой день палъ жертвою своей неосторожности. Вообще приходилось быть частымъ свидѣтелемъ многихъ различныхъ смертей и страданій. Прощаніе уносимыхъ съ бастіона было всегда чрезвычайно трогательно и многіе комендоры, разставаясь съ орудіемъ, просили сдать свою обязанность именно такому-то. На лѣвомъ фасѣ 4-го бастіона находилась батарея лейтенанта Львова, и когда ему оторвало обѣ ноги, то онъ, прощаясь со мною и предчувствуя свою скорую смерть, просилъ одной награды: дать двоимъ комендорамъ его батареи Георгіевскіе кресты, что и было мною исполнено. Этотъ поступокъ вполнѣ доказываетъ любовь и заботливость къ матросамъ. Иной разъ приходили къ

намъ любопытные на бастіонъ, но не всѣмъ обходилось это удовольствіе даромъ. Разъ пришелъ ко мнѣ *К. Л. Волоцкой*, который, дойдя до исходящаго угла благополучно, на возвратномъ пути застигнутъ былъ ядромъ—прямо въ ногу и, послѣ операціи, въ скорости умеръ. Также однажды пришелъ къ намъ мужичекъ, пріѣхавшій изъ Москвы, и просилъ показать ему бастіонъ нашъ, объ которомъ, какъ онъ говорилъ, такъ много пишутъ. Я со страхомъ за него обвелъ его кругомъ всего бастіона, показалъ ему непріятельскія батареи и траншеи и дѣйствіе своихъ орудій и букетовъ. Отъ всего видѣннаго онъ былъ въ восторгѣ, а главное его радовало то, что удалось ему побывать на 4-мъ бастіонѣ и видѣть образъ Спасителя, такъ чудно сохранившійся въ исходящемъ углу. Наконецъ онъ благополучно достигъ сѣверной стороны и я въ душѣ порадовался, спровадивъ его благополучно.

Еще особенно жутко было у насъ на люнетѣ *Костомарова*, находившимся впереди исходящаго угла и дѣйствовавшемъ только до полудня, потому что къ этому времени у него постоянно подбивали орудія, разоряли брустверъ, и команду до слѣдующаго дня должны были снимать съ люнета до вторичнаго возобновленія его. Впослѣдствіи же онъ былъ совершенно уничтоженъ.

Батарейные командиры вообще слѣдили на какой бастіонъ непріятель сильнѣе дѣйствуетъ и сейчасъ выручали его, обращая свои орудія на ту (выходившую) батарею. Спасибо Язонской батареѣ, (которой командовалъ К. Л. Шахматовъ), находившейся у

насъ въ тылу и дѣйствовавшей лихо черезъ нашъ бастіонъ.

Пріятно вспомнить тѣ дни, въ которые приходилось намъ удачно заставить замолчать непріятельскія батареи, и видѣть нѣсколько взрывовъ пороховыхъ ихъ погребовъ. Въ одинъ изъ такихъ дней былъ я награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 степени.

Когда топили вторую линію кораблей, я получилъ приказъ отъ Нахимова слѣдующаго содержанія: „Оставить на двое сутокъ мой бастіонъ и принять въ командованіе корабль „*Ростиславъ*“, выгрузить его и затопить на назначенномъ мѣстѣ. Работа эта должна быть сдѣлана тайно и быстро“. Немедленно отправился я къ моему назначенію, приготовилъ корабль и на другой день пробуксировалъ его (шлюпками) къ мѣсту. Такъ какъ мнѣ пришлось теперь уже во второй разъ топить корабль, то я поступилъ съ нимъ уже смѣлѣе. Съ мѣста прорубилъ отверстія, открылъ подводные краны и, управившись съ швартовыми, подрубилъ мачты и талгреба и тѣмъ моментально погрузилъ его въ воду.

Въ первый разъ при перемиріи французы насъ поддѣли, а именно: лишь только поднятъ былъ бѣлый флагъ, мы и они выступили на средину между траншеями и бастіономъ, и завели между собою дружескій разговоръ, никакъ не ожидая, что ихъ штуцерники стоятъ уже на готовѣ и, не дождавшись совершеннаго спуска флага, воспользовались нѣкоторыми запоздалыми и начали стрѣлять по нимъ. За то и мы въ слѣдующее перемиріе отплатили имъ тѣмъ же, а сами были осторожнѣе.

Непріятельскому гарнизону было несравненно легче нашего, потому что онъ каждыя сутки смѣнялся свѣжими войсками; но во время смѣны, при выходѣ ихъ изъ траншей, мы стрѣляли въ ихъ колонны.

Не разъ приходилось мнѣ быть на перевязочномъ пунктѣ (бывшемъ въ домѣ Благороднаго Собранія) и быть свидѣтелемъ многихъ ужасныхъ операцій. Трудно себѣ представить терпѣніе и спокойствіе, съ которымъ многіе переносили свое страданіе. Разъ отнимали руку у одного матроса, и онъ просилъ доктора по акуратнѣе зашить кожу, чтобы не было складокъ.

Мнѣ не случалось быть на прочихъ бастіонахъ, за неимѣніемъ времени, тѣмъ болѣе, что въ началѣ я даже былъ безъ помощниковъ, но впослѣдствіи, когда мнѣ назначили въ помощь двухъ моихъ товарищей капитанъ-лейтенантовъ Серычева и Чебушова, и мы стали чередоваться посуточно, то намъ было гораздо свободнѣе и я могъ на нѣкоторое время изрѣдка отлучаться. Тяжко было впродолженіи восьми мѣсяцевъ не раздѣваться, ни одной ночи не спать, какъ слѣдуетъ, и большею частію, сидя у орудія, дремать.

Разъ, проходя мимо памятника Казарскаго, гдѣ по вечерамъ играла музыка, меня насмѣшили наши дамы, гулявшія на бульварѣ и убѣгавшія съ ужаснымъ крикомъ отъ Конгревовыхъ ракетъ, пускаемыхъ англичанами. Но не смотря на весь страхъ, онѣ не покидали родного своего Севастополя и продолжали собираться у любимаго своего мѣста до послѣдней возможности. Вообще же хожденіе въ городъ было для меня всегда непріятно, потому что неожиданно пролетаю-

щія бомбы и ядра какъ-то въ тиши непріятно дѣйствовали на меня, и я невольно вспоминалъ свой бастіонъ, гдѣ мнѣ былъ привыченъ каждый выстрѣлъ.

Вообще надо сказать, что мы всѣ каждую минуту считали себя въ расходѣ и не загадывали о будущемъ. Прежде всѣхъ изъ насъ троихъ ранило тяжело въ руку Серычева, и онъ долженъ былъ оставить бастіонъ. Потомъ очередь дошла до меня: осколокъ бомбы попалъ мнѣ прямо въ челюсть и перебилъ ее; такъ какъ я стоялъ на банкетѣ, осматривая непріятельскія работы, то отъ сильнаго удара упалъ затылкомъ на мишень орудія и пробилъ себѣ сильно голову. Спасибо адмиралу Нахимову, который ежедневно навѣщалъ меня и вообще много показывалъ мнѣ своего расположенія. Также мнѣ было очень пріятно видѣть своихъ комендоровъ (оставшихся въ живыхъ изъ 600 человѣкъ только пять), которые пришли навѣстить меня. Чебушевъ былъ счастливѣе насъ всѣхъ. Ему удалось пробыть до конца, взорвать бастіонъ и распроститься съ Севастополемъ.

Наконецъ, послѣ операціи отправили меня въ Николаевъ. Адмиралъ Нахимовъ снабдилъ меня на дорогу деньгами, а достойный смотритель нашего госпиталя И. П. Комаровскій, при отправленіи нашемъ, заботился о каждомъ изъ насъ, какъ отецъ, снабжая по своей части всѣмъ необходимымъ.

Могу смѣло сказать, что на 4 бастіонѣ всѣ исполнили свой долгъ, какъ слѣдуетъ. Это вѣрно подтвердятъ очевидцы нашей службы адмиралы Новосильскій, Тотлебенъ и Васильчиковъ.

Я не выставлялъ въ своихъ запискахъ ни мѣсяцевъ, ни чиселъ, а также многихъ фамилій офицеровъ и нижнихъ чиновъ, — изъ опасенія ошибиться.

Капитанъ 1-го ранга Реймерсъ.

ВОСПОМИНАНІЯ
Инженеръ-Полковника
Ѳульмеринга.

Въ чинѣ полеваго инженеръ-подпоручика, въ 1855 году, на долю мою выпала честь быть назначеннымъ изъ старшаго офицерскаго класса Главнаго инженернаго училища въ осажденный въ то время Севастополь. По прибытіи туда, я въ тотъ же день полковникомъ флигель-адъютантомъ (нынѣ генералъ-адъютантомъ) Э. И. Тотлебеномъ назначенъ былъ на 4-й бастіонъ. Это было въ первыхъ числахъ апрѣля, во время втораго усиленнаго бомбардированія. Значительная доля этого погрома выпала на 4-й бастіонъ. По этому первый починъ моей дѣйствительной службы—былъ истинно боевой и кровавый.

Скоро я свыкся съ грозною, чуждою мнѣ, обстановкою: старые защитники 4-го бастіона: энергичный и боевой

штабсъ-капитанъ (нынѣ полковникъ) Дельсаль, командиры батарей, офицеры Черноморскаго флота, каковы Реймерсъ, Костомаровъ и многіе другіе—невольно восторгали меня пренебреженіемъ къ опасности жизни, распорядительностію и хладнокровіемъ. Постоянно же поощряемъ я былъ нашимъ инженеромъ-руководителемъ, историческимъ Тотлебеномъ.

Завѣдуя съ первой же ночи работами по лѣвому флангу бастіона (на Грибкѣ), затѣмъ по самому 4-му бастіону, я, по приказанію полковника Тотлебена, построилъ въ половинѣ мая, между правымъ флангомъ бастіона и Язоновскимъ редутомъ, 4-хъ орудейную углубленную батарею для дѣйствія по французскимъ подступамъ, быстро тогда подвигавшимся противу редута Шварца. Батарея эта съ платформами, пороховымъ погребомъ и блиндажемъ для прислуги окончена была мною въ три ночи, и въ третью же ночь поставлены орудія, а къ разсвѣту была батарея демаскирована и открыла огонь. Скорость постройки доставила мнѣ великую честь, ибо батарея названа батареею „Бульмеринга“.

26-го мая былъ штурмъ на редуты Камчатскій, Селенгинскій и Волынскій, которые остались тогда за непріятелемъ. Не могу не упомянуть, что смѣлое заложеніе и возведеніе этихъ передовыхъ укрѣпленій во время осады составляютъ одну изъ безсмертныхъ заслугъ генерала Тотлебена,—ибо тѣмъ самымъ онъ удержалъ непріятеля на значительномъ отдаленіи отъ лѣваго фланга нашей оборонительной линіи, и продлилъ время обороны. Русское военное сословіе съ гордостію мо-

жетъ указать на эту самостоятельность севастопольскаго гарнизона. Ничего похожаго даже не было сдѣлано ни однимъ изъ гарнизоновъ французскихъ осажденныхъ крѣпостей въ франко-прусской недавней войнѣ! Поразительно, что только въ концѣ мая 1855 года, т. е. на девятомъ мѣсяцѣ осады Севастополя, тройственный противъ Россіи союзъ понялъ, что ключъ позиціи не Южная сторона, а Малаховъ курганъ на Корабельной. До того же времени усилія непріятелей обнаруживались противъ праваго фланга оборонительной линіи и ближе всего подступы подведены были къ 4-му бастіону,—минная же система, направленная на этотъ бастіонъ, — явно указывала на идею завладѣнія 4-мъ бастіономъ.

Къ вечеру 26-го мая непріятель по всей линіи поднялъ учащенный огонь, продолжавшійся всю ночь и до утра. Эту ночь я находился на передовой линіи 4-го бастіона. Исправленіе разрушенныхъ мерлоновъ и заваленныхъ амбразуръ затруднялось дѣйствіемъ непріятельскихъ разрывныхъ снарядовъ, систематически разрушавшихъ только что выполненныя и безъ того не легкія работы. Крайними усиліями и многочисленными жертвами однако удалось возстановить главный валъ 4-го бастіона. Въ эту ночь я сильно утомился. По спускѣ рабочихъ войскъ передъ разсвѣтомъ, осматривая еще разъ все сдѣланное за ночь,—я былъ сильно контуженъ осколкомъ бомбы въ грудь и при этомъ ударѣ сброшенъ безъ чувствъ съ траверза внизъ. Я очнулся лишь въ 5-мъ часу вечера, упавши съ носилокъ въ то самое время, когда одинъ изъ четырехъ несшихъ меня

матросовъ, смертельно раненный, выпустилъ шестъ. Слабо припоминаю, что поздно ночью на перевязочномъ пунктѣ „благороднаго Собранія“ ставили мнѣ рожки и что было много тяжело-раненыхъ. Въ послѣдствіи я узналъ, что за множествомъ раненыхъ и убитыхъ, подбирали на нашемъ бастіонѣ сперва раненыхъ, а потомъ убитыхъ, и что меня сперва сочли убитымъ.

Грудная боль, кровохарканіе и обморочное состояніе побудили медиковъ отправить меня въ госпиталь на Сѣверную сторону. Оттуда черезъ два дня, я отправленъ былъ на подводѣ, въ числѣ прочихъ раненыхъ офицеровъ, въ одинъ изъ симферопольскихъ госпиталей. Въ 3 недѣли я получилъ нѣкоторое облегченіе, и хотя чувствовалъ себя далеко еще не окрѣпнувшимъ и здоровымъ, — однако упросилъ медиковъ выписать меня изъ госпиталя. Тутъ желаніе участвовать въ оборонѣ взяло верхъ надъ физическою слабостію. По выпискѣ, я на другой день уѣхалъ въ Севастополь. Неполное излеченіе оставило пожизненный отпечатокъ на моемъ здоровьи.

Я назначенъ былъ на 2-й бастіонъ, а черезъ нѣсколько недѣль, въ началѣ августа, на достройку возвышенной батареи (Геннериха) во второй линіи 2-го бастіона. Строившіе эту батарею два офицера убиты одинъ послѣ другого; а третій строитель Денъ (поручикъ Л.-Гв. Сапернаго баталіона) при мнѣ сильно раненъ тамъ же. Батарею эту я достроилъ благополучно, хотя и не мало было жертвъ изъ молодыхъ солдатъ-молодцовъ 2-го корпуса, недавно прибывшаго въ Крымъ. На этой же батареѣ я находился до конца обороны.

Приложенная къ этому краткому описанію участія моего въ оборонѣ Севастополя, зрительная труба, находилась при мнѣ постоянно, въ продолженіе апрѣля и мая мѣсяцевъ, на 4-мъ бастіонѣ, для наблюденія за ходомъ непріятельскихъ осадныхъ работъ.

Но не этимъ она достойна вниманія,—а тѣмъ, что часто бывала въ рукахъ нашего героя-адмирала П. С. Нахимова, расположеніемъ котораго я пользовался. Начало моего знакомства съ этою замѣчательною личностію было слѣдующее. Вскорѣ по прибытіи на 4-й бастіонъ, послѣ одной изъ утомительныхъ рабочихъ ночей, я былъ разбуженъ и узналъ, что требуетъ меня „адмиралъ". Выбѣжавши изъ блиндажа по траншеямъ бастіона, я увидѣлъ неизвѣстнаго мнѣ адмирала, который, спросивъ меня, знаю-ли я дорогу на редутъ Шварца, просилъ провести его туда кратчайшимъ путемъ. Я направился на правый флангъ бастіона, а адмиралъ съ незначительной свитой шелъ за мною. Затѣмъ я не пошелъ по наружной оградѣ, тянувшейся къ редуту Шварца,—а повернулъ за линію батарей, такъ какъ упомянутая стѣнка была ниже грудной высоты, и я счелъ неумѣстнымъ провести адмирала со свитой его, подъ выстрѣлами французскихъ стрѣлковъ, неотступно сторожившихъ тутъ каждую появлявшуюся голову. Адмиралъ громкимъ голосомъ остановилъ меня: „Куда вы меня ведете-съ?" Я замѣтилъ, что по стѣнкѣ прійдется идти совершенно открыто, между тѣмъ какъ за батареями безопаснѣе.— „Васъ извиняетъ, молодой человѣкъ, только то-съ, что не знаете, кого вы ведете-съ. Я Нахимовъ-съ, и по

трущобамъ не хожу-съ". Слова эти были сказаны рѣзко. Онъ добавилъ: „Извольте идти по стѣнкѣ-съ!" Мы прошли по стѣнкѣ, гдѣ одинъ изъ боцмановъ, шедшихъ за адмираломъ, убитъ былъ на мѣстѣ штуцерною пулею. Французскія пули провожали насъ учащеннымъ огнемъ до самаго редута. На редутѣ адмиралъ попросилъ у меня трубу, и долго разсматривалъ положеніе непріятельскихъ подступовъ, спрашивая изрѣдка мое мнѣніе. Затѣмъ, обратившись ко мнѣ, ласково подалъ мнѣ руку, спросилъ мою фамилію и сказалъ: „Теперь знакомы-съ мы съ вами—ужъ больше ссориться не будемъ-съ".

Послѣ того, я встрѣчалъ почти ежедневно знаменитаго адмирала на 4-мъ бастіонѣ, и всегда по утрамъ, нерѣдко преодолѣвая утомленіе послѣ рабочихъ ночей. Каждый разъ Павелъ Степановичъ бралъ у меня трубу, и внимательно разсматривалъ новыя непріятельскія работы, интересуясь каждымъ моимъ замѣчаніемъ по ходу этихъ работъ, и обворожая меня простою рѣчью и мѣткими замѣчаніями. Въ каждой фразѣ Нахимова обнаруживалось пониманіе всѣхъ послѣдствій непріятельскихъ работъ, и стремленіе къ изученію способовъ противудѣйствія непріятелю... его слова дышали сердечнымъ желаніемъ отстоять родной ему Севастополь.

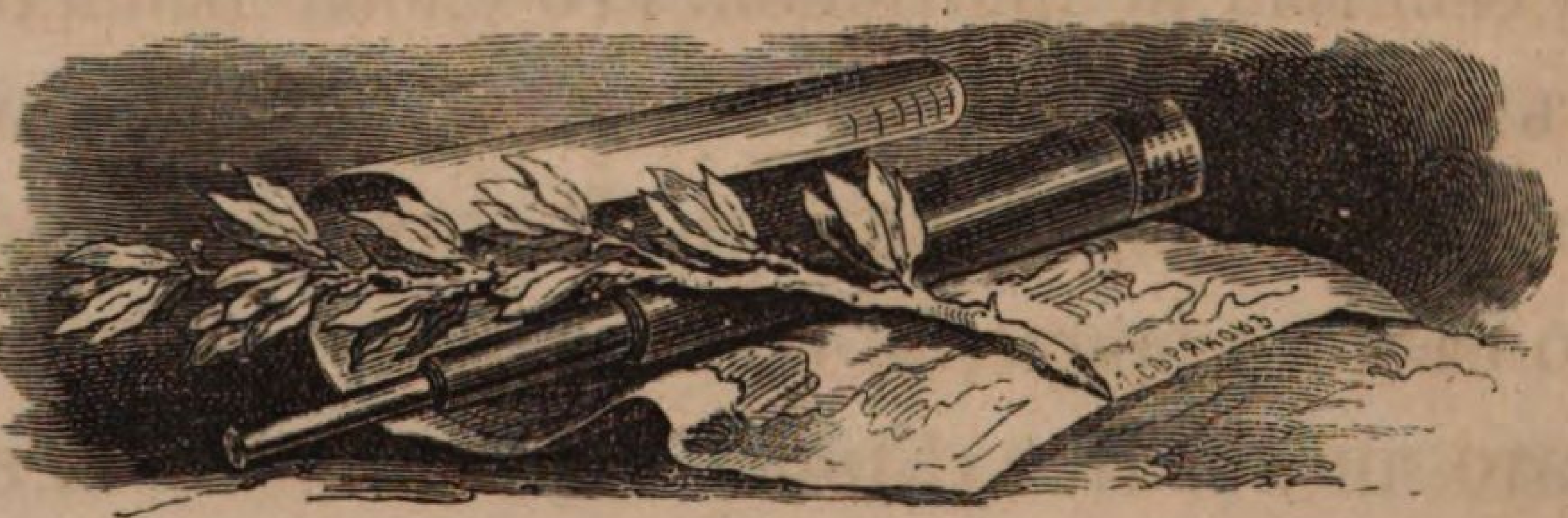
Послѣдній разъ я видѣлъ Нахимова 25-го мая. Прошло съ того времени почти 16 лѣтъ; но твердо я помню это число. Послѣднія слова его ко мнѣ, сопровожденныя искреннимъ пожатіемъ моей руки, были: „Отстоимъ или помремъ съ честію, любезнѣйшій-съ". Какъ извѣстно, на другой день, Нахимовъ принималъ

дѣятельное участіе въ выбитіи французовъ изъ Камчатскаго редута, при чемъ едва не попалъ въ плѣнъ. 27-го мая, я былъ контуженъ и во время моего нахожденія въ госпиталѣ — Нахимова уже не стало. Вѣсть о его смерти меня истинно поразила. Я не зналъ болѣе благороднаго, боевого труженика. Но Нахимовъ не умеръ... Съ гордостію имя его будетъ произноситься и въ будущихъ поколѣніяхъ Русской арміи, обожавшаго его Черноморскаго флота, и всего великаго Русскаго народа!

При отступленіи на Сѣверную сторону, я не заботился о моемъ незначительномъ имуществѣ,—но трубу, какъ вещественную память о покойномъ Нахимовѣ — я не выпустилъ изъ рукъ. Почту себя счастливымъ, если труба эта принята будетъ въ Севастопольскій музей, какъ память о нашемъ отечественномъ героѣ.

Военный Инженеръ, Полковникъ Бульмерингъ

10 Апрѣля 1871 года
г. Тифлисъ

ВОСПОМИНАНІЯ

об участіи при защитѣ г. Севастополя

бывшаго въ то время полковымъ адъютантомъ Владимірскаго пѣхотнаго полка поручика,

НЫНѢ ОТСТАВНОГО МАІОРА

Наума Александровича Горбунова.

ВОСПОМИНАНІЯ

объ участіи при защитѣ г. Севастополя

бывшаго въ то время полковымъ адъютантомъ Владимірскаго пѣхотнаго полка поручика,

НЫНѢ ОТСТАВНОГО МАІОРА

Наума Александровича Горбунова.

Владимірскій пѣхотный полкъ, прибывъ форсированнымъ маршемъ изъ Молдавіи въ Крымъ 17-го августа 1854 года, былъ расположенъ сначала въ татарской деревнѣ Бурлюкъ, на берегу рѣки Альмы, недалекѣ отъ впаденія ея въ море, и за нѣсколько времени до 8-го сентября, стоялъ лагеремъ на возвышенностяхъ, на противуположномъ берегу этой рѣки. Со времени высадки непріятеля въ Колтоуганѣ (деревушка на берегу моря къ сѣверу отъ Альмы, на разстояніи около 15-ти верстъ), полкъ съ 5-го сентября бивуакировалъ, уложивъ въ фуры свои палатки.

Сраженіе 8-го сентября, начавшееся въ полдень, не смотря на чрезмѣрное неравенство силъ, качество

оружія, будучи въ тоже время первымъ сраженіемъ для войскъ, никогда еще не участвовавшихъ въ дѣлахъ, буквально не знавшихъ запаха пороху, длилось, не смотря на все это, до наступленія темноты.

Объ Альмскомъ сраженіи очень мало имѣется свѣдѣній, но оно заслуживаетъ вниманія какъ потому, что выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ сраженій, такъ и потому, что имѣло свое стратегическое (случайное) вліяніе на дальнѣйшія дѣйствія непріятелей и, по моему мнѣнію, показало союзнымъ непріятельскимъ войскамъ, съ какимъ именно народомъ имъ пришлось имѣть дѣло.

Характеристическія особенности Альмскаго сраженія таковы, что въ настоящее только время онѣ могутъ служить оцѣнкой всѣхъ тѣхъ невыгодъ въ положеніи сражающихся, которыя выпали на нашу долю.

1-й баталіонъ Владимірскаго полка, коего я былъ въ то время баталіоннымъ адъютантомъ, находясь подъ прикрытіемъ батареи, расположенной на возвышенности праваго фланга нашей линіи, не безъ удивленія разсматривалъ долетавшіе къ намъ наперстки (какъ мы ихъ называли)—пули Минье.

Съ нашей батареи еще не открывался артиллерійскій огонь, а потому мы слѣзали съ лошадей и разсматривали съ любопытствомъ диковинныя въ это время вещи,—при чемъ даже артиллеристы (не въ укоръ имъ будь сказано) не умѣли назвать этихъ вещей, предполагая, что это пули, упавшія съ выгорѣвшимъ внутри ихъ воспламенительнымъ составомъ, предназначенныя для бросанія въ патронные артиллерійскіе ящики, но ни-

какъ не въ насъ. Ожидавши схватиться съ приближавшимся непріятелемъ, съ такимъ, свойственнымъ каждому русскому, удальствомъ, мы имѣли самое смутное, дѣтское понятіе объ обязанностяхъ воина, и, какъ дѣти, чистосердечно, смотрѣли прямо смерти въ глаза. Но чрезъ нѣсколько мгновеній мы узнали на опытѣ значеніе, цѣль и дѣйствіе этихъ наперстковъ.

Баталіоны Владимірскаго полка, спущенные съ возвышенностей въ лощину, долго стояли въ боевомъ порядкѣ въ бездѣйствіи подъ убійственнымъ учащеннымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнями, что на первыхъ порахъ причинило ужасный вредъ, ибо почти всѣ начальники, бывшіе верхомъ, или убиты, или ранены, а впослѣдствіи взяты въ плѣнъ.

Во время долгаго стоянія нашихъ войскъ въ боевомъ порядкѣ, замѣтно было, что порядокъ колоннъ къ аттакѣ извѣстенъ непріятелю, ибо обстрѣливались преимущественно фланги баталіоновъ, чрезъ что, не сдѣлавъ даже выстрѣла, мы лишились многихъ офицеровъ, по большей части ротныхъ командировъ полка. Учащенное кровообращеніе, ужасъ отъ окружавшихъ насъ безпрерывныхъ жертвъ, выхватываемыхъ изъ густыхъ колоннъ массами людей, наконецъ, въ весьма близкомъ разстояніи подступающій непріятель, такъ насъ наэлектризировало, что едва раздалась команда „на руку", какъ баталіоны, точно на парадѣ, начали наступленіе.

Войска бывшаго 6-го корпуса были настоящими войсками парадными, отличались выправкой, выборомъ людей, молодцоватостью и тонкимъ знаніемъ

всѣхъ эволюцій и мелочей устава. Грозная аттака нашихъ баталіоновъ, эта стальная движущаяся масса храбрецовъ, чрезъ нѣсколько шаговъ воображавшая исполнить свое назначеніе—всадить штыкъ по самое дуло ружья—каждый разъ была нежданно встрѣчаема убійственнымъ батальнымъ огнемъ. Эти pas gymnastiques выполнялись французами отчетливо, быстро и съ успѣхомъ. Схватиться съ непріятелемъ нашимъ солдатикамъ не удавалось. Неудача повторявшихся нѣсколько разъ наступленій привела насъ въ состояніе остервененія: солдаты массами, безъ команды, бросались впередъ и безъ толку лишь гибли, бѣдные.

Въ это время подъ ногами моей лошади разорвало гранату. Сброшенный раненой лошадью на землю, я увидалъ падающаго съ коня сраженнаго въ грудь (въ самый Георгіевскій крестъ) командира полка, полковника Ковалева. Я вынесъ его на собственныхъ плечахъ, заткнулъ рану фуляровымъ его платкомъ, и передалъ его солдатамъ, чтобы отнесли на перевязочный пунктъ.

Въ это время появился между нами какой-то неизвѣстный старый генералъ пѣшкомъ, на коемъ длинная шинель во многихъ мѣстахъ была прострѣлена, началъ онъ приводить кучи солдатъ въ порядокъ, и водить ихъ лично въ аттаку. Это былъ, какъ оказалось потомъ, генералъ отъ инфантеріи князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ, впослѣдствіи за этотъ подвигъ, сдѣланный шефомъ Владимірскаго полка.

Если не ошибаюсь, Владимірскій полкъ одинъ только имѣетъ на знаменахъ надпись объ Альмскомъ

сраженіи. Кстати о знаменахъ: генералъ князь Горчаковъ, указывая и направляя кучки бравыхъ Владимірцевъ, довелъ ихъ до желанной цѣли — завязалась рукопашная схватка. Причиной послужило желаніе непріятеля захватить жалонерные наши значки, коимъ они придавали можетъ быть другое значеніе. Знамена же наши были въ чехлахъ и чрезъ это не бросались такъ въ глаза, какъ красные жалонерные знаки.

Въ завязавшейся рукопашной схваткѣ, особенно отличился сильный, рослый молодецъ, капральный унтеръ-офицеръ 1-го капральства, 1-й гренадерской роты Бастрыкинъ, уроженецъ, кажется, ярославской губерніи. Окруженный со всѣхъ сторонъ, Бастрыкинъ, на моихъ глазахъ, держа ружье за стволъ, при каждомъ взмахѣ прикладомъ по головамъ, защищался и расчищалъ себѣ путь, и при одномъ изъ сильныхъ взмаховъ обрызгалъ меня съ ногъ до головы непріятельскими мозгами. Съ этимъ почтеннымъ, храбрымъ капральнымъ мы встрѣтимся впослѣдствіи.

Въ это время мимо меня несли раненаго нашего начальника 16-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанта Квицынскаго. Подозвавъ меня къ себѣ, генералъ приказалъ мнѣ передать, чтобы войска, стоявшія во 2-й линіи, немедленно наступали и поддержали молодцовъ Владимірцевъ; но не успѣлъ еще генералъ окончить этихъ словъ, какъ новая пуля поразила его въ ту же раненую ногу.

Исполнивъ порученіе, я возвратился къ остаткамъ полка, которые большею частію не раненые, а изуродованные, отступали уже въ безпорядкѣ и съ поспѣш-

ностію. Едва поднялись остатки храбраго, но несчастнаго полка на высоты, какъ насъ обдало въ тылъ градомъ пуль. Оставляя на пути умирающихъ тяжело раненыхъ, едва тащившихся солдатъ, мы услышали барабанный бой. Это былъ сигналъ у непріятеля, занявшаго нашу позицію и ударившаго отбой; мы же сочли это за преслѣдованіе и съ большей поспѣшностію, бросая на пути ранцы, аммуницію и даже оружіе, спѣшили удалиться отъ мнимаго преслѣдованія. Вечерѣло уже, а мы двигались все впередъ и впередъ, безъ дороги, не зная ни пути, ни цѣли нашего движенія: шли на удачу по слѣдамъ попадавшихся по дорогѣ труповъ, обломковъ оружія и аммуниціи, и на утро достигли Севастополя. Ночью на пути мы набрели въ темнотѣ на кучу людей: заговоривъ съ ними, мы узнали, что это были молодцы нашего же полка. Считая меня убитымъ, такъ какъ верховая лошадь моя, какъ они видѣли, мчалась безъ сѣдока, добрые солдатики очень мнѣ обрадовались, увидѣвъ невредимымъ. Въ этой кучкѣ находились знамена 4-хъ баталіоновъ, изъ которыхъ у двухъ древки были значительно отколоты и разбиты во время Альмскаго сраженія, а во время дальнѣйшаго ночнаго странствованія, одинъ только изъ оставшихся живымъ, знаменщикъ обстоятельно разсказывалъ какимъ порядкомъ и какими снарядами древкамъ нанесены были поврежденія. Въ нашей кучкѣ находился также одинъ только уцѣлѣвшій изъ баталіонныхъ командировъ, 4-го баталіона командиръ подполковникъ (въ то время) Мелентьевъ, который разсказывалъ другое: будто бы знамена нашего полка

были у непріятеля и что благодаря только его мужеству, обязанъ полкъ тѣмъ, что знамена отбиты, и нѣсколько разъ лично имъ вырваны изъ рукъ непріятеля. Знаменщикъ не только не подтвердилъ на мои вопросы этого событія, но напротивъ, съ негодованіемъ отвергалъ таковое, божился, что этого не было и добавилъ, что онъ старый кавказскій солдатъ, что онъ не смѣетъ солгать, и „что за надобность скрывать", прибавилъ онъ, „если бы въ этомъ была хотя и доля правды". Знаменщикъ говорилъ еще, что дѣйствительно непріятель былъ очень близко къ знаменамъ, но что онъ выхватывалъ изъ ружей жалонерные значки и уносилъ ихъ; но знамена въ рукахъ непріятельскихъ не были, а потому и не могли быть возвращаемы, или выручаемы.

Владимірскій полкъ потерпѣлъ такую значительную убыль въ Альмскомъ сраженіи, что пришлось считать только тѣхъ, кто былъ на лицо и время отъ времени присоединялся къ намъ, такъ напр.: поручикъ Винтеръ на 3-й день откуда-то прибылъ съ 15-ю человѣками изъ всей своей роты; Владимірцевъ оказалось очень мало, а именно: 1 штабъ-офицеръ, 6—7 оберъ-офицеровъ, въ числѣ коихъ и я, и не болѣе 500—600 нижнихъ чиновъ, въ числѣ коихъ всего два фельдфебеля. Убыло же: начальникъ дивизіи, тяжело раненый, 2 бригадныхъ генерала Щелкановъ и Логиновъ, взятые въ плѣнъ, полковой командиръ тяжело раненый, а также убиты, ранены или взяты въ плѣнъ: 3 штабъ-офицера и 53 оберъ-офицера, и слишкомъ 2,500 нижнихъ чиновъ.

Нашему маленькому остатку офицеровъ полка, 9-го

сентября, въ день прибытія нашего въ Севастополь, было любезно предложено отобѣдать на адмиральскомъ кораблѣ Великій Князь Константинъ, гдѣ насъ окружили самымъ изысканнымъ вниманіемъ, участіемъ и радушіемъ. Къ морякамъ дошла уже вѣсть, что Владимірцы храбро дрались, много понесли потерь, и къ остаткамъ полка они такъ радушно отнеслись, желая можетъ быть отъ очевидцевъ узнать интересовавшія ихъ подробности, и самый ходъ дѣла.

Какъ молодежь, исключая подполковника Мелентьева, мы большею частію наивно отвѣчали на всѣ вопросы, а сами мало что разсказывали и краснѣли до ушей, когда подполковникъ Мелентьевъ завелъ рѣчь о спасенныхъ и выручённыхъ будто бы имъ отъ непріятеля знаменахъ, и другихъ небывалыхъ подвигахъ.

Субординація ли, или этикетъ въ новомъ для насъ обществѣ морскихъ офицеровъ, превосходство коихъ мы инстинктивно чувствовали надъ собой, поставили насъ въ то фальшивое положеніе, что ни одинъ изъ насъ не нашелся даже возражать на небылицы; но вмѣстѣ съ тѣмъ, наше молчаніе доказывало пренебреженіе краснорѣчивѣе, можетъ быть, возраженій. Объ обстоятельствѣ этомъ я упоминаю собственно потому, что оно имѣло впослѣдствіи для полка невыгодное значеніе. Между тѣмъ, жители Севастополя передавали намъ распространившійся между ними слухъ, будто войска бѣжали съ поля сраженія и указывали, какъ на доказательство, на разстроенное состояніе одежды, оружія и аммуниціи на возвратившихся солдатахъ. Какая-то преклонныхъ лѣтъ женщина, вѣря молвѣ этой

старалась опровергнуть мои объясненія, указывая на то, что я хожу съ непокрытой головой, при чемъ предлагала мнѣ въ насмѣшку свой чепецъ. Дѣйствительно, во время сраженія, мою каску сбило чѣмъ-то съ головы, я потерялъ ее, и прибылъ въ Севастополь и ходилъ тамъ нѣкоторое время съ непокрытой головой.

Въ самомъ же Севастополѣ происходила непомѣрная суета, жители ожидали, что имъ раздадутъ оружіе; стоявшіе въ бухтѣ корабли и другіе суда находились въ неопредѣленномъ еще состояніи, такъ мало положеніе дѣлъ еще выяснилось. Составлялись самыя несбыточныя предположенія, говорилось много и чувствовалось что-то особенное.

11-го или 12-го сентября, къ вечеру собрали остатки нашего полка на Куликовомъ полѣ, на Южной сторонѣ Севастополя, и явившійся генералъ-лейтенантъ Жабокритскій объявилъ, что онъ назначенъ начальникомъ нашей 16-й дивизіи, что мы поступаемъ подъ его команду въ особый отрядъ, что мы должны туда слѣдовать, куда онъ поведетъ насъ, при чемъ грозно добавилъ, что для ослушниковъ его приказаній, при немъ постоянно находится въ кабурахъ пара пистолетовъ.

Грустно, больно было слушать подобное незаслуженное привѣтствіе, но намъ тотчасъ пришло на память, что эти любезности исходятъ вѣрно на основаніи пошлыхъ слуховъ о нашемъ будто бы бѣгствѣ подъ Альмой, и о потерѣ знаменъ.

Къ вечеру стало слышно, что будутъ затапливать корабли, а въ ночь на другой день, выступили мы съ

Южной стороны, шли неизвѣстными мѣстами по лѣсамъ и горамъ и, совершивъ такимъ образомъ фланговое движеніе, заняли чрезъ нѣсколько дней позицію на Инкерманскихъ высотахъ.

Первое бомбардированіе Севастополя, начавшееся рано 5-го октября, привлекло и меня въ числѣ прочихъ на Сѣверную сторону, откуда довелось мнѣ видѣть весь ужасъ, которому былъ подвергнутъ такъ много, такъ долго и такъ славно страдавшій городъ.

Когда мы находились на Инкерманской позиціи, пріѣхали въ Крымъ Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья, коихъ сопровождалъ генералъ-адъютантъ Философовъ. Посѣтивъ нашъ полкъ, Великіе Князья разговаривали и подробно разспрашивали многихъ нижнихъ чиновъ, и многихъ награждали деньгами, по преимуществу кавалеровъ знака отличія военнаго ордена и раненыхъ, оставшихся въ рядахъ полка.

Въ то самое время, какой-то флигель-адъютантъ отозвавъ меня въ сторону, какъ полковаго адъютанта, разспрашивалъ объ Альмскомъ дѣлѣ и просилъ разсказать подробно, какимъ именно образомъ знамена были отбиты у захватившаго ихъ непріятеля. Флигель-адъютантъ подходилъ къ знаменамъ, лежавшимъ на барабанахъ, разсматривалъ ихъ, а главное, старался узнать, настоящія ли они, а не поддѣльныя, и просилъ объяснить, почему именно одно древко значительно менѣе короче другого. Я объяснилъ кратко причину этихъ поврежденій и старался, сколько могъ,

увѣрить, что знамена не были никогда въ рукахъ непріятельскихъ, что слухи объ этомъ не имѣютъ никакихъ основаній.

Между тѣмъ, отпоръ, данный на первое бомбардированіе, заставилъ союзниковъ обратиться къ правильной осадѣ Севастополя. Непріятель сталъ выводить апроши къ 3, 4 и 5-му бастіонамъ. Противъ непріятельскихъ работъ стали посылаться партіи охотниковъ на вылазки. Но не смотря на удачныя, большею частію, вылазки, непріятель продолжалъ упорно подвигаться къ Севастополю, и противъ 4-го бастіона заложилъ вторую паралель.

Чтобы отвлечь непріятеля отъ осадныхъ работъ, приказано было овладѣть непріятельскою позиціею возлѣ Балаклавы, прикрытую 4-мя редутами, которые охраняли турки.

13-го октября, на разсвѣтѣ, чрезъ селеніе Чоргунъ, мы приблизились къ каменному мосту. Нѣсколько пластуновъ, находившихся при нашемъ отрядѣ, умылись въ рѣкѣ, на колѣняхъ сотворили утреннюю молитву (что насъ очень тронуло), и не успѣли мы перейдти мостъ, какъ донская батарея такъ стремительно открыла огонь по передовому редуту, что турки застигнутые въ расплохъ, побросавъ все, обратились въ бѣгство.

Въ отрядѣ генерала Липранди, Владимірскій полкъ составлялъ правый флангъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Жабокритскаго и занялъ Федюхины высоты, откуда намъ было отлично видно, какъ русскія войска блистательно и быстро, почти

безъ сопротивленія, заняли редуты. Лишь только мы построились на Федюхиныхъ высотахъ, какъ изъ скрытыхъ батарей на Сапунъ-горѣ къ намъ стали посылать гранаты, изъ коихъ нѣсколько разорвало надъ баталіонами, другія же не долетали и разрывались на воздухѣ. Баталіоны Владимірскаго полка прикрывали батарею; ниже возвышенности, на которой помѣщалась батарея, находилась цѣпь изъ штуцерныхъ нашего полка, впереди коихъ были пластуны.

Во время нападенія африканскихъ конныхъ егерей, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, на батарею, пластуны первые открыли по этимъ удальцамъ ружейный огонь. При этомъ одинъ изъ пластуновъ (они всѣ находились незамѣченными въ кустахъ) только что лежа выстрѣлилъ и всталъ чтобъ зарядить ружье, какъ на встрѣчу ему скакалъ одинъ отсталый всадникъ, и готовился уже саблей снести голову. Въ это мгновеніе пластунъ, падая на спину, выстрѣлилъ почти въ упоръ и убилъ всадника, потомъ медленно всталъ и началъ вновь заряжать ружье. Замѣчательны ихъ хладнокровіе и находчивость; при чемъ все это дѣлалось не спѣша, не выказывая никакой особенной суетливости.

Вечеромъ прибылъ къ намъ на позицію вновь назначенный командиромъ полка, полковникъ баронъ Николай Ивановичъ Дельвигъ. Мнѣ особенно памятенъ этотъ вечеръ, какъ первое и пріятное свиданіе съ такой великолѣпной, храброй и благородной личностью, какъ покойный баронъ, у котораго я былъ впослѣдствіи личнымъ адъютантомъ (по званію начальника штаба 5-го, потомъ 4-го корпуса).

По прошествіи нѣсколькихъ дней, Владимірскій полкъ вновь возвратился на Инкерманскую позицію, откуда 22-го октября ночью былъ переведенъ черезъ бухту съ Сѣверной стороны въ Севастополь, и помѣщенъ временно въ Апполоновой балкѣ.

Въ ночь съ 23 на 24-е октября, для предполагавшейся общей вылазки, когда уже жалонеры были высланы для указанія имъ мѣста боевого расположенія, на утро, нашего полка, когда всѣ почти нужныя распоряженія уже были сдѣланы, изъ главной квартиры (съ Сѣверной стороны) была получена начальникомъ дивизіи записка, извѣщающая, что только отъ одного Владимірскаго полка не прибылъ ординарецъ изъ офицеровъ, назначенный состоять при Ихъ Императорскихъ Высочествахъ Великихъ Князьяхъ. Генералъ Жабокритскій тотчасъ обратился ко мнѣ, и спросилъ: что это значитъ. Я доложилъ, что по приказанію командира полка, туда назначенъ адъютантъ 2-го баталіона, и что я видѣлъ, какъ онъ хлопоталъ о скорѣйшей переправѣ его съ лошадью черезъ бухту на Сѣверную сторону. Генералъ, сильно разсердившись, приказалъ мнѣ немедленно отправиться и узнать обстоятельно, и если офицера нѣтъ въ главной квартирѣ, то мнѣ заступить мѣсто ординарца, добавивъ: „это вамъ въ наказаніе за вашу неисправность“,— какъ будто я былъ въ этомъ хоть сколько нибудь виноватъ?

На мои просьбы командиру полка (находившемуся при этомъ) о заступничествѣ его и на доводы мои, что можетъ быть офицеръ уже прибылъ по на-

значенію, баронъ Дельвигъ совѣтовалъ мнѣ повиноваться, немедленно ѣхать и спѣшить возвращеніемъ, прибавивъ: „до свиданія, я васъ буду ждать; узнайте, если офицеръ нашъ тамъ, то спѣшите къ утру,—вмѣстѣ будемъ драться“.

Шелъ сильный дождь, былъ ужасный вѣтеръ и темная ночь. На какой-то душегубкѣ съ трудомъ переправясь на Сѣверную сторону, я узналъ въ обозѣ нашего полка, что адъютанту 2-го баталіона никакъ не удалось перевезти съ собой лошадь, что онъ давно уже отыскиваетъ достать у кого нибудь лошадь, чтобы явиться въ главную квартиру. Меня это успокоило, но я хотѣлъ удостовѣриться, на своемъ ли онъ мѣстѣ, и потому отправился, на вьючной моей лошади, безъ сѣдла, а покрытой попоной, къ ставкѣ главнокомандующаго.

Прибывъ туда, и не зная, гдѣ именно отыскать офицера, я представился и. д. начальника штаба (кажется былъ тогда полковникъ Вуншъ, вмѣсто бывшаго до того Николая Васильевича Исакова). Начинало свѣтать. Я объяснилъ, зачѣмъ пріѣхалъ, но къ ужасу моему, мнѣ объявили, что офицера отъ Владимірскаго полка еще не было; а потому приказывалось мнѣ слѣдовать за великими князьями, которые въ это время готовились уже отъѣзжать. Пока я раздумывалъ о моемъ положеніи, Ихъ Высочества, въ сопровожденіи князя Меньшикова и многочисленной свиты, садились уже на коней. Неожиданное приказаніе присоединиться къ этой кавалькадѣ было тѣмъ для меня ужаснѣе, что всѣ почти окружающіе вели-

кихъ князей, были щеголевато одѣты, на хорошихъ, опрятно осѣдланныхъ лошадяхъ; а мой грязный костюмъ, все на мнѣ промокшее ночью, а главное, вьючная лошадь безъ сѣдла, нѣсколько дней нечищенная, составляли крайнюю противоположность. Наконецъ мнѣ стало жаль, что я такъ неожиданно оторванъ отъ полка, и съ трудомъ поспѣваю позади всѣхъ скачущихъ всадниковъ, вслѣдъ за Ихъ Высочествами.

Кавалерійскіе офицеры съ презрѣніемъ, какъ мнѣ казалось, осматривали меня съ ногъ до головы, а казаки понукали изрѣдка мою лошаденку нагайками, когда она выбилась изъ силъ чтобы поспѣть догнать бойко мчавшихся всадниковъ.

Только мы стали приближаться къ войскамъ, какъ встрѣтившійся, мнѣ знакомый генеральнаго штаба, полковникъ Сиблеръ сказалъ, что вчера племянникъ мой, Тарутинскаго полка баронъ Фитингофъ-Шеель, убитъ возлѣ 4-го бастіона. Мнѣ такъ стало грустно, что мысли о родныхъ, о невозвратимой потерѣ моей бѣдной сестры старшаго ея сына, всю дорогу не давали мнѣ покоя, и я просилъ Бога быть тоже убитымъ, чтобы не сообщать роднымъ этой горестной вѣсти.

24-е октября, вообще неудачное для всѣхъ русскихъ, для меня было исключительно днемъ неудачъ. За это сраженіе всѣ офицеры, сопутствовавшіе великимъ князьямъ, награждены орденомъ св. Анны 3-й степени съ мечами,—я же ничего не получилъ потому, какъ оказалось впослѣдствіи, что не былъ помѣщенъ въ списокъ, тогда какъ прочихъ записали, обозначивъ названіе полковъ, чины и фамиліи.

Участіемъ своимъ въ Инкерманскомъ сраженіи великіе князья истинно вполнѣ заслужили, за геройскій поступокъ, орденъ св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія. На долю Ихъ Высочествъ выпало нѣсколько часовъ, но за то пришлось быть подъ сильнѣйшимъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ.

А какъ войска были воодушевлены присутствіемъ великихъ князей, какъ высоко цѣнили Ихъ самоотверженіе! Признательность всей Россіи была достойна такого подвига.

Когда я добрался въ Севастополь, то узналъ, что Владимірскому полку крѣпко досталось въ Киленъ-балкѣ. Баронъ Дельвигъ былъ раненъ въ руку и упрекнувъ меня, когда я явился къ нему, за то что я не былъ при полку, назвалъ мой поступокъ измѣной; но когда я объяснилъ, что сопровождалъ великихъ князей, то баронъ одобрилъ меня за то, что я во время самъ явился въ главную квартиру. 25-го октября полкъ былъ перевезенъ черезъ бухту, потомъ расположенъ бивуаками опять на Инкерманскихъ высотахъ, потомъ переведенъ въ селеніе Чоргунъ, гдѣ занималъ позицію до 14-го декабря, а съ того времени по 17-е февраля 1855 года оставался на позиціи въ селеніи Орто-Каралесъ. Въ этомъ послѣднемъ селеніи, полкъ вновь посѣтили Ихъ Императорскія Высочества.

Неудачи Инкерманскаго сраженія, или общей вылазки изъ Севастополя, ободрили союзниковъ. Непріятель началъ увеличиваться средствами для бомбардированія и возводить новыя укрѣпленія, вооружа-

жая ихъ орудіями большого калибра, и къ началу 1855 года уже обладалъ огромными средствами для бомбардированія. Самое большое число орудій было сосредоточено противъ бастіоновъ: Корниловскаго, 3-го и 4-го.

24-го марта, мы прибыли на Бельбекъ, откуда въ ночь на 26-е число насъ перевезли въ Севастополь, и на ночлегъ помѣстили въ Апполоновой балкѣ. На утро полкъ вступилъ на 3-й бастіонъ.

Не знаю, или не помню, почему именно передъ бастіономъ былъ свободный ложементъ: потому ли что съ вечера смѣна не была поставлена туда отъ нашего полка, но дѣло въ томъ, что въ 11-ть часовъ утра, командиръ полка баронъ Дельвигъ приказалъ нѣсколькимъ штуцернымъ перелѣзть чрезъ амбразуры, пробѣжать ровъ и занять этотъ ложементъ,—что было исполнено быстро, ловко, молодцовато, въ виду непріятеля и среди бѣлаго дня. Потомъ смѣна людей въ ложементахъ регулярно производилась ночью, или поздно вечеромъ.

Новая обстановка, новаго рода служба, въ новомъ сообществѣ моряковъ,—строителей и настоящихъ хозяевъ бастіоновъ,—не смотря на всю суровость и тяжесть, имѣли въ нашихъ глазахъ лишь прелесть новой обязанности нашего долга. Ближе къ непріятелю, защищая укрѣпленіе, будучи ближе къ смерти, казалось намъ, мы удостоились большей чести и довѣрія. Сначала, съ непривычки, насъ устрашали боевые снаряды большихъ размѣровъ, безпрерывная порча нашихъ брустверовъ, блиндажей и подбивка орудій; но вскорѣ это

все вошло въ такую обыкновенную привычку, что на это безпокойство не обращалось никакого вниманія, и даже все это сдѣлалось какъ бы потребностью. Подлѣ пушекъ на голой землѣ спишь, бывало, гораздо крѣпче, чѣмъ въ обыкновенное время на мягкой и роскошной постелѣ. Напротивъ, мы до того сжились, свыклись съ нашимъ положеніемъ, что вошло въ обыкновеніе, чѣмъ болѣе намъ непріятель досаждалъ выстрѣлами, и чѣмъ болѣе дѣлалъ намъ порчи, тѣмъ охотнѣй и съ досадой мы старались возобновлять, исправлять поврежденія; а ежели непріятель замолкалъ, то его вызывали на стрѣльбу. На 3-мъ бастіонѣ находилась батарея Будищева, названная по имени строителя и хозяина ея капитана 1-го ранга Льва Ивановича Будищева, пользовавшагося большимъ уваженіемъ моряковъ и постороннихъ, знавшихъ его. Находясь на 3-мъ бастіонѣ, мы часто его посѣщали и видѣли его храбрую и неутомимую дѣятельность. До такой степени онъ считалъ себя хозяиномъ на своемъ мѣстѣ, что бывало, когда къ нему соберутся вечеромъ гости въ блиндажъ, и усядутся играть въ шахматы (игру эту очень любили баронъ Дельвигъ и Степанъ Александровичъ Хрулевъ), то Левъ Ивановичъ, какъ хозяинъ, желающій доставить удовольствіе посѣтившимъ его гостямъ, велитъ открыть съ своей батареи огонь, на который тотчасъ усердно отзовется непріятель, и такую иногда подыметъ ночью кутерьму, что только держись. Называлъ это Будищевъ скандаломъ, и приглашалъ къ себѣ на подобный скандалъ. Какъ его въ это время ни останавливали, ни упрашивали—ни что на него не

дѣйствовало. Бывало говорятъ: да полноте, уймитесь, что вы сами-то бѣгаете, вѣдь изъ-за пустяковъ пожалуй убьютъ. На это онъ отвѣчалъ: „для меня еще не отлили пулю“. И Господь хранилъ его во все время осады — убитъ онъ, если не ошибаюсь, въ послѣдній день штурма 27-го августа.

Съ 28-го марта началось усиленное 11-ти дневное (легко сказать!) бомбардированіе. Это было на Святой недѣлѣ. Чуть свѣтъ, непріятель началъ ужасную канонаду. Нѣтъ возможности передать что это было. Ужасную бурю съ градомъ можно развѣ сравнить съ тѣмъ неистовымъ учащеннымъ артиллерійскимъ огнемъ, которымъ непріятель буквально мелъ ядрами бастіоны. Надъ нами было истинно чугунное облако,—становилось просто темно отъ массы снарядовъ, пролетавшихъ надъ головой. Сначала съ нашей стороны отвѣчали дружно, потомъ слабѣе, наконецъ къ вечеру изрѣдка, такъ какъ на 3-мъ бастіонѣ почти всѣ орудія были или подбиты, или сворочены, прислуга возлѣ нихъ перебита и ранена.

Всю ночь усиленно производились работы къ возобновленію съ основанія брустверовъ, на постановку и починку орудій, и на утро 3-й бастіонъ явился предъ непріятелемъ какъ ни въ чемъ небывалый.

Тоже было и на прочихъ бастіонахъ.

Защитники Севастополя отличались между собой въ соревнованіи своихъ тяжелыхъ обязанностей, и, надо отдать справедливость, отличались на славу.

Такимъ образомъ, одиннадцать дней непріятель употреблялъ соединенныя усилія, и на двѣнадцатое

утро опять увидѣлъ передъ собой тѣ же самые бастіоны, которые стояли какъ будто невредимыми. Непріятель видимо этимъ утомился; — мы же перестали считать павшихъ въ эти дни защитниковъ, вѣрнѣй потеряли въ нихъ счетъ.

Въ теченіе 11-ти дневнаго усиленнаго бомбардированія за значительной убылью, особенно артиллерійской прислуги, по распоряженію главнокомандующаго, были призваны къ великой чести отвѣчать огнемъ на огонь непріятеля—арестанты Севастопольскихъ арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства. Главнокомандующій сказалъ имъ въ родѣ слѣдующаго: „Братцы, согрѣшили вы предъ Богомъ и Государемъ. По Высочайше дарованной мнѣ власти, довѣряю вамъ стать возлѣ осадныхъ орудій, помогать отражать враговъ. Павшему при исполненіи этого святого долга, Господь проститъ прегрѣшенія, а церковь будетъ за него молиться, оставшійся же живымъ возстановитъ свои права, какъ защитникъ Престола и Отечества“.

Много разъ на бастіоны являлся главнокомандующій, щедрой рукой вручалъ бывшимъ арестантамъ Георгіевскіе кресты и благодарилъ за службу молодецкую.

Да и дѣйствительно, стоили эти люди награды, не только прощенія и забвенія прошлой ихъ жизни.

Вообще Севастополь въ тяжкіе и славные свои дни былъ какъ бы очистительной жертвой.

Справедливы и вѣрны были слова проповѣди покойнаго Преосвященнаго Иннокентія, когда онъ гово-

рилъ: „что онъ пріѣхалъ не учить, а учиться самъ мужеству, храбрости и терпѣнію у защитниковъ Севастополя“. Это не была пастырская скромность, или витіеватость, или игра словъ,—нѣтъ, эти истинныя слова выходили прямо изъ глубины души при видѣ всей окружавшей обстановки, и выражали вѣрно чувство каждаго посторонняго человѣка, даже не наблюдателя. Русскій солдатъ видѣлъ и сознавалъ неустойку, но терпѣливо сносилъ всѣ тягости осады, сознавалъ свое геройское положеніе, храбро переносилъ всѣ лишенія и невзгоды, терпѣлъ, надѣялся и не уступалъ непріятелю вершка земли.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ же русскій солдатъ жилъ на бастіонахъ, въ ложементахъ, на банкетахъ и траншеяхъ совершенно не стѣсняясь, какъ дома: солдата и въ это время не оставляли свойственный русскому человѣку юморъ, врожденная удаль и явное пренебреженіе къ смерти. Въ каждой группѣ можно было примѣтить въ любое время кого либо поющаго, какую либо затѣйливую бесѣду, или чаще всего слышать разсказъ какого нибудь будто бы забубеннаго солдатика, между тѣмъ видимо храбраго и честнаго человѣка. Если въ котелъ попадали иногда осколокъ бомбы, ядро или какой нибудь снарядъ, то подобное прибавленіе къ пищѣ не только не отнимало аппетита, а, напротивъ, служило предлогомъ къ каламбурамъ.

Однажды случилось, что подъ котелъ упало рикошетомъ ядро, опрокинувъ котелъ и выбросивъ пищу на полъ; это не принесло горя или досады солдати-

камъ, — а послужило только предметомъ къ смѣху и пищей къ остротамъ.

Во 2-й мушкатерской ротѣ былъ рядовой Бѣлинскій (Іудейскаго закона), о которомъ нельзя не вспомнить. Бѣлинскій постоянно находился на банкетахъ (онъ былъ хорошій портной и отличный стрѣлокъ) ходилъ въ ложементы, храбро дрался на вылазкахъ и во время нападеній. Не желая перейдти въ Православіе, онъ уклонялся отъ всѣхъ предлагаемыхъ ему снисхожденій, не желалъ производства поэтому въ унтеръ-офицеры, и не получилъ знака отличія военнаго ордена, который вполнѣ и неоднократно заслужилъ.

Словомъ, личность этого еврея-солдата заслуживаетъ вдвойнѣ похвалы—какъ храбраго защитника, такъ и твердаго въ убѣжденіяхъ человѣка. Сверхъ того замѣчательно то, что Бѣлинскій, какъ еврей, составлялъ такое рѣдкое исключеніе своею храбростію, такъ какъ племя, къ которому онъ принадлежалъ, отличается именно робостію. Въ этомъ я убѣждался на опытѣ потому, что хоръ музыкантовъ полка, находившійся въ вѣденіи моемъ, какъ полкового адъютанта, состоялъ преимущественно изъ евреевъ, и этотъ народъ, не смотря на всѣ строгости, не удавалось привлечь въ Севастополь хоть для переноски раненыхъ. Они всѣми мѣрами изобрѣтали случаи отклоняться отъ этой, не по силамъ ихъ натурѣ, обязанности.

Русскій же человѣкъ совершенно иначе смотрѣлъ на окружающій ужасъ, и повторяю, до того каждый свыкся съ этой обстановкой, что положительно пренебрегалъ смертью. Однажды утромъ рано вышелъ я

вмѣстѣ съ барономъ Дельвигомъ изъ блиндажа (на 3-мъ бастіонѣ). Поздоровавшись съ адмираломъ Перелешинымъ, мы завели общій разговоръ, прерванный возлѣ насъ близко упавшей бомбой съ тлѣющимся фителемъ. Въ то-же мгновеніе, очень молодой матросъ повернулся къ бомбѣ и *погасилъ ее собственными руками.* Мы ожидали взрыва бомбы, но его не послѣдовало и восхищались находчивостію матроса. Адмиралъ, подозвавъ къ себѣ матроса, далъ ему денегъ, за то что онъ молодецъ, но напомнивъ ему приказъ начальства, которымъ обязывались солдаты себя беречь и не злоупотреблять напраснымъ удальствомъ, подвергъ его взысканію.

Послѣ 11-ти дневнаго бомбардированія и дальнѣйшей охраны бастіона, убыль въ нашемъ полку естественно становилась ощутительнѣй день ото дня; а незначительное, хотя и частое, пополненіе людьми, мало усиливало ряды нашего полка, такъ какъ пополненіе производилось дробными частями, а убыль была ежедневная, по преимуществу ночью во время работъ, починокъ и возобновленій.

Съ половины мая, непріятель обратилъ, казалось, вновь главное вниманіе на корабельную сторону; но веденіе подступовъ противъ Малахова кургана, названнаго Корниловымъ бастіономъ въ честь павшаго на немъ славнаго адмирала, было замедлено огнемъ нашихъ штуцерныхъ изъ заваловъ передъ Камчатскимъ люнетомъ, а потому непріятелю потребовалось во что бы то ни стало отнять Камчатскій, Волынскій и Селенгинскій редуты, которые въ этомъ мѣс-

тѣ составляли нашу передовую оборонительную линію.

Въ полдень 25-го мая, открытъ былъ смертоносной огонь по редутамъ и Малахову кургану; сначала выстрѣлы наши были весьма удачны, взорвали у непріятеля пороховой погребъ, но подъ вечеръ выстрѣлы съ нашей стороны почти прекратились—все было изуродовано.

Утромъ 26-го мая, на нашихъ передовыхъ укрѣпленіяхъ оказались совершенныя развалины, брустверовъ какъ бы не существовало,—все было превращено въ безпорядочную массу земли, фашинъ и туровъ. Остатки нашихъ войскъ кой-какъ укрывались за этимъ мусоромъ отъ остатковъ вала. А непріятель между тѣмъ продолжалъ канонаду.

Вечеромъ, непріятельскія войска (надо полагать подготовленныя) вдругъ стремительно напали на редуты и обогнули ихъ. Внезапно захвативъ редуты, французы устремились къ бастіонамъ, но были встрѣчены градомъ картечи. Завязался кровавый бой впереди Малахова кургана и французы отступили. Слѣдуя за ними по пятамъ, наши снова было овладѣли Камчатскимъ люнетомъ, но непріятельскіе резервы опять отбили его.

Баронъ Дельвигъ съ 2-мъ баталіономъ изъ первыхъ бросился на помощь къ Камчатскому редуту, но ужъ было поздно, и пришлось отступать за верки подъ убійственнымъ ружейнымъ огнемъ. Крѣпко досталось 2-му баталіону: командующій имъ маіоръ Шведковскій убитъ, замѣнившему его капитану Розину прострѣлили обѣ ноги и его вынесъ на себѣ деньщикъ,

котораго фамилію къ сожалѣнію не помню. Знаю только, что деньщикъ капитана Розина былъ молодецъ и за неоднократно оказанное мужество на вылазкахъ, по приговору нижнихъ чиновъ, награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена. Деньщикъ этотъ не отставалъ ни на шагъ отъ своей роты и, кромѣ принадлежностей скуднаго офицерскаго хозяйства, съ гордостью носилъ чрезъ плечо (какъ охотникъ) англійскій штуцеръ, отбитый имъ у непріятеля.

Когда мнѣ дали знать, что командиръ полка баронъ Дельвигъ убитъ и отнесенъ на свою квартиру, то я немедленно побѣжалъ съ бастіона туда и засталъ барона безъ чувствъ, всего въ крови. По осмотру врача оказалось, что онъ тяжко раненъ осколкомъ въ голову. Послѣ поданной первоначально помощи, баронъ диктовалъ мнѣ донесеніе о нападеніи на Камчатскій редутъ, и не успѣлъ окончить, какъ снова впалъ въ безсознательное состояніе.

Воспоминаніе о томъ, что я намѣренъ разсказать, заставляетъ меня немного возвратиться назадъ.

Во время Инкерманскаго сраженія супруга командира полка, баронесса Александра Борисовна Дельвигъ находилась въ Симферополѣ. Предчувствіе ли, любопытство, или желаніе лично на мѣстѣ узнать о результатѣ такъ несомнѣнно ожидаемаго успѣха отъ этой общей вылазки, не знаю, — но только я засталъ раненаго барона уже окруженнаго заботами и попеченіемъ доброй баронессы, которая его въ тотъ же день увезла на излеченіе въ Симферополь. Какъ она пріѣхала, какъ узнала объ опасности, какъ могла дойдти

до нея такъ быстро вѣсть о раненомъ мужѣ и когда она могла такъ скоро проѣхать 60-ти верстное разстояніе—объ этомъ не спрашивалось, не разсказывалось,—но чувствовалось, что это было очень естественно, а главное кстати.

Всю зиму, пока полкъ стоялъ въ селеніи Орто-Коралесъ, баронесса не оставляла своего мужа.

Когда же мы вышли изъ этого селенія и вступили въ Севастополь въ мартѣ мѣсяцѣ, баронесса переѣхала въ Симферополь, гдѣ находился обозъ полка, жили казначей и квартирмейстръ, а потому было и ежедневное сообщеніе съ полкомъ.

Когда мы стояли на 3-мъ бастіонѣ, однажды утромъ я находился въ блиндажѣ у барона съ докладомъ и подавалъ къ подписи бумаги; возлѣ барона стояла на столѣ чашка съ чаемъ и горѣли двѣ свѣчи. Вдругъ съ шумомъ и трескомъ упавшая у дверей бомба разорвалась. Свѣчи погасли, обсыпало пескомъ, мусоромъ и осколками щепокъ и наполнило блиндажъ пороховымъ дымомъ. Въ первое мгновеніе нельзя было дать себѣ никакого отчета о происшедшемъ, но я очнулся отъ словъ барона: „вотъ кстати посыпало пескомъ послѣ подписи". Благородному и деликатному барону хотѣлось узнать въ потьмахъ живъ ли я. Баронъ былъ контуженъ въ голову, лѣвая сторона лица исцарапана щепками отъ двери, и чѣмъ то ушибло руку.

Конечно, это незначительное происшествіе было тотчасъ извѣстно нашему полку, ибо пришлось отчищать дверь и исправлять блиндажъ, и дальнѣйшая жизнь въ этотъ день потекла опять своимъ чередомъ.

Но къ вечеру баронъ почувствовалъ себя дурно и вдругъ, безъ причины, казалось, сталъ жаловаться на боль въ лѣвой сторонѣ желудка. Оказалось, что онъ былъ чѣмъ то сильно контуженъ, но сгоряча не чувствовалъ боли. Къ вечеру онъ сталъ себя до того дурно чувствовать, что рѣшился провести ночь на квартирѣ, бывшей въ деревянномъ дрянномъ домишкѣ на Корабельной слободкѣ.

Часовъ въ 10-ть вечера, я пошелъ съ бастіона навѣстить барона, и каково было мое удивленіе, когда я встрѣтилъ возлѣ него жену.

Смѣнившіеся фурштаты по прибытіи въ Симферополь распустили слухъ, что командиръ полка раненъ въ блиндажѣ, и это извѣстіе быстро дошло чрезъ людей до баронессы, которая, не долго думая, явилась сама въ Севастополь.

Я засталъ баронессу Александру Борисовну въ чрезвычайно ненормальномъ положеніи, почти въ истерическомъ состояніи. Она безпрестанно хохотала безъ всякой почти причины. Какъ нарочно раза два пролетѣвшее ядро задѣвало крышу, потомъ разбило на крыльцѣ деревянныя ступени, и это менѣе всего располагало къ смѣху; однако баронесса, успокоившись какъ бы отъ невольно одолѣвавшаго ее хохота, спрашивала причину бывшаго шума и треска, и узнавъ объ этомъ, принималась снова смѣяться, говоря: „у васъ не совсѣмъ пріятно долго гостить“. Чрезъ нѣсколько часовъ, я провожалъ барона съ женой чрезъ бухту. Когда мы переправлялись на лодкѣ, надъ нами, какъ нарочно, безпрерывно разрывались бомбы, и очень близ-

ко падали осколки. Баронъ поѣхалъ на нѣсколько дней въ Симферополь, чтобы отдохнуть тамъ и полечиться, а главное, чтобы отправить свою беременную жену въ Кишеневъ, гдѣ находилось въ то время его остальное семейство.

Подвигами баронессы Александры Борисовны Дельвигъ я до сихъ поръ восхищаюсь, — какъ рѣдкимъ самоотверженіемъ.

Занявъ наши контръ-апрошныя укрѣпленія, непріятель напрягалъ всѣ усилія, чтобы утвердиться на нихъ. Въ началѣ іюня онъ вооружилъ нѣсколько новыхъ батарей на бывшемъ нашемъ Камчатскомъ люнетѣ. Подъ впечатлѣніемъ этихъ успѣховъ, союзники вздумали штурмовать укрѣпленія Корабельной слободки.

5-го іюня, съ разсвѣтомъ, былъ открытъ огонь по Корабельной слободкѣ, и къ полудню страшная канонада распространилась по всей оборонительной линіи. Небо помрачилось отъ дыма, а воздухъ оглашался однимъ общимъ гуломъ отъ безпрерывнаго изверженія тысячей снарядовъ.

6-го іюня, едва начинало разсвѣтать, масса непріятельскихъ войскъ, какъ туча, устремилась на приступъ 1, 2-го бастіоновъ и Малахова кургана. Владимірскій полкъ находился въ то время на 2-мъ бастіонѣ. Съ нашихъ укрѣпленій грянулъ залпъ картечи. Кромѣ осадныхъ орудій, заряженныхъ картечью, находились полевыя орудія, подъ начальствомъ генерала Шейдемана.

Колонны штурмующихъ смѣшались и отступили; нѣкоторые храбрецы, правда, достигли вала и полѣзли

на него, но ихъ взяли въ плѣнъ или посадили на штыки. Какъ теперь вижу одного стараго сѣдого француза, который буквально былъ исколотъ штыками. Наши солдатики взяли его подъ руки и повели на перевязочный пунктъ, приговаривая: „вишь, какой старый, а какой молодецъ". Въ это время наши пароходы приблизились къ устью бухты Киленъ-балки, и начали чрезъ наши головы посылать гранаты, весьма удачно попадавшія въ массы непріятельскихъ войскъ. Французы еще два раза пытались броситься на бастіоны, но были каждый разъ отбиты съ большою потерей. Въ это время, генералу Хрулеву дали знать, что на правомъ фасѣ Малахова кургана, непріятель будто овладѣлъ батареей Жерве, куда генералъ Хрулевъ немедленно бросился.

Такимъ образомъ, штурмъ 6-го іюня былъ совершенно и удачно отраженъ, при чемъ непріятель понесъ громадный уронъ. Слава и честь этого дня вполнѣ принадлежала распорядительности, бдительности и личному примѣру неустрашимости и храбрости прославленнаго бойца Степана Александровича Хрулева.

На другой день мнѣ нужно было по службѣ лично видѣть генерала Хрулева. На Павловскомъ мыскѣ, гдѣ была его квартира, я не засталъ его и мнѣ сказали, что онъ купается и скоро возвратится. Въ ожиданіи возвращенія, я вышелъ на улицу и направился къ бухтѣ, дойдя до которой, увидѣлъ какъ Степана Александровича два казака держали и по временамъ опускали въ воду. Увидѣвъ меня, генералъ сказалъ: „Вотъ видете-ли, я кажется не трусъ, а одинъ въ воду

ни за что не пойду, безъ посторонней помощи". На это я замѣтилъ, что генералъ раненъ и потому можетъ быть не въ силахъ одинъ опуститься въ воду, къ тому же можетъ быть не умѣетъ плавать. „Нѣтъ", отвѣчалъ Степанъ Александровичъ, „надобно сознаться, что храбрый генералъ Хрулевъ очень боится воды, и въ этомъ отношеніи совершенный трусъ".

На 7-е іюня была назначена уборка тѣлъ; передъ нашимъ лѣвымъ флангомъ все пространство было усѣяно трупами, по преимуществу французами, а передъ 3-мъ бастіономъ англичанами.

Сначала тѣла переносили на носилкахъ, а потомъ стали возить ихъ на возахъ.

Перемирія для уборки тѣлъ убитыхъ, бывшія всегда послѣ сильныхъ стычекъ, замѣчательны по тѣмъ отношеніямъ, въ которыя вступали русскіе съ непріятелемъ. Французы всегда казались болѣе сообщительными, нежели англичане. На демаркаціонной линіи. начальники и офицеры вели въ это время между собой разговоры, при чемъ знакомство начиналось большей частію предъявленіемъ визитной карточки со стороны Французовъ.

Не потому, что у русскихъ не было подобное въ обычаѣ, но мы вели такую грязную, тяжелую жизнь. нуждались такъ много въ болѣе существенныхъ предметахъ потребностей, что не держали при себѣ, какъ они, визитныхъ карточекъ.

Солдатики же наши дружились, разговаривали. (удивительная способность въ обоюдномъ пониманіи другъ друга) и мѣнялись разными вещами.

Однажды, послѣ уборки тѣлъ, на одномъ нашемъ матросѣ оказалась французская шапка. Это объяснилось тѣмъ, что французъ находился на противуположной батареѣ, также какъ нашъ матросъ, возлѣ орудія, поэтому они, узнавъ о сходствѣ въ ихъ положеніи, и помѣнялись на память шапками.

Послѣ уборки тѣлъ, на второй или третій день, непріятель опять возобновилъ канонаду и усилилъ штуцерный огонь, который до того наносилъ намъ вредъ, что нельзя было зарядить орудія безъ того, чтобы кого нибудь не ранило. Даже щиты, повѣшенные въ амбразурахъ, мало помогали. Нельзя было пройдти мимо амбразуры безъ того, чтобы въ это мгновеніе возлѣ не пролетѣло нѣсколько пуль.

Въ эти-то дни вечеромъ былъ смертельно раненъ храбрый адмиралъ Нахимовъ. Подходя къ 3-му бастіону изъ Корабельной слободки, я встрѣтилъ толпу матросовъ, которые съ осторожностію и грустнымъ почтеніемъ несли его на рукахъ.

Нужно было находиться въ то время между моряками, чтобы понять и оцѣнить ихъ глубокую печаль, когда дошла вѣсть, что Синопскаго побѣдителя не стало. Передать этого тяжелаго впечатлѣнія, безмолвнаго отчаянія, словами невозможно. Надобно было быть очевидцемъ всего этого.

4-го августа произошло неудачное сраженіе на Черной рѣчкѣ, куда были отвлечены войска осаждавшаго непріятеля. У насъ въ Севастополѣ было тихо, и мы съ трепетомъ и надеждой ожидали результата этого сраженія.

За то чрезъ нѣсколько дней послѣ сраженія на Черной рѣчкѣ, непріятель открылъ по Корабельной сторонѣ страшную канонаду, которая продолжалась двадцать дней безъ перерыва.

Это время было истиннымъ бѣдствіемъ для Севастополя. Предчувствовалось, что наступаютъ послѣдніе дни. Адская канонада дѣйствовала на городъ и укрѣпленія самымъ разрушительнымъ образомъ: брустверa обсыпались, рвы были засыпаны, 2 и 3-й бастіоны представляли груду развалинъ, хотя были постоянно поправляемы; не менѣе того пострадалъ и Малаховъ курганъ, на который по преимуществу устремлялись выстрѣлы.

Владимірскій полкъ въ это время находился опять на 3-мъ бастіонѣ.

Съ 24-го августа, бомбардированіе сдѣлалось особенно сильно: непріятельскій огонь былъ направляемъ преимущественно въ амбразуры.

27-го августа все стихло, изрѣдка раздавались выстрѣлы очередныхъ орудій,—какъ вдругъ въ полдень, непріятельскія войска, точно выросшія изъ земли, совершенно неожиданно устремились на приступъ.

Засыпанные рвы не представляли большихъ препятствій непріятелю,—онъ вскочилъ на 2-й бастіонъ, но былъ оттуда выбитъ. Къ довершенію, наши парсходы отъ устья Киленъ-балки, открыли по немъ огонь.

На Малаховъ курганъ ринулась главная масса непріятеля, преимущественно французы; сдѣлано нѣсколько послѣднихъ съ него выстрѣловъ, и вслѣдъ за тѣмъ на батареѣ Панфилова водрузилось непріятельское знамя.

Генералъ Хрулевъ бросился отбивать, но его ранили.

Въ то время, 3-й бастіонъ аттаковали англичане. Сначала они имѣли успѣхъ и стали было вытѣснять насъ.

Нападеніе было произведено такъ неожиданно, съ такой дерзостью, что наши войска растерялись, не знали что дѣлать, и солдаты отступали за траверзы.

Начальникъ 3-го бастіона контръ-адмиралъ Перелешинъ, увидѣвъ отступающихъ солдатъ, закричалъ, чтобы они шли впередъ, но солдаты были поражены до того, что, не обращая вниманія на приказаніе, продолжали отступленіе.

Тогда адмиралъ Перелешинъ, обратившись къ другой кучкѣ солдатъ, уговорилъ вмѣстѣ съ нимъ броситься на англичанъ—и мгновенно все измѣнилось: наши потѣснили непріятеля, къ намъ подоспѣла помощь, и 3-й бастіонъ былъ отбитъ.

Когда я подошелъ къ банкету, первый, кого я увидѣлъ, лежащимъ лицомъ къ землѣ, былъ унтеръ-офицеръ Бастрыкинъ. Я приподнялъ голову его, но онъ былъ мертвъ, сраженный пулей въ сердце близъ самаго Георгіевскаго креста.

Отовсюду былъ отбитъ непріятель, исключая къ несчастію Малахова кургана, на которомъ развѣвалось ненавистное трехцвѣтное знамя.

Вечеромъ былъ отданъ главнокомандующимъ приказъ объ оставленіи Севастополя, и о переходѣ войскъ на сѣверную сторону.

Никто не хотѣлъ вѣрить этому рѣшенію, всѣ еще на что-то надѣялись, чего-то ожидали и желали, и совершенно безсознательно, съ тупымъ чувствомъ не-

объяснимой сердечной боли и тяжкимъ горемъ, въ числѣ прочихъ войскъ, безмолвной толпой переходили и мы ночью по плавучему мосту чрезъ бухту, при освѣщеніи горѣвшаго какого-то судна,—случайно или умышленно зажженнаго, навѣрное не знаю.

Такъ окончилась безпримѣрная 11-ти мѣсячная, или 349-ти дневная оборона незабвеннаго Севастополя, въ которой не столько укрѣпленія, какъ наши русскія груди, служили живымъ оплотомъ защиты, столько времени, противъ соединенныхъ силъ непріятеля.

28-го августа, рано утромъ, стоялъ я на сѣверной сторонѣ и мной овладѣло такое тяжкое, необъяснимое горе о разлукѣ съ привычной жизнью, что я сожалѣлъ, что не убитъ. Не вдалекѣ отъ меня, лежали изуродованныя груды тѣлъ, еще не преданныхъ землѣ защитниковъ.

Но потомъ, долго глядя на эти родныя развалины, я ужаснулся:—какъ Господь сохранилъ меня въ теченіе около 5-ти мѣсяцевъ, на такомъ маленькомъ клочкѣ земли, гдѣ такъ много, такъ долго, и такъ славно страдалъ незабвенный Севастополь!

Наумъ Горбуновъ.

15 Марта 1871 года
г. Москва.

ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ КАЗАРМА
№ 5
БАСТІОНА.

ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ КАЗАРМА
№ 5
БАСТІОНА,

Пятнадцать лѣтъ минуло со времени осады Севастополя, а все еще возятъ сбираемые осколки бомбъ, ядерь и картечи, которыми такъ щедро угощали насъ союзныя англо-французскіе войска въ 1854 и 1855 годахъ.

Пятнадцать лѣтъ прошло, а нѣкоторыя изъ бомбъ еще и до сего времени напоминаютъ прежнее свое дѣйствіе. Что же было въ настоящее ихъ время.!? Тяжелое было время, да слава Богу прошло. Многое изъ мелочи забылось; — разскажу лучше о томъ, что тверже врѣзалось въ память, при томъ извинюсь, что зналъ только пятый бастіонъ, да немного окружающія батареи, и безъ пристрастія буду говорить о защитникахъ.

Плоха, слишкомъ плоха была наша оборона во время высадки непріятельскихъ войскъ на Бурлюкѣ: она состояла изъ оборонительной казармы, не воздвигнутаго пятаго бастіона, нижній этажъ ея полукруглаго выступа въ полѣ былъ вооруженъ тремя пушками, на верху-же за каменнымъ на-сухо сложенномъ брустверомъ, находилось пять орудій 12-ти фунтоваго калибра длинныхъ чугунныхъ пушекъ, на крѣпостныхъ станкахъ, безъ возвышенныхъ платформъ, дѣйствующихъ чрезъ амбразуры по расходящимся радіусамъ.

Какъ всѣмъ извѣстно, не слишкомъ много находилось насъ въ первое время, въ отношеніи линіи огня обороны Севастополя, а потому и росписали всѣхъ, такъ сказать, не штатныхъ артиллерійстовъ по батареямъ; въ томъ числѣ я попалъ на оборонительную казарму батарейнымъ командиромъ; пришлось мнѣ учить артиллерійскому дѣлу нашу сборную команду, состоявшую изъ писарей, вахтеровъ, музыкантовъ и кантонистовъ морскаго вѣдомства, да и что за славный былъ народъ: понятливые, расторопные, а за стойкость заслужившіе похвалу самаго Нахимова (а онъ не слишкомъ былъ щедръ въ этомъ отношеніи).

Показался въ виду Севастополя непріятельскій флотъ, часто стали подходить ихъ крейсеры, заводя безполезную перестрѣлку съ передовыми приморскими батареями, болѣе служившую къ развлеченію публикѣ, нежели дѣлу; всѣ ожидали непріятельскихъ войскъ и спорили до слезъ о мѣстѣ высадки, которое выберетъ непріятель.

Въ городѣ распространилась сказка, что будто

къ часовому, стоявшему въ карантинѣ у колодца, явилась женщина и просила, чтобы онъ спряталъ ее, на что часовой отвѣчалъ, что нѣтъ у него мѣста: она сказала что сама спрячется, но просила не говорить, что видѣлъ ее, если будутъ спрашивать, или даже грозить смертью, всадники, которые не замедлятъ явиться; дѣйствительно, лишь только женщина успѣла спрятаться, какъ явился всадникъ на черномъ конѣ, а въ слѣдъ за нимъ всадникъ въ красномъ одѣяніи и наконецъ вооруженный всадникъ въ бѣлой одеждѣ, на бѣломъ конѣ, и всѣ трое спрашивали часового о женщинѣ, но онъ отрекся, что не видѣлъ ее; когда же скрылся послѣдній всадникъ, то явилась та же женщина и разсказала часовому, что означали видѣнные имъ всадники: черный означалъ, что въ Севастополѣ не останется камня на камнѣ; красный, что въ городѣ будутъ кровопролитіе и пожары, а бѣлый, что Севастополь будетъ лучше, нежели былъ въ то время.

Вѣрили или не вѣрили этой сказкѣ, но большинство жителей пошло на другой день въ карантинъ, допросить лично часового о происшедшемъ, но не только что происшедшаго, а даже и часового не оказалось у колодца въ карантинѣ.

А мнѣ кажется, что сказка эта была нѣчто въ родѣ пугала иностранной композиціи, въ родѣ того, описаннаго въ нашихъ журналахъ, т. е. французскія удушливыя бомбы, отъ которыхъ будто бы люди будутъ падать какъ мухи отъ мухомора, а на дѣлѣ оказывавшіяся только черезъ-чуръ противнаго запаха.

Какъ бы то ни было, а наступило 8 сентября; загремѣла канонада на бурлюкѣ; мы находившіеся на батареяхъ крайне сожалѣли, что непріятель не сдѣлалъ высадки въ Камышевой бухтѣ, такъ какъ мы видили что теперь не прійдется намъ драться.

10-го сентября съ вечера вывели корабли къ вѣхамъ при входѣ въ рейдъ, выстроили ихъ въ линію, всѣ говорили, что они приготовляются для обороны входа, но на утро изъ числа ихъ остался одинъ трехъдечный корабль „Трехъ Святителей", не хотѣвшій тонуть, и разставаться съ заслуженной славой: подошелъ пароходъ „Владиміръ", сталъ стрѣлять въ подводную часть изъ своего бомбическаго кормового орудія, и съ прощальными боевыми выстрѣлами, Синопскій боецъ началъ погружаться въ морскую пучину.

На нашей оборонительной казармѣ кипѣла работа по устройству амбразурныхъ и ѣздовыхъ деревянныхъ щитовъ; было видно, что ожидали немедленнаго штурма; означенные деревянные щиты хороши были противъ ружейнаго огня (да и то въ послѣдствіи замѣнены были веревочными), а противъ пушечнаго не только что были безполезны, но даже и вредны, потому что стѣсняя дѣйствіе орудій, наносили большой вредъ (щепою) орудейной прислугѣ.

Въ ночь на 11-е сентября велѣно было ночевать всѣмъ на батареяхъ; тогда и началась дѣйствительная батарейная служба.

Мнѣ было приказано не пропускать чрезъ казарму никого; отзыва не дано, а потому я распорядился запереть входныя двери, и поставилъ ружейнаго ча-

сового изъ числа орудейной прислуги; было часовъ 11 ночи, какъ раздался стукъ, часовой позвалъ меня, я окликнулъ стучавшаго, оказавшагося адъютантомъ начальника линіи, который вошедъ спросилъ: гдѣ находится батарейный командиръ, и узнавъ, что имъ былъ я, сказалъ, готова ли у васъ батарея, „какъ же можетъ быть готова, когда всѣ орудія завалены щепою и брусками дѣлаемыхъ щитовъ". „Ничего не хочу знать, непріятель идетъ, ваша батарея передовая, а у васъ не готовы орудія, разстрѣляютъ васъ за это. Чтобы сей-же часъ была готова батарея, и какъ только покажутся въ полѣ огни, то стрѣляйте". Эхъ, подумалъ я, плохо же дѣло, однако разсуждать не приходилось, подошелъ къ барабанщику, безъ церемоніи разбудилъ его, и велѣлъ бить тревогу, принимая ее на свою отвѣтственность; хорошо понималъ я, что дѣлалъ, или на что рѣшался, но поступить иначе по отданному мнѣ приказанію было невозможно, ошалѣлъ мой барабанщикъ и, вскочивъ какъ спалъ, схватилъ барабанъ и раздалась тревога.

Быстро повставали мои молодцы, батарейная прислуга; побѣжалъ ко мнѣ фейерверкъ, съ вопросомъ, „что дѣлать?" — „раздавать боевые заряды, разжигать фитили по орудіямъ къ заряду картечью!" Чрезъ двѣ минуты батарея была совсѣмъ готова.

Я увидѣлъ приближающіеся къ намъ огни, подумалъ, если это точно непріятель, ожидаемый съ минуты на минуту, то съ какой стати онъ станетъ подходить къ укрѣпленіямъ съ огнями; прибѣжалъ казакъ; генералъ приказалъ не стрѣлять! Наша гусар-

ская колонна идетъ, — хорошо, что я одумался, а то была бы потѣха.

Остатокъ ночи мы провели не спавши въ тревожномъ ожиданіи неизвѣстнаго; гусары сказали, что были отрѣзаны непріятелемъ отъ переходящихъ на позицію, нашихъ войскъ, и по незнанію мѣстности, попали вмѣсто Балаклавской на Маячную дорогу, и тѣмъ чуть чуть не ввели насъ въ бѣду.

12-го въ полдень показалась по Балаклавской дорогѣ непріятельская цѣпь застрѣльщиковъ; мы любовались ея движеніемъ, какъ ловко молодые французскіе застрѣльщики перебѣгали отъ одного мѣстнаго прикрытія къ другому, быстро подвигаясь впередъ; не доходя однакожъ до пушечнаго выстрѣла четвертаго бастіона, остановились и расположились хозяйничить занятою мѣстностью; ночь прошла не совсѣмъ спокойно, въ тревожномъ ожиданіи штурма; намъ были розданы ручныя гранаты и заклепки для орудій, но французы не задумали штурмовать, а занялись укрѣпленіемъ своего тыла отъ князя Меньшикова, занявшаго возвышенную позицію передъ Каченскимъ мостомъ, и тѣмъ дали намъ возможность укрѣпить оборонительную линію города.

Дѣятельно пошли работы по укрѣпленіямъ, впереди нашей батареи выросли пятый бастіонъ и редутъ Бѣлкина, вооружились морскими орудіями, снятыми съ кораблей, щеки амбразуръ желѣзными водяными систернами, насыпанными глиною, что принесло дѣйствительную пользу въ дѣлѣ, стѣнка между пятымъ бастіономъ и редутомъ Шварца вооружена бом-

бичекими орудіями, позади нашей казармы поставили четыре мортиры, воздвигалась такъ названная полынькова батарея (прекраснымъ дѣйствіемъ ея, вслѣдствіе мѣсторасположенія, до нынѣ восхищаюсь); вообще укрѣпились такъ, что послѣ обороны наша батарея изъ передовыхъ и первыхъ сдѣлалась слабѣйшею на пятомъ бастіонѣ.

Огромный промахъ сдѣлали французы, что по приходѣ своемъ на южную сторону не пошли прямо на штурмъ; видно Сентъ-Арно далеко отставалъ отъ нашего Суворова, а то не упустилъ бы случая воспользоваться нашею безсильною обороною.

И въ самомъ дѣлѣ отъ 12-го до 15-го сентября, оборона линіи отъ шестого бастіона по всей горѣ до спуска въ балку Балаклавской дороги состояла въ слѣдующемъ: флангъ шестого бастіона вооруженный, какъ помнится, тремя орудіями; оборонительная каменная стѣна съ бойницами высотою 1½ сажени, съ казематированнымъ флангомъ, вооруженнымъ двумя орудіями, наша оборонительная казарма, отъ нее до Шварца редута невысокая каменная стѣна, сложенная на сухо, и редутъ Шварца, дѣйствующій въ полѣ двумя орудіями; итого вся полевая оборона на протяженіи версты состояла изъ 6-ти орудій, а фланговая изъ 8-ми; въ прикрытіе, или пожалуй въ резервъ артиллерійской прислугѣ, состояли, кажется, неполный армейскій баталіонъ и батарея конной артиллеріи; вся эта мѣстность очень хорошо виднѣлась съ окружныхъ высотъ; сверхъ того, кромѣ хуторовъ, находившихся въ чертѣ пушечныхъ нашихъ

Bayerische Staatsbibliothek München

выстрѣловъ (для разрушенія означенныхъ хуторовъ не было ни людей, ни времени), на противулежащей нашимъ батареямъ горѣ, находилась каменная кладбищенская стѣна. Итакъ, если бы французы, занявъ южную позицію 12-го сентября, на другой день съ разсвѣтомъ, двинулись на нашу казарму, то избѣгли бы дѣйствія орудій шестого бастіона и казамата, и не смотря на то, что каждый изъ насъ не имѣлъ въ мысляхъ сдаваться, а объ отступленіи нечего было и думать, все-таки для овладѣнія Шварца редутомъ и нашей казармой, а въ слѣдъ и всей линіею до рейда и городомъ, едва ли стоило бы непріятелю потерю даже семи тысячь. Слава Богу, бѣда прошла благополучно, они занялись обороною отъ князя Меньшикова, мы-же отъ нихъ, и кажется какъ у нихъ, такъ и у насъ работа шла довольно успѣшно.

18-го числа, часу въ 11-мъ дня, непріятель пустилъ два купеческихъ судна вдоль входа на рейдъ, вѣроятно съ цѣлью испытать дальность полета снарядовъ нашихъ приморскихъ батарей, а батареи открыли огонь весьма неудачный, сбили только утлегарь у одного судна, которое и сѣло на мѣль въ песочной бухтѣ.

Въ это время прибыли къ намъ на батарею князь Меньшиковъ съ адмираломъ Корниловымъ. Князь глядѣлъ спокойно на неудачную пальбу приморскихъ батарей; адмиралъ же горячился, да и право было досадно смотрѣть на суда, тихо и спокойно плывущія подъ частымъ огнемъ нашихъ батарей; наконецъ адмиралъ не выдержалъ: „стрѣляйте“,—„ваше превосходительство не донесетъ, а станокъ не выдержитъ“,

„стрѣляйте“—„тринадцатая винградъ долой, цѣльсь, пли!“ и станокъ разсыпался. Вотъ крайнее неудобство крѣпостныхъ станковъ прежняго устройства, невозможность давать большого угла возвышенія орудію, и не прицѣльные, и на угадъ дѣйствующіе выстрѣлы по подвижнымъ цѣлямъ.

20-го сентября дѣлали вылазку однимъ баталіономъ, для разрушенія хуторской стѣны и зданія, находившагося за кладбищемъ, что и было удачно исполнено.

Въ ночь непріятель началъ складывать разрушенную стѣну, были посланы охотники для воспрепятствованія этой работѣ, но результатъ этой вылазки былъ слишкомъ печаленъ; много было потери.

21-го сентября опять была произведена вылазка двумя баталіонами съ тою же цѣлью, но только что цѣпь застрѣльщиковъ дошла до выше означенной стѣны, какъ непріятель двинулъ свои войска, баталіоны принуждены были отступить, непріятельскіе застрѣльщики заняли кладбище, и открыли штуцерной огонь по батареи, причемъ у насъ были убиты капитанъ лейтенантъ Тироль, и штабный писарь, только что успѣвшій прійти на батарею съ бумагами, и изъ любопытства глядѣвшій въ бойницу, и раненъ одинъ матросъ; пули свистѣли по батареѣ, но, по правдѣ сказать, не производили особеннаго впечатлѣнія. Непріятель хотѣлъ отрѣзать отступающіе наши баталіоны и послалъ въ балку, находившуюся между нашими батареями и кладбищенскою дорогою свою кавалерію. Какъ назвать подобное дѣйствіе? Безумной отвагой!

Назвать же храбростью невозможно; какъ по сигналу смолкли всѣ наши батареи; это торжественное молчаніе есть тяжелая минута для дѣйствующаго войска: не знаю, что чувствовали кавалеристы, но мчались они маршъ маршемъ прямо подъ наши выстрѣлы; орудія, изъ которыхъ были произведены выстрѣлы, зарядили картечью, я сталъ на 10-ое и наводилъ его въ офицера, впереди скакавшаго съ обнаженной саблей: подпустивъ ихъ саженей на полтораста, батареи открыли огонь, въ мигъ непріятельская кавалерія была уничтожена, мой выстрѣлъ разорвалъ лошадь подъ офицеромъ, должно быть только контуженнымъ, потому что къ нему на помощь бросилось человѣкъ шесть застрѣльщиковъ, но новый выстрѣлъ картечью всѣхъ уложилъ на вѣчный сонъ вокругъ спасаемаго, тоже убитаго этимъ выстрѣломъ, офицера; между тѣмъ на нашу батарею были призваны пластуны, залегшіе за мѣшки съ землею, помѣщенные по карнизу казармы, и начавшіе очищать своими штуцерами мѣстность отъ непріятельскихъ застрѣльщиковъ, засѣвшихъ за натуральными преградами и неосмѣливавшихся показаться для отступленія, а тѣ, которые и рѣшались на это, въ мигъ были убиваемы мѣткими выстрѣлами пластуновъ. Я имѣлъ случай замѣтить ихъ зоркость: какая-то хуторская, а можетъ быть французская собака, бывшая съ застрѣльщиками, испуганная пушечными выстрѣлами, также притаилась за камнемъ; когда же смолкъ огонь орудій, то она рѣшилась покинуть свое убѣжище, но лишь только показалась изъ за камня голова ее, въ тотъ же мигъ, пластунъ думая, что это французъ, уложилъ ее на мѣстѣ.

22-го утромъ мы увидѣли французскихъ инженеровъ, разбивающихъ линію траншей въ полѣ; этотъ поступокъ съ ихъ стороны былъ безразсудно-дерзко отваженъ, тратить пушечный выстрѣлъ по нѣсколькимъ человѣкамъ было не разсчетливо, и мы очень сожалѣли о вчерашнихъ пластунахъ; наши же гладкоствольныя ружья далеко не хватали, а то бы ихъ поступокъ не прошелъ бы безъ наказанія.

По 30-е сентября непріятель воздвигалъ траншеи изъ за разрушеннаго хуторскаго зданія; быстро шла его работа, не смотря на то, что наша батарея день и ночь обстрѣливала голову сапы. Вызвавшійся въ охотники для осмотра непріятельской работы армейскій солдатъ молодецки исполнилъ предпріятіе; мы слѣдили съ батареи, за всѣми дѣйствіями, и направляли движеніе его посредствомъ егерскихъ сигналовъ; когда онъ достигъ послѣдней горы, на которой была расположена непріятельская траншея, то поднимаясь на нее ползкомъ, наткнулся на залегшаго француза; что произошло между ими, мы не видали, только послѣ краткой остановки, солдатъ полѣзъ далѣе; послѣ онъ разсказывалъ, что боялся выстрѣлить, чтобы не произвести тревоги, и незамѣтно подползши къ французу, успѣлъ заколоть его штыкомъ, а возвращаясь назадъ, послѣ осмотра непріятельской траншеи, не забылъ захватить штуцеръ убитаго имъ француза, и вмѣстѣ съ тѣмъ разсказалъ, что противъ нашего бастіона устроена непріятелемъ батарея въ 22 орудія и поставлено 6 мортиръ; вслѣдствіе этого свѣденія на другой день была назначена канонада по указанному пункту траншеи.

1-го октября въ часъ по полудни, по данному сигналу съ четвертаго бастіона, загремѣла канонада со всѣхъ окружающихъ батарей. Боже мой, что дѣлалось съ непріятельской траншеей, земля, туры, доски, лопаты — все взвивалось на воздухъ.

До 4-го октября непріятель исправлялъ поврежденную нашими выстрѣлами траншею, по которой мы могли дѣйствовать только двумя орудіями верхней батареи, и выдвигалъ ее впередъ, мы-же при удачныхъ выстрѣлахъ очерчивали на платформахъ направленіе орудій, а по рейкѣ ихъ возвышеніе, что принесло намъ не малую пользу.

Наступило 4-е октября. Орудейная прислуга, по собственному желанію сдѣлала складчину для отслуженія на нашей батареѣ молебна, передъ наступающимъ дѣйствіемъ; было приглашено духовенство, отслуженъ молебенъ съ водосвятіемъ, явилась закуска, потомъ музыка, состоявшая изъ собственныхъ капельныхъ музыкантовъ, и мы хорошо повеселились наканунѣ предстоящаго боя.

Насталъ знаменитый день 5-го октября, день, который во вѣкъ останется въ памяти у Севастопольцевъ; въ послѣдствіи были сильнѣйшія канонады, но 5-е октября было для насъ новинкой.

Съ 4-го на 5-е октября, я стоялъ на вахтѣ (былъ дежурнымъ по батареѣ), съ разсвѣтомъ по обязанности своей, я началъ разсматривать въ зрительную трубу непріятельскую траншею и увидѣлъ, что на ней стоятъ по нѣсколько паръ людей и выбрасываютъ мѣшки изъ амбразуръ, за которыми показались дула орудій; тот-

часъ хотѣлъ идти доложить объ этомъ начальнику; какъ вдругъ увидѣлъ дымъ, вылетѣвшій изъ непріятельской траншеи, въ тотъ же моментъ свиснуло ядро чрезъ голову, докладывать не оказалось времени,—„по орудіямъ" скомандовалъ я такъ, что кажется было слышно на шестомъ бастіонѣ, „11 и 12, пальба орудіями! остальные всѣ на низъ", барабанщикъ подбѣжалъ ко мнѣ: „прикажите бить тревогу?" „пожалуй бей", и только что онъ началъ, какъ ударило ядро въ верхъ бруствера, и сбросило камень, сбившій барабанщика, и раздавившій ему ноги; я побѣжалъ внизъ, чтобы позвать носильщиковъ, посмотрѣть за нижней батареею и увидѣться съ начальникомъ; скажу по правдѣ, хотя я правильно распоряжался, но самъ былъ не въ спокойномъ состояніи; тутъ-же встрѣтивъ юнгу, у котораго зубъ не попадалъ на зубъ, до того они били тревогу, спросилъ, ни съ того ни съ сего, „не лихорадка-ли у тебя," и получивъ утвердительный отвѣтъ, пресерьезно присовѣтовалъ ему анти-лихорадочное средство—глотать на тощахъ по семи зернушекъ чернаго перцу. Здѣсь я узналъ, что мой командиръ, о которомъ я съ сожалѣніемъ и съ благодарностью всегда вспоминаю, былъ контуженъ весьма сильно и отправленъ на перевязочный пунктъ, другой барабанщикъ легко раненъ, я хотѣлъ отправить его на перевязку, но онъ просилъ остаться и легъ за высокій уступъ; въ тотъ же моментъ разорвавшаяся внутри батареи граната отбила ему обѣ ноги по колѣна, а я почувствовавъ жгучую боль въ боку, заставившую упасть меня на колѣна, думалъ что раненъ, однако крови не оказалось; я отправился на

верхъ, и замѣтивъ непріятельскихъ штуцерныхъ, засѣвшихъ въ канаву, дѣйствующихъ противъ четвертаго бастіона, вызвалъ прислугу на 9-ю и 10-ю и открылъ по нимъ огонь, что и заставило ихъ покинуть занятую канаву.

Спустившись внизъ, чтобы распорядиться отпускомъ гранатъ, возвращаясь на верхнюю батарею, въ это время „нѣкто", пробѣгая нижній казематъ, кричалъ „пороховой горитъ! пороховой погребъ горитъ!" Схвативши его за лацканъ сюртука, я сказалъ „еще одно слово и я васъ убью", вслѣдствіе чего лацканъ остался у меня въ рукахъ, а его я только и видѣлъ. Созвавъ людей, и по неимѣнію посуды (въ это время вся она была перебита) показалъ примѣромъ брать воду изъ систернъ фуражками, и затушилъ горѣвшій отъ лопнувшей гранаты брезентъ, на которомъ насыпались картузы порохомъ, въ камерѣ смѣжной съ другой, наполненной семью стами пудовъ пороха; другую влетѣвшую гранату затушилъ руками матросъ; послѣ чего было приказано перенести пороховые боченки и ящики въ погребъ, находившійся подъ казармою. Не догадываюсь по какимъ разсчетамъ помѣстили здѣсь пороховой погребъ, насыпавъ только для предохраненія сводовъ отъ бомбъ сверхъ ихъ земли, противъ чего я говорилъ, что насыпкой земли, хотя мы и сохраняемъ своды, но вмѣстѣ съ тѣмъ указываемъ цѣль для непріятельскихъ выстрѣловъ, и въ такомъ случаѣ предлагалъ, въ добавокъ къ верхней насыпи, укрѣпить также переднюю стѣну, но сдѣлать это оказалось невозможнымъ, по причинамъ прорѣзанныхъ въ стѣнѣ бойницъ, необходи-

мыхъ въ случаѣ штурма. Какъ бы то ни было, но мы перенесли весь порохъ въ погребъ, хоть и подъ выстрѣлами, но совершенно благополучно.

Вскорѣ прибыли на батарею адмиралы Корниловъ и Нахимовъ; хотя ихъ и уговаривали не ходить на верхъ вслѣдствіе большого количества падающихъ бомбъ, гранатъ и ядеръ, но они все-таки побывали у насъ, и присутствіемъ своимъ ободрили прислугу, огонь пошелъ живѣе и до того разогрѣли орудія, что хотя я и приказалъ банить намоченными водою банниками и покрывать мокрыми брезентами, но до нихъ не было возможности коснуться рукою.

По безвѣтрію пушечный дымъ былъ такъ густъ, что мы должны были прекращать на время пальбу, чтобы разсмотрѣть для прицѣла непріятельскую батарею; часу въ одинадцатомъ взорвало у непріятеля пороховой погребъ, мы крикнули ура! огонь пошелъ живѣе, чрезъ нѣсколько времени взлетѣлъ другой погребъ, выстрѣлы непріятельской батареи стали умолкать, чѣмъ доставили намъ возможность наводить орудія вѣрнѣе, и въ одинадцать часовъ, огонь противъ насъ совсѣмъ прекратился.

Стоило взглянуть на нашу батарею—на верхней, мерлоны между 10 и 12 не существовали, кули съ землей, положенные сверхъ бруствера сбиты; банники, пробойники, скамейки, щепа щитовъ и платформъ, разбитая деревянная посуда, осколки бомбъ и гранатъ, перебитыя ружья составляли хаотическую груду; въ нижней батареѣ было не лучше: подбиты устои сводовъ, вообще передняя стѣна крѣпко

пострадала, осколки гранатъ и ядра устилали весь полъ.

Наша батарея, дѣйствуя въ продолженіе четырехъ часовъ времени двумя, и нѣсколько минутъ, четырмя орудіями, выпустила 247 зарядовъ ядрами и гранатами; потеряла убитыми и ранеными 254 человѣка изъ числа 272, состоящихъ до боя въ орудейной прислугѣ. Удивительно, что зарядный ящикъ, стоявшій на верхней батареѣ безъ всякаго прикрытія, не былъ взорванъ, и ни одно орудіе не было повреждено, не смотря на сильно поврежденную батарею.

По окончаніи дѣла, не обращая вниманія, что на другихъ батареяхъ продолжалась пальба и нашъ корабль, стоя въ южной бухтѣ, громилъ залпами Викторію, батарею англичанъ, всѣ офицеры пятаго бастіона и окружныхъ батарей собрались на бастіонный плацъ поговорить о батарейныхъ новостяхъ и подышать чистымъ воздухомъ, нисколько не думая о томъ, что плацъ былъ видѣнъ съ непріятельской траншеи какъ на ладони, и я теперь еще удивляюсь тому, что французы, обладая штуцерами, не догадались перестрѣлять насъ какъ куропатокъ.

Не успѣли мы пообѣдать, какъ часу во второмъ, раздались выстрѣлы нашихъ приморскихъ батарей, непріятельскій флотъ, выстроившись въ линію, подходилъ къ нашимъ приморскимъ батареямъ, испытать свое счастье, съ секунды на секунду выстрѣлы становились чаще, и вдругъ канонада двухъ тысячь орудій слилась въ одинъ потрясающій гулъ.

Мы продолжали изрѣдка обстрѣливать непріятель-

скую батарею; разорвало гранату, Богъ знаетъ отъ куда взявшуюся, вѣроятно съ кораблей, меня задѣло такъ ловко по головѣ, что я упалъ, не видя свѣта Божьяго, однако, вскочивши, не нашелъ раны, но чувствовалъ боль и круженіе, а потому и отправился на перевязочный пунктъ; уже вечерѣло; наши приморскія батареи молчали потому, что чрезвычайно густой дымъ, стоявшій на морѣ стѣною, не позволялъ что-либо видѣть, а непріятельскіе корабли пришли въ такой азартъ, или восторгъ, что ради своей потѣхи продолжали салютовать залпами, отъ которыхъ, какъ въ котлѣ, кипѣла вода на рейдѣ.

Пришедъ на перевязочный пунктъ, я нашелъ его переполненнымъ раненными; отыскавъ какого-то доктора, давшаго мнѣ для перевязки бока бинтовъ и корпіи, а для головы спирту, и взявъ эти аппараты, возвратился на батарею.

Не надѣясь на нижніе своды, я заложилъ на верхней площадкѣ земляной брустверъ на два орудія, въ ночи выпросилъ 50 человѣкъ солдатъ, и съ помощью ихъ земляная батарейка въ два орудія къ утру была готова и вооружена, а выбитые мерлоны заложены мѣшками съ землею, и вся верхняя батарея по возможности приведена въ порядокъ.

На разсвѣтѣ мы увидѣли небольшой пароходъ, тихо шедшій внѣ выстрѣловъ нашихъ приморскихъ батарей, и вѣроятно разсматривавшій воображаемыя страшныя разрушенія, нанесенныя батареямъ громадною бомбардировкою союзнаго флота, но къ немалому своему удивленію таковыхъ не оказалось; батареи какъ стояли, такъ и остались.

6-го мы продолжали обстрѣливать непріятельскую батарею изъ двухъ орудій, оставленныхъ за переднимъ каменнымъ брустверомъ и усиливать земляную батарею; послѣ обѣда начали падать снаряды съ лѣваго фланга изъ непріятельской батареи, дѣйствующей противъ четвертаго бастіона, а потому съ этой стороны, для прикрытія батареи устроенъ былъ траверзъ и установлены оставшіяся въ излишкѣ орудія.

7-го съ разсвѣтомъ опять открылась канонада; вскорѣ нижніе устои были сбиты, и наши два переднія орудія вмѣстѣ со сводомъ рухнулись внизъ, мы перешли за земляную батарею, и открыли съ нее огонь; часу въ 1-мъ завалило одну амбразуру разорвавшеюся въ ней бомбою, а въ другой перебило станину у орудія; далѣе дѣйствовать было невозможно, мы спустились внизъ ожидать конца канонады, превратясь при томъ изъ артиллеристовъ въ пѣхотинцовъ.

Часу въ пятомъ не достало снарядовъ на батареяхъ бастіона: всего осталось по три заряда на орудіе, а потому велѣно прекратить пальбу; непріятель пострѣлявъ еще немного и не получая отвѣта вообразилъ, что наши батареи сбиты, такъ какъ были его 6-го числа, двинулъ свои войска, думая забрать насъ безъ боя, пробили тревогу, мы стали въ ружье, зарядивъ ружья и перекрестились, готовясь на вѣрную смерть; а все прежде перекусили сухариковъ, воспользовавшись минутной тишиной, такъ были голодны въ этотъ день; между тѣмъ наступающій непріятель не выдержалъ залпа картечью, далъ тылъ, въ „до свиданіе“ послали ему еще залпъ ядрами, и на нашемъ бастіонѣ осталось

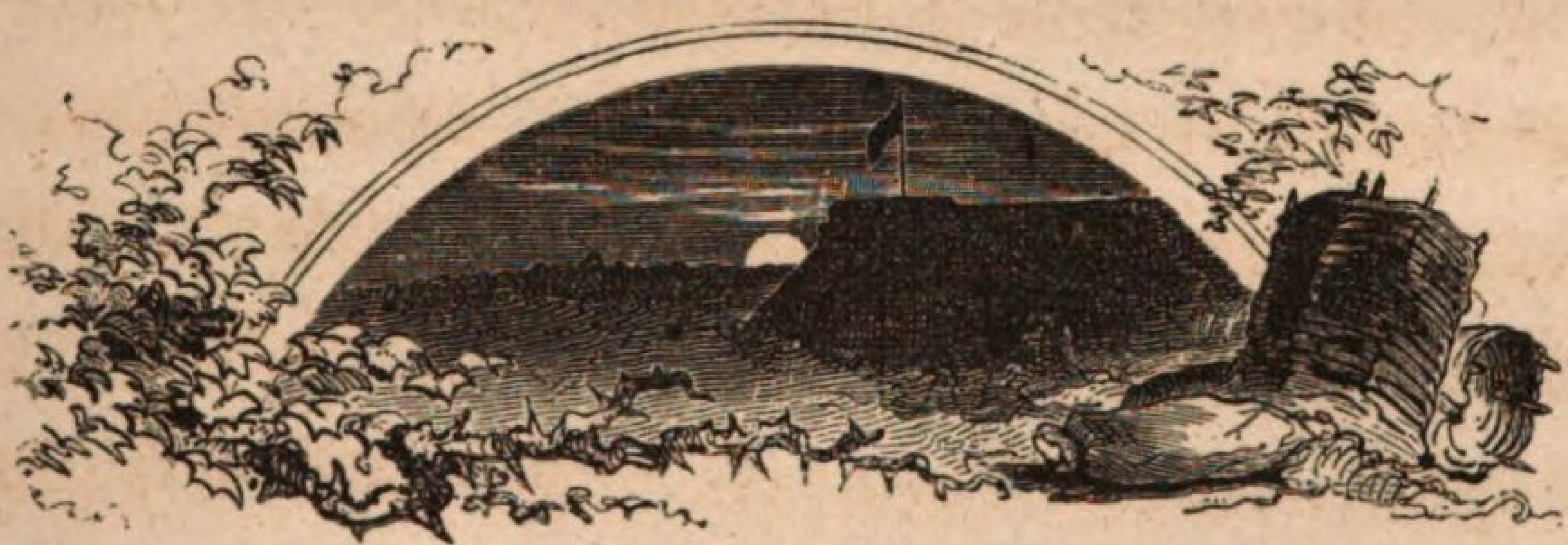
только по одному заряду на орудіе; хорошо, что французы не могли знать этого, или слишкомъ растерялись отъ полученныхъ залповъ и не возобновили нападенія.

Стемнѣло; мы занялись спускомъ орудій съ верхней батареи, а земляной брустверъ и траверзъ остались прикрытіемъ для сигнальщиковъ.

Наша батарея кончила свое дѣло, а мы съ похвалою начальства, исполнили какъ слѣдуетъ, свой долгъ, хотя и жутко намъ было.

Кончила дѣло батарея наша, и кончился первый актъ Севастопольской драмы. Съ этого дня, благодаря трудамъ Тотлебена и въ особенности энергическимъ распоряженіямъ незабвеннаго Нахимова, оборона города, въ особенности же нашей линіи, начала брать перевѣсъ въ силѣ противъ осадныхъ работъ непріятеля.

Севастополецъ.

ЭПИЗОДЪ
ИЗЪ
ИНКЕРМАНСКАГО ДѢЛА.

ЭПИЗОДЪ

из ъ

ИНКЕРМАНСКАГО ДѢЛА.

22-го октября 1854 года, по приказанію начальника дивизіи, генералъ-лейтенанта Соймонова, наша 10-я дивизія, въ 4 часа по полудни снялась съ позиціи Бельбекъ, и отправилась по большой дорогѣ къ Южной Бухтѣ Севастополя, куда прибыла вечеромъ, и ожидала переправы въ Севастополь; переправа эта началась уже въ то время, когда совершенно стемнѣло, и производилась на пароходахъ, подъ начальствомъ адмирала Нахимова.

Переправясь черезъ бухту къ Екатериненской пристани, мы побаталіонно вступили въ городъ, и на Никольской площади, по приказанію начальства, были остановлены и построены въ колонну къ атакѣ.

Составивъ ружья на этой площади, мы получили приказаніе разойтись, но не далеко, и быть готовыми къ бою; при самомъ началѣ переправы пошелъ дождь, усиливаясь часъ отъ часу, онъ продолжался цѣлую ночь и во весь другой день. Отъ этого проливня офицеры и нижніе чины нашли спасеніе въ Никольской батареѣ и въ домѣ Благороднаго Собранія, въ то время занятаго подъ перевязочный пунктъ, и тутъ-то на досугѣ, задавались вопросами и догадками о непріятельскихъ дѣйствіяхъ; такъ моряки разсказывали, что нашихъ очень мало въ Севастополѣ и непріятель до сихъ поръ надъ нами имѣетъ большой перевѣсъ, да и нашихъ уже, т. е. моряковъ, уничтожено тысячь до восьми, но теперь какъ наши войскапостепенно прибываютъ, то навѣрно можно ожидать какого нибудь дѣла, на что наши солдаты, съ своей стороны, хвалились морякамъ, что и они съ порохомъ давно знакомы, а подраться и здѣсь имъ не страшно, лишь бы только скорѣе дѣло началось.

Въ такихъ толкахъ прошли ночь и другой день, но о подробностяхъ распоряженія начальства, какъ дѣло будетъ начато, когда и куда идти, никому изъ насъ не было извѣстно: все это сохранялось въ чрезвычайной тайнѣ. Наконецъ въ 12 часовъ ночи, на 24 число, мы ротные командиры получили приказаніе идти къ ружьямъ, осмотрѣть ихъ (они находились, какъ сказано выше, ставленными на площади), повѣрить ряды людей, и когда все это будетъ сдѣлано, то выходить поротно на Екатериненскую улицу. По выходѣ, нашъ Колыванскій полкъ былъ поведенъ покойнымъ начальникомъ дивизіи генералъ-лейтенантомъ Соймо-

новымъ, со взятымъ проводникомъ, по этой улицѣ; прійдя къ Бухтѣ, мы переправились по устроенному мосту, и достигли предмѣстья Севастополя „Пересыпь,“ потомъ перешли каменный мостъ,—здѣсь генералъ Соймоновъ, видимо будучи въ затрудненіи куда идти, спросилъ проводника о занятомъ непріятелемъ мѣстѣ; построивъ дивизію въ колонну къ атакѣ, мы продолжали путь далѣе, и когда подошли къ горѣ, генералъ Соймоновъ далъ намъ отдохнуть минутъ 10—15, и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ зарядить ружья; самъ же, обходя полки дивизіи, не упустилъ разспросить у проводника о мѣстности, ободрялъ солдатъ, внушалъ имъ быть храбрыми, и говорилъ, что сегодняшній день они будутъ драться въ виду Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей, и тутъ же приказалъ идти какъ можно тише и не разговаривать. Какъ скоро окончился отдыхъ, онъ велѣлъ стать баталіонными колоннами нашему полку и Томскому въ одну линію, но оставить между баталіонами интервалы для артиллеріи, и ожидать ея прихода; по замѣщеніи артиллеріей интерваловъ, генералъ Соймоновъ приказалъ вывесть штуцерниковъ сихъ двухъ полковъ, которые подъ командой нашего полка подпоручика Чепурнаго пошли впередъ, разсыпались, заняли пространство линіи, и расположились по бывшимъ за ними кустарникамъ; цѣпь непріятеля замѣтила это — и перестрѣлка началась. Какъ только время подходило къ разсвѣту, но еще предметы трудно было хорошо различить, наши штуцерники усилили огонь и начали наступленіе, а въ подкрѣпленіе имъ вызваны были стрѣлки всей линіи,

которые, соединясь съ штуцерными, быстро стали тѣснить цѣпь непріятельскую, а она-же, въ свою очередь, была постоянно съ минуты на минуту усиливаема. Колонны линій, видя наше преслѣдованіе, начали двигаться вмѣстѣ съ батарейной артиллеріей впередъ; — это дѣло уже было съ разсвѣтомъ. Такъ какъ путь отъ дождей былъ весьма затруднителенъ, и густые кустарники препятствовали артиллеріи въ быстромъ ходѣ съ нами, то она принуждена была остановиться съ Екатеринбургскимъ полкомъ, который служилъ резервомъ. Колонны продолжали стремительное наступленіе, и хотя ряды во взводахъ слабѣли, будучи поражаемы на каждомъ шагу непріятельскими штуцерниками, за всѣмъ тѣмъ они достигали возведенныхъ непріятелемъ укрѣпленій и батарей, и наконецъ достигли ихъ совсѣмъ, и не смотря на встрѣтившій ихъ батальный огонь непріятельскихъ колоннъ, подходившихъ однѣ за другими съ разныхъ мѣстъ, наши все еще, сколько могли, держались, имѣя надежду на подкрѣпленіе; но никакихъ войскъ кромѣ нашихъ 3-хъ полковъ дивизіи не прибывало. Пораженіе нашей цѣпи во все время наступленія цѣпью непріятельскою, и наконецъ встрѣча съ непріятельскими колоннами, ошеломила насъ окончательно;—не имѣя долѣе никакой возможности держаться—мы отступили.

Находясь впереди во все время нашего движенія, и командуя ротой 1-го баталіона, я при отступленіи только узналъ, что всѣ изъ начальниковъ и старшихъ товарищей моихъ были убиты или ранены, почему я принялъ начальство надъ баталіономъ, который со-

стоялъ не болѣе какъ изъ 160 человѣкъ со знаменемъ и трехъ офицеровъ. Остановясь на той позиціи, гдѣ началось дѣло, видя предъ собой постоянное увеличеніе силъ непріятельскихъ, я ожидалъ встрѣчи съ кѣмъ либо, чтобы получить приказаніе куда мнѣ слѣдовать, и въ эту-то минуту подъѣхалъ ко мнѣ Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ, который разспросивъ о всемъ случившемся съ этимъ баталіономъ, приказалъ оставаться здѣсь и ожидать приказаній, а самъ поспѣшилъ испросить его у главнокомандующаго князя Меньшикова. Послѣ отъѣзда Его Высочества пріѣхалъ ко мнѣ генералъ-лейтенантъ Павловъ (командовавшій 11-й пѣхотной дивизіей) и также разспрашивалъ подробно о дѣйствіяхъ баталіона, но такъ какъ въ это время непріятель началъ обходить насъ, то генералъ Павловъ оставивъ меня, лично повелъ на непріятеля пришедшій сюда Селенгинскій пѣхотный полкъ и 4-й баталіонъ, который въ виду нашемъ получилъ сильное пораженіе. Послѣ этого, Главнокомандующій чрезъ посланнаго адъютанта приказалъ мнѣ идти съ баталіономъ и присоединиться къ Екатеринбургскому полку, куда я прибывъ, все время при немъ и находился.

По прибытіи моемъ къ Екатеринбургскому полку, знамя 2-го баталіона нашего полка и вмѣстѣ съ нимъ до 50 человѣкъ поступили подъ мое начальство; нижніе чины тѣхъ двухъ баталіоновъ, доставивъ раненыхъ на перевязочные пункты, оставаясь у меня, увеличили количество до 200 чел.

Находясь при Екатеринбургскомъ полку, я узналъ,

что и этотъ полкъ, столь могучій людьми, при началѣ самаго дѣла также потерялъ полкового командира, баталіонныхъ и до двухъ третей нижнихъ чиновъ; въ слѣдствіе сихъ потерь, я былъ оставленъ резервомъ дѣйствующихъ войскъ и мы только прикрывали артиллерію, разбитую въ этомъ дѣлѣ. Екатеринбургскій полкъ и состоявшіе подъ моею командою два баталіона ни въ какомъ дѣйствіи болѣе не были. Въ 2 часа по полудни, по приказанію главнокомандующаго, началось отступленіе по той же дорогѣ, по которой шли въ дѣло.

По возвращеніи моемъ въ Севастополь, остановясь на той же площади, въ 4 часа по полудни того же дня, чрезъ полкового адъютанта я получилъ приказаніе, съ упомянутыми двумя баталіонами отправиться на третій бастіонъ, и состоять подъ командою контръ-адмирала Панфилова, куда и прибылъ въ 6—7 часовъ вечера.

Какъ очевидецъ этого дѣла, я сохраню во всю жизнь мою впечатлѣніе, вынесенное мною въ тѣ страшныя минуты. Изъ оставшихся послѣ такого погрома, между нами не мало нашлось лицъ, у которыхъ шинели стали истиннымъ подобіемъ рѣшета. Кто не вспомнитъ о геройскомъ поступкѣ знаменнаго унтеръ-офицера 1-го баталіона Зинченко, который спасъ свое знамя, и вмѣстѣ съ тѣмъ жизнь командующему баталіономъ Петру Картамышеву, въ минуту налетѣвшаго на него врага. Кому не воскреситъ память поступокъ юнкера Ескова 5-й роты, рѣшившагося принести въ Севастополь тѣло убитаго своего ротнаго командира штабсъ-

капитана Клейменова; но вмѣстѣ съ тѣломъ погибшаго отъ смертельной пули, и потрясающій подвигъ стрѣлка баталіона, рядоваго Полѣнова, который, истощивъ въ борьбѣ съ непріятелемъ послѣднія силы, чтобы не отдаться въ плѣнъ, бросился съ крутой скалы, и разбился,—и много другихъ примѣровъ, которые свидѣтельствуютъ о храбрости всѣхъ чиновъ въ этомъ несчастномъ дѣлѣ.

Маіоръ Курниковъ.

ВОСПОМИНАНІЕ

объ осадѣ Севастополя

маіора 5-го пѣхотнаго Калужскаго Его Императорско-Королевскаго Величества Императора Германскаго и Короля Прусскаго полка

Николая Семеновича Латинскаго,

ВОСПОМИНАНІЕ

объ осадѣ Севастополя

маіора 5-го пѣхотнаго Калужскаго Его Императорско-Королевскаго Величества Императора Германскаго и Короля Прусскаго полка

Николая Семеновича Латинскаго.

Службу свою я началъ въ 4-мъ стрѣлковомъ баталіонѣ. Баталіону этому выпала завидная доля быть исключительно одному изъ числа существовавшихъ тогда стрѣлковыхъ баталіоновъ, въ теченіе всей осады Севастополя. Мнѣ-же не пришлось быть все время въ числѣ защитниковъ Севастополя, а только подъ конецъ осады, начиная съ половины февраля мѣсяца 1855 года и, какъ военная служба моя началась всего за полтора года до этого, то я и начну разсказъ свой съ ея начала.

Въ 1853 году, годъ моего выпуска въ офицеры изъ Московскаго кадетскаго корпуса, я былъ назначенъ въ 4-й стрѣлковый баталіонъ, который стоялъ въ началѣ

октября мѣсяца на бивуакахъ подъ Бухарестомъ, считаясь при летучемъ кавалерійскомъ отрядѣ.

Баталіонъ свой я разыскалъ съ величайшимъ трудомъ.

Цѣль и назначеніе этого отряда я положительно не помню; помнится только, что мы сдѣлали съ нимъ нѣсколько большихъ переходовъ, послѣ которыхъ баталіонъ расположился на зимовыя квартиры по деревнямъ подъ Бухарестомъ.

Баталіонному командиру я представился тотчасъ по прибытіи къ баталіону; на бивуакахъ онъ не жилъ по нездоровью, а занималъ квартиру въ деревнѣ, примыкавшей къ нашему бивуачному расположенію.

Командовалъ баталіономъ тогда добрѣйшій старикъ полковникъ Енохинъ. Помѣщеніе состояло изъ двухъ просторныхъ и чистыхъ комнатъ съ нарами, устланными коврами, вмѣсто всякой другой мебели. При представленіи я по обыкновенію тогдашнихъ кадетъ, выпущенныхъ изъ корпуса, настолько растерялся, что вошелъ къ нему въ комнату въ каскѣ. Полковникъ деликатно замѣтилъ мнѣ, что въ комнатѣ въ каскѣ не являются—усадилъ меня и началъ разспрашивать откуда ѣду?

При этомъ вопросѣ передо мною невольно пробѣжало все недавно испытанное: выпускъ изъ корпуса, поѣздка къ роднымъ въ Харьковъ, разставаніе съ ними, быстрая, бойкая ѣзда по Новороссіи, наконецъ, путешествіе по Молдавіи и Валахіи чуть ли не въ дѣтской повозкѣ на четверкѣ несчастныхъ загнанныхъ маленькихъ лошадокъ, и вмѣсто ямщика верховой молдава-

нинъ, ничего не понимавшій, не разбиравшій дороги и не заботясь объ сѣдокѣ, гонящій лошадей съ такимъ азартомъ, какъ будто ему ѣзды только эта станція. Изъ этихъ картинъ, разставаніе съ старушкой матерью и съ сестрами какъ камень лежало на сердцѣ, и невольная слеза скатилась съ глазъ; мнѣ стало стыдно, но старый полковникъ, узнавши въ чемъ дѣло, тоже разчувствовался, вспомнивши о своей женѣ и дѣтяхъ, оставленныхъ въ Россіи, ласково ободрилъ меня, и при этомъ сказалъ: „вы счастливы, что начинаете службу съ боевой жизни; она сближаетъ людей, отучаетъ отъ эгоизма, развиваетъ истинное товарищество", потомъ прибавилъ: „я васъ назначаю въ 1-ю роту къ капитану Кремеру, въ этой ротѣ есть весьма практичный офицеръ поручикъ Баркъ, попросите его моимъ именемъ, чтобъ онъ устроилъ вашу походную хозяйственную часть", потомъ, всталъ и со мною раскланялся.

Съ ротнымъ командиромъ и его субалтернъ-офицеромъ поручикомъ Баркомъ я сейчасъ-же познакомился и передалъ имъ желаніе полковника относительно моего хозяйства; они совѣтовали теперь объ этомъ не хлопотать, а отложить все до зимовыхъ квартиръ, объ стоянкѣ на которыхъ у нихъ уже ходили слухи; относительно-же моихъ вещей и кухни, сказали, чтобъ я не безпокоился, обѣщая все устроить. Я поблагодарилъ и согласился.

По приходѣ на зимовыя квартиры въ деревню, я занялъ съ Баркомъ общую квартиру у одного молдаванскаго помѣщика, а ротный командиръ сталъ одинъ, у другого помѣщика; столовались мы по принятому

тогда обычаю у ротнаго командира. Когда немножко поустроились, я отправился съ Баркомъ въ Бухарестъ купить лошадь и нужныя вещи для вьюка, затѣмъ, не заѣзжая никуда, кромѣ лавокъ и базара, вернулись домой. Въ обществѣ этихъ офицеровъ (оба они были финляндцы) я провелъ три мѣсяца. Нельзя сказать, чтобы жизнь съ ними была разнообразна; мы обыкновенно ѣли, пили, спали и изрѣдка играли въ преферансъ. Подобная жизнь продолжалась до тѣхъ поръ, пока не заѣхалъ ко мнѣ одного со мною выпуска прапорщикъ Ивановъ, и вытащилъ съ собою познакомиться съ остальными товарищами. Познакомившись со всѣми, я увидалъ, что общество офицеровъ рѣзко дѣлится на офицеровъ старыхъ, солидныхъ, отличныхъ служакъ, по преимуществу финляндцевъ, и на молодежъ: образованную, живую, веселую, тоже отличныхъ служакъ, но любящихъ и развлеченія. Конечно, я не замедлилъ примкнуть къ молодежи.

Жизнь въ обществѣ молодыхъ офицеровъ приняла совершенно другой оборотъ.

Начались путешествія верхомъ и пѣшкомъ въ Бухарестъ. Бухарестъ въ зимній сезонъ въ то время былъ необыкновенно оживленъ. Каждая порядочная гостинница по вечерамъ обращалась въ bal-masqué съ хорошенькимъ оркестромъ музыки, съ публикой самой разнообразной, большую часть которой составляли замаскированныя дамы въ изящныхъ туалетахъ. Къ тому же была итальянская опера весьма порядочная, прибывшая сюда съ занятіемъ русскими Бухареста.

Изъ молодыхъ офицеровъ болѣе другихъ выдавал-

ся, какъ личность характерная и вполнѣ хорошая, нѣкто Платонъ Павловичъ Святобливъ-Коробкинъ. Эта личность будетъ занимать одну изъ главныхъ ролей въ разсказѣ при осадѣ Севастополя, потому и я постараюсь нѣсколько съ нимъ познакомить. Платонъ Павловичъ разсказывалъ мнѣ, что отецъ его, Черниговской губерніи помѣщикъ, тоже былъ военнымъ и участвовалъ во всѣхъ войнахъ Россіи въ началѣ текущаго столѣтія.

По смерти отца, который скончался въ 1850-мъ году *), Коробкинъ оставилъ Нѣжинскій лицей, въ которомъ воспитывался, и поступилъ въ военную службу. Въ поступкѣ своемъ онъ не могъ мнѣ отдать отчета; это былъ какъ бы результатъ отцовскихъ разсказовъ объ военномъ житьѣ-бытьѣ или просто призваніе, но во всякомъ случаѣ въ 1851 году онъ былъ уже юнкеромъ 4-го стрѣлковаго баталіона.

Юнкерскую свою службу онъ несъ совершенно не такъ, какъ другіе его товарищи. Всю тяжесть ея при походахъ и безъ нихъ, онъ несъ на себѣ безъ малѣйшаго отступленія, съ гордостью и самосознаніемъ, отчего и пріобрѣлъ общую любовь солдатъ, такъ что всѣ солдаты въ баталіонѣ называли его, нашъ Платонъ Павловичъ.

Нельзя сказать, чтобъ Платонъ Павловичъ очень увлекался общественными удовольствіями въ Бухарестѣ, хоть онъ и посѣщалъ ихъ весьма усердно; но тамъ, нужно прибавить, часто собиралась молодежъ, инте-

*) Если не ошибаюсь.

ресовавшаяся текущими событіями, въ кругу которыхъ велись самые горячіе разговоры объ бывшихъ дѣлахъ подъ Ольтеницей, объ осадѣ Силистріи, объ отличномъ дѣлѣ Тобольскаго полка, объ дѣлѣ Александрійскаго Гусарскаго полка, наконецъ высказывались вообще мнѣнія на счетъ этой кампаніи. Многіе были того убѣжденія, что намъ уже давно слѣдовало-бы быть подъ Константинополемъ, миновавъ турецкія крѣпости.

Выходъ нашихъ войскъ изъ Валахіи и Молдавіи всѣхъ насъ поразилъ какъ громомъ. Походъ этотъ былъ самый непріятный; къ тому же погода стояла дождливая, ненастная, а въ той мѣстности это много значило; обыкновенные ручьи обращались въ рѣки, глинистая почва такъ размокла, что сдѣлавши шагъ впередъ отъѣдешь полъ шага назадъ; сверхъ того намъ одинъ переходъ, по ошибкѣ въ маршрутѣ, назначенъ былъ въ 60 верстъ; жители также относились къ намъ весьма неблагосклонно, совершенно не такъ, какъ передъ вступленіемъ нашихъ войскъ въ ихъ края.

Товарищи разсказывали, что тогда это былъ не походъ, а праздникъ. Жители вездѣ толпами выходили встрѣчать войска, съ удовольствіемъ принимали къ себѣ на квартиры и угощали кто чѣмъ могъ. Въ особенности солдатамъ тяжело приходилось слѣдовать въ походѣ съ квартиръ; ихъ обыкновенно снабжали сухими фруктами и вообще всякими съѣстными припасами; кромѣ того привычка прежнихъ солдатъ собирать все, что на глаза попадется, кирпичи, тряпочки, старую подошву, подъ предлогомъ, что походному человѣку все пригодится, приводила къ тому результату, что солдатъ

несъ на своихъ плечахъ ношу вдвое противъ положенія.

Нашъ баталіонъ, при выходѣ войскъ изъ Валахіи, слѣдовалъ въ Одобешты, гдѣ простоялъ весьма недолго; оттуда назначенъ былъ на австрійскую границу къ Карпатскимъ горамъ. Въ это время я переведенъ былъ изъ 1-й роты въ 4-ю; командовалъ этою ротою штабсъ-капитанъ Яблонскій. Роту нашу назначили въ отдѣлъ отъ баталіона въ ущелье. Сначала мы расположились въ венгерской деревнѣ, жители которой вообще къ намъ относились недружелюбно. Жилища венгерцевъ были совершенно не такія, какъ у молдаванъ: дома ихъ были построены по преимуществу изъ сосноваго дерева, какъ матеріала, имѣющагося на ближайшихъ горахъ, снаружи и внутри отличались крайней неопрятностью, жители народъ тоже неопрятный съ общей болѣзнью: зобами на передней части шеи въ формѣ красной налитой кровью шишки. Изъ этой деревни наша рота выступила въ ущелье, гдѣ и простояла около недѣли на позиціи, со всѣми приготовленіями къ встрѣчѣ непріятеля. По прошествіи недѣли, рота получила приказъ присоединиться къ баталіону. Во время стоянки въ ущельи, у насъ носились слухи, что мы будемъ имѣть дѣло съ австрійцами; по обращенію, оставленныхъ въ тылу, венгерцевъ, расчитывали, что и они не останутся пустыми зрителями; вообще положеніе нашей роты было незавидное.

Баталіонъ нашъ изъ этой мѣстности, осенью 1854 года, направился въ Бессарабскую область, гдѣ и приготавливался расположиться на зимовыя квартиры,

какъ полученъ былъ приказъ выступить въ походъ въ Крымъ.

Я еще въ Молдавіи чувствовалъ себя постоянно нехорошо, а пришедши въ Бессарабію совершенно расхворался, почему и принужденъ былъ отправиться въ Мелентопольскій госпиталь.

Въ госпиталѣ пролежалъ я въ постели до января мѣсяца 1855 года; въ половинѣ января, я кое какъ оправился и поѣхалъ къ своему баталіону, бывшему уже съ Октября мѣсяца 1854 года въ Севастополѣ. До Херсони я доѣхалъ одинъ на почтовыхъ довольно скоро, изъ Херсони далѣе отправился уже въ кампаніи 12-ти человѣкъ офицеровъ, только что произведенныхъ прапорщиковъ изъ сапернаго баталіона въ разные полки, расположенные въ Севастополѣ. Къ нашей компаніи присоединился еще вольноопредѣляющійся юнкеръ Голиковъ, ѣхавшій съ нами по одному-же направленію. Голиковъ для насъ былъ находкой, потому что онъ ѣхалъ съ мѣста родины, и его родные снабдили всевозможными закусками. Путешествіе до Перекопа не представляло особеннаго затрудненія, и мы его сдѣлали въ нѣсколько дней; провизія-же Голикова утоляла нашъ голодъ, такъ какъ на станціяхъ нельзя было ничего достать. Голиковъ, нужно отдать ему справедливость, отъ души съ нами дѣлился.

Изъ Перекопа намъ дали двѣ огромныя повозки, запрягли въ одну 6-ть лошадей, а въ другую 4-е. Въ этихъ повозкахъ мы размѣстились со всѣмъ нашимъ багажемъ, который конечно былъ незначительный, и тронулись въ путь. Отъѣхавши отъ Перекопа

верстъ 6-ть, лошади въ обѣихъ повозкахъ подъ пригоркомъ стали и, не смотря на всѣ старанія ямщиковъ, не шли дальше; это случилось около 10 часовъ вечера: погода стояла дождливая и вѣтренная; темно было такъ, что въ двухъ шагахъ, ничего не было видно. Ямщики были у насъ татары, почти не говорившіе по русски; кое-какъ мы добились отъ нихъ, что не далеко есть жилище, въ которомъ можно было переночевать. Двое изъ насъ согласились остаться при повозкахъ, остальные, въ томъ числѣ и я, рѣшились искать ночлега. Послѣ долгихъ поисковъ, съ помощію одного ямщика, мы наткнулись на домъ.

Въ домѣ было темно и неслышно было никакихъ признаковъ жизни. Послѣ долгихъ усилій привести къ жизни спавшій людъ въ домѣ, къ намъ вышла отворить дверь какая-то женщина и тотчасъ-же исчезла, оставивши свѣчу въ сосѣдней съ сѣнями комнатѣ. Комната эта, какъ оказалось, была зало съ фортепьяно, довольно чистенькая и большая. Судя по комнатѣ, мы рѣшили, что должна быть и прислуга, которую мы и пошли разыскивать. Поиски увѣнчались успѣхомъ; найдены были двѣ горничныхъ, объявившія, что здѣсь живетъ помѣщица съ дочерью, и что она отдаетъ на ночлегъ въ наше распоряженіе зало, съ условіемъ чтобы мы не шумѣли. На счетъ съѣстного приказала объявить, что ничего не имѣется,—а это для насъ и было важнѣе всего. Мы страшно проголодались. Нечего дѣлать, пришлось двумъ изъ насъ отправиться къ повозкамъ, за остатками провизіи Голикова. Провизія эта скоро была принесена и также скоро

уничтожена. Утоливши нѣсколько голодъ, мы попросили горничныхъ принести соломы, что ими и было исполнено,—устроили себѣ постели, и легли спать. Утромъ хозяйка дома смягчилась, пригласила насъ въ гостиную, угостила чаемъ, а потомъ и завтракомъ, и предложила намъ своихъ лошадей до 1-й станціи. Почтовыя-же лошади и утромъ пригорокъ считали своимъ рубежемъ, за который рѣшились не переступать, не смотря на сыпавшіе на нихъ со всѣхъ сторонъ удары. Помѣщичьи сытыя лошади насъ весьма скоро привезли на станцію.

Съ этой станціи мы начали чувствовать близость войны; картины разрушенія начали попадаться все чаще и чаще; на этой станціи лошади почти перевелись; проѣзжающихъ отправляли на чемъ попало: на быкахъ, верблюдахъ; около дороги валялись павшія лошади, быки, поломанныя и цѣлыя повозки, оставленныя вѣроятно потому, что не на чѣмъ ихъ было везти. Вообще отъ Перекопа до Симферополя мы дѣлали не болѣе одной станціи въ сутки, между тѣмъ эта мѣстность, я полагаю, почти единственная у насъ въ Россіи, какъ не имѣющая ни одной, сколько нибудь значительной, неровности. Приключеній никакихъ не было, кромѣ того, что содержатель одной изъ станцій, еврей, эксплоатировалъ бывшее распоряженіе, что офицеръ, ударившій служащаго на станціи, платитъ 25 руб., нарочно дерзкими выходками наводилъ проѣзжающихъ на то, чтобы его побили, послѣ чего указывалъ на распоряженіе, грозилъ жалобою и взысканіемъ денегъ, и кончалъ тѣмъ, что мирился на

нѣсколькихъ рубляхъ. Съ нами онъ повторилъ туже исторію; началъ говорить дерзости, одинъ изъ числа насъ, горячинькій, бросился поучить мошенника еврея, но я его удержалъ, предупредивъ, что еврею очень хочется получить 25 руб.

Наша общая поѣздка продолжалась до Симферополя, откуда для дальнѣйшаго слѣдованія мы разбились по трое и по двое, такъ какъ на станціяхъ отъ Симферополя къ Севастополю лошадей было достаточно, и мы въ поѣздкѣ не встрѣчали уже никакихъ неудобствъ; между тѣмъ дорога тутъ была несравненно хуже, гористая, глинистая и страшно разбита обозами всевозможныхъ родовъ; тутъ уже чуть не на каждомъ шагу попадались мертвыя лошади, быки, брошенныя годныя и негодныя повозки.

На сѣверную сторону Севастополя я пріѣхалъ въ половинѣ февраля, на другой день послѣ бывшаго дѣла съ французами при заложеніи нашими Волынскаго, Селенгинскаго и Камчатскаго редутовъ. Солдаты наши, будучи на работѣ на редутахъ и имѣя ружья въ козлахъ, подвергались обходному нападенію со стороны французовъ, но нисколько не потерялись, отбросили атаку, защищаясь тѣми же инструментами, которыми работали.

Это была самая свѣжая новость на сѣверной сторонѣ, объ которой вездѣ толковали; порядочная толпа собралась на берегу бухты, разсматривать трупы французовъ, лежавшіе тутъ подъ навѣсомъ, съ развороченными черепами, изувѣченные и обезображенные ударами кирокъ и другими инструментами.

На меня картина эта, видѣнная въ первый разъ, произвела непріятное впечатлѣніе, но сознаніе долга взяло свое, и я сейчасъ-же разогналъ дурныя мысли и отправился хлопотать о переѣздѣ на южную сторону Севастополя, гдѣ были мои товарищи стрѣлки.

На пристаняхъ, какъ на Сѣверной такъ и на Южной, (иначе Графская), кипѣла оживленная дѣятельность, народъ толпился нельзя сказать, чтобы исключительно военный, но и гражданскій, и даже кое гдѣ выглядывали и дамы, и вездѣ подъ впечатлѣніемъ выиграннаго нами дѣла, разговоры были веселые и лица оживленныя; щеголеватыя лодки съ молодцами матросами такъ и сновали по бухтѣ. Новая живая картина изгладила дурное впечатлѣніе, произведенное зрѣлищемъ на берегу, заставила забыть близость непріятеля и поддаться общему веселому настроенію. Меня перевезъ на другую сторону матросъ на овойкѣ (лодкѣ), посадивъ меня на руль; обязанность рулевого я исполнялъ первый разъ въ жизни, и нельзя сказать, чтобы дурно, потому что доѣхали до другого берега благополучно и очень скоро.

Нашимъ баталіономъ командовалъ маіоръ Эльвинъ, полковникъ-же Енохинъ за болѣзнію вышелъ въ отставку.

Маіоръ Эльвинъ имѣлъ квартиру недалеко отъ графской пристани, квартиру его я нашелъ весьма скоро и, кстати, засталъ его одного. По представленіи онъ мнѣ объявилъ, что я остаюсь въ прежней 4-й ротѣ, которая несла службу на корабельной сторонѣ на 3-мъ бастіонѣ.

По выходѣ отъ командира, я отправился къ штабнымъ узнать, что вообще тутъ подѣлывается и какую службу несутъ товарищи.

Изъ баталіоннаго штаба я положилъ себѣ отправиться тотчасъ въ роту, дорогою-же, — осмотрѣть, что сдѣлали союзники съ городомъ.

Общій видъ города не представлялъ еще особеннаго разрушенія. Графская сторона около пристани была совершенно цѣла, Екатериненская улица полна жителями горожанами, мѣстными и прибывшими военными; магазины, лавки, гостинницы были полны посѣтителями.

Въ этомъ уголкѣ города, какъ я узналъ въ послѣдствіи, Севастопольцы обыкновенно отдыхали отъ боевыхъ трудовъ и забывали за стаканомъ вина, что городъ находится въ осадѣ.

Съ графской стороны на корабельную, гдѣ была расположена 4 рота, нужно было опять таки переѣхать на лодкѣ; мостъ, не помню, былъ разломанъ или еще не готовъ; бухта эта проходила между двумя обрывами и спуски къ ней были такъ круты, что я съ непривычки едва едва спустился, чтобы переѣхать на лодкѣ на другую сторону; на другой-же сторонѣ опять таки съ трудомъ взобрался на кручу, хотя было сухо (въ дождливое время спускъ и подъемъ были еще гораздо затруднительнѣе). Роту я скоро отыскалъ, она была расположена въ казармѣ, какого названія теперь не упомню, знаю только, что казарма эта отъ бомбардировокъ еще нисколько не пострадала.

Съ ротнымъ командиромъ Яблонскимъ я тамъ-же

встрѣтился, гдѣ ему и явился. Онъ мнѣ очень обрадовался, при этомъ сказалъ, что у насъ теперь пока служба не тяжелая, приходится черезъ день ходить въ ложементы противъ 3-го бастіона, и что онъ меня завтра-же назначитъ на службу.

На другой день до свѣту унтеръ-офицеръ пришелъ доложить, что стрѣлки готовы; я уже всталъ, напился чаю и дожидалъ этого доклада. Отпустивъ унтеръ-офицера, я вышелъ къ командѣ и повелъ ее въ ложементы.

Дорога къ нимъ шла мимо лѣваго фланга 3-го бастіона, около батареи Будищева, впереди которой шла ложбинками почти до самаго ложемента. Ложементъ этотъ былъ предназначенъ для меня съ половиною команды, другая-же половина отправилась въ сосѣдній ложементъ, расположенный правѣе въ 300-хъ шагахъ. Въ это время между баталіономъ и ложементами не было еще безопаснаго и прикрытаго отъ выстрѣловъ сообщенія, и проходъ къ нимъ возможенъ былъ только когда стемнѣетъ; постройка ихъ была тоже не мудреная; бывшія камено-ломни обставлялись каменьями со стороны, обращенной къ непріятелю, между камнями оставляли отверстія, замѣнявшія бойницы, и ложементы считались готовыми. Они слыли у насъ подъ общимъ названіемъ ломокъ; та ломка, въ которой я оставался, называлась нижней, а другая дальняя — верхней. Вообще онѣ прекрасно прикрывали отъ ружейнаго огня, но артиллерійскій положительно не могли-бы выдержать; впрочемъ англичане, занимавшіе батареи и траншеи противъ насъ, изъ орудій почти не стрѣляли.

Первое впечатлѣніе летающихъ мимо и надъ головою пуль и артиллерійскихъ снарядовъ было такое непріятное, что я невольно съеживался и кивалъ головой; но видъ солдатъ, уже хорошо обстрѣленныхъ, меня скоро отрезвилъ, заставилъ прійдти въ себя и исполнять свою обязанность, не обращая вниманія на пули и другіе снаряды.

Относительно службы въ ломкахъ нельзя сказать чтобы она была тяжелая, какъ я и сказалъ выше; мы имѣли противъ себя въ англичанахъ, народъ спокойный, стрѣляли они по преимуществу только во время смѣны, въ сумерки, утромъ и вечеромъ, въ остальную часть дня выстрѣлы были самые рѣдкіе, а около полудня совершенно прекращались. Одно было неудобно, ломки эти не имѣли правильнаго вида; камни наложены были невысоко, отчего вытянувшись стоять было не безопасно, и приходилось избрать себѣ одно мѣсто, и держаться его въ продолженіе дня. Неудобство быть на мѣстѣ увеличивалось февральской погодой, которая была капризна; иногда шелъ дождь, иногда снѣгъ, а иногда и морозило.

Первый день мнѣ показался безконечно длиннымъ, я положительно не зналъ, куда время дѣвать; солдаты такъ акуратно исполняли свою обязанность, что замѣчаній почти не приходилось дѣлать; наконецъ солдаты были народъ старый, солидный; несли службу съ достоинствомъ и исправно.

Положеніе ложементовъ тоже дѣлало службу однообразной; они расположены были внизу, такимъ образомъ, что хорошо можно было только видѣть тран-

шеи англичанъ, слѣдовательно намъ оставалось отвѣчать на выстрѣлы, посылаемые изъ траншей.

На другой день послѣ того, какъ мнѣ въ первый разъ пришлось испытать ощущеніе быть подъ пулями, будучи свободенъ отъ службы, я отправился на Графскую сторону повидаться съ товарищами.

Александръ Адамовичъ Яблонскій посовѣтовалъ мнѣ зайти въ гостинницу Томаша, гдѣ онъ полагалъ, скорѣе всего можно было кого нибудь встрѣтить. Я воспользовался его совѣтомъ и дѣйствительно засталъ тамъ Коробкина и Форштадіуса. Форштадіусъ былъ офицеръ, недавно произведенный изъ юнкеровъ въ прапорщики; онъ поступилъ къ намъ въ баталіонъ еще въ Валахіи, куда пріѣхалъ изъ Петербурга. Я еще вернусь къ этой личности, а теперь буду продолжать разсказъ.

Гостинница Томаша въ то время еще нисколько не пострадала отъ бомбъ, содержалась опрятно и все подавалось тамъ по весьма доступной цѣнѣ. Послѣ обычныхъ привѣтствій съ товарищами, мы пошли въ отдѣльную комнату, потребовали себѣ закуски и я началъ хвалиться, что былъ уже на службѣ, не боялся летавшихъ пуль, хотя невольно той, которая пролетитъ близко, кивалъ головой. Разсказъ, что я кивалъ головой пулямъ, вызвалъ взрывъ смѣха у хорошо уже обстрѣленныхъ моихъ сослуживцевъ.

Они мнѣ сказали, что „ты вѣроятно перестанешь кивать головою, а о томъ, что кивалъ, никому не разсказывай; здѣсь въ Севастополѣ это не принято“. Въ свою очередь они мнѣ разсказали, что 3-я рота, въ ко-

торой они служили, ходить на 4-й бастіонъ; въ это время бастіонъ этотъ былъ самый опасный; главнокомандующій французовъ, Канроберъ, всѣ усилія употреблялъ, чтобы прорвать линію нашихъ укрѣпленій въ этомъ мѣстѣ; усилія ихъ заключались въ приближеніи осаднымъ порядкомъ и подземной войной (минное искусство), но наши энергично и въ томъ и въ другомъ имъ противодѣйствовали, въ особенности давали имъ себя знать наши вылазки и контръ-мины.

Коробкинъ при этомъ прибавилъ, что почти на всѣхъ вылазкахъ въ командѣ охотниковъ участвовалъ Форштадіусъ, не смотря на то, что изъ нашего баталіона по малому количеству стрѣлковъ, бывшихъ въ Севастополѣ, ни офицеры, ни нижніе чины въ охотники не вызывались.

Потомъ перешли къ частной жизни, которая, какъ они разсказывали, вообще не была слишкомъ весела. Хотя они и были знакомы съ отличными людьми, по преимуществу флотскими офицерами, но и тѣ скучали, тяготясь однообразіемъ осадной войны на сушѣ.

Прибытіе мое въ Севастополь, какъ мнѣ кажется теперь, было временемъ, въ которое наши предполагали подвигаться впередъ изъ линіи укрѣпленій, заложенныхъ прежде на лѣвомъ флангѣ оборонительной линіи; противъ 1-го и 2-го бастіоновъ и Малаховскаго кургана заняты были съ этою цѣлью высоты и на нихъ построены Волынскій, Селингинскій и Камчатскій редуты; противъ 3-го бастіона улучшили существовавшіе уже ложементы, и заложили впереди ихъ новые; сверхъ того обратили вниманіе на соединеніе этихъ ложемен-

товъ неглубокими рвами, настолько впрочемъ углубленными, что можно было посредствомъ ихъ и днемъ поддерживать сообщеніе между ними.

На правомъ флангѣ впереди 5-го и 6-го бастіоновъ тоже прибавлены были ложементы, а впереди Шварцова редута вырыта была траншея, въ оборонѣ которой и мнѣ пришлось участвовать.

Въ ложементахъ противъ 3-го бастіона я несъ службу до первыхъ чиселъ марта; въ теченіе этого времени улучшеніемъ ломокъ еще не занимались, и происшествій выдающихся никакихъ не было, исключая того, что одинъ разъ изъ траншеи шагахъ въ 600 отъ насъ, выскочилъ англичанинъ къ ключу набрать воды, солдаты мои такъ обрадовались этому случаю, что сгоряча выстрѣлили почти вдругъ; англичанинъ, конечно, остался цѣлъ и невредимъ, набралъ воды и ушелъ въ траншеи, пока стрѣлки снова заряжали штуцера.

Въ первыхъ числахъ марта, я переведенъ былъ въ 1-ю роту, занимавшую ложементы противъ 5-го и 6-го бастіоновъ

Капитанъ Кремеръ не былъ такъ счастливъ, какъ ш.-к. Яблонскій; ему пришлось имѣть дѣло съ французами, а они не упускали ни малѣйшаго случая, чтобы вредить намъ; въ ротѣ у него было гораздо больше убыли, нежели въ 4-й. Въ особенности досталось его ротѣ въ траншеѣ противъ Шварцова редута, въ которую рота ходила, со времени заложенія ея, въ помощь къ рабочимъ, посылаемымъ отъ разныхъ полковъ.

9-го марта, днемъ почти невозможно было занимать эту траншею.

Моимъ стрѣлкамъ и томскому баталіону, бывшему на работахъ, доставалось отъ артиллерійскихъ снарядовъ, летавшихъ кажется со всѣхъ сторонъ, не говоря уже о томъ, что пулями осыпали насъ продольно и съ фронта; фронтальныя пули были также не безопасны, такъ какъ разстояніе до французскихъ траншей было не велико, и ихъ стрѣлки весьма часто попадали въ наши бойницы. Изъ этихъ траншей къ намъ посылали еще гранаты изъ полупудовыхъ мортиръ. Время до полудня я употреблялъ на то, чтобы ходить по траншеямъ и отправлять убитыхъ и раненыхъ, наконецъ порядочно усталъ, проголодался и по приглашенію офицеровъ Томскаго полка, расположившихся закусывать присоединился къ нимъ.

Тѣмъ временемъ подошелъ и маіоръ этого полка, какъ фамилія ему, не упомню. Усѣвшись съ нами, онъ началъ разсказывать, что сейчасъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ солдатъ, бывшій въ числѣ рабочихъ, углублявшихъ траншеи, выбросилъ лопатой гранату, пущенную навѣсно прибавивъ: „если бы къ намъ упала подобная граната, я кажется выбросилъ бы ее руками обратно за валъ“.

Начало всякой закускѣ въ Севастополѣ составляетъ водка, и въданномъ случаѣ отступленія не было сдѣлано.

Первую рюмку налилъ себѣ маіоръ и какъ только ее выпилъ, граната упала какъ разъ на закуску, стоявшую въ двухъ шагахъ отъ него. Мы всѣ вскочили, въ числѣ насъ и маіоръ, и разбѣжались за сосѣднія траверзы; когда гранату разорвало, мы снова собрались

и увидѣли, что закуски уже не существуетъ, ее уничтожила милая гостья.

Маіоръ тоже вскорѣ пришелъ; къ нему шутя обратились офицеры, чтобы онъ досталъ закуску, такъ какъ по его приглашенію упала граната, а онъ не исполнилъ обѣщанія ее выбросить.

На это маіоръ сказалъ: „не безпокойтесь, господа, сейчасъ закуска явится“, и отдалъ приказаніе солдату, такъ что никто не слыхалъ, принести сухарей и воды.

Съ появленіемъ этой закуски, всѣ разсмѣялись, но по быстрому ея истребленію, оказалось, что она пришлась весьма кстати.

Остальную часть дня я занимался тѣмъ же самымъ отправленіемъ убитыхъ и раненыхъ; французы до самой смѣны не переставали энергично стрѣлять.

На другой день траншея эта была уже въ ихъ рукахъ, они напали на нее чуть не въ числѣ 10-ти тысячь и оттѣснили бывшій тамъ баталіонъ, кажется тоже Томскаго полка.

Служба моя въ передовыхъ укрѣпленіяхъ противъ 5-го и 6-го бастіоновъ продолжалась не долго и меня снова перевели въ 4-ю роту на 3-й бастіонъ.

Ложементы, которые занимала эта рота, частью исправили и соединили неглубокими рвами; служба была также однообразная, исключая двухъ случаевъ, которые я разскажу теперь-же. Въ одномъ изъ нихъ Александръ Адамовичъ Яблонскій невольно далъ возможность англичанамъ потѣшиться. Это было рано утромъ: онъ пришелъ въ ложементъ повѣрить, какъ стоятъ люди его роты, всѣ ли на своихъ мѣстахъ и во-

обще все ли въ порядкѣ. Особенность его характера была — чрезвычайная разсѣянность и забывчивость. По повѣркѣ занятій людей, онъ предложилъ мнѣ съ нимъ отправиться въ верхнюю ломку для той же цѣли; при этомъ прибавилъ: „въ томъ ложементѣ опаснѣе стоять, англичане имѣютъ тамъ траншеи гораздо ближе и случается, что убиваютъ нашихъ чрезъ бойницу, въ особенности мнѣ жалко одного унтеръ-офицера убитаго недавно пулею въ глазъ; онъ былъ посланъ мною туда за наказаніе; я себѣ далъ слово больше такимъ образомъ не наказывать".

Разговаривая въ этомъ тонѣ, мы вышли изъ ложемента и вошли въ ровъ, который, какъ было сказано выше, не могъ прикрывать человѣка во весь ростъ; плечи и голова были открыты.

Штабскъ-капитанъ Яблонскій шелъ не сгибаясь, я слѣдовалъ его примѣру.

Англичане насъ сейчасъ-же замѣтили и открыли огонь. Такимъ образомъ мы прошли полъ-дороги и разговоръ, въ которомъ я былъ почти только слушателемъ, перешелъ къ постороннимъ предметамъ. Ш.-к. Яблонскій въ разсказѣ, не помню о чемъ именно, такъ увлекся, что остановился. Мнѣ пришлось сдѣлать тоже самое. Между тѣмъ пули начали летать такъ близко, что я схватился за носъ чтобъ убѣдиться цѣлъ ли онъ. Яблонскій ихъ не замѣчалъ и продолжалъ разсказъ, наконецъ мнѣ стало не въ терпежъ, я сказалъ: „Александръ Адамовичъ, вѣдь такимъ образомъ насъ подцѣпитъ какая нибудь шальная пуля". Онъ извинился, прибавивъ: „я такъ увлекся, что забылъ о пуляхъ". Съ

этими словами мы пошли дальше ускоренной походкой, но всетаки не сгибаясь. Чѣмъ мы ближе подходили къ верхней ломкѣ, разстояніе между нами и англичанами сокращалось; къ тому же прошло довольно времени, чтобы насъ замѣтили по всей траншеѣ, и конечно не хотѣли упустить случая пострѣлять по живой мишени; но вѣроятно они очень поторопились, потому что, не смотря на самый учащенный огонь, всѣ пули пролетали мимо. Обошедши ложементъ, я уговорилъ Яблонскаго идти обратно согнувшись.

Послѣдній случай повторился спустя нѣсколько дней и кончился уже не такъ благополучно.

Около 4-хъ часовъ пополудни пришелъ ко мнѣ въ ложементъ флотскій офицеръ (фамилію не помню), отрекомендовался и сказалъ: „я пришелъ къ вамъ по ошибкѣ, я хотѣлъ пройти въ ложементъ къ флотскимъ“. Ложементы которые занимали флотскіе, были лѣвѣе нашего, и не имѣли между собою соединительнаго рва. Я пригласилъ его посидѣть у меня; онъ сѣлъ и сказалъ: „Знаете что, я вѣдь сконфужу вашихъ стрѣлковъ, и попаду къ англичанамъ въ бойницу, прикажите мнѣ дать заряженный штуцеръ“. Штуцеръ ему былъ поданъ; онъ пошелъ къ бойницѣ, чтобы стрѣлять, а я сталъ къ сосѣдней бойницѣ, чтобы посмотрѣть, куда попадетъ пуля. Флотскій довольно долго цѣлилъ, наконецъ выстрѣлилъ; пуля шагахъ въ 200 сдѣлала рикошетъ; полное же разстояніе до англійскихъ траншей было около 500 шаговъ.

Послѣ неудачнаго выстрѣла, онъ сказалъ: „нѣтъ, я нынче не могу стрѣлять; прощайте, я пойду къ ва-

шимъ сосѣдямъ". Съ этими словами онъ направился не дорогой, ведущей на бастіонъ, а прямо полемъ, къ ложементу, занимаемому флотскими. Я его останавливалъ, но онъ меня не послушалъ, говоря, что англичане плохо стрѣляютъ, и вышелъ изъ ложемента.

Пока онъ былъ подъ выстрѣлами, по немъ выпустили нѣсколько пуль. Прошедши шаговъ 15-ть, онъ вернулся къ намъ и сказалъ: „я говорилъ вамъ правду, я зналъ что они не попадутъ". Потомъ прибавилъ кивнувши головой: „ну, прощайте, я больше уже къ вамъ не вернусь". Повернулся и снова пошелъ по тому-же направленію.

Все это произошло такъ быстро, что я не успѣлъ его удержать; энергическихъ мѣръ употреблять не хотѣлъ, потому что опасное мѣсто было шаговъ на 30, а дальше можно было пройдти безопасно ложбинкой.

Англичане между тѣмъ какъ будто поджидали его и почти съ первыхъ шаговъ дали залпъ, но никто не попалъ. Офицеръ даже не измѣнилъ походки. Выстрѣлы по немъ стали рѣже; шагахъ-же въ 20 отъ ложемента пальба снова усилилась, и онъ упалъ.

Я сейчасъ-же послалъ 3-хъ стрѣлковъ ползкомъ принести его въ ложементъ, что ими и было исполнено благополучно.

Когда принесли офицера, оказалось, что пуля попала выше локтя и раздробила кость; раненный страшно ослабъ. Кровь такъ и лилась.

Перевязавши какъ могъ руку, на что употребилъ свой платокъ, я отправилъ его на носилкахъ съ 4-мя стрѣлками на перевязочный пунктъ, 5-му же стрѣлку

приказалъ идти при носилкахъ, на случай если кого нибудь ранятъ.

Дорога на бастіонъ не была безопасна отъ пуль; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нельзя было укрыться, и я считалъ эту предосторожность не лишнею; впрочемъ, стрѣлки прошли къ перевязочному пункту и обратно безъ произшествія.

Бомбардированіе Севастополя, бывшее на Свѣтлое Христово Воскресеніе, застало меня на 3-мъ бастіонѣ. Верки отъ него не особенно пострадали; оно больше принесло вреда городу.

На Корабельной сторонѣ испорчены были казармы, гдѣ стояла наша рота, а Корабельная слободка, находившаяся на скатѣ Малахова кургана, обращена была въ груду развалинъ.

Убыль людей нашей роты едва ли была значительнѣе обыкновенной, потому что намъ приходилось одинъ день ходить въ ложементы, куда артиллерійскихъ снарядовъ не бросали, а другой день быть на бастіонѣ, гдѣ часть людей скрывалась въ блиндажахъ, а другая часть находилась около бруствера. При бруствerѣ, въ виду оставленія ихъ на случай штурма, и такъ какъ другого служебнаго назначенія имъ не опредѣляли, то и позволялось имъ беречься отъ выстрѣловъ; отъ ядеръ и гранатъ они укрывались, прислонясь плотнѣе къ брустверу; отъ бомбъ, если онѣ падали близко, ложились, чтобы дать мѣсто осколкамъ разлетѣться въ разныя стороны; отъ дальнихъ бомбъ прятались за траверзы.

Бомбардировка эта вообще на всѣхъ насъ произ-

вела непріятное впечатлѣніе; союзники узнали слабость русскаго человѣка на большихъ праздникахъ лишнее съѣсть и выпить. Конечно, это прежде всего замѣтно было на солдатахъ, незанятыхъ службою, бродившихъ по городу съ веселыми лицами; ею воспользовались, надѣясь застать насъ въ расплохъ и нанести больше вреда; но это имъ положительно не удалось; съ началомъ канонады, по тревогѣ, куда и хмѣль дѣвался, неизвѣстно, но всѣ собрались въ одинъ мигъ и были на заранѣе назначенныхъ мѣстахъ.

Дальнѣйшій важный фазисъ осады былъ занятіе союзниками Камчатскаго и Селенгинскаго редутовъ, и части ложементовъ противъ 3-го бастіона.

Въ этотъ день я не былъ на службѣ въ ложементахъ, а былъ въ гостяхъ у подпоручика Атласова (прикомандированнаго къ нашему баталіону офицера) и игралъ съ нимъ въ шахматы.

По тревогѣ мы вскочили изъ за стола, схватили оружіе и побѣжали, я на 3-й бастіонъ, а Атласовъ къ своей ротѣ.

4-я рота была уже на бастіонѣ, на батареѣ Будищева. Фельдфебель доложилъ мнѣ, что ш.-к. Яблонскій раненъ и, отправляясь на перевязочный пунктъ, приказалъ мнѣ принять команду надъ ротой.

Я сейчасъ-же явился къ капитанъ-лейтенанту Будищеву и спросилъ, какія будутъ его приказанія, такъ какъ на бастіонахъ стрѣлки наши были въ распоряженіи флотскаго начальства.

Онъ приказалъ мнѣ пока расположить людей на батареѣ.

Положеніе наше въ тотъ моментъ, какъ я узналъ отъ знакомыхъ мнѣ флотскихъ офицеровъ, было таково: редуты Камчатскій, Волынскій, Селенгинскій уже заняли французы; англичане заняли Верхнюю ломку и вновь вырытый лѣвѣе ея ложементъ. Нижняя ломка и ложементы, которые занимали флотскіе, были въ нашихъ рукахъ.

Начальникомъ отряда высланнаго въ эти ложементы, былъ полковникъ Голевъ. Солдаты въ его вѣдѣніи были частью флотскіе, а частью Волынскаго полка.

По всѣмъ батареямъ шла съ обѣихъ сторонъ самая усиленная перестрѣлка.

Съ наступленіемъ ночи капитанъ-лейтенантъ Будищевъ потребовалъ меня къ себѣ и сказалъ: „сегодня ночью наши предполагаютъ отобрать занятые непріятелемъ пункты; у насъ тоже получено распоряженіе взять обратно ложементы; не угодно ли вамъ вызвать офицера и нижнихъ чиновъ изъ вашей роты въ охотники, и отправить въ ложементъ (нижняя ломка) къ начальнику отряда полковнику Голеву“.

Я ему на это доложилъ, что кромѣ меня другого офицера нѣтъ, слѣдовательно я пойду, а нижнихъ чиновъ сейчасъ вызову; при этомъ спросилъ—не будетъ ли еще какихъ либо приказаній?

Капитанъ-лейтенантъ Будищевъ сказалъ: „передайте полковнику Голеву, что вы и ваши стрѣлки посылаются, какъ знающіе мѣстность; а куда онъ пошлетъ васъ, это остается на его благоусмотрѣніе“. За тѣмъ онъ со мною раскланялся и пожелалъ успѣха.

Подошедши къ брустверу, гдѣ были разставлены

стрѣлки, я потребовалъ фельдфебеля и приказалъ собрать роту.

Когда рота была собрана, я подошелъ къ ней и сказалъ: „Братцы, начальству угодно чтобы часть роты шла въ охотники отбить наши ложементы у англичанъ; я иду тоже, кто желаетъ—выходи впередъ". Къ немалому моему удивленію, солдаты начали переминаться, поглядывать другъ на друга и никто не выходилъ.

Сначала это меня взорвало; я чуть не разбранился, но скоро опомнился, сообразивъ, что подобное предложеніе дѣлается имъ въ первый разъ, что ротнымъ командиромъ я безъ году недѣля, и что въ принципѣ нашего простолюдина лежитъ консерватизмъ; за новое онъ неохотно принимается, потому и сказалъ: „спасибо братцы". Солдаты отвѣчали по принятому обыкновенію, но нерѣшительно: „Ради стараться ваше благородіе". Потомъ прибавилъ: „такъ вы стало быть всѣ со мной идете?„ Солдаты отвѣчали съ полнымъ воодушевленіемъ: „Такъ точно, ваше благородіе".

Скомандовавъ что слѣдовало, перекрестился; солдаты сдѣлали тоже, и я повелъ людей вонъ изъ бастіона по направленію къ ложементу (нижняя ломка).

Выйдя въ поле, я осмотрѣлся, и только тогда замѣтилъ, что ночь была страшно темная; стрѣльба изъ различныхъ орудій съ обѣихъ сторонъ какъ будто удвоилась противу прежняго.

Бомбы съ горящими трубками описывали необыкновенно красивыя дуги, ракеты, какъ огненныя змѣи, съ распущенными хвостами, летѣли плавно, высоко надъ нашими головами; ружейная непрерывная

стрѣлба за общимъ гуломъ совершенно не была слышна и обозначалась линіями мелькавшихъ огней, обрисовывая непріятельскія траншеи и части нашихъ бастіоновъ, впереди которыхъ не были высланы войска. Мои стрѣлки шли тихо, не разговаривая, нѣсколько склонивши голову; каждый былъ занятъ собою, вѣроятно подумывая — увижу ли завтра Божій свѣтъ? Въ подобныхъ случаяхъ начальнику нечего хлопотать объ тишинѣ между солдатами; она является сама, и, я полагаю, если бы на моемъ мѣстѣ былъ офицеръ, такъ называемый безтолковый хлопотунъ, онъ тоже шелъ бы подобно мнѣ, не оглядываясь и не безпокоя напрасно солдатъ.

До ложемента (нижняя ломка) мы дошли безъ потерь; я отыскалъ полковника Голева и доложилъ ему о цѣли назначенія моего.

Полковникъ Голевъ сказалъ мнѣ: „я поджидаю баталіонъ Селенгинскаго полка; пока онъ придетъ, дайте отдохнуть людямъ; съ приходомъ его, я возьму у васъ человѣкъ 10 стрѣлковъ для указанія Селенгинцамъ мѣстности около верхней ломки, которую они должны будутъ атаковать. Вы же со стрѣлками произведете фальшивую атаку на ложементъ впереди нашего; однако же, имѣя при этомъ въ виду, если возможно будетъ, занять и утвердиться“. Селенгинцы скоро подошли, и получено было приказаніе начать наступленіе.

Передъ наступленіемъ, я отдалъ слѣдующее приказаніе своимъ стрѣлкамъ: „по выходѣ изъ ложемента разсыпаться отъ середины на шагъ разстоянія въ обѣ стороны; держаться къ серединѣ и съ ней сообразо-

ваться; наступать согнувшись, не торопясь, при полной тишинѣ, чтобы ничего не брякнуло, не скрипнуло; когда подойдешь на тридцать шаговъ къ ложементу, по моему свистку крикнуть всѣмъ ура и лечь; когда пули англичанъ пройдутъ надъ головами, съ крикомъ ура вскочить въ ложементъ".

При отдачѣ подобнаго приказанія я имѣлъ въ виду, что союзники въ послѣднее время далеко не столько терпѣли отъ нашихъ вылазокъ, какъ прежде.

Причина этому была та, что они для нанесенія большого вреда нашимъ охотникамъ, обыкновенно подпускали ихъ на самое близкое разстояніе, встрѣчали залпомъ и отступали въ траншею, бывшую сзади, здѣсь встрѣчали ихъ такимъ же образомъ и отступали въ третьи траншеи, на соединеніе съ резервомъ.

Непріятель, дѣйствуя такимъ образомъ, наносилъ большой вредъ нашимъ охотникамъ, не подвергаясь почти убыли, и не допуская дальше третьей траншеи, которую наши большею частью и не пытались брать, зная, что въ ней всегда были резервы.

Отдавая выше приведенное приказаніе, я билъ на вошедшую привычку союзниковъ не отстаивать первой траншеи, и это мнѣ вполнѣ удалось, какъ покажетъ дальнѣйшій мой разсказъ.

Мое приказаніе было исполнено стрѣлками въ точности; наступленіе дѣлалось при всевозможной тишинѣ и въ полномъ порядкѣ; со вторичнымъ крикомъ ура, мы заняли ложементъ почти безъ потерь, и держались до тѣхъ поръ, пока я не увидѣлъ, что на правомъ флангѣ дѣло наше было проиграно. Селенгинцы

слишкомъ рано крикнули ура, и нѣкоторые изъ нихъ, вѣроятно молодые солдаты, даже выстрѣлили. Англичане открыли по нимъ, изъ верхней ломки, такой убійственный огонь, что не было никакой возможности къ нимъ подойдти.

Отступленіе со стрѣлками я началъ тогда, когда замѣтилъ, что англичане наступаютъ. Подпустивъ ихъ близко, по моей командѣ сдѣланъ былъ залпъ, послѣ котораго я приказалъ начать отступленіе ползкомъ, разсыпавшись отъ середины попросторнѣй, и не дѣлая ни одного выстрѣла.

Собравши людей около ложемента, я убѣдился, что убыль у меня была незначительная; со мной въ одно время подошли и Селенгинцы и бывшіе съ ними мои стрѣлки; изъ числа ихъ вернулось только 5-ть, ровно на половину. Селенгинцы также, какъ я узналъ послѣ, потерпѣли много убыли въ людяхъ. Вообще эта ночь была для насъ фатальна; солдаты ужасно дурно были наэлектризованы, въ нашъ ложементъ (нижнюю ломку) сбилось много солдатъ: Селенгинцы, Волынцы, мои стрѣлки, и нельзя сказать, чтобы царствовалъ порядокъ. Помнится, какому-то барабанщику вздумалось ударить наступленіе; другіе, бывшіе въ разныхъ мѣстахъ подхватили; между солдатами пошелъ говоръ, что англичане подступаютъ и подошли уже совсѣмъ близко. Дряненькіе солдатишки, пользуясь темнотою, пустились бѣжать изъ ложемента; въ это время я стоялъ позади ложемента и принужденъ былъ прикладомъ прогонять къ своимъ мѣстамъ. Штуцеръ, по заведенному мною порядку, всегда брался для ме-

ня, когда я ходилъ на службу, и въ эту ночь все время онъ былъ при мнѣ.

Съ разсвѣтомъ полковникъ Голевъ получилъ приказаніе отступить на бастіонъ.

Причиною этого распоряженія было то, что Камчатскій редутъ, оставшійся за французами, командовалъ надъ всей мѣстностью, впереди 3-го бастіона, а изъ него ядрами и гранатами можно было весьма легко уничтожить весь нашъ отрядъ.

Въ послѣдующіе дни до штурма Малаховскаго кургана, бомбардировка почти не прекращалась.

Въ одинъ изъ этихъ дней, не помню только въ какой именно, я проходилъ со стрѣлками на бастіонъ и видѣлъ, какъ 12-ть человѣкъ матросовъ сидѣли за работою; одна половина вынимала зажигательныя трубки и высыпала порохъ, а другая — вновь снаряжала непріятельскія бомбы.

Нужно замѣтить, что въ это время флотскимъ приходилось экономить 5-ти пудовыя бомбы, по затруднительности ихъ подвоза сухимъ путемъ; между тѣмъ союзники бросали ихъ въ такомъ изобиліи, что осталось много ихъ, по какому нибудь случаю не разорванными; по произведенной пробѣ оказалось, что они отлично приходились къ нашимъ мортирамъ, вслѣдствіе чего батарейные командиры и распорядились разряженіемъ и заряженіемъ этихъ бомбъ.

Пришедши на бастіонъ, я встрѣтился съ знакомымъ мнѣ флотскимъ офицеромъ, лейтенантомъ Макшеевымъ.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, онъ мнѣ сказалъ: „видѣли какъ наши матросики за пороховымъ

погребомъ хлопочутъ около непріятельскихъ бомбъ; пойдемте туда, посмотримъ". Я отвѣчалъ ему на это: „хорошо, идите туда, а я разставлю людей по бастіону, и сейчасъ же прійду къ вамъ".

Съ разстановкой людей я нѣсколько промедлилъ, занявшись стрѣльбою изъ штуцера; тѣмъ временемъ, тамъ, гдѣ чинились бомбы, раздался взрывъ и начали разрываться бомбы.

Нѣсколько матросовъ, а съ ними Макшеевъ взлетѣли на воздухъ. Макшеевъ, обгорѣлый и бездыханный упалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ бруствера и недалеко отъ меня; онъ былъ отличный, храбрый офицеръ 20-ти лѣтъ не болѣе, участвовалъ въ дѣлѣ подъ Синопомъ; въ теченіе осады Севастополя весьма часто ходилъ съ охотниками на вылазки.

Взрывъ бомбъ, какъ разсказывали послѣ, произошелъ отъ небрежности матросовъ; сначала они разряжали ихъ съ полною предосторожностью, наливая воды при выдалбливаніи трубокъ; потомъ къ дѣлу этому попривыкли и стали просто вытаскивать ихъ буравомъ, не употребляя воды, отчего одна бомба вспыхнула и зажгла остальныя, лежащія тутъ рядомъ безъ трубокъ, начиненныя порохомъ.

Выздоровленіе отъ раны штабсъ-капитана Яблонскаго замедлилось, почему и назначили командовать 4-ю ротою подпоручика Коробкина, а мнѣ дали 2-ю роту. Ротный командиръ ея, поручикъ Баркъ, былъ раненъ пулею на вылетъ въ правый бокъ; оставшійся за нимъ подпоручикъ Ивановъ за неисполненіе приказанія флотскаго начальства былъ посаженъ генераломъ

Хрулевымъ на гауптвахту. 2-я рота ходила на службу на Малаховъ курганъ.

Накануне штурма Малахова кургана, какъ обыкновенно водится, фельдфебель пришелъ ко мнѣ за приказаніями. На слѣдующій день рота должна была идти на службу, почему мною и отданъ былъ приказъ: собрать ее до свѣту; когда будетъ готова—дать мнѣ знать; людямъ объявить, что они займутъ на Малаховомъ курганѣ тѣ же мѣста, какія занимали вчера.

Съ уходомъ фельдфебеля у меня страшно разболѣлись зубы и я цѣлую ночь не спалъ, и только подъ утро немного заснулъ. Гарнистъ, пришедшій доложить, что рота готова, засталъ меня въ постели; деньщикъ зная о моей безсонницѣ, пожалѣлъ разбудить раньше; конечно, я его хорошенько ругнулъ, а гарнисту приказалъ, чтобы фельдфебель велъ роту, не торопясь, на курганъ, а я сейчасъ ее догоню. Наскоро умылся, одѣлся и только успѣлъ выпить стаканъ чаю, какъ по всему Севастополю открылась страшная пальба и закипѣла общая тревога. Я схватилъ саблю и побѣжалъ догонять роту.

Подбѣгая къ подъему на Малаховъ курганъ, я замѣтилъ, что развалины Корабельной слободки заняты уже французскими стрѣлками, и дорогу къ нему они положительно осыпали пулями; роты моей не было видно.

Я остановился на минутку, передохнулъ и побѣжалъ дальше.

За мостомъ, на курганѣ, я кое-какъ могъ отдышаться и пошелъ дальше ускореннымъ шагомъ.

Роту я догналъ около башни Малахова кургана, гдѣ ее остановилъ, а самъ отправился къ линіи огня посмотрѣть, что тамъ дѣлается.

Полтавскій *) полкъ, бывшій ночью на работѣ весь вывалилъ на брустверъ, такъ что солдатамъ приходилось стоять въ 6 и 7 шеренгъ, и своими выстрѣлами провожать бѣгущихъ французовъ; ружейная стрѣльба такъ была часта, что походила на барабанную дробь; солдаты, стоящіе сзади, конечно стрѣляли вверхъ; узнавши въ чемъ дѣло, я вернулся за ротой; велѣлъ людямъ разойтись по брустверу, какъ были разсчитаны; протиснуться впередъ Полтавцевъ, стрѣлять, не торопясь, а заряжать скорѣе.

Только люди мои успѣли разойдтись на мѣста, мною указанныя, французы открыли ружейную пальбу и бомбардировку по кургану.

Полтавцы и стрѣлки такъ увлеклись стрѣльбою, что продолжали стрѣлять на брустверѣ, между тѣмъ иногда одна французская пуля выносила двухъ, трехъ человѣкъ изъ строя; это меня и заставило согнать ихъ съ бруствера. Полтавцы стали у траверзовъ, а мои стрѣлки на банкетѣ.

Живой цѣли между тѣмъ не убывало, а еще прибывало; французы бѣжали съ батареи Жерве, прогнанные, оттуда генералъ-маіоромъ Хрулевымъ во главѣ роты Севскаго **) полка.

*) Не помню навѣрно: Полтавскій или Севскій полкъ, знаю только, что командиръ полка былъ полковникъ Марковъ.

**) Рота Севскаго или Полтавскаго полка, не помню навѣрно.

Бомбардировка продолжалась безостановочно до 12-ти часовъ дня; въ теченіе этого времени намъ пришлось поплатиться за отбитіе штурма; въ особенности мнѣ жалко было двухъ стрѣлковъ, георгіевскихъ кавалеровъ. Одному изъ нихъ осколкомъ бомбы оторвало руку; чтобы отнести его на перевязочный пунктъ, фельдфебель назначилъ 4-хъ стрѣлковъ, въ числѣ ихъ за старшаго тоже георгіевскаго кавалера.

Раненаго принесли укладывать на носилки за башню, куда отправился и я наблюсти, что бы его по возможности положили по удобнѣе.

Когда онъ былъ положенъ на носилки и носильщики готовились уже его поднять, бомба, прилетѣвъ изъ за башни, упала на раненаго, повертѣлась, немного пошумѣла и ее разорвало. Отъ раненаго осталось только мокренько; другаго георгіевскаго кавалера тоже убило, троихъ остальныхъ носильщиковъ сильно ранило (едва ли они остались живы), а меня, какъ я стоялъ въ 4-хъ шагахъ и успѣлъ присѣсть, оглушило и осыпало мусоромъ и пескомъ.

Отправивши 3-хъ раненыхъ на перевязочный пунктъ, я пошелъ опять къ брустверу посмотрѣть за дѣйствіями моихъ стрѣлковъ; обошедши ихъ, я убѣдился, что они на своихъ мѣстахъ и усердно стрѣляютъ. Между тѣмъ со стороны непріятеля бомбардировка нѣсколько пріутихла.

Поле къ Камчатскому редуту почти очистилось отъ порохового дыму; я этимъ воспользовался, чтобы посмотрѣть, какъ дорого обошелся штурмъ французамъ?

Судя по количеству труповъ, лежавшихъ на прос-

транствѣ, открывшемся передъ моими глазами, когда я взглянулъ изъ за бруствера, французы потерпѣли огромную убыль въ людяхъ. Красная одежда въ костюмахъ окрашивала поле на столько, что оно казалось какъ бы усѣяно макомъ въ полномъ цвѣту.

Цѣли для нашихъ стрѣлковъ было еще очень достаточно; многіе французы просто залегли за каменьями и выжидали удобнаго момента, чтебы убѣжать къ своимъ, и за то весьма часто платились жизнію.

Люди мои въ этихъ случаяхъ стрѣляли не горячась и, надо признаться, съ величайшею охотою; надоѣло имъ въ теченіе осады перестрѣливаться съ непріятелемъ, котораго не видѣли.

Охотой въ этомъ родѣ они продолжали заниматься до сумерокъ.

На третій день послѣ штурма, заключено было перемиріе для уборки французскихъ тѣлъ.

При перемиріи обыкновенно выставлялись двѣ цѣпи; одна съ нашей стороны, другая съ непріятельской; пространство между цѣпями считалось нейтральнымъ; за нашу цѣпь нельзя было ходить французамъ, а намъ за ихъ цѣпь.

Въ нейтральной полосѣ французамъ позволяли уносить убитыхъ къ себѣ; затѣмъ убитые, оставшіеся за нашею цѣпью относились къ намъ на Малаховъ курганъ.

Подобныхъ перемирій въ Севастополѣ было очень много, но они продолжались большею частью весьма не долго; это-же перемиріе тянулось около 4-хъ часовъ; между тѣмъ съ обѣихъ сторонъ было много войска.

Французскіе солдаты рѣзко отличались отъ нашихъ; они вышли какъ будто на парадъ, въ чистыхъ мундирахъ; люди, которые стояли въ цѣпи,—съ ружьями, а носильщики — съ палками, на которыхъ они уносили убитыхъ.

Наши пришли въ шинеляхъ и замѣтно было, что они объ внѣшности своей вовсе не заботились; откровенно сказать, севастопольскому армейскому солдату и некогда было объ ней заботиться; онъ страшно отягченъ былъ службою.

Полки посылались на работу укрѣпленій иногда днемъ, иногда ночью; сверхъ того въ ночное время несли аванпостную службу.

Не смотря на нещеголеватый видъ нашего солдата, мнѣ кажется каждый посторонній зритель отдалъ бы имъ преимущество передъ французами; они выглядывали серьезно, сдержанно, между тѣмъ французы, вышли, какъ бы радуясь случаю повертѣться передъ новыми лицами.

Между ихъ убитыми оказались нѣкоторые еще живыми; кромѣ палокъ, они ничѣмъ другимъ не позаботились снабдить носильщиковъ; они начали вырывать у нашихъ солдатъ носилки, класть своихъ раненыхъ и уносить ихъ за нейтральную линію; наши солдаты отдавали носилки или изъ состраданія, или проще, озадаченные нахальствомъ.

Обстоятельство это меня взорвало, я ругнулъ солдата, отдавшаго подобнымъ образомъ носилки и приказалъ отобрать ихъ сейчасъ же. Солдатъ приказаніе мое конечно исполнилъ въ одну секунду.

Французскій солдатъ, догадавшійся въ чемъ дѣло, побѣжалъ жаловаться своему офицеру.

Офицеръ этотъ подошелъ ко мнѣ и въ деликатной формѣ попросилъ носилокъ; конечно, я ему не отказалъ, но при этомъ прибавилъ: „французская нація отличается деликатностью, но ничего подобнаго незамѣтно въ его солдатахъ, что и было причиною отказа моего въ носилкахъ“.

Послѣ штурма Малахова кургана, служба стала невыносимо тяжела; французскія батареи, которыя они воздвигали, подвигаясь обыкновеннымъ осаднымъ порядкомъ, такъ и росли; между тѣмъ у насъ на курганѣ прислуга при орудіяхъ—матросы, почти всѣ были перебиты и ихъ замѣнили армейскіе пѣхотные солдаты. Разница въ обращеніи съ орудіями была громадная.

По наслѣдству командныя слова остались тѣ же, но обращеніе совершенно перемѣнилось. Матросы послѣ выстрѣла заряжали необыкновенно скоро; по командѣ: „орудіе къ борту“—придвигали его въ одинъ моментъ. Новая прислуга заряжала, а въ особенности придвигала орудія, такъ медленно, что противно было смотрѣть.

Конечно, объ дѣйствительности выстрѣловъ можно было судить по заряжанію.

Когда орудіе выстрѣлитъ—дыхнетъ (популярное выраженіе на курганѣ), мы крѣпко сомнѣвались нанесетъ ли оно какой нибудь вредъ непріятелю, а между тѣмъ его засыпятъ ядрами, гранатами, которыя выносили изъ строя какъ прислугу, такъ равно и прикрытіе.

Дозв. ценз. 16 Мая 1872 г. Тип. А. Траншеля, Влад. пр. 1.

НАХИМОВЪ.

Впрочемъ, наши вообще избѣгали частой стрѣльбы, стараясь сохранить орудія на случай повторенія штурма.

Не смотря на незавидное положеніе Малахова кургана, какъ всякаго укрѣпленнаго мѣста, которое хотятъ взять осаднымъ порядкомъ, начальство наше, въ особенности капитанъ 1-го ранга Кернъ, употребляли всѣ мѣры, чтобы умѣньшить у насъ убыль людей, для чего увеличили число блиндажей и обставили всю площадь кургана траверзами, что многихъ спасало отъ бомбъ, гранатъ и ядеръ, на которыя не скупились союзники. Трудно выразить какое изобиліе они присылали къ намъ снарядовъ; мнѣ помнится, въ одномъ мѣстѣ амбразуру они почти обратили въ брешь и чтобы ее задѣлать, послѣдовательно было употреблено до 50-ти человѣкъ солдатъ, которые также были уничтожены артиллерійскими снарядами.

Около этого времени мы лишились товарища подпоручика Форштадіуса.

Смерть его была не совсѣмъ обыкновенна. Послѣдніе три дня своей жизни онъ ходилъ нахмурившись, всѣхъ чуждался и не хотѣлъ ни съ кѣмъ говорить. Въ день смерти, около 5-ти часовъ пополудни, онъ приказалъ своему деньщику поставить самоваръ, чему до крайности удивились флотскіе офицеры, такъ какъ я и мои товарищи, будучи на службѣ на бастіонахъ, по заведенному обычаю обыкновенно обѣдали и пили чай у нихъ.

Когда самоваръ былъ готовъ, деньщикъ, по его приказанію, приготовилъ все для чаю въ дальнемъ углу

блиндажа, противуположномъ отъ входа. Форштадіусъ прошелъ туда мимо офицеровъ, которые уже пили чай; они снова напомнили ему о существующемъ обыкновеніи, но онъ имъ ничего не отвѣчалъ, и прошелъ въ уголъ, какъ будто ихъ не замѣтилъ.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ послѣ его прохода, какъ упала бомба съ наружной стороны блиндажа на уголъ, около котораго внутри сидѣлъ Форштадіусъ и ее разорвало; хотя блиндажа она и не пробила, но импетомъ отбросило его къ компаніи офицеровъ, пившихъ чай и, ударившись затылкомъ объ столбъ, онъ недалеко отъ нихъ упалъ мертвымъ.

По осмотрѣ трупа оказалось, что члены всѣ были цѣлы и даже сохранилось угрюмое выраженіе лица; только затылокъ подъ волосами былъ синій.

Покойный Форштадіусъ независимо отъ личной храбрости, былъ хорошій товарищъ, и мы душевно объ немъ пожалѣли. Постигшая его подобнымъ образомъ смерть необыкновенно всѣхъ удивила, потому что онъ, какъ я мелькомъ упоминалъ выше, былъ почти на всѣхъ вылазкахъ въ самое горячее время противъ 4-го бастіона.

Независимо отъ этого, однажды, до взятія союзниками Камчатскаго редута, онъ былъ на службѣ со взводомъ стрѣлковъ въ траншеяхъ противъ этого редута; одному изъ полковыхъ солдатъ, бывшихъ на работѣ, вздумалось передаться французамъ.

Онъ избралъ для этого удобный моментъ, 12-ть часовъ дня, когда перестрѣлка съ обѣихъ сторонъ почти прекратилась, и наши солдаты, стоящіе у бой-

ницъ, стоя дремали, а сидящіе около нихъ, держа ружья въ рукахъ, почти спали.

Но онъ ошибся въ разсчетѣ.

Форштадіусъ, находясь отъ него въ шагахъ 50-ти, не спалъ, и зорко слѣдилъ за всѣмъ происходившимъ.

Только солдатъ успѣлъ перебраться черезъ валъ и пустился бѣжать, онъ крикнулъ: „стрѣляйте, братцы, по негодяю“, а самъ перескочилъ черезъ валъ и бросился бѣжать за нимъ въ догонку.

Съ обѣихъ сторонъ сейчасъ-же догадались въ чемъ дѣло; наши открыли огонь по солдату, а французы по Форштадіусу.

Разстояніе между обѣими траншеями было около 300 шаговъ; ровно на половинѣ солдатъ упалъ; Форштадіусъ подбѣжалъ къ нему и сдѣлалъ тоже.

Стрѣльба, изъ траншей нашихъ и французскихъ, по нимъ, продолжалась до самаго вечера.

Когда стемнѣло, Форштадіусъ, на плечахъ своихъ, принесъ солдата, раненаго въ ногу, что и было причиною его паденія.

Приведенный случай крайней опасности разстаться съ жизнью для Форштадіуса, не былъ единственный; на вылазкахъ, я полагаю, они повторялись весьма часто, между тѣмъ онъ изъ нихъ выходилъ всегда цѣлъ, невредимъ и даже не царапнутъ, почему я и мои товарищи глядя на Форштадіуса, вынесли убѣжденіе, что кому умереть въ постелѣ, того не убьютъ и въ сраженіи.

2-ю роту принялъ отъ меня подпоручикъ Коробкинъ, такъ какъ штабсъ-капитанъ Яблонскій оправил-

ся отъ раны и опять вступилъ въ командованіе своей ротою. Рота съ Малахова кургана была переведена на 3-й бастіонъ. Бастіонъ этотъ въ составѣ своихъ защитниковъ очень измѣнился. Флотскіе офицеры: капитанъ-лейтенантъ Будищевъ, лейтенантъ Яновскій были убиты; это были такія личности, что опасность для нихъ была какъ-бы другою жизнью.

Во время бомбардировокъ они обыкновенно сами стояли съ подзорной трубою на возвышенныхъ мѣстахъ: на пороховомъ погребѣ или ближдажѣ, и руководили стрѣльбою изъ нашихъ орудій.

Я не помню случая, чтобы изъ подчиненныхъ имъ матросовъ кто-либо осмѣлился передъ пулею кивнуть головою или не исполнить какое нибудь, хотя-бы и безразсудное, ихъ приказаніе.

Матросы любили этихъ офицеровъ, и изъ-за нихъ готовъ былъ каждый разорваться.

Вообще флотскіе офицеры и матросы были настоящіе воины и давали тонъ всѣмъ защитникамъ Севастополя; они настолько проникнуты были стоицизмомъ и долгомъ воинской чести, что безъ всякаго приказанія отъ высшаго начальства, легко и даже тяжело раненые обыкновенно не стонали отъ боли, что, конечно, отлично вліяло на остальныхъ, отстраняя поводы къ унынію; я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ мнѣ знакомый флотскій офицеръ, сидя на носилкахъ, съ перебитыми ногами осколкомъ бомбы, не издавалъ ни одного стона, такъ что я подошелъ къ нему и спросилъ: „что вы забрались на носилки?“ — Онъ мнѣ ничего

не отвѣтилъ, а указалъ на ноги, которыя немного ниже колѣнъ, лежали не по должному направленію и кровь изъ нихъ такъ и лилась.

Съ этимъ офицеромъ я былъ знакомъ шапочно, фамилію и тогда не зналъ.

На 3-мъ бастіонѣ, со смертью Будищева, мы не застали знаменитую его Гаубицу: ее также подбили англичане. Это было огромнаго калибра орудіе. Капитанъ-лейтенантъ Будищевъ приказывалъ ее ставить подъ угломъ 35-ти градусовъ и обыкновенно объявлялъ: „послать бомбу въ Камышъ“ (городъ, занятый французами); куда она летѣла и гдѣ находила виновнаго, одному Богу извѣстно; когда изъ нее стрѣляли, она производила страшный шумъ, слышный по всему бастіону; послѣ выстрѣла изъ нее, всѣ обыкновенно говорили: „Будищевъ стрѣляетъ въ Камышъ“.

2-й ротѣ на 3-мъ бастіонѣ дали занимать исходящій уголъ, для противодѣйствія англичанамъ въ истребленіи прислуги при орудіяхъ, изъ траншей, бывшихъ въ 300 шагахъ.

Нужно замѣтить, англичане и наши въ Севастополѣ научились отлично стрѣлять. Англичане часто попадали въ дыру канатнаго мата, прикрывавшаго амбразуру отъ пуль; дыра эта оставлялась для дула орудія, и чрезъ нее они убивали нашу прислугу. Стрѣлки наши попадали въ бойницы, продѣланныя въ траншеяхъ англичанъ, и выстрѣлы свои разсчитывали такъ, чтобы стрѣлять нѣсколькимъ вдругъ въ эту бойницу, изъ которой показывался дымокъ, въ томъ предположеніи, что англичанинъ только что выстрѣлилъ и на-

блюдаетъ, куда попала его пуля. Такимъ образомъ, стрѣлки наши весьма часто отбивали у англичанъ охоту стрѣлять.

На исходящемъ углу больше всего доставалось флотскимъ гарнистамъ, обязанностью которыхъ было стоять, открывшись почти по грудь, надъ брустверомъ, смотрѣть въ подзорную трубу на непріятельскія батареи и объявлять, что они къ намъ посылаютъ. Если бомбу, они обыкновенно кричали: „маркела", если ядро или граната, „пушка".

Подобная мѣра, дѣйствительно, была необходима; къ бомбамъ солдаты такъ примѣтались, что по полету ихъ, приблизительно, опредѣляли куда онѣ упадутъ, давали каждой мѣсто, чтобы она не накрыла; отъ осколковъ, если бомба падала близко, солдаты садились или ложились, а отъ дальнихъ—прятались за какую нибудь, бывшую подъ рукой, насыпь, а если ничего не было, то стояли прямо, смотря въ ту сторону, куда упала бомба, на тотъ предметъ, чтобы увернуться отъ большихъ, неправильной формы осколковъ, которые давали возможность это сдѣлать, такъ какъ они обыкновенно летали медленно и съ необыкновеннымъ шумомъ.

Отъ ядеръ и гранатъ орудейная прислуга, а равно и прочіе солдаты, какъ я упоминалъ уже въ своемъ разсказѣ, прятались за брустверъ, плотнѣе къ нему прижавшись.

Несомнѣнно, гарнистовъ этихъ очень часто убивали, по преимуществу пулями, въ особенности въ дни, когда шла усиленная канонада, потому что тутъ не-

когда было прятаться за брустверъ; но за то они многихъ спасали отъ безполезной потери жизни.

28-го іюня, въ особенности была горячая перестрѣлка, обратившаяся въ формальное бомбардированіе; я въ это время со стрѣлками занималъ исходящій уголъ; англичане угощали насъ такою массою снарядовъ, что не смотря на всѣ свои старанія сберечь своихъ людей, я до обѣда отправилъ половину команды ранеными и убитыми на перевязочный пунктъ.

Ротный командиръ Коробкинъ не вытерпѣлъ, пришелъ посмотрѣть, что дѣлается на бастіонѣ съ его людьми.

Дорога къ бастіону во время бомбардированія была крайнѣ опасна, въ особенности чтобы ходить одному; легко могло случиться, что ранятъ, и истечешь кровью прежде чѣмъ кто нибудь подойдетъ. Я, встрѣтивши его отрапортовалъ, какъ ротному командиру, а потомъ крѣпко по пріятельски выговорилъ, что онъ рискуетъ собою, когда и такъ безпрестанно рѣдѣетъ число опытныхъ офицеровъ, что наконецъ и мое самолюбіе тутъ нѣсколько страдаетъ.

Просидѣлъ онъ у меня часъ или два; между тѣмъ бомбардировка пріутихла и онъ ушелъ домой, давъ мнѣ слово безъ общей тревоги, на бастіонъ не приходить.

Іюль мѣсяцъ для меня не посчастливился; въ этомъ мѣсяцѣ меня два раза контузили.

Въ первый разъ на исходящемъ углу 3-го бастіона; это было предъ сумерками; непріятельское ядро, давши рикошетъ по брустверу, подняло камень фунтовъ

въ 10-ть и камень этотъ упалъ мнѣ на щикалку правой ноги.

Сначала, съ горяча, я не придавалъ этому удару особеннаго значенія, дожидался смѣны и дошелъ домой безъ посторонней помощи, правда нѣсколько прихрамывая.

Дома я убѣдился, что ударъ не былъ пустяшный; нога распухла, начала болѣть и снять сапога не было никакой возможности.

На перевязочный пунктъ я уже отправился съ помощію деньщика, опираясь на палку.

Этотъ пунктъ въ Севастополѣ, начиная съ весны, почти каждый день былъ люденъ; когда я пришелъ, на длинныхъ не высокихъ столахъ лежало нѣсколько человѣкъ въ ожиданіи отнятія членовъ; между тѣмъ около одного офицера хлопотали доктора, отрѣзывая ему руку по выше локтя. Офицеръ этотъ былъ не молодой, съ длинными усами, полный, выглядывалъ такимъ здоровякомъ, при этомъ курилъ папироску и не издавалъ ни одной жалобы, какъ будто-бы не ему дѣлали операцію, тогда какъ другіе раненные въ ожиданіи ее стонали; въ особенности же кричали и жаловались приносимые при мнѣ, когда ихъ укладывали на столы.

Когда доктора съ офицеромъ покончили, я обратился къ одному, чтобы онъ меня осмотрѣлъ, при этомъ объявилъ что со мною случилось; онъ приказалъ фельдшеру разрѣзать сапогъ и снять его. Пока фельдшеръ этимъ занимался, докторъ говорилъ мнѣ, что онъ не любитъ такихъ раненыхъ, которые при ампутаціяхъ не кричатъ, ибо такіе рѣдко выздоравливаютъ.

Когда фельдшеръ свое дѣло кончилъ, докторъ осмотрѣлъ ногу и сказалъ мнѣ: „кости цѣлы, но нужно поставить сейчасъ же піявки или банки, послѣ чего имѣть нѣсколько дней спокойствія; почему не угодно ли вамъ будетъ остаться здѣсь“.

Я поблагодарилъ доктора, но на перевязочномъ пунктѣ оставаться не хотѣлъ, а отправился домой, куда впрочемъ, еле, еле дошелъ.

Дома привелъ въ исполненіе совѣтъ доктора и чрезъ нѣсколько дней выздоровѣлъ.

2-ю роту тѣмъ временемъ перевели на 2-й бастіонъ, гдѣ она и несла службу до конца осады.

Въ другой разъ меня контузили просто на прогулкѣ по Корабельной сторонѣ.

Въ этотъ день дѣлали инспекторскій смотръ нѣкоторымъ полкамъ 11-й пѣхотной дивизіи, вслѣдствіе чего вышло много гулящихъ, въ томъ числѣ и я съ Подпоручикомъ Атласовымъ.

Французы съ камчатскаго редута сейчасъ-же замѣтили выстроенныя войска, и начали стрѣлять бомбами.

Солдатъ сейчасъ же распустили, но французы не унялись и продолжали стрѣлять на всякій случай.

Мнѣ не хотѣлось уходить домой, падающія бомбы на Корабельной сторонѣ было дѣло обыкновенное, тѣмъ болѣе, что отъ нихъ и дома не убережемся.

Бомба, осколокъ которой меня контузилъ, упала отъ насъ очень далеко; самый осколокъ вылетѣлъ фунтовъ 14-ти и къ счастію моему ударилъ съ рикошета, округленной своей стороною, въ мягкую часть правой ноги выше колѣна.

Удара отъ осколка бомбы я не выдержалъ и упалъ; Атласовъ распорядился моимъ отправленіемъ на перевязочный пунктъ, откуда меня сейчасъ же не отпустили, угостили сначала банками, потомъ какими-то мазями и уложили въ постель; дня черезъ три мнѣ сдѣлалось легче и я упросилъ, чтобы меня перенесли на мою квартиру, гдѣ, пролежавъ дней пять, я началъ чувствовать себя лучше, отчего и рѣшился продолжать ходить на службу. Въ сущности же я уже до самаго конца осады не могъ окончательно поправиться.

Нельзя сказать, чтобы контузіи эти были тому исключительною причиною; они помогли только общему разстройству; нервы мои никуда не годились отъ постоянно наэлектризованнаго положенія и напряженнаго состоянія; къ тому же меня посѣтила еще лихорадка.

Товарищи, видя что я хожу какъ тѣнь, совѣтовали мнѣ отправиться въ госпиталь, но я никого не хотѣлъ слушать и въ продолженіи цѣлаго августа мѣсяца день ходилъ на службу, а другой день лежалъ.

Въ серединѣ этого мѣсяца, какого именно числа не упомню, съ моимъ ротнымъ командиромъ Коробкинымъ случилось происшествіе, которое полагаю будетъ не лишнее въ этомъ разсказѣ.

Въ тотъ день онъ утромъ рано пошелъ съ ротою на 2-й бастіонъ. Подходя къ бастіону, осколокъ бомбы контузилъ его въ бокъ и причинилъ ужасную боль; чтобы не кричать, онъ одной рукой зажалъ себѣ ротъ, а другой—больной бокъ, и въ такомъ положеніи легъ на спину.

Люди его подбѣжали къ нему справиться въ чемъ дѣло, но онъ энергическимъ жестомъ и крикомъ: „вонъ! пошли по мѣстамъ!“ разогналъ ихъ въ одну секунду.

Между тѣмъ сигналистъ крикнулъ „маркела!“, унтеръ-офицеръ, стоявшій недалеко и наблюдавшій за Коробкинымъ, по полету бомбы опредѣлилъ, что она должна упасть если не на него самого, то по крайней мѣрѣ весьма не въ дальнемъ разстояніи, почему и крикнулъ: „Ваше благородіе, берегитесь!“

Коробкинъ, ничего ему не отвѣчалъ и остался въ томъ же положеніи, не шевельнувъ ни однимъ членомъ.

Бомба дѣйствительно прямо летѣла на него и въ двадцати шагахъ надъ головою разорвалась и осколки ея разлетѣлись въ разныя стороны. Подобную исторію повторили съ нимъ еше двѣ бомбы. Наконецъ когда крикнули, что летитъ четвертая бомба, Коробкинъ вскочилъ со словами: „видно мнѣ жить“, и ушелъ за сосѣдній траверзъ. Эта бомба упала какъ разъ на то мѣсто, гдѣ онъ лежалъ, и тамъ ее разорвало.

Августъ мѣсяцъ прошелъ для меня, какъ въ туманѣ.

Корабельная сторона обстрѣливалась такъ, что на ней не было мѣста, за которое можно бы поручиться, что на него не упадетъ бомба.

Убыль въ людяхъ была огромная, но никто изъ моихъ товарищей не унывалъ и не думалъ, что намъ въ концѣ мѣсяца придется выступить изъ Севастополя.

Между тѣмъ союзники съ нашей второй оборонительной линіи съ каждымъ днемъ подвигались все ближе и ближе.

Батареи у нихъ все прибавлялись, такъ что на одно наше орудіе приходилось отъ десяти до пятнадцати непріятельскихъ.

Орудія наши почти не осмѣливались отвѣчать на выстрѣлы.

Бомбардированіе было ежедневное; фальшивыя тревоги въ послѣдніе дни повторялись также весьма часто.

На Малаховомъ курганѣ французы почти сравняли своими снарядами брустверъ и ровъ.

Положеніе 2-го и 3-го бастіоновъ почти было такое-же.

На случай штурма, наши разсчитывали только на сильные резервы и полевую артиллерію, бывшихъ постоянно на готовѣ.

Вотъ приблизительно положеніе, въ которомъ насъ застало 27-е августа.

Въ этотъ день я лежалъ въ лихорадкѣ, почти безъ памяти.

2-я рота наканунѣ вечеромъ пришла со 2-го бастіона.

По первому сигналу къ общей тревогѣ, ротный командиръ подпоручикъ Коробкинъ собралъ роту въ одинъ моментъ и повелъ бѣгомъ на свой бастіонъ.

Дойдя до полуразрушеннаго дома, который отчасти прикрывалъ отъ непріятельскихъ снарядовъ, онъ остановилъ роту передохнуть и, обратившись къ солдатамъ, сказалъ: „братцы, французы насъ штурмуютъ; у насъ

къ бастіону двѣ дороги, одна берегомъ бухты — дальняя, но безопасная, другая прямая — близкая, но по которой бомбы, гранаты, ядра, пули сыпятся, какъ въ урожай горохъ въ Малороссіи; намъ нечего выбирать, идемъ прямо и выручимъ товарищей!“ Солдаты съ полнымъ воодушевленіемъ сказали: „такъ точно, ваше благородіе“.

Какъ только Коробкинъ кончилъ свою рѣчь, его субалтернъ-офицеръ подпоручикъ Атласовъ (въ настоящее время покойникъ) выбѣжалъ къ нему изъ фронта со словами: „Платонъ Павловичъ, что вы съ нами хотите дѣлать, вы и насъ и себя погубите“. На это онъ серьезно сказалъ ему на ухо: „убирайтесь вонъ, а то я сконфужу васъ передъ ротою“. Скомандовавъ людямъ направо, повелъ роту напрямикъ.

Дѣйствительно, во время штурма, различные снаряды въ такомъ изобиліи посылались противъ могущихъ подходить подкрѣпленій, что перемѣшиваясь съ массой поднятыхъ каменьевъ, мусору и песку, обращали пространство за бастіономъ въ такой хаосъ, что, казалось съ нашей, стороны трудно пролетѣть было иголкѣ, чтобы ее не исковеркало.

Рота Коробкина прошла подобное пространство, потерявши третью часть людей и поспѣла на бастіонъ въ тотъ самый моментъ, когда часть французовъ уже вскочила на брустверъ и воображала, что бастіонъ уже въ ихъ рукахъ.

Наши молодцы стрѣлки, а къ нимъ присоединились и другіе солдаты, бросились въ штыки и заставили французовъ уйдти, откуда пришли.

Вообще 2-й бастіонъ оборонялся весьма энергично, переходилъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, и все таки остался за нами.

Малаховъ курганъ невозможно было не взять французамъ. Траншеи ихъ были только шагахъ въ шестидесяти; ровъ съ валомъ почти были сравнены, какъ я упоминалъ выше.

Союзники атаковали его большими массами (какъ говорили до сорока тысячь) и легко смяли нѣсколько ротъ, могущихъ быть разставленными по оборонительной линіи.

3-й бастіонъ тоже переходилъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, и остался за нами.

Съ наступленіемъ темноты, подкрѣпленія къ намъ прибыли и солдаты рвались отобрать обратно единственное мѣсто, занятое у насъ — Малаховъ курганъ; впрочемъ взять его обратно было трудно, такъ какъ горжа имѣла совершенно цѣлый ровъ и валъ, черезъ которые только возможна была атака.

Начальство разсудило иначе и приказало начать отступленіе.

Откровенно сказать, тяжело было отступать Севастопольцамъ послѣ столькихъ принесенныхъ жертвъ.

Я къ вечеру на столько оправился, что съ помощью деньщика могъ передвигать ноги, и какъ перешелъ мостъ съ Корабельной на Графскую и оттуда на сѣверную сторону, — теперь положительно не помню.

На другой девь 28-го августа товарищи отправили меня безъ памяти въ Симферопольскій госпиталь.

Въ госпиталѣ черезъ двѣ недѣли я началъ оправляться; докторъ разрѣшилъ мнѣ выйдти пройдтись. Помнится, я шелъ тихо, о чемъ то задумавшись; улица была не людная, проѣзжающихъ никого не было и никто не нарушалъ тишины; между тѣмъ на противуположной сторонѣ улицы, позади меня, изъ переулка вышла дама въ шелковомъ платьѣ. Шелестъ этого платья напомнилъ мнѣ полетъ бомбы, когда она, поднимаясь на высоту и вертясь около оси, дѣлаетъ поворотъ дуги, чтобы падать.

Я вздрогнулъ и оглянулся.

Узнавши въ чемъ дѣло, сконфузился за свою слабость, и пошелъ обратно въ госпиталь.

Черезъ нѣскольо дней я отправился въ свой баталіонъ, расположенный на Инкерманскихъ высотахъ въ землянкахъ. Отсюда баталіонъ перевели скоро на позицію около рѣки Качи, гдѣ онъ и расположился вмѣстѣ съ 10-й пѣхотной дивизіей, приготовляясь къ зимовкѣ.

Къ этому времени заключили съ союзниками перемиріе; французы начали показываться кавалькадами по шоссе, ведущему въ Бакчисарай и Симферополь и проходящему мимо нашей позиціи. Я съ Коробкинымъ отъ нечего дѣлать часто прогуливались по саду, который тянулся вдоль рѣки Качи на нѣсколько верстъ.

Въ одну изъ этихъ прогулокъ, мы подошли къ шоссе и увидѣли спускающихся съ горы верхами французскихъ офицеровъ. Мы остановились, чтобы разсмотрѣть ихъ поближе.

Между тѣмъ одинъ изъ нихъ подскакалъ къ намъ, разкланялся и, обращаясь къ Коробкину, спросилъ

на своемъ языкѣ: „вы говорите по французски?“ Получивши отрицательный отвѣтъ, онъ началъ перебирать всѣ иностранные европейскіе языки, каждый разъ съ вопросомъ не говоримъ ли на нихъ? Коробкинъ отвѣчалъ на всѣ вопросы тоже, что и въ первый разъ; потомъ въ свою очередь на французскомъ языкѣ, въ томъ-же тонѣ въ формѣ вопросовъ, перебралъ всѣ нарѣчія племенъ и народовъ, живущихъ въ нашей Россіи; когда такимъ образомъ этнографическій перечень былъ конченъ, мы вѣжливо раскланялись, повернувшись назадъ и продолжали свою прогулку.

Спустя нѣсколько дней, другой оригинальный случай вышелъ съ Коробкинымъ въ столкновеніи съ союзниками.

Мы на прежнемъ основаніи оставались съ нимъ задушевными пріятелями и всегда, если была возможность, становились на одной квартирѣ. Въ это время мы жили вмѣстѣ въ землянкѣ. Почти съ первыхъ дней нашего знакомства, мы завели обыкновеніе, если кто изъ насъ ѣхалъ куда нибудь одинъ, а другой оставался дома, привозить въ презентъ что нибудь съѣстное, по преимуществу сладкое.

Коробкину, не помню по какой надобности, вздумалось поѣхать въ Бакчисарай, отстоящій отъ нашей позиціи въ 4-хъ верстахъ.

Покончивши съ своими дѣлами въ Бакчисараѣ, онъ купилъ для меня десятокъ апельсинъ, и съ этими апельсинами, какъ время было около полудня, зашелъ въ гостинницу утолить свой голодъ, который началъ его безпокоить.

Въ гостинницѣ онъ засталъ большую компанію французскихъ офицеровъ, сидящихъ за разными столами и закусывающихъ.

Усѣвшись за столомъ, никѣмъ не занятымъ, въ ожиданіи пока лакей хлопоталъ исполнить его требованіе, онъ началъ съ любопытствомъ разсматривать французовъ, такъ недавно бывшихъ его враговъ. Одни изъ нихъ ѣли, другіе пили вино, въ тоже время почти всѣ говорили безъ умолку.

Когда онъ уже почти кончалъ закусывать, лакей началъ разносить бокалы шампанскаго между французскими офицерами и когда обошелъ всѣхъ, послѣдній бокалъ поднесъ ему.

Въ это время французскіе офицеры притихли, одинъ изъ нихъ всталъ, подошелъ къ Коробкину, и предложилъ тостъ за здоровье Государя Императора.

Коробкинъ поклонился, взялъ бокалъ; при этомъ тоже встала вся компанія и крикнула: „Vive l'Empereur Alexandre II!"

Этотъ тостъ былъ сигналомъ для безконечныхъ тостовъ; компанія вся перемѣшалась; всѣ говорили, и никто никого не слушалъ.

Тѣмъ временемъ подошли четыре англійскихъ офицера, сѣли къ отдаленному столу, бывшему въ сторонѣ; закусивши, начали пить портеръ; во время закуски, и за портеромъ никто изъ нихъ не произнесъ ни одного слова.

Все это замѣтилъ Коробкинъ; будучи совершенно въ противуположномъ настроеніи духа, его такъ и подмывало сыграть съ ними какую нибудь штуку.

Не долго думая, онъ велѣлъ лакею налить столько бакаловъ шампанскаго, сколько было посѣтителей въ гостинницѣ; когда вино было готово, онъ взялъ четыре апельсина, и бросилъ каждому англичанину весьма мѣтко въ лобъ.

Англичане вскочили будучи на столько озадачены, что, я полагаю, менѣе удивились, еслибъ въ зало упала бомба.

Коробкинъ, не давая имъ опомниться, схватилъ бокалъ, остальные велѣлъ подавать прежде англичанамъ, а затѣмъ французамъ и крикнулъ: "Vive la reine Victoria!" французы ему вторили, крикнувъ тоже, англичане отвѣтили: „vive l'Empereur Alexandre II!" и вся компанія соединилась.

Между англичанами оказался одинъ штабъ-офицеръ, которому Коробкинъ своей эксцентричностью такъ понравился, что онъ упросилъ дать ему на память сюртукъ и шапку, а самъ ему отдалъ свой красный мундиръ и кепи.

Коробкинъ съ сумерками уѣхалъ изъ Бахчисарая и явился домой въ англійскомъ костюмѣ; отдавая мнѣ шесть апельсиновъ онъ сказалъ: „я купилъ тебѣ десятокъ, но четырьмя пожертвовалъ для соединенія представителей трехъ націй: русской, французской и англійской", и разсказалъ, что съ нимъ случилось.

За Севастополь получены мною слѣдующія награды:

Анна 4-й степени—за бомбардированіе бывшее на Пасху.

Станислава 3-й степени — за нападеніе на ложементъ противъ 3-го бастіона по приказанію полковника Голева.

И Анна 3-й степени—за отбитіе штурма на Малаховомъ курганѣ.

ДЕНЬ 26-ГО МАЯ
1855-го года
ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

ДЕНЬ 26-ГО МАЯ

1855-го года

ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

После усиленнаго, трехъ-суточнаго бомбардированія 3-го, 4-го и 5-го отдѣленій оборонительной линіи Севастополя, въ $3\frac{1}{2}$ часа дня, 26-го мая 1855 года, непріятель сдѣлалъ одновременное нападеніе на наши передовыя укрѣпленія лѣваго фланга: редуты Волынскій и Селенгинскій и люнетъ Камчатскій. Въ восточной части Севастополя, или въ такъ называемой Корабельной Слободѣ, находились, въ числѣ гарнизона, два дивизіона легкихъ орудій: одинъ дивизіонъ легкой № 5 батареи 11-й артиллерійской бригады, въ составѣ двухъ пушекъ 6-ти ф. и двухъ единороговъ $\frac{1}{4}$ пуд., другой дивизіонъ легкой № 3 батареи той же бригады и въ таковомъ же составѣ, итого восемь лег-

кихъ орудій, съ двумя рядами зарядныхъ ящиковъ. Оба дивизіона были расположены паркомъ на площади Корабельной Слободы, близъ церкви арестантскихъ казармъ, лошади — по конюшнямъ сосѣднихъ дворовъ, а люди — подъ навѣсами не подалеку отъ парка. Лошади были постоянно объамуничены, люди же съ надѣтою принадлежностію, но чтобы по возможности облегчить какъ людей, такъ и лошадей — между дивизіонами велась очередь дежурства. По тревогѣ было приказано тотчасъ выводить прислугу и лошадей въ паркъ, гдѣ послѣ запряжки дивизіонамъ немедленно двигаться на рысяхъ, и съ посаженною прислугою къ рогаткѣ, т. е. выходу, сдѣланному въ куртинѣ, между Корниловскимъ и № 2-го бастіонами.

26-го мая, дивизіоны, по прибытіи къ рогаткѣ, были встрѣчены начальникомъ оборонительной линіи лѣваго фланга Севастополя, генералъ-лейтенантомъ Хрулевымъ, только что прибывшимъ съ праваго фланга, на смѣну заболѣвшаго генералъ-лейтенанта Жабокрицкаго. Генераломъ Хрулевымъ лично была указана позиція для дивизіоновъ и въ краткихъ словахъ означена цѣль дѣйствія противъ непріятеля, самъ же генералъ торопился къ сильно аттакованному Камчатскому люнету. Позиція, занятая дивизіонами, была слѣдующая: спереди дивизіоновъ находилась Киленъ-балка, за которою на возвышенностяхъ были расположены редуты Волынскій, Селенгинскій и Забалканская батарея; сообщеніе этихъ укрѣпленій съ оборонительною линіею производилось по одному небольшому, плавучему мостику, наведенному черезъ Киленъ-бухту про-

тивъ бастіона № 1, а также поверхъ каменнаго водопровода противъ бастіона № 2. Оба эти сообщенія, находясь у подножія возвышеній, на которыхъ были расположены бастіоны № 1-й и 2-й, оставались въ мертвомъ пространствѣ, не обстрѣливаемомъ съ упомянутыхъ бастіоновъ. Редуты, находившіеся за Киленъ-балкою, почти совершенно уничтоженные предшествовавшею бомбардировкою, были заняты безъ большого сопротивленія непріятелемъ, который, преслѣдуя наши отступавшія войска, густыми массами спускался въ Киленъ-балку, направляясь къ мостику и водопроводу. Орудія полевыхъ дивизіоновъ были расположены на возвышенности лѣваго берега Киленъ-балки, такимъ образомъ, что съ мостовъ видны были одни только дула, фронтъ дивизіоновъ простирался между бастіонами № 1-мъ и 2-мъ, позади орудій площадь мѣстности спускалась отлогостію къ Ушаковой-балкѣ, и на этой-то отлогости были расположены передки и зарядные ящики, чтобы скрыть ихъ отъ выстрѣловъ непріятеля, на такомъ впрочемъ разстояніи, чтобы прислугѣ удобно было передавать заряды. Этимъ искуснымъ расположеніемъ дивизіоновъ можно объяснить незначительность потери, въ этотъ день, въ людяхъ и лошадяхъ съ нашей стороны, не смотря на убійственный, штуцерной огонь непріятеля, направленный противъ дивизіоновъ.

Непріятель, занявъ упомянутые мосты, могъ быстро перебѣжать Киленъ-балку, взобраться на возвышенности лѣваго ея берега, ударить во флангъ и тылъ бастіоновъ № 1 и 2, и по занятіи ихъ аттаковать

Малаховъ Курганъ съ тыла, а слѣдовательно можно думать, что тогда же, если не вся, то большая часть Корабельной Слободы, могла быть въ рукахъ непріятеля. Это предположеніе можно сдѣлать еще болѣе правдоподобнымъ и потому, что бастіоны № 1-й и 2-й не представили бы непріятелю большого сопротивленія во 1) потому, что они почти не имѣли фланговой обороны: фланкированіе ихъ съ батарей сѣверной стороны ограничивалось дѣйствіемъ ядрами и гранатами съ огромнаго разстоянія (до 700 саж. и болѣе), а на картечный огонь съ пароходовъ трудно было разсчитывать въ данный моментъ, потому что два дежурные парохода всегда держались на значительномъ разстояніи отъ Киленъ-балки, дабы не подвергаться огню батарей непріятеля съ высотъ Сапунъ горы, во 2) лишенные защиты съ фланговъ, бастіоны не имѣли самостоятельной обороны, потому, что бастіонъ № 1-й представлялъ батарею открытую съ горжи, а бастіонъ № 2-й, хотя имѣлъ слабую горжевую оборону безъ рва, но въ день 26-го мая она почти не существовала, будучи сильно повреждена предшествовавшими бомбардированіями. 3) Крѣпостная артиллерія была также сильно разстроена огнемъ непрерывнаго бомбардированія, предшествовавшаго дню 26-го мая. 4) Гарнизонъ бастіоновъ составляло самое ничтожное число пѣхоты, остальная, большая часть его, была введена въ дѣло для защиты Камчатскаго люнета, нѣсколько разъ переходившаго изъ рукъ въ руки. Словомъ, бастіоны № 1-й и 2-й въ тогдашнемъ своемъ положеніи представляли весьма слабые пункты оборонительной линіи,

почему и необходимо было, въ ожиданіи подкрѣпленій, не допустить непріятеля, овладѣвшаго уже редутами Волынскимъ и Селенгинскимъ, и усиливающагося каждую минуту перейдти по мостамъ на лѣвый берегъ Киленъ-балки. Вотъ почему генералъ Хрулевъ лично указалъ дивизіонамъ мѣсто и цѣль дѣйствія,—намъ же, артиллерійстамъ оставалось исполнить долгъ!

По прибытіи на позицію, дивизіоны расположились въ наступномъ боевомъ порядкѣ: четыре орудія легкой № 5-й батареи стали на правомъ флангѣ для дѣйствія противъ непріятеля, стремившагося пройдти по каменному водопроводу и подняться къ бастіону № 2, а четыре орудія легкой № 3-й батареи расположились лѣвѣе, противъ непріятеля, направлявшагося къ деревянному мосту для аттаки бастіона № 1-го. Войска его неоднократно покушались пройдти мосты, но каждый разъ, пронизываемыя нашими ядрами вдоль мостовъ и осыпаемыя картечью съ боковъ, были вынуждаемы отступать; всѣ усилія перейдти мосты остались тщетными, непріятель не выдержалъ нашего огня и заваливъ грудами труповъ мосты, началъ отступать къ редутамъ? По мѣрѣ удаленія его отъ мостовъ, полевые единороги съ большимъ успѣхомъ продолжали поражать отступавшія массы войскъ обыкновенными и картечными гранатами.

Для большей ясности разсказа считаю необходимымъ упомянуть, что въ то же время, какъ полевые дивизіоны удерживали непріятеля со стороны редутовъ Волынскаго и Селенгинскаго, наша пѣхота, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Хрулева, сража-

лась съ многочисленнѣйшимъ непріятелемъ, оспаривая у него обладаніе Камчатскимъ люнетомъ. Это укрѣпленіе нѣсколько разъ уже было въ рукахъ непріятеля; но выбитый изъ него, онъ съ новыми силами бросался на укрѣпленіе и, наконецъ, успѣлъ окончательно въ немъ утвердиться. Упорный бой за Камчатскій люнетъ былъ выгоденъ въ томъ отношеніи, что принудилъ непріятеля ограничиться, съ этой стороны, взятіемъ только Камчатскаго люнета, тогда какъ по первоначальнымъ дѣйствіямъ непріятеля можно было видѣть намѣреніе его аттаковать Малаховъ курганъ съ фронта. Со всею вѣроятностію можно предполагать, что если бы не блистательныя аттаки нашею пѣхотою, подъ начальствомъ генерала Хрулева, на непріятеля у Камчатскаго люнета, и не огоньполевой артиллеріи на лѣвомъ флангѣ у мостовъ, то Малаховъ курганъ, аттакованный съ фронта и съ тыла, достался бы въ руки непріятеля, и участь Севастополя была бы рѣшена 26-го мая.

Вотъ истинная заслуга полевой артиллеріи въ день 26-го мая 1855 года, о чемъ я и желаю передать. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ нашими выстрѣлами непріятель былъ удержанъ въ его наступленіи, и мы успѣли выиграть время, пока подошли наши подкрѣпленія, которыя, перейдя мосты, тотчасъ же выбили непріятеля изъ Забалканской батареи. Вѣрно онъ былъ бы вытѣсненъ и изъ редутовъ Волынскаго и Селенгинскаго, если бы только наступившая темнота ночи не воспрепятствовала въ томъ нашимъ войскамъ, или если бы увидѣна была нашимъ высшимъ начальствомъ дѣйствительная въ томъ необходимость.

Ночь прекратила бой. Въ 10-ть часовъ вечера дивизіоны были расположены на ночь позади разрушенной церкви Бѣлостокскаго полка, недалеко отъ Малахова кургана.

Военными людьми не было обращено должнаго вниманія на бой 26-е мая. Причины этого заключаются въ томъ, что во 1-хъ) вскорѣ послѣ дѣла 26-го мая наступилъ день знаменитаго штурма 6-го іюня, въ который защитники Севастополя вообще, а Корабельной стороны въ особенности, покрыли себя новою славою, подъ начальствомъ любимаго ими вождя генералъ-лейтенанта Хрулева, и славный штурмъ 6-го іюня затмилъ, такъ сказать, происшествія дня 26-го мая. Во 2-хъ) въ Севастополѣ каждый изъ военныхъ былъ занятъ исполненіемъ своихъ трудныхъ обязанностей, а потому слѣдить за подробностями даже важнѣйшихъ происшествій было трудно; что же касается до различныхъ частныхъ случаевъ, то это было почти вовсе невозможно. Въ 3-хъ) мы, очень часто неохотно говоримъ о такихъ дѣлахъ, гдѣ результаты нашего оружія были не совершенно благопріятны, а въ дѣлѣ 26-го мая, въ рукахъ противника остались наши передовыя укрѣпленія. Но если такъ думать, то и о геройской, неслыханной въ лѣтописяхъ народовъ, оборонѣ Севастополя мы должны умалчивать, потому только, что защитники его отступили; однакожъ слава этой обороны, слава защитниковъ Севастополя единогласно признаны современниками и перейдетъ къ потомству со словами обожаемаго нами Государя: „что и для героевъ есть невозможное!“...

Цѣль моего разсказа заключается не только въ томъ чтобы сказать и доказать, что именно-то „мы Римъ спасли". Я далекъ отъ подобной мысли, я желаю передать во-первыхъ, какъ одинъ изъ случаевъ превосходнаго употребленія и дѣйствія нашей полевой артиллеріи, а во-вторыхъ, какъ выражено словами Его Императорскаго Высочества, обращенными къ намъ, Севастопольцамъ: „дабы имена отличавшихся въ геройской защитѣ Севастополя могли быть сохранены и переданы потомству", тѣмъ болѣе, что ввѣренный мнѣ въ то время дивизіонъ заслужилъ лично одобреніе и благодарность начальника оборонительной линіи генералъ-лейтенанта Хрулева. Изъ нижнихъ же чиновъ, наиболѣе отличившихся и получившихъ знакъ Св. Георгія были: 1) фейерверкеръ 4-го класса Антонъ Гончаровъ, помогавшій дивизіонному командиру сохранять порядокъ, въ замѣщеніи раненыхъ другими нижними чинами, и въ безостановочномъ пополненіи выпущенныхъ зарядовъ — все это имъ было исполняемо хладнокровно и подъ огнемъ непріятеля; 2) бомбардиръ Прохоръ Костецкій — искуснымъ наведеніемъ орудій при стрѣльбѣ картечными гранатами; 3) бомбардиръ Степанъ Мошковъ, который, будучи сильно контуженъ, остался при дивизіонѣ, сказавъ: „ребята, Богъ дастъ поживемъ еще для враговъ нашихъ!" 4) Фейерверкеръ Антонъ Вербицкій и 5) бомбардиръ Митрофанъ Ядыгинъ — контужены и не вышли изъ строя.

Во время дѣла тяжело ранено нижнихъ чиновъ 4, контужено 3. Въ артиллеріи повреждена ось оскол-

комъ бомбы. Командиромъ дивизіона и перваго взвода легкой № 3-ій батареи 11-ой артиллерійской бригады былъ поручикъ Одаховскій. Командиромъ 2-го взвода въ томъ же дивизіонѣ былъ прапорщикъ Балакшей.

Отставной полковникъ Одаховскій.

16 Февраля 1871 года
г. Вильно.

КРЫМСКАЯ КАМПАНІЯ

ВОСПОМИНАНІЯ И РАЗСУЖДЕНІЯ.

Воля Его Императорскаго Высочества Государя Наследника Цесаревича касательно представленія своихъ записокъ о прошлой войнѣ, застала вѣроятно большую часть, насъ Севастопольцевъ, въ расплохъ: записки вести тогда было не въ обычаѣ, да и некогда, а въ шестнадцать лѣтъ послѣ войны всѣмъ и каждому, вмѣстѣ и согласно съ Россіею пришлось жить не воспоминаніями, а жить такъ дѣятельно и быстро, что все, даже недавно прошедшее, становится очень отдаленнымъ; а воспоминанія о Севастопольской войнѣ въ подробностяхъ, конечно, у многихъ почти изчезли. Но сознавая вполнѣ пользу и важность собранія того, что еще уцѣлѣло, я съ большимъ трудомъ и напряженіемъ памяти могъ представить нижеслѣдующія „*воспоминанія* и *разсужденія о Крымской кампаніи*". При этомъ я не соображался ни съ какими источниками и даже не употреблялъ тѣхъ, которые были у меня подъ рукою, а писалъ, что вспоминалъ и какъ самъ понималъ тѣ вещи и событія, о которыхъ въ свое время приходилось выдерживать много диспутовъ, провѣрить свои убѣжденія чтеніемъ и разсказами разныхъ лицъ, а иногда и взглядомъ самаго князя Александра Сергѣевича Меншикова, который хотя неохотно и рѣдко, но выражалъ иногда свои мнѣнія о разныхъ событіяхъ и лицахъ Крымской кампаніи.

При всемъ стремленіи достичь главнаго условія, указаннаго Его Высочествомъ — истины, я убѣжденъ,

что ее не достигъ *); но увѣренъ, что при большомъ числѣ подобныхъ записокъ, представленныхъ и отъ другихъ, будущій историкъ Крымской кампаніи въ состояніи будетъ значительно уяснить свой взглядъ на событія этой великой драмы.

Только тогда, когда я кончилъ свои записки, я замѣтилъ, что въ нихъ какъ будто сказались двѣ цѣли: одна, выставить въ подобающемъ видѣ дѣйствія князя Меншикова, и другая, — объяснить причины славы и заслугъ моряковъ. Если такое, быть можетъ пристрастное направленіе требуетъ оправданія, то я могу сказать, что стремленіе достичь истины заключается какъ въ томъ, чтобы сказать не высказанную правду — а о причинахъ исправности и славы Черноморцевъ далеко не все еще сказано,—такъ равно и въ томъ, чтобы опровергать ложь: а лжи о дѣйствіяхъ нашего главнокомандующаго было написано много.

Я также долженъ прибавить: всякій предметъ имѣетъ темную сторону, и потому, конечно, и во всемъ Черноморскомъ флотѣ и во всѣхъ лицахъ, о коихъ буду говорить, были свои недостатки; но тамъ, гдѣ достоинства превышаютъ недостатки, я предоставляю отыскивать тѣни и темныя стороны охотникамъ до этого дѣла; съ своей-же стороны я выставилъ достоинства тѣхъ лицъ, о коихъ впрочемъ уже и безъ меня составлена должная репутація.

4-го Апрѣля, 1871 года. В. Стеценко.

*) Воспоминанія эти, для провѣрки, читаны мною въ присутствіи нѣсколькихъ севастопольцевъ и, кромѣ нѣсколькихъ замѣчаній сюда внесенныхъ, не было замѣчено отступленія отъ истины, но повторю еще разъ, что не могу выдавать написаннаго за непреложную истину.

КРЫМСКАЯ КАМПАНІЯ

ВОСПОМИНАНІЯ И РАЗСУЖДЕНІЯ.

Лѣтомъ 1854 года я служилъ на кораблѣ „Великій Князь Константинъ“ и завѣдывалъ юнкерами, которые находились на разныхъ корабляхъ флота. Флагъ адмирала Корнилова былъ на этомъ кораблѣ, хотя самъ адмиралъ болѣе жилъ на берегу, дабы быть ближе къ главнокомандующему, который занималъ такъ называемый Екатерининскій дворецъ. Въ 8-мь часовъ утра 1-го сентября, адмиралъ позвалъ меня къ себѣ, и сказалъ: „такъ какъ вѣроятно „скоро откроются военныя „дѣйствія, а вы по своей прежней кавказской „службѣ болѣе другихъ въ этомъ опытны, то „вы будете состоять при мнѣ для разныхъ „военныхъ порученій; но впрочемъ не оставляйте и вашихъ питомцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ

„прошу васъ всегда обѣдать у меня, пере-„браться ко мнѣ, и считаться въ моемъ штабѣ“. Чрезъ часъ или полтора послѣ этого, ко мнѣ прибѣжалъ ординарецъ съ приказаніемъ адмирала немедленно прибыть въ библіотеку — самый возвышенный пунктъ въ городѣ, откуда обыкновенно наблюдали за непріятелемъ.

Здѣсь я засталъ адмирала, и главнокомандующаго, свѣтлѣйшаго князя Александра Сергѣевича Меншикова со многими другими лицами. Адмиралъ обратился ко мнѣ со словами: „вы получите сейчасъ приказанія отъ самаго главнокомандующаго“. Князь, увидѣвъ меня, сказалъ: „непріятельскій флотъ „показался, на немъ есть войска и нужно ду-„мать, что онъ свезетъ десантъ; поѣзжайте не-„медленно въ Кроненталь, тамъ расположенъ „казачій полкъ, возьмите столько казаковъ, „сколько вамъ нужно, и поѣзжайте туда, гдѣ „будетъ непріятельскій флотъ; возьмите эти „конверты и извѣщайте меня о всемъ, что за-„мѣтите, вкладывая записки въ эти конверты“. На большой облаткѣ конвертовъ напечатано было: *по приказанію Главнокомандующаго*. Съ этою надписью извѣстія передавались безъ задержки по летучей почтѣ, учрежденной изъ казаковъ. Отправившись немедленно около 12-ти часовъ на перемѣнныхъ казачьихъ лошадяхъ верхомъ, я доѣхалъ до Кроненталя часовъ около пяти или шести и, пробывъ здѣсь съ часъ, направился къ Евпаторіи, гдѣ долженъ былъ передать воинскому начальнику приказаніе, чтобы

слабосильная команда отступала не на Симферополь, какъ было приказано прежде, а на Перекопъ. Приближаясь къ берегу моря, часовъ около 8-ми я увидѣлъ непріятельскій флотъ во всей его многочисленности: онъ хорошо обозначался на западномъ, освѣщенномъ еще не совсѣмъ потухшей зарей горизонтѣ; заставивъ казаковъ считать суда, каждаго порознь, сколько кто можетъ насчитать, я самъ принялся за то-же дѣло; мы могли насчитать до ста слишкомъ судовъ, между тѣмъ какъ тѣхъ, которыя стояли въ густыхъ массахъ и тѣхъ, которыя виднѣлись далеко, и покрывали весь горизонтъ—нельзя было и усчитать. Расположась на берегу, въ виду котораго были, какъ мнѣ казалось, главнѣйшія группы флота, я такимъ образомъ остановился верстахъ въ 3-хъ или 4-хъ отъ Евпаторіи. Разъѣзжая въ темнотѣ по прибрежью, и ничего не замѣчая особеннаго, кромѣ подходящихъ и становящихся на якорь отсталыхъ судовъ, я отыскалъ сарай, гдѣ могъ написать приказаніе въ Евпаторію, а равно и двѣ записки въ Севастополь: одну на имя главнокомандующаго съ извѣстіемъ, что непріятель остановился близъ Евпаторіи со всѣми своими силами, и вѣроятно здѣсь сдѣлаетъ высадку, а другую къ адмиралу Корнилову, въ коей извѣщалъ его, что флотъ стоитъ въ такой тѣснотѣ и безпорядкѣ, что присылка сюда брандера не есть дѣло невозможное, и можетъ надѣлать много вреда непріятелю *).

*) Однимъ изъ брандеровъ командовалъ капитанъ-лейтенантъ Голенко, и я знаю, что онъ, или по распоряженію начальства или по своей инціативѣ, собирался выйдти, но это не состоялось по какому то затрудненію съ пароходами.

Часу въ первомъ ночи усмотрѣно мною производство ночныхъ сигналовъ фалшфеерами и ракетами. Не взирая на то, что съ 11-ти часовъ дня я почти не слѣзалъ съ лошади, интересъ сцены и ожиданій не позволяли мнѣ вспомнить ни объ отдыхѣ, ни о пищѣ, и ночь прошла скоро. Съ разсвѣтомъ стало обозначаться общее движеніе флота къ югу, куда и я за нимъ послѣдовалъ; однако же на пути представилось обстоятельство, которое заставило меня съ минуту поколебаться: слѣдуя за флотомъ къ югу, я встрѣтилъ озеро, которое нужно было оставить или въ лѣвой рукѣ, проѣзжая между нимъ и моремъ, или вправо, углубясь значительно внутрь.

Въ первомъ случаѣ, находясь съ пятью или шестью казаками подъ выстрѣлами флота, я могъ бы не исполнить возложенное на меня порученіе, еслибъ вздумалось непріятелю пустить нѣсколько ядеръ. Во второмъ случаѣ я бы ничего не могъ наблюдать, удаляясь значительно и на долгое время отъ берега. По этому расчитывая, что въ одиночныхъ людей стрѣлять изъ корабельныхъ орудій не станутъ, и притомъ опасаясь, чтобы непріятель, готовый вступить на нашу землю, не подумалъ, что одно его появленіе заставило всѣхъ разсѣяться, я выбралъ ближайшую къ морю дорогу, и остановился на пересыпкѣ между озеромъ и моремъ, противу англичанъ, коихъ военныя суда здѣсь останавливались на якорь въ саж. 400 отъ берега, но безъ войскъ. Большія же ихъ зафрахтованные пароходы и транспорты были съ войсками, и нѣкоторые подходили столь близко къ берегу, что можно

было даже разсмотрѣть лица людей. До берега долеталъ говоръ и шумъ съ судовъ, слышался стукъ цѣпей отъ отдаваемыхъ якорей и отъ разныхъ работъ, какъ-то раздрайки и открытія портовъ, приколачиванья навѣсныхъ траповъ и проч., а иногда даже и командныя слова. Погода была ясная и тихая, и вообще флотъ и море представляли самую оживленную картину. Спускъ шлюпокъ, установка траповъ, палубы, покрытыя солдатами съ ружьями, показывали, что высадка десанта не замедлится. Дѣйствительно, около 8-ми часовъ французы, которые заняли свою позицію южнѣе и прежде англичанъ, стали сажать солдатъ на шлюпки и баржи. Шлюпки ихъ двинулись въ стройномъ порядкѣ съ значками, съ музыкой и вообще съ полнымъ эффектомъ, и направились къ берегу. Выхода ихъ на берегъ я не видѣлъ, потому что оставался противъ англичанъ. Мѣстность была столь же удобна для высадки, сколько неудобна для противудѣйствія оной.

Два озера, изъ коихъ у южнаго небольшого высаживались французы, а у сѣвернаго, довольно обширнаго—англичане, отстоятъ другъ отъ друга версты на двѣ или на три, и служатъ хорошимъ естественнымъ прикрытіемъ для высаживающихся войскъ. Между ними простирается плоская и ровная возвышенность, на которой невозможно укрыть ни одного солдата отъ дѣйствія судовой артиллеріи. Какъ выше упомянуто, я расположился противъ англичанъ между озеромъ и моремъ съ тремя казаками, приказавъ остальнымъ двумъ зорко наблюдать, чтобы высаживающіеся французы насъ не обошли, пока я, сойдя съ лошади,

буду записывать обстоятельства высадки; въ запискѣ я сообщалъ князю, что первый эшалонъ шлюпокъ отвалилъ съ солдатами къ южному озеру, увѣдомивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, сколько по моему разсчету находилось тамъ войскъ, и записку эту немедленно отправилъ съ казакомъ къ князю. Описывая высадку, иностранные журналисты говорятъ, будто я могъ взять въ плѣнъ генераловъ Броуна и Эри *). Какъ ни смѣшно предположеніе, чтобы съ пятью казаками явилось желаніе отбить генералъ-квартирмейстера въ виду высаживавшихся войскъ и флота, тѣмъ не менѣе для возстановленія вѣрности разсказа и что бы не имѣть упрека, что я упустилъ это сдѣлать, не лишнимъ считаю выставить слѣдующія подробности: пока высаживались французы, я записывалъ въ книжку то, что считалъ замѣчательнымъ, но когда стали сажать людей на шлюпки англичане и отваливать съ десантомъ, я по необходимости отступилъ и поднялся на возвышенность между озерами.

Замѣтивъ нѣсколько человѣкъ татаръ, которые, какъ мнѣ казалось, направились къ высаживающимся англичанамъ для привѣтствій, я послалъ отогнать ихъ отъ берега двухъ казаковъ, которые и устремились на нихъ въ маршъ маршъ; но высадившаяся уже пѣхота заставила ихъ возвратиться.

Между тѣмъ татарскій обозъ съ большими кряжами лѣса шелъ отъ юга и вѣроятно, ничего не подозрѣ-

*) На оборотѣ въ отдѣльномъ приложеніи помѣщены эти описанія на англійскомъ (№ 1) и французскомъ (№ 2) языкахъ.

вая о высадкѣ, сталъ спускаться, съ возвышенности, на коей находился я, къ мѣсту высадки англичанъ по дорогѣ въ Евпаторію. Не желая, чтобы самый нужнѣйшій матеріалъ для высадившихся войскъ, а именно волы для пищи и лѣсъ для костровъ, достался въ руки непріятеля, я съ остальнымъ казакомъ сталъ сворачивать обозъ съ дороги; прошло нѣсколько времени, пока татары поняли въ чемъ дѣло и пока успѣли своротить воловъ; а въ это время рота или взводъ пѣхоты англичанъ стали быстро подниматься отъ озера на нашу возвышенность, и сдѣлали залпъ *), чтобы отогнать насъ, цѣля вѣроятно выше головы, потому что ни одна пуля никого не задѣла, не взирая на то, что мы были не болѣе какъ въ 300 шагахъ; они пустили еще нѣсколько пуль, пока мы продолжали возиться съ обозомъ. Въ это же время казакъ, наблюдавшій за французской пѣхотой, прискакалъ сказать мнѣ, что французы двинулись по балкѣ и насъ обойдутъ. Тогда долженъ былъ я отступитъ совсѣмъ отъ прибрежья, а непріятель направился уже въ большихъ силахъ къ деревни Контуганъ, куда и я послѣдовалъ. Часовъ около 4 или 5 прибылъ Донской полкъ Тацина и съ нимъ князь Владиміръ Александровичъ Меншиковъ, сынъ главнокомандующаго. Казаки расположились верстахъ въ 5-ти отъ непріятеля, выставивъ въ удобныхъ мѣстахъ обычные пикеты. Погода дѣлалась пасмурная и сталь задувать вѣтеръ. Роль моя по наблюденію за флотомъ окон-

*) Это были первые выстрѣлы въ Крыму.

чилась, но я не имѣлъ уже силы доѣхать верхомъ до Севастополя, пробывъ 30 часовъ на лошади, безъ сна и безъ пищи, и остался ночевать здѣсь-же. Ночь была довольно бурная, но тѣмъ не менѣе это хотя затрудняло, но не остановило высадки, и утромъ, подъѣхавъ ближе къ непріятелю и видя, что онъ утвердился на нашей почвѣ, я отправился въ Севастополь.

Замѣчательно то, что 29 іюня, т. е. за два мѣсяца, князь Меншиковъ доносилъ Государю Императору о мѣстѣ высадки, и о томъ, что насъ будетъ въ двое менѣе, чѣмъ союзниковъ, и еще замѣчательнѣе то, что въ описаніи обороны Севастополя непомѣщено этого документа, за отсутствіемъ котораго капитанъ Brialmont въ Journal de l'armée Belge напечаталъ весьма рѣзкую и неумѣстную ложь, будто нашъ главнокомандующій пробудился отъ своего покоя только тогда, когда узналъ о высадкѣ *).

На другое утро послѣ высадки, я отправился въ Севастополь и нашелъ нашу армію уже на Алмѣ, гдѣ получилъ приказаніе князя остаться при арміи нѣсколько времени, не взирая на то, что состоялъ при адмиралѣ Корниловѣ. Адмиралъ, впрочемъ вскорѣ пріѣхавшій на Алму, самъ мнѣ сказалъ: „пока оставайтесь здѣсь, вы здѣсь нужнѣе". 3-го или 4-го сентября князь поручилъ мнѣ осмотрѣть пространство между нами и непріятелемъ, дабы узнать есть-ли

*) Мое возраженіе противъ этой выходки было помѣщено въ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду за 1864 г., но я не могъ въ настоящее время достать его. См. прилож. № 2.

возможность провести наши войска съ Алмы къ непріятельскому лагерю. Отправившись для исполненія этого порученія, я встрѣтилъ Вельбранта, адъютанта князя и флигель-адъютанта Исакова, которые, сколько я могъ понять, ѣздили съ тою же цѣлію. Вѣроятно главнокомандующій думалъ ночью атаковать непріятеля или по крайней мѣрѣ надѣлать тревоги у него въ лагерѣ. Такъ какъ нѣсколько судовъ союзниковъ стояли противу Алмы и вдоль берега, и во время моего обслѣдованія на меня нѣсколько разъ падали блестящіе лучи съ салинговъ, вѣроятно отъ фотографическихъ приборовъ или трубъ, то я и донесъ князю, что днемъ ни по какому мѣсту нельзя пройдти войскамъ, не подвергаясь наблюденію съ непріятельскихъ судовъ; ночью же нельзя было разсчитать пройдти съ войсками все раздѣляющее насъ пространство.

Наканунѣ или нѣсколько дней до Алминскаго сраженія прибыли два морскихъ баталіона, о чемъ я узналъ, встрѣтивъ командира одного изъ нихъ на аванпостахъ, вооруженнаго съ ногъ до головы. Съ большимъ запасомъ оружія являлись сначала и многіе моряки на полѣ битвы на сухомъ пути, и это хотя показывало ихъ неопытность и вызывало улыбку на лицѣ главнокомандующаго, но тѣмъ не менѣе показывало, что они идутъ, рѣшившись дорого продать свою жизнь и драться всѣми средствами и силами, что впослѣдствіи подтвердилось въ болѣе серьезныхъ проявленіяхъ; а въ самомъ Алминскомъ сраженіи они занимали самый опасный и выдвинутый внѣ располо-

женія постъ, въ деревнѣ Бурлюкъ по ту (сѣверную) сторону Алмы.

Утромъ 7-го сентября князь приказалъ мнѣ съѣздить на аванпосты и осмотрѣть, что тамъ дѣлается. Прибывъ туда часовъ около 10-ти и разспросивъ обо всемъ полковника Тацина, я просидѣлъ съ нимъ минутъ пять въ палаткѣ, и когда мы вышли, то въ трубу я замѣтилъ движеніе въ непріятельскомъ лагерѣ и уменьшеніе палатокъ; чрезъ нѣсколько времени (около получаса), палатокъ почти вовсе не оставалось и войска стали выстроиваться, а вскорѣ и двинулись.

Увѣрившись, что я не обманываюсь, я поскакалъ въ лагерь къ князю и на полупути замѣтилъ, что на пересѣчку мнѣ спѣшитъ толпа всадниковъ. Это были наши гусары Z*** полка; по ихъ знакамъ я догадался, что они хотятъ, чтобъ я остановился, но не имѣя на то времени, я показывалъ видъ, что ихъ не замѣчаю; наконецъ убѣдясь, что я не ускачу, и что они пересѣкутъ мнѣ дорогу, я уменьшилъ ходъ и ко мнѣ подскакалъ самъ генералъ, съ вопросомъ куда я ѣду? Я отвѣтилъ ему и прибавилъ, что непріятель наступаетъ; онъ повидимому не повѣрилъ и даже разсердился; и когда я повторилъ, что видѣлъ это самъ своими глазами, то онъ сказалъ мнѣ, что этого быть не можетъ, что онъ съ своими гусарами занимаетъ аванпосты, и можетъ это знать лучше меня, и чтобъ я неѣхалъ и не смѣлъ говорить объ этомъ главнокомандующему. Я отвѣтилъ ему, что не могу его слушать и не могу медлить, а долженъ ѣхать какъ можно скорѣе; получивъ отъ него замѣчаніе, что онъ будетъ жало-

ваться на меня, я сказалъ ему свою фамилію и отправился далѣе. Подъѣхавъ къ первой линіи нашихъ войскъ, я сообщилъ, что непріятель идетъ и вся первая линія быстро стала въ ружье; когда я доѣхалъ до князя, то онъ, выслушавъ меня, обратился къ своему штабу, который въ это время обѣдалъ и сказалъ: „продолжайте, господа, обѣдать, сегодня ничего серьезнаго не будетъ“. Часа черезъ два послѣ этого показались и головы непріятельскихъ колоннъ. Они заняли возвышенности противоположнаго берега Алмы. Гусары наши выстроились для атаки.

Генералъ К*** принялъ ихъ за французовъ, такъ какъ они были въ бѣлыхъ кителяхъ, и сдѣлалъ по нимъ выстрѣлъ изъ своихъ орудій, но къ счастію никого ни задѣлъ. Между прочимъ и французскій полковникъ генеральнаго штаба La Gondie, производя рекогносцировку и принявъ также, по своей близорукости, нашихъ гусаровъ за своихъ, залѣзъ прямо къ нимъ и, разумѣется, былъ взятъ въ плѣнъ. Донскіе казаки Тацина гарцовали вблизи непріятеля, но также безъ всякихъ серьезныхъ послѣдствій, и послѣ получасовой довольно оживленной сцены все успокоилось; союзники заняли свои возвышенности, а мы свои, и только одинъ *** взбѣшенный тѣмъ, будто ему помѣшали атаковать непріятеля, приходилъ къ князю жаловаться на свой выстрѣлъ по его гусарамъ, и за одно уже сказалъ, что я надѣлалъ ему дерзостей, возвращаясь съ аванпостовъ.

Разспросивъ меня объ этомъ, князь сказалъ мнѣ только: „забудьте—это„; хотя я очень хорошо помню,

что не думалъ сказать что нибудь обидное генералу, но не желая наканунѣ сраженія быть съ кѣмъ нибудь въ дурныхъ отношеніяхъ, я отправился къ *** объяснить ему и сказать, что если я выразился какъ нибудь рѣзко, то это было съ горяча и прошу вѣрить, что вовсе не думалъ его обидѣть, и все это кончилось шампанскимъ.

Вспоминая сраженіе при Алмѣ и вылазку на высотахъ Инкермана, трудно согласиться съ теоріею автора романа „война и миръ" о безучастности роли главнокомандующаго въ военныхъ событіяхъ. Рѣшиться дать или не дать сраженіе, расположить такъ или иначе войска, вывести армію изъ опасности или погубить её — зависитъ вполнѣ отъ характера, воли и соображеній главнокомандующаго, и я вполнѣ убѣжденъ, что при всѣхъ тѣхъ же обстоятельствахъ у одного главнокомандующаго результатъ сраженія не будетъ такой же, какъ у другого. Но вполнѣ вѣрно то, что разъ что сражающіеся сошлись, главнокомандующему трудно, какъ на морѣ, такъ и на сухомъ пути, дѣлать распоряженія, въ особенности на мѣстности, пересѣченной, гдѣ даже обнять поля сраженія невозможно; и еще вѣрнѣе то, что яснаго отчета о ходѣ сраженія не можетъ дать себѣ не только кто нибудь изъ арміи, но даже самъ главнокомандующій, и думаю, что описаніе сраженія можетъ быть вѣрно только тогда, когда изъ разныхъ частей войскъ получатся свѣденія объ ихъ собственныхъ дѣйствіяхъ. По этому, не имѣя притязанія описывать Алминское сраженіе, полагаю, что не взирая на то немногое,

что могу сказать объ Алмѣ, оно можетъ оказаться не безполезнымъ, какъ дополненіе къ свѣдѣніямъ отъ другихъ лицъ.

Совершенно ясно помню солнечное прекрасное тихое утро 8-го сентября; всѣ подымаются въ нашемъ лагерѣ очень рано; князь разсматриваетъ позицію непріятеля и часовъ около 7 или 8 приказываетъ мнѣ отправиться на лѣвый флангъ и передать генералу ***, что противъ него спустились у самаго устья Алмы семь или восемь баталіоновъ французовъ, и чтобы онъ былъ очень остороженъ. Генералъ отвѣчаетъ, что онъ это видитъ, но не боится ихъ.

Я отправился обратно и передалъ этотъ отвѣтъ князю. Около получаса спустя по возвращеніи моемъ къ князю, послышались на лѣвомъ флангѣ крики ура, вѣроятно генералъ *** ободрялъ солдатъ. Вслѣдъ за тѣмъ князь, весьма заботливо смотрѣвшій на устье рѣчки противъ нашего лѣваго фланга и всегда не довѣрявшій громкимъ возгласамъ, сѣлъ на лошадь (между 10 и 11 часами) и отправился туда самъ.

На пути онъ привѣтствуетъ войска, *) стоявшія между центромъ и лѣвымъ флангомъ и говоритъ имъ,

*) Здѣсь не лишнее упомянуть, что между прочимъ, упрекали князя Меншикова и въ томъ, что онъ не здоровался съ войсками. Помню, что 6-го декабря во время осады мы переѣзжали бухту чтобы быть на молебствіи въ городѣ; поровнявшись съ пароходомъ «Громоносецъ» на коемъ команда стояла во фронтѣ, князь поздоровался, но не получилъ отвѣта. Когда же катеръ подошелъ ближе, князь поздоровался вторично и команда отвѣчала, при чемъ обратясь къ намъ, онъ сказалъ по французски: «меня упрекаютъ, что я не привѣтствую войска, для этаго нужна нѣкоторая театральность, а я говорить громко не могу.»

что наступилъ день, когда они должны показать себя истинными русскими молодцами.

Во время нашего подъема на высоты лѣваго фланга, замѣтно общее движеніе непріятеля. Прибывъ на лѣвый флангъ, князь направляется прямо къ обрывамъ крутыхъ высотъ, стоящихъ у моря и замѣтивъ, что непріятель въ разсыпную взбирается на высоты, немедленно посылаетъ адъютанта своего штабсъ ротмистра Грейга, (нынѣ генералъ-адъютанта) за кавалеріею и конною артиллеріею.

Другіе адъютанты князя отправляются также, не помню съ какими приказаніями, и около него остаются Жолобовъ, Сколковъ, Панаевъ и я; директоръ канцеляріи Камовскій и чиновникъ дипломатической части Гротъ находились также на полѣ сраженія. Съ наступленіемъ непріятеля, перестрѣлка открывается по всей линіи; на лѣвый флангъ преимущественно и весьма учащенно летятъ снаряды съ флота; въ началѣ сраженія ѣхавшему подлѣ князя генеральнаго штаба капитану Жолобову отрываетъ ногу, и онъ вскорѣ умеръ въ госпиталѣ; флигель-адъютанту Сколкову оторвало руку на лѣвомъ же флангѣ, когда онъ поѣхалъ съ какимъ то приказаніемъ. Главнокомандующій все время находится въ страшномъ огнѣ и слѣдя за ходомъ дѣйствія, онъ нѣсколько разъ напоминаетъ намъ не собираться въ кучу, дабы не привлекать на себя выстрѣловъ, что отымаетъ возможность хорошо наблюдать за движеніями войскъ. Наша конная казачья(?) артиллерія весьма скоро прибыла на лѣвый флангъ, и долго хладнокровною распорядительностью своего

командира, батарея эта удерживала непріятеля. Главнокомандующій съ трудомъ отыскиваетъ начальниковъ, изъ коихъ большая часть спѣшившись; непріятель все болѣе и болѣе прибываетъ, и наконецъ онъ взвезъ свою артиллерію. Какія приказанія во время пребыванія на лѣвомъ флангѣ главнокомандующій отдавалъ другимъ адъютантамъ—я не слѣдилъ, но самъ я не получалъ никакого.

Во время дѣла, положеніе войскъ безпрестанно мѣняется, начальниковъ отыскать невсегда легко; и полагаю, что изучивши войну не только по книгамъ но и на дѣлѣ, князь сознавалъ, что много приказаній отдавать незачѣмъ. Передвиженіе войскъ, не только мало привыкшихъ къ горной мѣстности, но и вообще мало опытныхъ, было-бы весьма затруднительно, и по этому на своевременное исполненіе этихъ приказаній нельзя было разсчитывать. Помню однако, что приказаніе о прибытіи артиллеріи было исполнено очень скоро и, какъ я выше сказалъ, она была очень полезна. Но пока мы находились на лѣвомъ флангѣ, вся масса непріятеля сближается съ нашимъ центромъ и правымъ флангомъ. Главнокомандующій отправляется туда, сказавши: такъ пойдетъ дѣло еще часъ или полтора, потомъ дойдетъ до штыковъ, а тамъ что Богъ дастъ.

На пути къ центру онъ заѣзжаетъ на перевязочный пунктъ посмотрѣть флигель-адъютанта Сколкова, которому здѣсь же сдѣлали ампутацію, хотя послѣ уже поправляли въ госпиталѣ.

Въ центрѣ, когда мы подъѣхали туда, видно,

что войска сошлись, и происходитъ ожесточенная битва *).

Вскорѣ послѣ нашего прибытія къ центру прискакалъ съ лѣваго фланга офицеръ и говоритъ, что непріятель насъ оттѣснилъ; почти въ тоже время явился другой офицеръ оттуда-же, съ извѣстіемъ, что мы держимся хорошо; между тѣмъ шагахъ во ста отъ насъ баталіонъ нашъ, расположенный на дорогѣ, идущей чрезъ Алму, бѣглымъ огнемъ стрѣляетъ по высотамъ лѣваго фланга.

При разнорѣчіи извѣстій съ лѣваго фланга, князь посылаетъ меня узнать не стрѣляемъ-ли мы въ своихъ и кто наконецъ занимаетъ высоты—мы или французы? Подъѣхавъ къ нашему баталіону, я кричу солдатамъ: „не въ своихъ ли ребята стрѣляете“, — „какое въ своихъ, ваше благородіе, посмотрите какъ строчатъ“.

Дѣйствительно, не взирая на густой дымъ отъ пальбы я вижу надъ собою шагахъ во ста непріятеля, который осыпаетъ баталіонъ пулями.

Когда я доложилъ объ этомъ князю, то онъ, осмотрѣвъ внимательно лѣвый флангъ, приказываетъ мнѣ немедленно взять морской баталіонъ и подвести его для прикрытія батарейной батареи, постановленной за эполементомъ, въ самомъ важномъ пунктѣ позиціи, откуда она опустошала ряды англичанъ, идущихъ чрезъ Алму; приведя моряковъ на указанное мѣсто, по возвращеніи къ князю вижу, что наши войска на лѣ-

*) Въ нѣсколькихъ мѣстахъ центра происходили штыковыя упорныя дѣла. Князь Горчаковъ самъ водилъ нѣкоторыя части въ штыки, и его шинель была во многихъ мѣстахъ прострѣлена пулями.

вомъ флангѣ замѣняются непріятелемъ, а вскорѣ оттуда полетѣли гранаты, и войска центра и праваго фланга стали отступать.

Было-ли при этомъ бѣгство? Какъ во всѣхъ войнахъ и сраженіяхъ бываетъ, вѣроятно и у насъ при Алмѣ, нѣкоторыя части обращались въ замѣшательство и бѣгство, но то не было общее явленіе. По крайней мѣрѣ я самъ не видѣлъ этого ни на лѣвомъ флангѣ, ни въ центрѣ, а напротивъ помню, что ѣхавши передавать приказаніе объ отступленіи къ Севастополю, и слѣдуя сзади отступающихъ войскъ видѣлъ самъ, что полки, къ которымъ я подъѣзжалъ, составляли довольно правильную линію и войска шли не бѣгомъ, а ровнымъ шагомъ. Было уже часовъ около 3-хъ, когда стало очевидно, что наши линіи не удерживаются, и подаются повсемѣстно назадъ, и скоро это обращается въ рѣшительное отступленіе, но не бѣгство; и между тѣмъ какъ войска центра и праваго фланга находятся въ полномъ отступленіи отъ Алмы къ Качѣ, видно, что войска лѣваго фланга, отступившія съ своихъ высотъ ранѣе, стоятъ выстроившись между Качей и Алмой, а на нашемъ пути гусары, выстроенные во фронтъ, когда проѣзжалъ князь, прокричали даже ура вовсе не кстати.

Въ это время нѣсколько гранатъ съ высотъ лѣваго фланга, занятыхъ теперь французами, падаетъ въ баталіонъ, бывшій вблизи около насъ. Большая часть присѣла, что весьма непріятно поразило главнокомандующаго; онъ спрашиваетъ, гдѣ ваши начальники и приказываетъ играть музыкѣ, и это единственный слу-

чай паники, котораго я самъ былъ свидѣтелемъ. Въ это же время князь посылаетъ по всей линіи отступающихъ войскъ приказаніе отступать къ Севастополю. Отправившись въ числѣ другихъ для передачи этого приказанія, я видѣлъ довольно правильную линію нашихъ войскъ, и безъ большого труда отыскивалъ кому передать приказаніе, такъ что отступленіе могло показаться непріятелю даже правильнымъ, что вмѣстѣ съ недостаткомъ кавалеріи, съ уборкою убитыхъ и раненыхъ могло остановить его отъ преслѣдованія. Преслѣдованіе же это, въ особенности въ узкихъ долинахъ Качи и Бельбека, было бы для насъ гибельно. Вотъ все, что я могъ замѣтить и вспомнить объ Алмѣ, кромѣ выстрѣловъ, дыму, наступающихъ массъ, падающихъ людей и часто недоумѣвающихъ лицъ, и такое смутное воспоминаніе, я думаю, уносится изъ большей части сраженій.

Много было споровъ объ Алмѣ: говорили и писали зачѣмъ было выходить изъ Севастополя? Зачѣмъ не стать à cheval на Алмѣ во флангѣ движенія непріятелю? Зачѣмъ не укрѣпить лѣваго фланга и проч. Довольно отвѣтить на это: 1) что намъ пришлось удерживать позицію, которая требовала гораздо болѣе войскъ, чѣмъ мы имѣли для ея защиты и на мѣстности пересѣченной, на коей при томъ, къ большой невыгодѣ, намъ пришлось по необходимости расположить войска на склонахъ, обращенныхъ къ непріятелю такъ, что онъ могъ видѣть насъ какъ на ладони; отодвинуть же войска за склоны было невозможно потому, что тогда безъ потерь непріятель перешелъ бы рѣчку;

2) лѣвый флангъ былъ значительно удаленъ отъ центра и праваго фланга, отъ коихъ отдѣлялся еще ложбиною, и самъ занималъ несоразмѣрное съ числомъ войскъ пространство; 3) войска у непріятеля были лучше и вооружены штуцерами, между тѣмъ какъ у насъ неопытные, и кромѣ небольшого числа, всѣ съ гладкими ружьями; и 4) насъ было одинъ противу двухъ, какъ вполнѣ вѣрно предсказывалъ князь Меншиковъ во всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ 29-го іюня.

Одной изъ этихъ причинъ въ отдѣльности было бы достаточно, чтобы склонить сраженіе въ пользу непріятеля, а противъ насъ соединились онѣ всѣ вмѣстѣ. Относительно укрѣпленій слѣдуетъ сказать, что времени было довольно, чтобы укрѣпить позицію; правый флангъ былъ прикрытъ отъ обхода небольшимъ укрѣпленіемъ; въ центрѣ построенъ былъ эполементъ для батарейной батареи; и кромѣ онаго, здѣсь врядъ-ли было выгодно устроивать что либо другое, ибо крутизна склоновъ на коихъ стояли войска наши потребовала бы огромной высоты брустверовъ для прикрытія ихъ отъ выстрѣловъ; даже на лѣвомъ флангѣ едва-ли было возможно устройство укрѣпленій потому, что противъ судовой артиллеріи они были бы безполезны, противъ же обхода, нужно-бъ было обнести брустверомъ всю окраину высотъ лѣваго фланга, т. е. верстъ пять *); единственно, что остава-

*) Да и артиллеріи вообще было очень мало, такъ что для вооруженія укрѣпленій артиллерію надо было бы вести изъ Севастополя, —но какъ вести ее?

лось сдѣлать—имѣть строгое наблюденіе за непріятелемъ. Для этого былъ по позиціи выдвинутъ отдѣльный баталіонъ, но на вопросъ: почему онъ не предупредилъ непріятеля, можно отвѣтить развѣ только то, что непривычка къ горной войнѣ, какъ и вездѣ въ Крыму, была для насъ пагубна, и можно смѣло сказать, что баталіонъ кавказскихъ войскъ, поставленный на этотъ пунктъ, не допустилъ бы французовъ обойти скрытно лѣваго фланга, тѣмъ болѣе, что какъ было упомянуто выше, главнокомандующій еще въ восьмомъ часу утра посылалъ на лѣвый флангъ предостереженіе. Что же касается до выхода на Алму, то встрѣча грудью, и въ самыхъ невыгодныхъ для насъ условіяхъ, напора превосходнаго во всѣхъ отношеніяхъ непріятеля, для защиты Севастополя была однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ военныхъ дѣйствій, и сообщила всей войнѣ характеръ той рѣшимости драться до крайности, которая выдержалась до конца.

Сдѣлавъ эти замѣчанія объ Алмѣ, о которой въ свое время было столько споровъ, продолжаю свой расказъ. Когда армія отступала, адмиралъ Корниловъ прибылъ сюда изъ города: онъ ѣхалъ подлѣ князя, который однако-же говорилъ съ адмираломъ очень мало. Былъ уже часъ шестой, когда войска стали спускаться въ Каченское дефиле, гдѣ движеніе становилось крайне затруднительнымъ по узкости дороги, обставленной садами, виноградниками и каменными заборами. Выбравшись на перевалъ между Качей и Бельбекомъ, главнокомандующій расположился здѣсь на ночлегъ, пока стягивались отступавшія войска.

Адмиралъ Корниловъ пробылъ еще нѣсколько времени съ княземъ, и отправился въ Севастополь вмѣстѣ съ Грейгомъ, котораго князь посылалъ въ Петербургъ, чтобы доложить Государю Императору о всемъ видѣнномъ. Прощаясь съ княземъ, адмиралъ Корниловъ приказалъ мнѣ отыскать морскіе баталіоны и приказать имъ немедленно слѣдовать къ пристанямъ сѣверной стороны, и садиться тамъ на гребныя суда своихъ кораблей, которыя будутъ ихъ ждать. При этомъ адмиралъ прибавилъ „а тамъ côute que côute“; послѣ я понялъ эти слова, когда узналъ о предположеніи адмирала выйдти съ флотомъ. Было уже часовъ 9, когда я пѣшкомъ направился назадъ съ Бельбека на Качу, для исполненія этого порученія адмирала. Весьма трудно было пробираться противъ теченія войскъ, запрудившихъ дорогу.

Многіе солдаты спѣшили, чтобъ не отстать отъ своихъ; другіе отъ усталости лежали, многіе грѣлись у костровъ и, прислушиваясь къ говору ихъ, я съ радостью замѣтилъ, что нѣтъ ни унынія, ни упадка духа, и въ большей части случаевъ слышалъ, что нельзя было держаться, когда почти всѣхъ начальниковъ ихъ перебили или переранили *). Проходивши часа два или три, я наконецъ нашелъ одного изъ командировъ морскихъ баталіоновъ, которому и передалъ приказаніе адмирала, а самъ поторопился вернуться къ князю, котораго засталъ садящимся на лошадь. Это было передъ

*) Кромѣ оставленныхъ на полѣ сраженія и попавшихся въ плѣнъ, въ госпиталь съ Алмы было привезено 82 офицера раненыхъ.

разсвѣтомъ. Войска тянулись всю ночь безъ отдыха по двумъ дорогамъ къ Севастополю. По прибытіи туда, я былъ немедленно посланъ къ адмиралу Корнилову, съ приказаніемъ обратить всѣ средства флота и порта на перевозку войскъ съ сѣверной на южную. Я засталъ у адмирала всѣхъ флагмановъ и капитановъ, и передалъ ему приказаніе князя. Флагманы и капитаны были собраны по слѣдующему случаю. Когда адмиралъ Корниловъ узналъ объ отступленіи нашемъ съ Алмы, то прощаясь съ княземъ, онъ рѣшился на отважную мѣру: выйдти съ флотомъ изъ Севастополя; и потому уѣзжая отъ арміи въ Севастополь, приказалъ мнѣ поспѣшнѣе собрать морскіе баталіоны и направить ихъ на свои корабли. Я полагаю, что эту мѣру адмиралъ не могъ бы привести въ исполненіе, не только безъ вѣдома главнокомандующаго, но даже безъ согласія другихъ адмираловъ, такъ какъ своею собственною властію онъ не могъ распоряжаться флотомъ даже въ отсутствіе князя, уже по одному тому обстоятельству, что Нахимовъ былъ старше его. Но вѣроятно адмиралъ имѣлъ въ виду, если бы задуманный имъ выходъ флота встрѣченъ былъ единодушнымъ одобреніемъ, представить объ этомъ главнокомандующему, и для того былъ имъ собранъ военный совѣтъ, какъ его тогда называли, хотя въ сущности военнаго совѣта никто не имѣлъ права собирать, ибо извѣстно было, что главнокомандующій слѣдуетъ въ Севастополь и съ минуты на минуту ожидается здѣсь. Во всякомъ случаѣ, на этомъ совѣтѣ на сторонѣ выхода не было большинства. Адмиралъ Нахимовъ, сколько мнѣ извѣстно, не защищалъ этой мѣры; а капитанъ 1-го

ранга Зоринъ, согласно съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ другихъ командировъ, заявилъ *), что благоразумнѣе будетъ затопить старые корабли у входа въ бухту. Переданное мною, во время собранія, приказаніе князя объ обращеніи всѣхъ средствъ для перевозки войскъ съ сѣверной на южную, прекратило всякія сомнѣнія. Разсуждая теперь хладнокровно объ этомъ выходѣ, нельзя не согласиться, что врядъ ли эта мѣра принесла бы пользу. Дѣйствительно, флотъ нашъ былъ парусный, и такъ какъ въ Севастополѣ, подобно другимъ портамъ теплаго климата господствуютъ ночные и дневные вѣтра, т. е. ночью дующіе съ берега въ море, стихающіе послѣ восхода солнца и съ десятаго часа обращающіеся въ морскіе почти до захода, то флотъ могъ выйти до 7 или 8 часовъ утра, т. е. выйдти такъ, чтобы устроиться въ какой нибудь строй. Безъ этого же флотъ, выходящій изъ бухты и въ безпорядкѣ застигнутый штилемъ, частію въ морѣ, частію еще въ бухтѣ, находился бы въ самомъ жалкомъ положеніи.

Впослѣдствіи К.... командиръ парохода „Громоносецъ", мнѣ разсказывалъ, что выходя съ этого совѣта, онъ встрѣтилъ главнокомандующаго, который переѣхавъ въ это время на южную сторону и увидя К.... въ вице-мундирѣ и шляпѣ, спросилъ его, откуда онъ идетъ въ такомъ парадѣ? „Съ военнаго совѣта, Ваша Свѣтлость", отвѣчалъ К.... „О чемъ же тамъ говорили", спросилъ князь. „Одни говорили, чтобы выйдти съ фло-

*) Кто первый предложилъ затопленіе кораблей—навѣрное сказать не могу; по крайней мѣрѣ первый громко его выразилъ капитанъ 1-го ранга Зоринъ.

томъ, другіе предлагали затопить у входа корабли". „Послѣднее лучше", отвѣтилъ князь, и мѣра эта была дѣйствительно приведена въ исполненіе. Весьма тяжелое впечатлѣніе производили корабли, выведенные ко входу въ бухту и предназначенные къ затопленію, въ особенности когда противъ нихъ поставили пароходы съ тяжелою артиллеріею, чтобы стрѣлять въ тѣхъ, которые, не взирая на сдѣланныя въ подводной части отверстія, долго не шли ко дну.

Во многихъ кружкахъ въ городѣ гдѣ, мнѣ случилось быть, шли различные толки о случившихся событіяхъ и предположенія о томъ, что будетъ. На корабляхъ шелъ разсчетъ командъ по баталіонамъ, раздавалось оружіе и вообще всѣ были въ напряженномъ состояніи ожиданій. Главнокомандующій никому ничего не говорилъ о выходѣ изъ города, и всѣ были въ неизвѣстности относительно дальнѣйшихъ дѣйствій. Городъ, въ которомъ дѣятельность каждаго заключалась почти единственно въ томъ, чтобы отъ кого нибудь получать или кому нибудь отдавать приказанія, въ настоящія минуты при неизвѣстности, что исполнять или приказывать, представлялъ хаотическое состояніе. Это тревожило всѣхъ, потому что всѣ знали, что непріятель можетъ появиться съ часу на часъ, но въ этомъ состояніи вовсе не было признаковъ унынія или упадка духа. Всѣ съ нетерпѣніемъ рвались и желали дѣлать что нужно, и какъ только опредѣлена была морякамъ новая роль—роль защитниковъ Севастополя на сухомъ пути, дѣятельность закипѣла съ тою же быстротою, отчетливостью и энергіею въ исполненіи, ко-

торыя требуются обыкновенно отъ работъ на корабляхъ.

Между тѣмъ непріятель все непоявлялся, а у насъ 9, 10 и 11 число прошли въ сформированіи и приготовленіи арміи къ выходу; 12 числа войска, собранныя на Куликовомъ полѣ, были во всей готовности, чтобы выйдти изъ города. Передъ самымъ ихъ выступленіемъ получено извѣстіе, что непріятель двигается къ Бельбеку. Наша армія, часовъ около 4-хъ, тронулась также съ Куликова поля, хотя ни тогда, ни впослѣдствіи я не могъ узнать случайно ли совпадало наше выступленіе съ полученіемъ извѣстія о движеніи непріятеля къ Бельбеку, или именно вслѣдствіе этого извѣстія и наши войска тронулись. Князь передъ выступленіемъ послалъ меня къ адмиралу Корнилову сказать, что мы выходимъ изъ города и будемъ вблизи Севастополя; я нашелъ адмирала на самомъ берегу у батареи № 4-й (на сѣверной сторонѣ), гдѣ и передалъ приказаніе; при этомъ адмиралъ спросилъ меня—иду-ли я съ арміей? Здѣсь стояли нѣсколько лицъ его штаба, и потому я былъ крайне изумленъ, когда впослѣдствіи случалось мнѣ слышать, будто армія вышла неизвѣстно куда, оставивъ городъ на произволъ судьбы. Послѣдующія распоряженія главнокомандующаго. движеніе и расположеніе арміи, а равно и донесеніе главнокомандующаго Государю Императору о наступательной цѣли этого выхода убѣждаютъ, что цѣль движенія заключалась какъ въ обезпеченіи города отъ нападеній, такъ и въ сохраненіи сообщеній его съ Россіею.

Здѣсь необходимо замѣтить, что передъ выходомъ

арміи (въ тотъ же день или наканунѣ), два полка пѣхоты съ двумя полками кавалеріи были выдвинуты изъ города и поставлены въ пространство между Бельбекомъ, Инкерманомъ и Мекензіевой горой, дабы обезопасить съ лѣвой стороны наше движеніе, которое совершалось вокругъ Сапунъ горы на Мекензіеву. Войска сохраняли совершенную тишину и порядокъ во время слѣдованія, и по всему было видно, что главнокомандующій очень заботился, чтобы движеніе было совершено безъ всякихъ замѣшательствъ.

Вдругъ впереди происходитъ смятеніе, войска останавливаются, и не скоро открывается причина этого: наконецъ оказалось, что выдвинутый для прикрытія нашего движенія отрядъ оставилъ свой постъ, встревоженный звукомъ зори въ непріятельскомъ лагерѣ, и отступилъ, загромоздивъ и безъ того узкую дорогу; и такъ какъ это было уже тогда, когда совсѣмъ стемнѣло, то прошло значительное время, пока распутали это затрудненіе,—затѣмъ движеніе продолжалось. Съ разсвѣтомъ всѣ войска были на Мекензіевой, а часамъ къ 6 или 7 спустились на Бельбекъ. Солдаты уже стали варить кашу, когда на Мекензіевой раздались выстрѣлы, что привело всѣхъ въ недоумѣніе; тотчасъ были посланы гусары узнать въ чемъ дѣло, которое объяснилось наконецъ однимъ прискакавшимъ офицеромъ: это была всѣмъ извѣстная встрѣча непріятельскаго авангарда съ нашимъ запаснымъ паркомъ, вышедшимъ позже арміи изъ Севастополя. Главная квартира расположилась близъ Отаркойя, деревни на Бельбекѣ, которую занялъ нашъ авангардъ, подъ командою Жабо-

крицкаго, расположеніе, которое показывало, что имѣлось въ виду, двигаться къ Севастополю въ случаѣ нужды, а не отступать къ Бахчисараю, какъ многіе думали и писали.

13-го обнаружилось движеніе непріятеля въ Балаклавскую долину, и генералъ Хрущевъ съ небольшою частью войскъ былъ направленъ въ Шулю, а въ догонку со мною было послано ему приказаніе, чтобы въ своемъ движеніи, совершающемся почти параллельно съ непріятельскимъ, но обезпеченномъ справа отъ его нападенія горами, онъ растягивалъ бы свои войска и выставлялъ ихъ на видъ непріятелю, дабы парализовать рѣшимость его напасть на Севастополь, еслибъ такая рѣшимость входила въ его планы. Первоначально нельзя было вѣрно заключить, вся ли непріятельская армія переходитъ въ Балаклавскую долину, но когда вполнѣ обнаружилось, что непріятель переходитъ туда со всѣми силами, князь перенесъ главную квартиру версты на двѣ или на три ближе къ Бахчисараю: но многіе совершенно невѣрно заключили, будто армія изъ Севастополя отступила прямо въ Бахчисарай. Здѣсь не лишнимъ считаю помѣстить эпизодъ, касающійся меня лично, но довольно хорошо обрисовывающій то состояніе неизвѣстности, въ которомъ находились городъ и армія между 13 и 16 числами когда были прерваны между ними сообщенія. 14 или 15 числа князь меня послалъ въ Севастополь, дабы узнать, что тамъ дѣлается, обратить особенное вниманіе на укрѣпленіе пересыпки и доковаго оврага, а равно и сказать, что армія дня черезъ два покажется въ виду.

При этомъ его свѣтлость замѣтилъ, чтобы я лошадь оставилъ на Мекензіевой, такъ какъ мостъ черезъ Черную разрушенъ, что проводникъ для меня готовъ у Жабокрицкаго и чтобы я былъ остороженъ, ибо могу встрѣтиться съ непріятелемъ. Отправившись часовъ въ 9 или 10 вчера съ даннымъ мнѣ въ проводники татариномъ, мы прошли по тому мѣсту, гдѣ было наканунѣ нападеніе на паркъ, и видѣли разломанныя повозки и другіе разбросанные остатки парка.

Мы прошли нѣсколько глубокихъ лѣсистыхъ балокъ, такъ какъ проводникъ опасался вести прямымъ путемъ, и подходя къ долинѣ Черной, онъ мнѣ указывалъ на непріятельскій лагерь и палатки, но ихъ я за темнотою не видѣлъ; наконецъ передъ разсвѣтомъ мы перешли по подводнымъ остаткамъ моста чрезъ Черную рѣчку и поднялись по Саперной дорогѣ, гдѣ увидѣли двухъ спускающихся на встрѣчу намъ всадниковъ, которые замѣтя насъ и принявъ повидимому за непріятеля, остановились; между прочимъ я съ своей стороны не зналъ кого вижу—непріятеля или своихъ, но увидѣвъ казачью пику, я съ радостью заключилъ, что городъ не взятъ и потому, не останавливаясь, продолжалъ свой путь; всадники послѣ короткаго колебанія сдѣлали тоже, и наконецъ я разглядѣлъ, что это былъ лейтенантъ Обезьяниновъ съ казакомъ, объѣзжавшій и высматривавшій нѣтъ ли гдѣ непріятеля. Мы вмѣстѣ съ нимъ отправились на бастіоны къ адмиралу Истомину; на пути къ Малахову кургану, гдѣ былъ Истоминъ, я былъ пораженъ такою энергіею, многочисленностью и одушевленіемъ рабочихъ, воздвигаю-

щихъ укрѣпленія, что когда адмиралъ сталъ меня нетерпѣливо спрашивать гдѣ армія и что она дѣлаетъ, я ему отвѣчалъ, что близко, но что впрочемъ, судя по томъ, что я вижу у него на бастіонахъ, Севастополю нечего опасаться, если-бъ арміи и не было.

Когда я пріѣхалъ къ адмиралу Корнилову, то онъ приказалъ мнѣ объѣхать съ нимъ бастіоны, гдѣ по всѣмъ спорамъ и разспросамъ я еще болѣе убѣдился въ томъ, что въ Севастополѣ составилось общее мнѣніе, что князь Меншиковъ его бросилъ.

Всѣ разспрашивали меня, что дѣлаетъ армія, гдѣ она, зачѣмъ она ушла изъ Севастополя въ такое время, а адмиралъ въ ободреніе гарнизона говорилъ, что я привезъ извѣстіе изъ арміи о прибытіи новыхъ подкрѣпленій. Адмиралъ приглашалъ меня обѣдать, но я такъ былъ утомленъ, что по возвращеніи съ бастіоновъ легъ спать и не могъ явиться на приглашеніе. Когда я проснулся, часовъ около 5 вечера, то не засталъ уже своего татарина проводника, и долженъ былъ поторопиться отыскать какого нибудь другого, для чего и пошелъ на рынокъ, какъ сходбище всякаго рода людей, гдѣ и отыскался какой-то балаклавецъ. Но между тѣмъ народъ думая, что армія наша далеко, и что городъ окруженъ непріятелемъ, принялъ меня за шпіона, такъ что когда я зашелъ къ одному своему знакомому, именно Викорсту, туда явился полиціймейстеръ, чтобы убѣдиться, что я дѣйствительно не изъ непріятельскаго лагеря. Это пустое обстоятельство характеризуетъ тогдашнее неспокойное состояніе умовъ въ городѣ.

Послѣ этого, переправившись ночью въ Сухарную балку, оттуда по Бельбеку и Мекензіевой часовъ около 2-хъ дня, прибылъ я въ главную квартиру. Главнокомандующій убѣдившись, что и послѣдняя часть непріятельскихъ войскъ, остававшаяся еще на Качѣ, перешла въ Балаклавскую долину моремъ, двинулся на Бельбекъ и, простираясь съ войсками отъ Шули чрезъ Мекензіеву и Инкерманъ до Севастополя, расположилъ на Бельбекѣ свою главную квартиру.

Такимъ образомъ Севастополь, котораго непріятель не посмѣлъ, да и не могъ бы атаковать успѣшно, долженъ былъ ожидать правильной осады.

Прекращая разсказъ о подробностяхъ, которыя мнѣ могли быть извѣстны болѣе чѣмъ другимъ, я полагаю небезполезнымъ во всемъ нижеслѣдующемъ помѣстить преимущественно разсужденія о нѣкоторыхъ явленіяхъ Крымской войны, и о Черноморскомъ флотѣ, которыя въ свое время возбуждали жаркіе споры. Прежде всего постараюсь дать понятіе о томъ состояніи, въ которомъ находился Севастополь, начиная съ Алминскаго сраженія, до возстановленія сообщеній съ арміею.

Въ этотъ короткій промежутокъ времени породились толки, и создались первыя ложныя мнѣнія о дѣйствіяхъ князя Меншикова, которыя изустно и письменно передавались въ Петербургъ, имѣли вліяніе на общественное мнѣніе, доходили до самаго Императора, были впослѣдствіи причиною извращенія фактовъ, и даже на самомъ ходѣ дѣлъ отзывались и могли-бъ отозваться еще неблагопріятнѣе, еслибъ въ

главнокомандующемъ не соединялись умъ, опытность и проницательность, доходившая иногда до предвѣдѣнія.

Мнѣ случилось слышать какъ однажды въ присутствіи двухъ трехъ лицъ князь выразился: „хотѣлъ продать Севастополь англичанамъ, да дешево давали". Слово „измѣна" повторялось въ Севастополѣ довольно громко, и не мудрено, что находились услужливые люди, передававшіе князю всѣ толки, которые ходили о его дѣйствіяхъ, а быть можетъ, что толки эти, доходившіе въ письмахъ или чрезъ разныхъ лицъ до Петербурга, сообщались ему уже оттуда.

Трудно и не стоитъ доискиваться откуда они появились, но слѣдуетъ сказать правду, что къ сожалѣнію повторять ихъ не стѣснялись даже въ присутствіи начальниковъ.

Положеніе дѣлъ къ тому-же скорѣе способствовало къ ихъ возбужденію, чѣмъ къ опроверженію ихъ. Въ самомъ началѣ общественное мнѣніе, убаюканное сорокалѣтнимъ миромъ, побѣдами, и первенствующимъ голосомъ Россіи въ политикѣ, не думало о возможности объявленія войны со стороны Европы, а тѣмъ менѣе вѣрило возможности десанта на наши берега, когда еще притомъ на скамейкахъ академіи читалось и вообще господствовало мнѣніе Жомини, что десантъ въ большихъ силахъ невозможенъ*. И потому когда по-

*) Въ запискахъ Герсеванова по этому поводу выставляется, какъ исключеніе, тотъ фактъ, будто Государь Императоръ, бывшій тогда еще Наслѣдникомъ, на одной подобной лекціи въ академіи

слѣ объявленія войны послѣдовали десантъ, потомъ пораженіе на Алмѣ, затѣмъ затопленіе кораблей и выходъ арміи изъ города и, вообще, всѣ непріятныя неожиданности и разочарованія, сопровождавшія начало Крымской кампаніи, то общественное мнѣніе искало на кого бы свалить всѣ обвиненія. И тамъ гдѣ была первая неудача, легко находилась и причина этой неудачи, а потому безъ всякаго основательнаго разбора и критики пошли жалобы и письма въ Петербургъ, съ вѣстью, что причиною всѣхъ неудачь — ошибки князя Меншикова.

Насколько подобные толки и письма вредны, это доказываетъ опытъ: въ самой либеральной націи они запрещаются уставомъ:

Морской Американскій уставъ говоритъ слѣдующее:

§ 183. Всякія сообщенія въ частныхъ письмахъ о дѣйствіяхъ военно-сухопутныхъ и морскихъ, о движеніи кораблей, а равно о дѣйствіяхъ начальствующихъ лицъ, а равно свѣдѣнія, какого бы рода они ни были, если могутъ быть полезны непріятелю, строго запрещаются.

Всѣ очевидцы въ Севастополѣ вѣроятно помнятъ до какой степени этими толками было все возбуждено въ городѣ и до какой степени, за исключе-

соизволилъ замѣтить, что при парахъ такое понятіе должно измѣниться.

Нашъ Главнокомандующій также былъ противнаго убѣжденія, и указывалъ даже мѣстность, гдѣ будетъ высадка; нѣкоторые изъ флотскихъ офицеровъ, охотившіеся въ Крыму и знавшіе мѣстность, указывали на тотъ же пунктъ.

ніемъ немногихъ, большинство поколебалось въ довѣріи своемъ къ распорядительности начальниковъ, что въ минуты опасности, въ коей находился Севастополь, могло быть гибельно.

Къ счастію, свойство самой морской службы таково, что опасность вызываетъ въ морякахъ не уныніе, а усиленную энергію: и всѣ тревожные слухи произвели минутное и лишь частное замѣшательство *) и напряженное ожиданіе, пока не указано было, что̀ кому дѣлать, послѣ чего всякій принялся исполнять то, что было назначено съ обычнымъ жаромъ и привычкою умѣть взяться за дѣло, что также пріобрѣтается обязанностями морской службы.

Дѣйствительно, вся служба моряка состоитъ изъ заботъ о безчисленныхъ мелочахъ и подробностяхъ, которыя всѣ нужно знать, и изъ которыхъ ни одной нельзя оставить безъ вниманія или исполнить кое какъ потому, что отъ каждой мелочи можетъ зависѣть успѣшность дѣла, и даже безопасность корабля.

Съ другой стороны, лѣтъ съ 25 и даже ранѣе молодой человѣкъ на морѣ привыкаетъ дѣйствовать самостоятельно, и долженъ имѣть свою собственную инціативу, такъ какъ уже обязанность вахтеннаго офицера налагаетъ страшную отвѣтственность, и вызываетъ въ немъ необходимость рѣшаться. Даже положеніе многихъ матросовъ на службѣ таково, что отъ

*) Дѣйствительно, когда армія отступала отъ Алмы съ нѣкоторыхъ батарей на рейдѣ были сброшены орудія и бомбы въ бухту; одинъ брандеръ былъ затопленъ и проч.

ихъ проворства, ловкости и способности къ самодѣятельности, зависитъ часто не только ихъ собственная жизнь, но даже многихъ товарищей на кораблѣ. Съ такими людьми организованіе защиты не безнадежно; и въ нихъ распространеніе слуха, что они предоставлены своей собственной судьбѣ и находятся въ безвыходномъ положеніи—возбуждаетъ не страхъ, а усиленную дѣятельность; но при другихъ элементахъ, подобные толки могли бы быть гибельны, и при появленіи непріятеля способны были произвести панику вмѣсто энергіи.

Временное замѣшательство дѣйствительно было, а отношенія начальствующихъ лицъ способствовали къ его усиленію.

По выходѣ арміи изъ Севастополя, въ городѣ оставались четыре личности, которыхъ ясный кругъ дѣйствія опредѣлить было невозможно: младшій изъ нихъ генералъ-адъютантъ Корниловъ, управлявшій въ мирное время почти самовластно, а въ военное въ присутствіи князя непосредственный его помощникъ и исполнитель его распоряженій, по званію начальника штаба главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ, естественно, болѣе другихъ имѣлъ въ своихъ рукахъ всѣ нити, чтобы приводить въ движеніе матеріальныя средства и личный составъ флота. Адмиралъ Нахимовъ съ полнымъ увлеченіемъ, занятый собственно своею частью, то есть своими кораблями, не любилъ мѣшаться не въ свои дѣла; но по своему авторитету, по своему прямому и благородному характеру, по полному самоотверженію, по любви къ нему моря-

ковъ и по недавней славѣ Синопской побѣды, не могъ также въ минуту опасности быть отодвинутъ на задній планъ, и въ особенности быть подчиненнымъ младшему.

Адмиралъ Станюковичъ, командиръ порта и старшій изъ адмираловъ, по офиціальному своему значенію занималъ въ городѣ первое мѣсто, и всѣ средства порта имѣлъ въ своихъ рукахъ. Онъ также не могъ быть обойденъ при распредѣленіи командованія.

Наконецъ, генералъ Моллеръ старше всѣхъ въ городѣ, но совершенно посторонній и вовсе не знакомый ни съ механизмомъ управленія, ни съ личностями флота, могъ имѣть званіе начальника только на словахъ*).

Еслибъ главнокомандующему дѣйствительно пришлось оставить городъ, и поручить кому нибудь главное въ немъ начальство—выборъ былъ бы затруднителенъ потому, что пришлось бы неизбѣжно нарушить принципъ старшинства, и обидѣть весьма почтенныхъ и заслуженныхъ лицъ, или сдѣлать адмирала Корнилова начальникомъ штаба у старшаго, но недѣйствительнаго начальника—что и случилось само собою.

Но какъ князь выступилъ съ арміею и разсчитывалъ быть съ Севастополемъ въ нераздѣльной связи, то командованіе никому поручать не пришлось, и онъ ограничился опредѣленіемъ роли адмираламъ Корнилову и Нахимову, поручивъ защиту южной стороны послѣднему, а первому сѣверной—какъ ближайшаго къ

*) Я не говорю о комендантѣ, который по уставу долженъ имѣть большое значеніе, но по существу дѣла въ Севастополѣ ему предоставлялась самая незначительная роль.

непріятелю пункта, и въ которомъ, слѣдственно, нужно было имѣть не только энергическаго и распорядительнаго начальника, — какимъ былъ Нахимовъ, — но еще такого, который безъ замедленія и безъ сношенія съ другими и своею властію могъ бы собрать на этотъ пунктъ всѣ средства защиты.

Дѣйствительно, адмиралъ Корниловъ въ короткое время собралъ на сѣверной сторонѣ болѣе 11000 человѣкъ, т. е. болѣе $^1|_5$ части того, что могъ имѣть непріятель, и этого на основаніи разсчетовъ фортификаціи достаточно, чтобы обороняться за укрѣпленіями.

Когда въ городѣ положительно узнали, что непріятель переходитъ на южную сторону, Корниловъ совершенно справедливо сознавалъ, что мѣсто его болѣе не на сѣверной сторонѣ; и какъ по собственной иниціативѣ, такъ и по соглашенію другихъ начальниковъ онъ сталъ общимъ распорядителемъ, принявъ званіе начальника штаба у генерала Моллера, и въ этомъ качествѣ онъ сдѣлался душою обороны, которая при одушевленіи моряковъ и громадныхъ средствахъ флота, росла быстро. Здѣсь впрочемъ слѣдуетъ остановиться и прибавить, что важное дѣло обороны—выборъ и опредѣленіе линіи укрѣпленій, было уже сдѣлано въ видѣ временныхъ укрѣпленій, конечно слабыхъ, но противъ перваго натиска представлявшихъ преграду. Если вспомнить еще, что корабли своею бомбовою артиллеріею усиливали оборону, какъ южной, такъ и сѣверной сторонъ, и дѣлали паденіе Севастополя сомнительнымъ, съ чѣмъ впрочемъ согласны и опытные военные писатели, какъ Niél и Burgoyne, то нельзя вполнѣ согласить-

ся съ тѣми авторитетами, которые утверждаютъ, что городъ легко было взять налетомъ.

Нынѣ только одинъ Кинглекъ *) вѣритъ самъ себѣ въ томъ, что Севастополь былъ совершенно беззащитенъ.

Послѣднее слово объ этомъ предметѣ скажетъ впослѣдствіи военная исторія; во всякомъ случаѣ тогдашніе толки о неминуемости гибели Севастополя, еслибъ того захотѣли союзники, долго были въ ходу, и привели въ совершенное заблужденіе не только большинство тогдашняго общества, но многихъ писателей.

Тоже заблужденіе, отражалось и въ каждомъ взглядѣ и мнѣніяхъ о дѣйствіяхъ нашего главнокомандующаго. Что касается до Севастополя, то тамъ какъ я сказалъ, эти толки не помѣшали той неутомимой и одушевленной дѣятельности, обнаружившей вполнѣ ловкость и искусство, съ которыми моряки принялись за созданіе укрѣпленій. Быстрое сооруженіе ихъ моряками при содѣйствіи Тотлебена **), начиная съ этихъ кри-

*) Въ Times (за лѣтніе мѣсяцы 1868 г.) и Quarterly Review весьма подробно разобрано сочиненіе Kinglakс'а, которому вѣрила на слово наша публика. Достаточно упомянуть, что адмирала Корнилова онъ сравниваетъ съ бедуиномъ, носящимся по бастіонамъ, а его бюстъ съ Наполеономъ I или Юліемъ Цезаремъ. При такомъ настроеніи, подъ вліяніемъ созданныхъ имъ же самимъ идей, его сочиненіе справедливо подверглось ѣдкимъ насмѣшкамъ англійскихъ журналовъ и обозрѣній.

**) Впрочемъ на нѣкоторыхъ пунктахъ. какъ напримѣръ на Малаховомъ курганѣ, и безъ содѣйствія Тотлебена Истоминъ, съ помощью инженера Ползикова, вооружалъ самъ свою оборону. О Ползиковѣ князь писалъ В. Министру: «Tout ce dont on le charge se fait vite et bien.

тическихъ минутъ, навсегда связало имя этого прославленнаго инженера съ Севастополемъ; но весьма жаль, что моряки въ глазахъ многихъ историковъ считаются только рабочими, рывшими землю и таскавшими пушки, между тѣмъ какъ несомнѣнно то, что и при меньшей степени фортификаціоннаго искусства, моряки точно также отстаивали бы Севастополь потому, что долгими усиліями замѣчательныхъ дѣятелей Россіи образованъ былъ тотъ духъ и созданы тѣ офицеры и команды, которые не только быстро, ловко и неутомимо создали матеріальную часть обороны, но, что всего важнѣе, безъ которыхъ невозможно было-бы соорудить ту нравственную оборону, которая дѣйствительнѣе всего защищала Севастополь. Надлежало поставить флотъ съ кораблей на бастіоны, т. е. совсѣмъ на новое дѣло и исполнить это безъ увлеченія педантическими подробностями сухопутнаго устава, но соблюдая однако же главныя военныя начала. Въ этомъ отношеніи адміралу Корнилову, при содѣйствіи чиновъ флота, принадлежатъ вся честь и слава; ибо на его прямой обязанности, какъ по званію начальника штаба Черноморскаго флота и портовъ, такъ и по таковому же при генералѣ Моллерѣ, лежало росписаніе флота по бастіонамъ, и онъ это исполнилъ быстро и отчетливо, хотя дѣйствительно трудно было въ эти критическія минуты замѣшательства и приближенія непріятеля, вѣрно соблюсти тѣ главныя основанія, коими держится масса воиновъ въ стройности, порядкѣ и простотѣ управленія. Для соблюденія этихъ условій, впрочемъ, самъ адміралъ первый рѣшился предложить принять званіе на-

чальника штаба у генерала Моллера. Затѣмъ адмиралы остались на сухомъ пути тѣми же начальниками, какъ и въ морѣ, т. е. начальниками большихъ частей оборонительной линіи, впослѣдствіи составившихъ такъ называемыя дистанціи; командиры экипажей и кораблей—начальниками бастіоновъ и баталіоновъ моряковъ, а въ помощь имъ, командиры фрегатовъ получили назначеніе или начальниковъ артиллеріи, или болѣе важныхъ батарей, и такимъ образомъ удовлетворены были условія старшинства, единоначалія, нераздробляемости и однородности частей, и каждому опредѣлено мѣсто и кругъ дѣйствій, и вообще переводъ почти всего флота съ кораблей на бастіоны съ своимъ уставомъ обычаями и порядками, въ своемъ личномъ нераздробленномъ составѣ и во многихъ случаяхъ даже со своими орудіями, былъ совершенъ, что составляло не легкую задачу въ виду непріятеля, задачу—отличное рѣшеніе коей Корниловымъ создало нравственную силу обороны и служило ручательствомъ успѣха гораздо надежнѣе, чѣмъ тонкости инженернаго искусства.

Съ 18-го сентября, главная квартира расположилась на Бельбекѣ, и возстановились правильныя сообщенія арміи какъ съ Россіею, такъ и съ Севастополемъ, въ городѣ шли приготовленія противъ правильной осады, а въ арміи происходили незначительныя передвиженія, и я мало могу вспомнить такихъ обстоятельствъ, которыя не были бы вообще извѣстны большинству лицъ, интересующихся осадою Севастополя; болѣе замѣчательныя изъ нихъ уже сдѣлались достоя-

ніемъ исторіи, а я останавливаюсь лишь на тѣхъ, которыя составляли въ то время и теперь составляютъ предметъ споровъ, что по необходимости вовлекаетъ меня въ пространныя разсужденія и отступленія.

Какъ прежде въ отсутствіи арміи, такъ и теперь адмиралъ Корниловъ былъ душою обороны. Всякая незначительная тревога на бастіонахъ и самое маловажное произшествіе ему докладывались, и каждый разъ, одинаково какъ днемъ такъ и ночью, онъ отправлялся самъ на мѣсто происшествія. Такая сверхъ человѣческихъ силъ дѣятельность сообщалась всѣмъ въ городѣ, и держа всѣхъ въ томъ же настроеніи, въ значительной степени способствовала какъ замедленію непріятельскихъ осадныхъ работъ, такъ и быстрому возведенію нашей обороны.

Въ одну изъ такихъ минутъ тревоги, я посланъ былъ, не помню съ какимъ приказаніемъ, къ адмиралу Корнилову и нашелъ его на батареѣ № 10-й; здѣсь я былъ свидѣтелемъ слѣдующаго явленія: съ непріятельскаго флота въ одну изъ сосѣднихъ бухтъ отвалило разомъ множество шлюпокъ, не менѣе 30 или 40; батарея № 10 открыла по нимъ сильный огонь, но сколько я ни смотрѣлъ, не видѣлъ, чтобы хотя одну изъ нихъ задѣли наши ядра; фактъ замѣчательный тѣмъ, что крѣпость не должна разсчитывать на мѣткость своего огня по движущемуся непріятелю, хотя обратно кораблю въ движеніи легче попадать въ неподвижную цѣль, какъ доказала въ послѣдствіи и американская война, когда многіе форты южанъ были атакованы съ моря флотомъ, находившимся въ движеніи подъ парами, —

атака, которую съ прежними парусными флотами исполнить было рѣдко возможно.

На канунѣ 5-го октября вечеромъ я былъ посланъ къ адмиралу, который въ это время находился на бастіонахъ и воротился довольно поздно домой; и потому, я не успѣлъ вернуться на Бельбекъ, въ главную квартиру, а остался ночевать въ городѣ. Отправившись съ разсвѣтомъ на сѣверную, чтобы слѣдовать въ лагерь, я былъ остановленъ необыкновенною канонадою, не походившею на ту, къ какой мы уже привыкли, обстрѣливая работы непріятеля. Это было начало перваго бомбардированія.

Всѣ въ Севастополѣ были убѣждены, что участь города рѣшится однимъ днемъ, т. е. что послѣ бомбардированія послѣдуетъ тотчасъ штурмъ, и потому я считалъ обязанностью остаться до конца развязки, тѣмъ болѣе, что юнкера мои были на бастіонахъ и я рѣшился снять ихъ оттуда, чтобы не возбудить справедливаго ропота родителей, если бы одного изъ нихъ убили,— такъ какъ они были воспитанники, и при томъ еще воспитанники закрытаго заведенія и многіе очень молоды, лѣтъ 16-ти и даже 15-ти. Желая испросить на это разрѣшенія адмирала, такъ какъ назначеніе ихъ на батареи было сдѣлано по его распоряженію, я отправился искать его по бастіонамъ, куда, какъ мнѣ сказали, онъ уѣхалъ.

Идя съ этою цѣлію на четвертый бастіонъ, я былъ пораженъ сценою на театральной площади. Войска въ ожиданіи штурма стоятъ въ колоннахъ и при нихъ полевая артиллерія; ядра, бомбы летятъ съ боку, спе-

реди, сзади и выхватываютъ жертвы; раненыхъ и убитыхъ несутъ на носилкахъ, не похожими часто на человѣческіе трупы, а на куски грязи, мѣстами окрашенные кровью. Серьезное и мрачное выраженіе было на лицахъ солдатъ, и хотя я пробылъ здѣсь минутъ съ 5-ть, я не услыхалъ ни одной остроты или шутки, которыя случается иногда слышать подъ выстрѣлами при другихъ обстоятельствахъ; но всѣ стоятъ твердо. Эти же самые солдаты, какъ я слышалъ, въ безпорядкѣ оставили бастіонъ за часъ или за два до этого, когда непріятель открылъ огонь. Чему приписать такую разницу? Тому ли что на бастіонѣ они были разъединены, и офицеры и начальники не были у нихъ такъ на виду, какъ здѣсь, или вліянію строя и привычкѣ быть вмассѣ? Узнавъ, что Корниловъ отправился отсюда, я направился къ третьему бастіону и на пути къ нему, у госпитальной стѣнки подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ нашелъ также роту, или лучше сказать кучу солдатъ, которые куда-то слѣдовали; такъ какъ офицеровъ здѣсь не было, то они съ оторопѣлымъ выраженіемъ на лицѣ находились, по видимому, въ недоумѣніи идти имъ впередъ, или назадъ, и стояли прижавшись къ стѣнкѣ. Общее впечатлѣніе, произведенное на меня, первымъ днемъ бомбардированія, состояло въ томъ, что всѣ мы были очень неопытны, и не знали что существенно необходимо при сильномъ бомбардированіи. Впрочемъ, не только кто нибудь изъ начальниковъ, но даже главнокомандующій, много видѣвшій войну, не испыталъ на своей службѣ ничего подобнаго, и только то обстоя-

тельство, что начиная съ перваго момента открытія огня, моряки на батареяхъ стояли у орудій такъ, какъ стояли они на судовомъ ученьи, было причиною, что перевѣсъ въ этотъ день былъ на нашей сторонѣ. Замѣчательно то, что предполагалось въ госпиталѣ устроить убѣжище для женщинъ и думали поднять флагъ, въ надеждѣ, что этотъ пунктъ будетъ пощаженъ; кажется флагъ и былъ поднятъ, но едва ли не болѣе всего валились сюда снаряды.

Не найдя адмирала на бастіонахъ, я снова воротился въ городъ, и здѣсь въ его домѣ на дворѣ онъ уже сидѣлъ верхомъ на лошади равно какъ и главнокомандующій. Я доложилъ адмиралу, что не найдя его на бастіонахъ, рѣшился самъ взять оттуда юнкеровъ, и получилъ въ отвѣтъ, что онъ вполнѣ одобряетъ это распоряженіе, и приказалъ ихъ отправить въ Николаевъ, а на другой день главнокомандующій выдалъ мнѣ пять георгіевскихъ крестовъ, чтобы раздать ихъ достойнѣйшимъ изъ юнкеровъ. Адмиралъ проводилъ князя на Графскую пристань, а самъ отправился снова на бастіоны, гдѣ встрѣтилъ славную смерть.

Въ этотъ же день пало и много другихъ старыхъ и молодыхъ отличнѣйшихъ офицеровъ и нѣсколько сотъ матросовъ. Но по крайней мѣрѣ и мы нанесли непріятелю много вреда. У французовъ былъ взорванъ большой пороховой погребъ, и почти всѣ батареи замолчали, англійскія батареи построенныя вообще прочнѣе, боролись съ нашими до поздняго вечера. Эта дуэль 5-го октября была отличною повѣркою передъ всѣмъ свѣтомъ исправности нашей морской артиллеріи,

отличнаго обученія матросовъ, и хладнокровія и неустрашимости начальниковъ бастіоновъ и батарей. Какъ совершенно справедливо говорили иностранцы, мы принялись защищать Севастополь своимъ мясомъ. Въ первый день бомбардированія не было блиндажей, ни надежныхъ пороховыхъ погребовъ, ни достаточно траверзовъ отъ перекрестныхъ выстрѣловъ, ни крытыхъ путей для сообщеній по бастіонамъ, такъ что Севастополь былъ только огромною укрѣпленною позиціею, и даже самые верки не будучи столь высоки какъ стали впослѣдствіи, не могли вполнѣ защищать людей. Князь Меншиковъ еще въ іюнѣ мѣсяцѣ между прочимъ доносилъ Государю Императору, что противъ правильной осады многочисленнаго врага съ берега, средства наши будутъ далеко не соразмѣрны со средствами непріятеля. Слѣдовательно можно бы было спросить, почему въ предвидѣніи бомбардированія заблаговременно не было все приготовлено къ оборонѣ? Я могу себѣ объяснить это тѣмъ, что князь хотя предвидѣлъ событія, но ручаться, что они непремѣнно послѣдуютъ, онъ не могъ; а потому и не могъ на основаніи однаго вѣроятія приступить къ огромнымъ работамъ, въ которыхъ могло не оказаться надобности. Очевидно, что съ тѣмъ ничтожнымъ числомъ войскъ *), которыя имѣлись въ Севастополѣ, и съ которыми нуж-

*) Изъ тѣхъ войскъ, которыя были на Алмѣ первые подошли только въ апрѣлѣ, а послѣдніе въ августѣ 1854 г. Мнѣ положительно извѣстно, что въ нѣкоторыхъ полкахъ было много заболѣвшихъ на переходѣ въ Крымъ: а ихъ показали заболѣвшими будто бы при работахъ на батареяхъ, сооруженныхъ лѣтомъ для защиты рейда.

но было встрѣтить всѣ случайности какъ полевой войны, такъ и покушеній противу города, невозможно было и думать употребить ихъ на работы, и чрезъ то зародить болѣзни, не имѣя достаточнаго запаса, чѣмъ пополнить убыль. Да и трудно было рѣшиться сооружать крѣпость съ такимъ протяженіемъ, какое имѣлъ Севастополь въ то время, когда непріятель былъ почти въ виду. Здѣсь слѣдуетъ привести и то обстоятельство, что права командующаго войсками, какія имѣлъ князь Меньшиковъ до высадки, были несравнимо менѣе правъ главнокомандующаго, такъ что расходъ, который онъ имѣлъ право утверждать своею властію, простирался, сколько могу помнить, тысячь до 3-хъ не болѣе, что крайне затрудняло и замедляло возобновленіе изъ развалинъ даже столь необходимаго сѣвернаго укрѣпленія,—ибо на расходы, превышающіе три тысячи, приходилось испрашивать разрѣшеніе изъ Петербурга, такъ что князь Меньшиковъ просилъ, чтобы былъ присланъ генералъ-адъютантъ Фельдманъ *), дабы разрѣшить на мѣстѣ необходимые расходы. Какъ бы ни было, но къ 5 октября, Севастополь, кромѣ орудій и веревокъ, не имѣлъ почти ничего изъ того, что необходимо для крѣпости, но тѣмъ съ большею гордостію могли моряки увидѣть блестящій результатъ своей необычайной энергіи и искусства, а весь свѣтъ съ изумленіемъ узналъ, что громадныя средства четырехъ державъ не сокрушили импровизованныхъ твердынь, хотя такая слава обо-

*) См. прилож. № 3.

шлась намъ очень дорого; ибо какъ въ этотъ, такъ и въ послѣдующіе дни потери были до того велики, что въ Севастополѣ не думали, чтобы можно было держаться долго.

Многіе по днямъ считали, сколько можетъ продержаться городъ; порохъ тратился несоразмѣрно съ запасами, туровъ и даже земли было мало. Въ первый день бомбардированія на нѣкоторыхъ батареяхъ, орудія сдѣлали до 150 выстрѣловъ и князь неоднократно посылалъ сказать, чтобы поберечь порохъ; но это было трудно, иначе намъ не удалось бы исправлять своихъ верковъ и мѣшать непріятельскимъ работамъ.

Въ такомъ положеніи дѣлъ главнокомандующему неизбѣжно представлялось употребить армію такъ, чтобы она не оставалась пассивною зрительницею севастопольскаго боя, или служила бы только запасомъ для пополненія убыли гарнизона. Ее слѣдовало сдѣлать активнымъ орудіемъ. Пока подкрѣпленія не прибыли, объ этомъ, конечно, нельзя было думать; но съ прибытіемъ генерала Липранди, коего войска уже были въ дѣйствіяхъ на Дунаѣ, можно было отважиться на наступательныя дѣйствія. Весьма трудная задача состояла лишь въ томъ—какъ и откуда атаковать непріятеля въ его неприступной позиціи. Нужно было имѣть весьма много военной опытности, вѣрности взгляда и соображеній, чтобы угадать этотъ пунктъ. Такимъ представлялась только та часть непріятельской позиціи, которая примыкала къ Черной рѣчкѣ у Инкермана, и на которой расположены были англи-

чане, составлявшіе правый флангъ непріятеля, т. е. ту часть Сапунъ-горы, которая лежала къ сѣверо-востоку отъ Киленбалочнаго оврага. Этотъ крайній пунктъ непріятельскаго расположенія, по отдаленности своей какъ отъ его рессурсовъ и основанія, т. е. берега моря, такъ и отъ резервовъ, представлялъ почти единственное уязвимое мѣсто—ахилесову пятку союзниковъ; но и отсюда не легко было взвести войска на крутизны, такъ какъ для этого представлялся единственный путь: чрезъ Инкерманскій мостъ и тотчасъ затѣмъ подъемъ, укрѣпленный батареями. Такая атака требовала и большого числа войскъ и неизбѣжной сложности плана. Еще до прибытія Данненберга съ Соймоновымъ и Павловымъ, 13-го октября, были атакованы непріятельскіе редуты въ Балаклавской долинѣ; блестящая атака, и овладѣніе редутами были весьма радостнымъ эпизодомъ войны. Но это было бы только случайнымъ удачнымъ дѣломъ, еслибъ оно не связывалось съ общимъ планомъ большой Инкерманской вылазки, для коей это дѣло служило необходимымъ подготовленіемъ, а редуты, — опорнымъ пунктомъ, такъ какъ невозможно было черезъ Инкерманскій мостъ, и одновременно съ бастіоновъ направить столь большую массу войскъ на инкерманскія высоты *), потому что значительная часть ихъ не успѣла бы быть введена въ дѣло, пока оно бы могло быть окончено; и потому необходимо было часть пред-

*) Здѣсь инкерманскими высотами называется таже мѣстность, что и Сапунъ-гора.

назначенныхъ для атаки силъ, поднять по другому всходу на Сапунъ-гору,—такъ, чтобы пользуясь замѣшательствомъ, произведеннымъ у непріятеля атакою чрезъ Инкерманскій мостъ и съ бастіоновъ, эта часть арміи могла бы, съ надеждою на успѣхъ, взойти на высоты непріятельской позиціи, по такъ называемой Воронцовской дорогѣ. По всѣмъ этимъ причинамъ генералъ Липранди оставленъ былъ въ Балаклавской долинѣ, и сверхъ того и по другимъ соображеніямъ нельзя было бы обнажить этотъ пунктъ: во-первыхъ, необходимо было удерживать непріятельскіе резервы, которые могли бы поспѣшить на помощь атакованнымъ англичанамъ; а во-вторыхъ, увести войска генерала Липранди съ занимаемой ими позиціи значило бы возбудить подозрѣніе непріятеля, и заставить его быть осторожнымъ, а въ быстротѣ и неожиданности заключалось главное условіе успѣха. Хотя это есть только личный мой взглядъ, но я тѣмъ болѣе въ немъ убѣжденъ, что заложеніе Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ для устройства опорнаго пункта послѣдующей вылазки на Сапунъ-горѣ ясно показываютъ, что другого пункта атаки князь Меньшиковъ не видѣлъ; а что отсюда только можно было атаковать непріятеля, я заключаю изъ словъ самого князя, который сдавъ уже командованіе арміею, и бывши въ Николаевѣ при прощаніи со мною, когда я отправился въ Севастополь, сказалъ мнѣ: „я слышалъ, что въ Севастополѣ предполагается опять большое дѣло: передайте князю Горчакову, что по моему мнѣнію, ни откуда нельзя атаковать непріятеля иначе, какъ черезъ Инкерманскій мостъ“. Это было

сказано въ мартѣ мѣсяцѣ, и до дѣла на Черной рѣчкѣ, прошло съ тѣхъ поръ четыре мѣсяца, такъ что обстоятельства совершенно измѣнились. Но печальный исходъ дѣла 4-го августа показываетъ, что князь Меньшиковъ былъ правъ.

И такъ, чтобы армію не оставить простою зрительницею войны, а ввести ее въ дѣло, князю Меньшикову оставалось одно: атаковать правый флангъ непріятеля, т. е. англичанъ, въ чемъ и заключалась цѣль инкерманской вылазки, подготовительнымъ дѣйствіемъ для коей, было занятіе Балаклавской долины 13-го октября. Такъ какъ для этого нужно было употребить въ дѣло много войскъ, а ихъ нельзя было съ одного пункта двинуть противу англичанъ, то войска и направлены были частію съ бастіоновъ, частію черезъ Инкерманскій мостъ, а по соединеніи ихъ у вершины Киленбалочнаго оврага, остальная часть— Липранди должна была подняться на атакуемыя высоты.

Изъ подробностей этого дѣла могу выставить только слѣдующее: за нѣсколько дней князь, имѣвшій еще главную свою квартиру въ Чоргунѣ, послалъ меня сказать адмиралу Нахимову, чтобы изготовить все для наведенія моста черезъ Черную рѣчку, который былъ разрушенъ, такъ, чтобы по первому требованію онъ былъ тотчасъ наведенъ, но чтобы это оставалось въ совершенной тайнѣ. Адмиралъ исполнилъ это со всегдашнею своею отчетливостью и точностью, но не избѣгнулъ, хотя уже послѣ дѣла, какъ я узналъ впослѣдствіи, непріятныхъ объясненій съ адмираломъ Станю-

ковичемъ *). Вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ приказано отыскать въ Севастополѣ генерала Данненберга, которому, какъ старшему и притомъ бывшему когда-то въ Севастополѣ съ войсками, или начальникомъ штаба, или начальникомъ дивизіи, и слѣдственно, обязанному знать мѣстность—поручено было все дѣло. Мнѣ приказано было спросить генерала какъ онъ намѣренъ исполнить то, о чемъ они говорили съ княземъ? Генералъ Данненбергъ не сказалъ мнѣ своего плана, а отвѣтилъ что онъ самъ доложитъ объ этомъ князю. Мы вмѣстѣ съ нимъ переѣхали на сѣверную и я передалъ князю слова Данненберга; князь его искалъ, чтобы съ нимъ переговорить, но не знаю исполнилось ли это?

Наканунѣ инкерманскаго дѣла, вечеромъ 23-го числа, прибыли Ихъ Высочества Николай и Михаилъ Николаевичи, а на другое утро часу въ седьмомъ князь и всѣ мы отправились черезъ Инкерманъ по новой саперной дорогѣ, которую устроилъ князь еще до осады **).

*) Адмиралъ Станюковичъ былъ командиръ порта, и безъ его вѣдома Нахимовъ не могъ взять ни матеріаловъ, ни мастеровыхъ для наведенія моста. Какъ согласить это съ условіемъ тайны? Адмиралъ Нахимовъ, какъ я слышалъ, потребовалъ мастеровыхъ для флота мимо Станюковича у капитана надъ портомъ Ключникова, и распорядился ими для наведенія моста.

**) Устройство этой дороги служитъ довольно сильнымъ доказательствомъ, что князь ожидалъ полевыхъ дѣйствій около Севастополя, а слѣдственно и высадки. Для чего иначе могла бы быть полезна эта дорога? Во всякомъ случаѣ, она нѣсколько разъ оказывалась необходимою и безопасною для сообщеній потому, что проходила подъ крутизнами съ коихъ трудно было обстрѣливать ее, и въ особенности при наступленіи и отступленіи въ инкерманскомъ дѣлѣ.

У Георгіевской балки мы остановились, чтобы пропустить артиллерію, и здѣсь въ нашихъ глазахъ раздавило солдата скачущимъ зряднымъ ящикомъ, что не было хорошимъ знакомъ.

Погода съ утра была дурная: туманъ и мелкій дождь. Часу въ девятомъ или восьмомъ, мы поднялись на высоты, гдѣ уже шелъ бой. Здѣсь главнокомандующій представилъ каждаго изъ насъ Ихъ Высочествамъ; дѣло по видимому шло хорошо; къ намъ хотя летѣли пули и снаряды, но рѣдко, и въ увѣренности, что дѣло идетъ успѣшно, кто-то изъ свиты Ихъ Высочествъ вынулъ даже серебряную коробочку съ какими-то закусками.

Но такія надежды исчезли скоро, къ намъ стали летѣть пули и ядра чаще и чаще; и однимъ изъ нихъ свалило разомъ Грейга и Альбединскаго, сильно контуженныхъ.

Мы находились саженяхъ въ трехъ стахъ отъ Жабокрицкаго, который съ своею дивизіею долженъ былъ составлять резервъ Соймонова и Павлова, и который стоялъ теперь на нашей окрайнѣ Киленбалочнаго оврага, на половинѣ почти разстоянія между устьевъ и вершиною онаго. Князь замѣтя, что Киленбалочный оврагъ все болѣе и болѣе наполняется непріятелемъ, послалъ меня къ Жабокрицкому съ приказаніемъ усилить артиллерійскій огонь противъ непріятеля, но у него почти вся прислуга и лошади были подбиты. Вскорѣ прибылъ къ князю и генералъ Данненбергъ. О чемъ онъ говорилъ съ княземъ, самъ я не слышалъ, но мнѣ говорили будто генералъ сказалъ, что

нельзя держаться; князь возразилъ, что держаться нужно во что бы то ни стало; тогда генералъ отвѣтилъ, что онъ уже приказалъ отступить. Самъ я впрочемъ слышалъ, какъ вслѣдъ за этимъ разговоромъ съ генераломъ, князь сказалъ Ихъ Высочествамъ, что болѣе оставаться здѣсь не слѣдуетъ, и потомъ проѣхалъ къ лѣвому флангу; убитые на каждомъ шагу, носилки съ ранеными и направленіе, по которому шли попадающіяся намъ кучки солдатъ убѣждали впрочемъ, что дѣло идетъ дурно и что отступленіе началось. За огромныя жертвы съ нашей стороны не только не достиглись наибольшіе результаты, которые могли случайно проистечь, но даже прямая опредѣленная цѣль вылазки — занятіе и утвержденіе на высотахъ, коими владѣли англичане.

При полной удачѣ плана и при благопріятномъ оборотѣ дѣлъ, вылазка эта могла бы обратиться въ полное пораженіе непріятеля, и отодвинуть его къ своимъ кораблямъ, еслибъ Павловъ и Соймоновъ исполнили свое дѣло, къ чему совершенная неожиданность нашего движенія давала имъ возможность. Они представили-бъ тогда и генералу Липранди возможность взвести свои войска на Инкерманскія высоты изъ Балаклавской долины, откуда былъ видѣнъ тотъ пунктъ, гдѣ должны были соединиться Павловъ и Соймоновъ и движеніе генерала Тимофѣева съ нашего праваго фланга, т. е. съ 1-й дистанціи Севастополя, было-бы не простая диверсія, а соединенное дѣйствіе съ нашею атакою праваго фланга непріятеля. Таковы могли быть самыя выгодныя, возможныя только послѣдствія атаки 24-го

октября. Предположенная же опредѣленная цѣль заключалась только въ утвержденіи нашихъ силъ на высотахъ, занимаемыхъ англичанами, т. е. на высотахъ лежащихъ къ сѣверо-востоку отъ Киленбалочнаго оврага. Но и для одной этой цѣли нужно было сосредоточить большія массы войскъ, немедленно строить укрѣпленіе, для чего и слѣдовали съ войсками инженеры и саперы. Планъ атаки былъ сложенъ, и людямъ незнавшимъ мѣстности вокругъ Севастополя, могло показаться, что планъ болѣе простой удался бы легче. Но какъ сказано было выше, другого плана дѣйствій нельзя было избрать по недоступности непріятельской позиціи, и по невозможности поднять всѣ войска на Инкерманскія высоты съ одного пункта. Ошибки частныхъ начальниковъ неизвинительны ничѣмъ, потому что неимѣніе проводниковъ не можетъ служить оправданіемъ. За нѣсколько дней до вылазки главнокомандующій неоднократно собиралъ къ себѣ въ палатку и Даннсенберга, и Липранди, и Павлова, и Соймонова и всѣ недоразумѣнія они могли бы разъяснить, если бъ въ чемъ либо поняли не такъ мысль его, или видѣли бы какія либо затрудненія. Ошибки эти извѣстны всѣмъ, и потому здѣсь повторять ихъ нечего; но слѣдуетъ замѣтить, что ошибки могли быть исправлены въ серединѣ дѣла, не только самими начальниками дивизій, но даже полковыми командирами, если бы войска были привычны къ горной войнѣ. Болѣе опытные и развитые офицеры скоро бы поняли въ чемъ заключается ошибка, и не задумались бы исправить ее своей собственной инициативой, не дожидаясь приказаній.

Къ сожалѣнію, уставный нашъ строй былъ основанъ на дѣйствіи массами, и за отсутствіемъ личной развитости, имѣлъ въ виду, и дѣйствительно удерживалъ массы, и сообщалъ имъ стойкость въ критическія минуты; но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ до того пріучилъ офицеровъ къ мысли о безполезности съ ихъ стороны находчивости, и о невозможности измѣнить что бы то ни было безъ команды начальника, даже при явной въ томъ необходимости, что я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ въ инкерманскомъ дѣлѣ даже полковой командиръ не считалъ возможнымъ на это рѣшиться. При отступленіи, главнокомандующій нашелъ одинъ полкъ при спускѣ Саперной дороги въ Киленбалку, и приказалъ этому полку прикрывать отступленіе артиллеріи, которая здѣсь же стояла въ большомъ числѣ. При этомъ князь замѣтилъ: „разсыпьте вашъ полкъ, развѣ вы не видите сколько валится у васъ людей оттого, что полкъ стоитъ въ колоннахъ?“ „Мы всегда строимся въ колонны“ былъ отвѣтъ, „Разсыпьте вашъ полкъ“, повторилъ князь, и получилъ отвѣтъ, что почти всѣ офицеры перебиты. „Такъ поставте юнкеровъ и унтеръ-офицеровъ за офицеровъ, но не держите полкъ въ колоннахъ“, снова повторилъ князь. Не знаю, исполнено-ли было приказаніе главнокомандующаго о томъ, чтобы разсыпать полкъ, но артиллерія осталась безъ прикрытія. Не знаю дошло-ли это до свѣдѣнія князя, но Тотлебенъ замѣтивъ это, послалъ тотчасъ съ поля сраженія къ адмиралу Истомину на бастіоны записку, о присылкѣ войскъ для прикрытія этой артиллеріи; вслѣдствіе того П. В. Воеводской посланъ

съ двумя баталіонами матросовъ для перетаски и спуска орудій, у которыхъ были подбиты лошади и лафеты, и съ этою помощью, а равно при сильномъ и вѣрно направленномъ огнѣ пароходовъ, артиллерію спасли.

Огромныя потери были результатомъ этого дѣла. Но странно сказать, что Севастополь, гдѣ, какъ я уже упомянулъ, многіе по днямъ расчитывали сколько дней бомбардированія можетъ онъ выдержать, послѣ этого дѣла какъ бы примирился съ своимъ положеніемъ и сталъ считать его какъ бы за нормальное, потерявъ надежду на избавленіе извнѣ. Армія, принявъ активное участіе въ защитѣ города, и поплатившись такъ дорого за попытку облегчить его участь, какъ бы сроднилась съ нимъ и соединилась въ одно цѣлое. Бомбардированіе значительно ослабѣло, что я приписываю тому, что войска наши въ этомъ дѣлѣ дрались съ такимъ мужествомъ и ожесточеніемъ, что непріятель могъ убѣдиться по опыту въ стойкости и храбрости нашихъ войскъ, а не надѣяться на легкія побѣды, а съ другой стороны, видя иниціативу дѣйствій на сторонѣ русскихъ и видя, что не взирая на огромныя наши жертвы и свои необыкновенныя усилія, Севастополь стоитъ непоколебимо, а онъ со всѣхъ сторонъ подвергается опасности такихъ атакъ, которыя грозятъ ему истребленіемъ, обратилъ всю энергію свою на устройство циркумвалаціонныхъ линій, сталъ менѣе настойчивъ въ своихъ осадныхъ работахъ, и даже не одинъ разъ проявлялъ мысль объ отступленіи. Буря 2-го ноября еще болѣе увеличила тягость

ихъ положенія *). Напротивъ, у насъ дѣла пошли лучше; не только бомбардированіе ослабѣло, но удобства жизни на—сколько возможно—улучшились. Сѣно, напримѣръ, которое мнѣ самому случалось покупать по 2 рубля за пудъ—и то съ трудомъ его можно было достать,—стало значительно дешевле и въ изобиліи; наѣхали маркитанты и устроилась почти правильная торговля, тогда какъ въ первые дни осады и бомбардированія все почти куда-то исчезло. Важнѣе этого было еще то, что всеобщее вниманіе не только Россіи, но и всего свѣта сосредоточилось на Севастополѣ. Милости Государя Императора и незабвенные Его рескрипты черноморцамъ возбуждали энергію, приводили севастопольцевъ къ сознанію собственнаго достоинства и заслугъ, и укрѣпляли духъ. Ихъ Императорскія Высочества Николай и Михаилъ Николаевичи, по отсутствію полевыхъ дѣйствій, не могли имѣть дѣйствительнаго командованія, но не взирая на то, съ истиннымъ самоотверженіемъ и геройствомъ всегда, когда былъ случай, раздѣляли какъ сотоварищи всѣ опасности войны. Ихъ Высочества

*) Передъ этой бурей, будучи посланъ, не помню съ какимъ приказаніемъ, въ Севастополь и на корабль «Константинъ», я уже не могъ съ него отвалить и остался здѣсь ночевать. Я замѣтилъ здѣсь высоту барометра 29,40, стояніе не очень низкое для столь крѣпкаго вѣтра отъ SSO. О силѣ вѣтра можно судить потому, что одинъ изъ лучшихъ англійскихъ пароходовъ «Retribution» отстаивался на трехъ якоряхъ, имѣя у каждаго по 140 сажень канату и полные пары и его дрейфовало, и потерявъ изъ трехъ двѣ цѣпи, онъ задержался на послѣдней, и то потому, что рѣшился сбросить въ воду тяжелыя орудія и много другихъ тяжестей.

появлялись вездѣ—и на бастіонахъ, и въ арміи, и въ госпиталяхъ, и на перевязочныхъ пунктахъ и вмѣстѣ съ примѣромъ самоотверженія оказывали существенную матеріальную помощь всякому, кто нуждался. Независимо отъ этого, со всѣхъ концовъ Россіи отъ членовъ Августѣйшей Фамиліи, отъ администраціи, отъ обществъ и частныхъ лицъ доходило до Севастополя выраженіе участія въ различной формѣ. Между прочимъ наступившая зима, — въ этомъ году довольно суровая для Крыма,—производила опустошеніе у союзниковъ въ особенности у англичанъ. Наши частыя ночныя вылазки сильно безпокоили непріятеля, и препятствовали успѣшному ходу его работъ. Дезертировъ появлялось довольно много, и не одинъ разъ возникала у союзниковъ мысль о необходимости снять осаду. Это и дало намъ возможность приступить къ болѣе правильному устройству въ управленіи арміею, чего до сихъ поръ нельзя было исполнить. Послѣ высадки, безостановочность военныхъ дѣйствій мѣшала заняться этимъ дѣломъ—а до высадки, князь Меньшиковъ долго оставался вовсе безъ войскъ, а потомъ они собирались въ Крымъ малыми отдѣльными частями.

При томъ же въ Петербургѣ гораздо болѣе ожидали десанта на Кавказъ, чѣмъ въ Крымъ, какъ подтверждаютъ всѣ распоряженія: въ этомъ ожиданіи — военныя операціи въ Азіатской Турціи были замедлены; огромные способы были предоставлены генералу Хомутову, какъ въ сѣверной части Кавказа, такъ и въ восточной части Крыма, между тѣмъ, какъ князь Меньшиковъ до самой высадки назывался не главнокоман-

дующимъ, а только командующимъ военно-сухопутными и морскими силами въ Крыму, и весьма не задолго до высадки, ему указывалось изъ Петербурга на возможность отдѣлить нѣсколько баталіоновъ генералу Хомутову въ томъ соображеніи, будто бы наступающія осеннія погоды позволяютъ не опасаться болѣе за десантъ въ Крымъ, что впрочемъ князь не нашелъ возможнымъ исполнить, не взирая на то, что такое указаніе было Высочайше одобрено. Въ такомъ положеніи дѣлъ, когда армія, состоящая изъ обрѣзковъ разныхъ корпусовъ не представляла ничего цѣлаго и однороднаго, собралась почти передъ самой высадкой, и когда въ Петербургѣ такъ жестоко обманывались въ пунктѣ, гдѣ намъ будетъ нанесенъ рѣшительный ударъ, князю Меньшикову не только невозможно было дать какую нибудь нравственную связь этимъ частицамъ, но нельзя было сформировать даже управленіе онаго. Общее мнѣніе было, что онъ врагъ большихъ штабовъ. Правда это или нѣтъ,—не знаю, но во всякомъ случаѣ, еслибъ онъ вздумалъ устроивать штабъ, интендантство и прочія части правильнаго управленія, то онъ не нашелъ бы для этого людей, и врядъ ли бы получилъ на это разрѣшеніе, такъ какъ самое предположеніе его о возможности высадки въ Крымъ было встрѣчено, какъ я слышалъ, съ большимъ недовѣріемъ.

Инкерманское дѣло обнаружило рѣзко неустройство арміи; многіе раненые валялись безъ призрѣнія и даже безъ крова дня два, и только благодаря усердію и опытности въ своемъ дѣлѣ смотрителя севастопольскаго морскаго госпиталя Комаровскаго, для

нихъ успѣли устроить палатки и дать имъ помѣщеніе. Эта часть, несосредоточенная въ однихъ рукахъ, а состоящая въ двухъ отдѣльныхъ вѣдомствахъ — сухопутномъ и морскомъ—оказывалась часто отъ этой раздѣльности несостоятельною, и въ большей части случаевъ морской же госпиталь выручалъ изъ затрудненій,—что вѣроятно памятно многимъ.

Продовольственная часть находилась еще въ худшемъ состояніи. Здѣсь надлежало побороть не только, вкорененное въ обычай, мошенничество разныхъ видовъ, но сладить съ дорогами и сообщеніями, которыя зимою въ Крыму дѣлались непроходимыми. Не знаю былъ ли совершенъ этотъ геркулесовскій подвигъ, но помню, что въ этомъ отношеніи главнокомандующій оказывалъ большое довѣріе флигель-адъютанту Гербелю *), который часто посылался имъ для ускоренія движенія, для уничтоженія злоупотребленій, и для правильнаго устройства сообщеній. Сформированіе штаба также совершилось невдругъ. Изъ Петербурга былъ присланъ князю сначала офицеръ генеральнаго штаба, потомъ при немъ долго исправлялъ должность, и начальника штаба, и интенданта полковникъ Вуншъ. Этотъ офицеръ поступилъ къ князю дежурнымъ штабъ-офицеромъ по рекомендаціи адмирала Серебрякова, бывшаго нѣкогда дѣятельнымъ адъютантомъ князя,

*) При чтеніи настоящихъ записокъ въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, князь Влад. Алек. Меньшиковъ замѣтилъ, что фл.-ад. Шеншину преимущественно поручалось облегченіе продовольствія, а Гербелю формированіе транспортныхъ командъ.

служилъ долго на Кавказѣ и былъ человѣкъ умный и развитый, но при сборѣ большихъ военныхъ силъ ему нельзя было оставаться начальникомъ штаба, какъ по чину, такъ главнѣйше и потому, что онъ никого не зналъ, и самъ не былъ извѣстенъ никому въ арміи.

Увлекаясь извѣстной фразой, что начальникъ штаба есть старшій писарь, многіе думаютъ, что обязанность эта ничтожна; другіе же хотятъ, напротивъ изъ начальника штаба сдѣлать какую-то высшую интеллигенцію арміи и поставить его если не выше, то сдѣлать его въ родѣ духовника при главнокомандующемъ и потому думаютъ, что мѣсто это должно быть занимаемо офицеромъ съ высшимъ развитіемъ, съ полнымъ академическимъ патентомъ на знаніе стратегіи и тактики: въ обоихъ этихъ отношеніяхъ затрудненія для пріисканія начальника штаба не могло бы быть, ибо и той и другой категоріи офицеровъ въ Петербургѣ не мало; но на практикѣ выходитъ что тѣхъ и другихъ главнокомандующіе врядъ ли найдутъ годными. Исправные и дѣльные начальники строевыхъ частей, изъ самой арміи выбранные, вполнѣ отвѣчаютъ условіямъ, требуемымъ для хорошаго исполненія этой трудной обязанности, ибо они знаютъ потребности и бытъ войскъ и лицъ, коимъ приходится передавать приказанія главнокомандующаго, и канцелярское дѣло и военное законодательство; а исправное командованіе частью уже ручается за ихъ пунктуальность, пониманіе своего долга и тѣхъ отношеній, которыя должны существовать между главнокомандующимъ и лицомъ, котораго обязанность главнѣйше заключается въ правильной и скорой

передачѣ распоряженій главнокомандующаго и наблюденіи за тѣмъ, чтобы эти распоряженія были исполнены *).

Очевидно, что найдти такого начальника штаба можно только по прошествіи нѣкотораго времени, когда знакомство съ различными начальниками арміи позволитъ оцѣнить относительныя достоинства каждаго. Это не дѣло одной минуты, тѣмъ болѣе, что князь Меньшиковъ не могъ знать личностей арміи, и только послѣ нѣкоторыхъ дѣлъ могъ остановить свой выборъ на генералѣ Семякинѣ.

Затѣмъ Севастополь въ своемъ управленіи представлялъ также неясность и неопредѣленность, которыхъ, впрочемъ, невозможно было уничтожить вполнѣ, потому что здѣсь находились два разнородные элемента—военно сухопутный и морской, которыхъ ни какъ невозможно было соединить въ одно цѣлое, т. е. подчинить одному начальнику нераздѣльно. Практическая невозможность такого соединенія выражена опять въ томъ же англійскомъ законодательствѣ, которому въ этомъ отношеніи слѣдуетъ вѣрить болѣе другихъ, такъ какъ въ Англіи подобное присутствіе этихъ двухъ элементовъ встрѣчается на практикѣ безпрестанно. Въ англійскихъ сухопутномъ и морскомъ уставахъ, въ одинаковыхъ совершенно словахъ, выражена слѣдующая мысль: „какого бы ни было относительное стар-

*) У адмирала Лазарева начальникомъ штаба былъ адмиралъ Хрущевъ—одинъ изъ исправнѣйшихъ командировъ кораблей. Въ англійскомъ морскомъ уставѣ начальникомъ штаба долженъ быть адмиралъ или одинъ изъ старшихъ капитановъ флота.

шинство офицеровъ этихъ двухъ службъ, ни одинъ морской офицеръ не можетъ принять начальство надъ сухопутными войсками, и обратно—сухопутный надъ моряками" *). А такъ какъ Севастополь представлялъ тотъ же корабль съ своимъ личнымъ составомъ, съ своими уставами и обычаями, то и здѣсь всѣ сухопутные начальники не могли имѣть дѣйствительнаго, а только номинальное командованіе, что всегда вредитъ пользѣ службы, потому что ставитъ ихъ самихъ въ фальшивое положеніе, роняетъ достоинство ихъ званія, а иногда дѣлаетъ ихъ предметомъ анекдотовъ. Генералы, имѣющіе такія званія — какъ начальникъ артиллеріи или комендантъ Севастопольской крѣпости, или начальникъ инженернаго округа и проч., обратившіеся во время осады въ ничто, представляютъ весьма странное явленіе. Разсказываютъ, что одинъ изъ генераловъ, напримѣръ, получивъ съ телеграфа записку: „видны непріятельскіе корабли на S0", (т. е. на зюйдъ-остъ), принялъ по нечеткости почерка и незнанію названій компасныхъ румбовъ S0 за цифру 50 и надѣлалъ большой тревоги въ городѣ. Когда дѣло разъяснилось, то онъ получилъ названіе вѣтренной блондинки (онъ былъ сѣдой, какъ лунь), и это прозвище такъ за нимъ и осталось. О другомъ генералѣ, занимавшемъ въ городѣ важный постъ, разсказывали, будто о бомбардированіи Севастополя онъ узналъ изъ газетъ. Слухъ о назначеніи генерала Сакена породилъ такія надежды въ Севастополѣ, что его ждали вполнѣ

*) Исключая особыхъ приказаній королевы.

какъ избавителя, но отъ этого назначенія не измѣнилось ровно ничего. Какъ человѣкъ опытный, умный и съ большимъ военнымъ тактомъ, генералъ Сакенъ скоро увидѣлъ, что вся оборона основана на начальникахъ бастіоновъ и батарей, на неприкосновенности того значенія *), которое имѣли моряки въ оборонѣ, и того вліянія, которое имѣлъ на нихъ Нахимовъ, а также на полной самостоятельности Тотлебена по сооруженію и исправленію верковъ, и, вотъ почему, лица эти дѣйствовали какъ вполнѣ отдѣльные начальники, отъ чего, впрочемъ, всеобщее уваженіе къ Сакену нисколько не уменьшилось, а напротивъ увеличилось, потому что въ его положеніи, дѣло умнаго и опытнаго начальника заключалось именно въ невмѣшательствѣ въ подробности. Мы видѣли, что во время флангового движенія, генералъ Моллеръ, по незнакомству съ личнымъ составомъ флота, съ его обычаями и спеціальностію дѣла, предоставилъ Корнилову распоряжаться всѣмъ, по званію своего начальника штаба. Сакенъ предоставилъ Нахимову распоряжаться, какъ самостоятельному начальнику, и такая мѣра будетъ всегда едва-ли не лучшая въ присутствіи военно-сухопутныхъ и морскихъ силъ, какъ напримѣръ, въ большихъ морскихъ портахъ. Въ Севастополѣ оставались еще не выясненными отношенія между командиромъ порта Станюковичемъ и Нахимовымъ. Первый по стар-

*) При чтеніи настоящихъ записокъ к. ад. Пав. Ал. Перелешинъ замѣтилъ, что князь Ал. Серг. Меньшиковъ установилъ принципомъ, чтобы вся оборона была въ рукахъ морскихъ начальниковъ. Я обстоятельства этого не зналъ, но оно очень важно.

шинству и по мѣсту былъ главное лицо, и въ свое время былъ отличный капитанъ и адмиралъ, но имѣя около 70 лѣтъ, онъ не могъ быть дѣйствительнымъ дѣятелемъ во время обороны, и потому онъ былъ назначенъ членомъ адмиралтействъ-совѣта, а Нахимовъ командиромъ порта.

Зимніе два или три мѣсяца позволили заняться князю какъ этимъ улучшеніемъ въ устройствѣ управленія, такъ и улучшеніемъ въ обезпеченіи продовольствія, боевыхъ припасовъ и сообщеній, и эти занятія вмѣстѣ съ донесеніями Государю Императору, текущими дѣлами и отъ времени до времени тревогами на бастіонахъ и въ лагерѣ, поглощали все его время.

Между тѣмъ, почти вся война сосредоточилась на 4-мъ бастіонѣ, и непріятель открылъ противъ него минныя работы и сосредоточилъ всѣ усилія. Государь Императоръ, извѣщаемый подробно о ходѣ дѣла въ Севастополѣ, выразилъ Свое особое Монаршее вниманіе къ защитникамъ этого пункта въ лицѣ начальника онаго, адмирала Новосильскаго, которому помимо другихъ орденовъ, былъ пожалованъ орденъ Св. Владиміра 1-й степени, съ правомъ носить ленту сверхъ мундира, награда столь необыкновенная, что главнокомандующій, препровождая этотъ орденъ и поздравленіе адмиралу замѣтилъ, что на его памяти былъ только одинъ случай подобной награды, а именно, губернатору Парижа, Сакену.

Главная квартира еще передъ Инкерманскимъ сраженіемъ съ Чоргуна перешла къ батареѣ № 4-й на Сѣверной сторонѣ, и расположилась въ палаткахъ; но

буря 2-го ноября снесла палатки и мы размѣстились на зиму, кто какъ и гдѣ могъ. Часть заняла домики въ сухой балкѣ, нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ и я, между куриной балкой и батареею № 4-й, а главнокомандующій занялъ домикъ бывшей канцеляріи, или смотрителя угольныхъ складовъ, и хуже этого помѣщенія мало кто имѣлъ изъ главной квартиры. Пунктъ этотъ представлялъ удобство центральности, относительно расположенія войскъ и Севастополя, и легкости сообщенія съ симъ послѣднимъ.

Ихъ Высочества расположились также въ сухой балкѣ. Здѣсь собралось большое петербургское общество изъ лицъ, состоявшихъ при Ихъ Высочествахъ и главнокомандующемъ, которое увеличивалось и освѣжалось пріѣзжающими изъ Петербурга. Ихъ Высочества съ своею свитою обѣдали у себя, а прочіе собирались къ главнокомандующему, который, впрочемъ, хотя являлся ежедневно на нѣсколько минутъ къ обѣду, но только чтобы увидѣться со всѣми, а большею частію обѣдалъ одинъ. Болѣе свободнаго времени онъ имѣлъ по вечерамъ и любилъ, чтобы у него собирались къ чаю; но такъ какъ въ сухой балкѣ образовалась своя собственная жизнь, а дурныя погоды и грязь дѣлали поѣздки изъ сухой балки въ куриную не очень пріятными, то къ чаю собиралось немного, обыкновенно человѣкъ пять или шесть.

Пріѣзжавшія изъ Петербурга лица, новости и извѣстія съ бастіоновъ и изъ арміи, по временамъ тревоги, разнообразили жизнь, и давали пищу для разговоровъ.

Такъ проходила зима, въ концѣ которой, евпаторійское дѣло составляло самое крупное явленіе. Оно, сколько я могу знать, не входило въ планъ дѣйствій князя, и было скорѣе побочнымъ эпизодомъ войны, — завѣщаннымъ изъ Петербурга. Начальникъ евпаторійскаго отряда, баронъ Корфъ, доносилъ, впрочемъ, что надежды на овладѣніе Евпаторіею мало; дѣло это было поручено генералу Хрулеву, который, увлекаясь своею отвагою, охотнѣе, разумѣется, склонялся вѣрить тѣмъ лицамъ, которыя убѣждали его, что Евпаторія укрѣплена слабо, чѣмъ тѣмъ, которые говорили противное, и замѣтилъ свою ошибку уже тогда, когда повелъ войска на штурмъ. Всѣ хвалили его извѣстную храбрость и отличныя распоряженія, но результатъ не былъ достигнутъ, и мы отступили съ потерею нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, и то потому, что Хрулевъ во время успѣлъ остановить и отвести войска. Вслѣдъ за евпаторійскимъ дѣломъ, заложены были Волынскій и Селенгинскій редуты. Непріятель, понимая всю важность этихъ укрѣпленій, на вторую же ночь, послѣ закладки, атаковалъ ихъ самыми лучшими французскими войсками; но генералъ Хрущовъ, который всѣ дѣла свои исполнялъ отчетливо, блестящимъ образомъ отразилъ его, съ большою для него потерею. Въ началѣ второй половины февраля, князь, по причинѣ болѣзни, выѣхалъ изъ Севастополя. Между прочимъ въ городѣ разошлась страшная вѣсть о кончинѣ Государя Императора; ее сообщилъ намъ непріятель на переговорахъ, и потому утѣшали себя тѣмъ, что это злоумышленно распущенный слухъ; всѣ однако же таинствен-

но шептались, а пріѣздъ, — дня черезъ два, — князя Паскевича для приведенія войскъ къ присягѣ, не позволилъ болѣе сомнѣваться въ истинѣ этой катастрофы. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы узнали, что князь совсѣмъ оставляетъ командованіе въ Крыму и сдаетъ его князю Горчакову. Совпаденіе столь важнаго для Крымской войны событія, какова была перемѣна главнокомандующаго съ важнѣйшимъ еще не только для всей Россіи, но и для всей Европы событіемъ — кончиной Императора Николая Павловича, справедливо приводило всѣхъ къ ожиданіямъ, что моменты эти будутъ самыми критическими и самыми вліятельными на участь войны и, конечно, возбуждали разные толки, догадки и предположенія и, какъ всегда бываетъ, въ такіе моменты, не только въ Севастополѣ, но и у непріятеля было временное затишье и какъ бы оцѣпененіе.

Мы проводили князя до Николаева, остановясь въ Перекопѣ въ ожиданіи прибытія новаго главнокомандующаго, князя Горчакова. Князь Александръ Сергѣевичъ, призвавъ меня къ себѣ, объявилъ, что онъ болѣе не главнокомандующій, и не начальникъ главнаго морскаго штаба и прибавивъ, что прочіе его адъютанты будутъ пристроены, спросилъ меня, не желаю ли я быть представленнымъ князю Михаилу Дмитріевичу и рекомендованнымъ къ нему въ адъютанты, — я, однакоже, отказался отъ этого, и хотя въ Николаевѣ его свѣтлость черезъ другихъ нѣсколько разъ узнавалъ и наконецъ самъ при прощаньи спросилъ меня еще разъ, не желаю ли я получить какое либо на-

значеніе или мѣсто въ Петербургѣ, я очень естественно, предпочелъ окончить войну съ своими товарищами на бастіонахъ, и при этомъ князь, прощаясь со мною, сказалъ мнѣ, чтобы передать князю Горчакову то, о чемъ я уже упоминалъ выше, т. е. что единственный пунктъ, откуда можно атаковать непріятеля—есть Инкерманскій мостъ.

По возвращеніи изъ Николаева въ Севастополь, я былъ назначенъ сначала траншей-маіоромъ, а чрезъ нѣсколько дней начальникомъ артиллеріи на первой дистанціи оборонительной линіи, коею командовалъ Аполинарій Александровичъ Зоринъ. Онъ своимъ общежительнымъ характеромъ, умѣньемъ обращаться съ людьми, спокойствіемъ въ распоряженіяхъ и практическимъ и острымъ умомъ заслужилъ всеобщее къ себѣ расположеніе начальниковъ и подчиненныхъ, и оказалъ весьма важную услугу введеніемъ веревочныхъ щитовъ у амбразуръ, устроенныхъ такъ, что они не мѣшая дѣйствію орудій, защищали прислугу отъ штуцерныхъ пуль и спасли не одну сотню, а быть можетъ тысячу людей.

1-я дистанція составляла правый флангъ Севастополя, и простираясь отъ 6-го бастіона до редута Шварца, включала Шемякина батарею, 6 бастіонъ, Ростиславскій редутъ, 5 бастіонъ, Бѣлкина люнетъ, Бутакова батарею, Эльфсберга батарею, Шварца редутъ и Чесменскій редутъ; командирами коихъ при мнѣ были: Шемякинъ, Шумовъ, Бутаковъ, Карповъ, другой Бутаковъ, Бѣлкинъ, Эльфсбергъ, Шварцъ, Шванъ. Эти офицеры, изъ коихъ многіе дали свои имена бата-

реямъ, коими командовали, между защитниками Севастополя занимаютъ почетное мѣсто.

На всѣхъ этихъ батареяхъ было болѣе двухъ сотъ пятидесяти орудій, но не взирая на такое большое число ихъ, обязанность моя по званію начальника артиллеріи не представляла большихъ трудностей. Нужно сказать, что Севастополь во всемъ сформировался импровизаціею, что отразилось и на распредѣленіи флота по бастіонамъ; подробности были не выяснены и не опредѣлены, и такъ какъ это распредѣленіе произошло въ критическія для Севастополя минуты, когда никто не думалъ о долговременной осадѣ, а главная забота заключалась въ отраженіи непріятеля, на бастіоны поставили всѣхъ, кого можно было. Этимъ вполнѣ достигалось то главное военное правило, что войну нужно вести всѣми средствами: а подробности пришлось опредѣлять частнымъ начальникамъ по своему усмотрѣнію.

Съ одной стороны, при долговременной осадѣ излишнихъ офицеровъ можно бы было снять съ бастіоновъ, какъ для уменьшенія потерь, такъ и для того, чтобы имѣть запасъ для пополненія убыли, но съ другой стороны присутствіе на бастіонахъ большаго числа офицеровъ, въ особенности лицъ, пользовавшихся почетною репутаціею во флотѣ *), было въ высшей степени полезно, нетолько по ихъ опытности, но и по нравственному вліянію, которое ихъ присутствіе въ

*) Таковы, кромѣ адмираловъ, были: Юрховскій, Микрюковъ, Ергомышевъ, Перелешинъ 1, Перелешинъ 2, Кернъ, Воеводскій, Губеніусъ и проч.

минуты опасности производило на молодыхъ офицеровъ и команды, и они подъ разными названіями были помощниками начальниковъ отдѣленій, а у насъ назылись начальниками артиллеріи.

Таковы были предмѣстники мои—князь Ширинскій-Шихматовъ и Гувеніусъ, оба командиры фрегатовъ. Изъ нихъ первый убитъ, а второй сильно контуженъ. На нѣкоторыхъ дистанціяхъ начальниковъ артиллеріи и вовсе не было, и дѣло отъ этого шло не хуже, потому что въ сущности вся трудность дѣла обороны лежала на командирахъ батарей и бастіоновъ. Они управляли дѣйствіемъ артиллеріи, исправляли верки, неусыпно слѣдили за непріятелемъ и всегда, и днемъ, и ночью были между нимъ и матросами, и служили, такъ сказать, живыми, всегда видимыми знаменами для своихъ батарей. Конечно, человѣкъ, между ними жившій и служившій и знавшій каждую личность, видѣлъ въ нихъ такихъ же людей и такихъ же офицеровъ, какъ и всѣ; но именно это обстоятельство и составляетъ замѣчательное явленіе осады и возбуждаетъ весьма интересный вопросъ: почему эти обыкновенные люди и офицеры почти всѣ безъ исключенія такъ неуклонно и такъ долго могли выдержать тотъ типъ идеально честнаго воина, который болѣе чѣмъ вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ буквы и духа присяги. Не менѣе замѣчательно и то, что пока всеобщая молва нестала говорить о защитникахъ Севастополя, какъ о героях, никто изъ нихъ не думалъ, чтобы, стоя на бастіонахъ, онъ дѣлалъ что либо особенное или, чтобы служить можно было бы иначе; а въ Россіи никто не

зналъ, что черноморскій флотъ представлялъ дѣйствительно едва ли не лучшій организованный въ одно цѣлое и одушевленный истиннымъ военнымъ духомъ корпусъ офицеровъ и командъ.

Такой духъ составлялъ нравственную силу обороны; и если вѣрно то мнѣніе Наполеона I, что въ дѣлахъ войны нравственная сила составляетъ три четверти, а матеріальная только одну четверть успѣха, то ясно станетъ, почему Севастополь стоялъ такъ долго. Матеріальная часть обороны, т. е. артиллерія, представляла также одно изъ ручательствъ въ успѣхѣ. Она состояла изъ большого числа бомбовыхъ 68 фунтовыхъ орудій, 36 фунтовыхъ пушекъ, пушекъ каронадъ большаго калибра и пудовыхъ единороговъ, затѣмъ орудій меньшаго калибра. Первыя были самыя дѣйствительныя и любимыя, и я не знаю ни одного примѣра ихъ разрыва.

Что касается до укрѣпленій, то самое существенное и трудное въ этомъ дѣлѣ—линія обороны была опредѣлена за долго до высадки княземъ Меньшиковымъ, который предполагалъ къ этой линіи только прибавить большое укрѣпленіе на такъ называемой Зеленой горѣ, между Лабораторной и Сарандинакиной балкой. Теперь очевидно, что укрѣпленіе на этой горѣ совершенно измѣнило бы весь характеръ осады и обороны; но тотъ же недостатокъ войскъ, какъ упомянуто мною выше, не позволилъ приступить къ его сооруженію *). Самые верки конечно не могли быть

*) Наши и иностранные писатели не упоминаютъ о той величайшей услугѣ, которую оказала оборонѣ эта, повидимому, слабая, линія

сдѣланы такъ прочно, какъ въ мирное время, и въ нихъ входило все, что имѣлось подъ рукой: туры, мѣшки, фашины, а иногда систерны, даже и бочки. Они были сильны потому, что могли сооружаться по мѣрѣ возникающей надобности и представляли возможность увеличивать неопредѣленно число орудій, чрезъ что мы могли бороться съ непріятельскою артиллеріею почти до конца осады, не давая ему перевѣса, въ чемъ заключалось главное условіе успѣшной обороны. Не взирая однакоже на эту способность укрѣпленій принять большое число орудій, мы не могли бы такъ долго, и съ такимъ успѣхомъ бороться съ осаждающими если бы не бѣглость и мѣткость нашего огня во время бомбардированій. Не говоря уже о наведеніи и заряжаніи орудій, гдѣ требуется опытный и ловкій комендоръ, придвиганіе и поворачиваніе тяжелыхъ орудій требуетъ большой снаровки, а не одной только силы.

укрѣпленій. Она впрочемъ къ 1-му сентября имѣла 198 орудій съ сухопутной стороны, но что еще важнѣе этого, вѣрное и безъошибочное начертаніе оной требовало такого знанія мѣстности и военнаго взгляда, и было такъ существенно для сооруженія обороны, что эта линія даетъ почетное мѣсто въ оборонѣ Севастополя (какъ инженеру) князю Александру Сергѣевичу Меньшикову, точно такъ, какъ лучше союзниковъ, его свѣтлости пришлось угадывать пунктъ высадки. (какъ совершенно справедливо выразился принцъ Жуанвильскій, въ своемъ сочиненіи «La marine à vapeur dans la guerre») такъ и въ оцѣнкѣ важности пунктовъ линіи обороны князь имѣлъ болѣе вѣрный взглядъ, чѣмъ союзники. Всѣ его мѣропріятія показывали, что преимущественно лѣвый флангъ обращалъ его вниманіе какъ до высадки, такъ и послѣ оной; проведеніе саперной дороги, устройство Малаховой башни, частыя указанія адмиралу Корнилову на слабость этой части линіи, появленіе князя въ первое бомбардированіе на курганѣ и проч.

Все это было развито въ матросахъ на корабляхъ, и что не менѣе важно, самая морская служба развила въ нихъ привычку, не дожидая команды, бросаться туда, гдѣ нужна ихъ помощь. Эта способность была во время осады весьма полезна во многихъ случаяхъ. Помню, что въ одно изъ бомбардированій при обходѣ дистанціи, на Ростиславскомъ редутѣ, однимъ ядромъ подбило орудіе и ранило комендора. Ходившій постоянно за мною ординарецъ бросился немедленно распоряжаться за комендора, и вмѣсто подбитаго, новое орудіе было поставлено и открыло огонь такъ быстро, какъ на самомъ взыскательномъ смотрѣ: подобныхъ примѣровъ было множество. И ни мнѣ, да вѣроятно никому, не случалось видѣть, чтобы матросы во время самаго сильнаго огня терялись или дѣйствовали хуже, чѣмъ въ мирное время на корабляхъ на ученьи. Первое бомбардированіе было для нихъ какъ бы крюйтъ-камерное ученье. Правда, что пороху сожгли очень много. Но эта быстрая пальба была причиною того, что начиная съ перваго момента, никогда кромѣ послѣднихъ дней осады, непріятель не могъ заставить насъ молчать, а это и составляло главное условіе обороны, потому что во всѣхъ осадахъ самый критическій и опасный моментъ тотъ, когда артиллерія осажденнаго начинаетъ слабѣть предъ артиллеріею осаждающаго.

Укрѣпленія наши, какъ я сказалъ, представляли возможность прибавлять по мѣрѣ надобности орудія, а флотъ представлялъ большой запасъ оныхъ; но и непріятель имѣлъ съ своей стороны неисчерпаемый

рессурсъ, и собралъ такія громадныя осадныя средства, которыя врядъ ли когда увидятъ, такъ что ни въ одинъ моментъ осады мы не имѣли значительнаго превосходства противъ союзниковъ въ числѣ орудій: число это доходило у насъ до тысячи, а у союзниковъ до 800, между тѣмъ какъ въ послѣдней осадѣ Парижа у пруссаковъ было 110 или 120, а у французовъ до 2,000! Чтобы противодѣйствовать имъ съ успѣхомъ, нужна была не только полная неусыпность, исправность и искусство на бастіонахъ, но хорошо организованная система быстраго снабженія батарей, подвоза пороха, орудій, снарядовъ и станковъ по горамъ и на большія разстоянія. Требованія корабельнаго ученья, гдѣ быстрота подачи, правильное устройство крюйтъ-камеръ составляетъ важнѣйшее условіе, — было здѣсь очень полезно морскимъ офицерамъ и, благодаря пониманію этого требованія, на снабженіе батарей съ перваго же дня осады обращено было большое вниманіе, и дѣло это устроилось и велось А. А. Поповымъ и Ф. В. Пестичемъ во всю осаду. Частыя вылазки, необходимость самаго бдительнаго надзора за непріятелемъ, вынуждаемая и мѣстностію и отсутствіемъ гласиса и прочими особенностями импровизованныхъ укрѣпленій, требовали большого числа войскъ и частой ихъ смѣны на бастіонахъ. Сверхъ того доставка боевыхъ припасовъ и продовольствія на большой гарнизонъ, вызывали необходимость хорошо организованныхъ перевозочныхъ средствъ.

Полное знаніе своего дѣла, неутомимость и добросовѣстность лицъ, которыя обязаны были удовлетво-

рять всѣмъ этимъ требованіямъ, дали возможность поддерживать на бастіонахъ тотъ неумолкаемый огонь и ту дѣятельность и быстроту исправленія укрѣпленій, которыя дѣлали эту оборону непохожею на прочія, въ коихъ осажденный съ покорностью ожидаетъ момента, когда осаждающій систематически взойдетъ черезъ брешь на валъ. Оборона эта была активная— одиннадцати мѣсячный бой! И чѣмъ болѣе она продолжалась, тѣмъ яснѣе сознавалось всѣми, что безъ флангоpower движенія и затопленія кораблей она была бы невозможна. Первое открыло сообщенія и избавило гарнизонъ и армію отъ голода, а послѣднее сосредоточило всѣ нравственныя и матеріальныя силы флота на бастіонахъ, а безъ этого оборона была бы немыслима! Впрочемъ, послѣднія военныя событія нагляднѣе всѣхъ словъ выставляютъ въ надлежащемъ свѣтѣ обѣ эти мѣры. Парижъ и Мецъ живые примѣры, до чего могутъ довести несоотвѣтственно и дурно выбранныя мѣры. А при катастрофѣ Седана иностранцы указываютъ, что Базену слѣдовало сдѣлать тоже фланговое движеніе, какое мы сдѣлали въ 1854 году и не запираться въ Мецѣ. Наша дѣятельная оборона способствовала тому одушевленію, которое зародилось и поддерживалось въ защитникахъ Севастополя различными обстоятельствами.

Но не взирая на это одушевленіе, положеніе гарнизона было очень тяжело. Съ прибытіемъ князя Горчакова многіе ожидали переворота въ дѣлахъ подъ Севастополемъ; и дѣйствительно его сіятельство, обходя бастіоны, ободрялъ людей и обѣщалъ

близкое избавленіе; но эти надежды не сбылись, хотя на это употребили не мало жертвъ и усилій.

Бывшимъ на нашей дистанціи дѣломъ 10-го мая предполагалось, если не вполнѣ этого достигнуть, то значительно облегчить Севастополь, но вмѣсто того, мы послѣ огромной потери остались при томъ же. Дѣло это было предпринято съ тою цѣлію, чтобы укрѣпиться на кладбищѣ и, такимъ образомъ, принять во флангъ французскія осадныя работы. Такъ какъ оно было предпринято съ нашей дистанціи, то и я былъ призванъ, чтобы обсудить какія мѣры надлежитъ принять по части артиллеріи, чтобы успѣшнѣе ему содѣйствовать; я помню, что тогда же нѣкоторые выражали сомнѣніе въ успѣхѣ предпріятія, на основаніи того простого разсужденія, что если мы съ такимъ трудомъ держимся за нашими сильными сравнительно верками, то возможно ли будетъ удерживать выдвинутое такъ далеко впередъ укрѣпленіе? Поборники этого дѣла возражали, что подобно тому какъ на лѣвомъ флангѣ князь Меньшиковъ выдвинулъ Волынскій и Селенгинскій редуты, такъ и здѣсь намъ нужно приступить къ контръ осадѣ. Но это возраженіе было совершенно неосновательно. Тѣ редуты были заложены тогда, когда непріятель не распространилъ еще на лѣвомъ нашемъ флангѣ своихъ работъ, такъ какъ на нашей дистанціи передъ 5-мъ бастіономъ и Бѣлкина люнетомъ; и сверхъ того, Волынскій и Селенгинскій редуты, согласно предположеніямъ князя Меньшикова, могли служить или основаніемъ для новой Инкерманской вылазки, или въ случаѣ неудачи оной основа-

ніемъ другихъ контръ-осадныхъ работъ, чѣмъ достиглось бы главное условіе обороны Севастополя—обезпеченіе Малахова кургана съ фланга,—а онъ составлялъ главнѣйшій пунктъ нашей позиціи, ибо въ различныхъ своихъ приказаніяхъ Корнилову до осады и во время осады, князь Александръ Сергѣевичъ на него обращалъ наибольшее вниманіе, и его свѣтлость въ первый день бомбардированія отправился именно туда, а не въ другой пунктъ.

Какъ бы то ни было, но 4.000 человѣкъ, положенные безъ всякаго результата, не могли вселить надежду на помощь отъ какихъ бы то ни было полевыхъ дѣйствій или вылазокъ, въ особенности, когда вскорѣ послѣ этого послѣдовало и взятіе Волынскаго и Селенгинскаго редутовъ; приготовленіе же моста черезъ бухту служило какъ бы выраженіемъ той мысли, что и главнокомандующій не очень много разсчитываетъ на продолжительность обороны. При томъ же орудій, станковъ, пороху и снарядовъ становилось меньше, такъ напримѣръ, 68-фунтовыхъ снарядовъ на нашу дистанцію, на нѣкоторыя батареи и вовсе не отпускали, а замѣняли ихъ пудовыми гранатами съ деревянными поддонами 68-фунтоваго калибра. Убыль во флотскихъ офицерахъ становилась до того чувствительна, что солдатами дополнялась прислуга у орудій, сухопутные офицеры командовали батареями, а самый важный дотолѣ пунктъ—4 бастіонъ, порученъ генералу Шульцу; и сухопутнымъ же генераламъ поручалось командованіе двухъ отдѣленій, т. е. имъ подчинялись адмиралы и экипажные командиры. Хотя

такіе генералы какъ Хрущовъ, Хрулевъ, Семякинъ, всегда и вездѣ умѣли держать себя хорошо, но этимъ, во-первыхъ, уменьшалось прежнее значеніе морскихъ начальниковъ, тѣмъ болѣе, что старшіе изъ нихъ, какъ напримѣръ, Истоминъ, а впослѣдствіи Новосильскій и Нахимовъ, выбыли; а во-вторыхъ, однородность осады нарушилась; а отъ смѣшенія моряковъ съ сухопутными при неизбѣжной разницѣ въ уставахъ, обычаяхъ и взглядахъ выходили иногда самыя вредныя недоразумѣнія: такъ напримѣръ, у насъ былъ раненъ Шварцъ и его редутъ былъ порученъ офицеру полелевой артиллеріи. На другой же день я увидѣлъ, что по всей дистанціи ведутъ подъ конвоемъ четырехъ матросовъ и при нихъ артиллерійскій офицеръ, который явился ко мнѣ и объявилъ, что на редутѣ Шварца матросы бунтуются. Бывши въ то время начальникомъ вмѣсто А. А. Зорина *), я долженъ былъ разобрать дѣло и прибывъ на редутъ, я здѣсь же наказалъ виновнаго; но изъ разбора дѣла видѣлъ ясно, что начальная причина безпорядка произошла отъ совершеннаго неумѣнья офицера взяться за матросовъ. Я не помню, были ли еще случаи подобныхъ недоразумѣній и непріятныхъ явленій отъ смѣшенія моряковъ съ сухопутными, но во всякомъ случаѣ это способствовало не къ поддержанію, а скорѣе къ ослабленію той энергіи, которую выказали моряки при защитѣ, потому, что стоя на бастіонахъ одни, они однихъ себя и считали отвѣтственными за сохраненіе Севастополя, а со

*) Уѣхавшаго въ Николаевъ.

введеніемъ военно-сухопутнаго элемента отвѣтственность эта какъ бы разложилась. Всѣ эти явленія, взятыя въ совокупности, порождали мысль, что Севастополь придется оставить, а этого было достаточно, чтобы поколебать первоначально принятую рѣшимость отстаивать его до конца. Отсюда уже недалеко до того кризиса, когда мѣсто высокаго одушевленія замѣняетъ лишь формальное отбываніе своей обязанности. Подобный кризисъ невсегда является вдругъ, а большею частію совершается постепенно, и дѣло начальника не только за нимъ слѣдить, но не позволить дальнѣйшему его развитію. Для этого кромѣ власти нуженъ авторитетъ, и сверхъ того, сильный, увлекающій, и постоянно присущій примѣръ начальника.

Нельзя поэтому достаточно сильно выразить того значенія, которое имѣлъ адмиралъ Нахимовъ въ эти трудныя для Севастополя минуты. Не взывая въ приказахъ ни къ геройству, ни къ мужеству моряковъ, онъ поддерживалъ въ нихъ послѣднюю энергію простымъ, но самымъ дѣйствительнымъ способомъ: онъ самъ поступилъ на бастіоны, какъ по справедливости можно выразиться, ибо онъ ежедневно туда являлся, умышленно или нечаянно останавливался для отдачи приказаній и разспросовъ на самыхъ открытыхъ и опасныхъ мѣстахъ, а когда ему замѣчали, что здѣсь бьютъ, то онъ отвѣчалъ, что нибудь въ родѣ того, чтобы пустяковъ не говорили, что изъ пушки въ человѣка цѣлить не станутъ, и тому подобное.

Останавливаться для бесѣды въ такихъ мѣстахъ, конечно не было очень пріятно, многіе находили это

страннымъ; но если адмиралъ дѣлалъ это умышленно, то разсчетъ его былъ вѣренъ. Изъ трехъ способовъ дѣйствовать на подчиненныхъ: наградами, страхомъ и примѣромъ, послѣдній есть вѣрнѣйшій. Результатъ выходилъ тотъ, что дѣлая это ежедневно въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, адмиралъ вселялъ убѣжденіе, что жертвовать собою для исполненія долга— дѣло самое простое, обыденное, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ каждомъ являлась какая-то увѣренность въ своей собственной неуязвимости. Имѣвшій съ адмираломъ ежедневное дѣло И. П. Комаровскій *) (бывшій смотритель госпиталя) разсказывалъ мнѣ, что придя однажды по службѣ, онъ былъ встрѣченъ адмираломъ вопросомъ: „видали ли вы подлость"? Думая, что это относится къ какой либо неисправности, И. П. Комаровскій ожидалъ разъясненій; адмиралъ, повторивъ свой вопросъ, сказалъ: „развѣ не видѣли, что готовятъ мостъ чрезъ бухту?" Другой офицеръ Г***, начальникъ бастіона, при посѣщеніи адмирала доложилъ ему, что англичане заложили батарею, которая будетъ поражать его въ тылъ. „Что-жъ такое", спросилъ адмиралъ, и потомъ въ видѣ ободренія сказалъ: „Не безпокойтесь господинъ Г***, всѣ мы здѣсь останемся". Такія и подобныя идеи, высказанныя то тамъ, то здѣсь, ясно показываютъ, что другого исхода, какъ стоять и умереть въ Севастополѣ, адмиралъ не видѣлъ.

Но не взирая на эти малоутѣшительныя слова, по-

*) Нынѣ генералъ-маіоръ и начальникъ коммисаріатской части въ Кронштадтѣ.

явленіе адмирала на бастіонахъ всегда приносило какое то успокоеніе и примиреніе съ своимъ положеніемъ, потому что всѣ видѣли въ немъ самомъ не только человѣка съ полнымъ самоотверженіемъ и полной готовностію умереть для своего долга, но и всѣ знали, что адміралъ не пожалѣетъ ни трудовъ, ни себя, не только для того, чтобы уменьшить потери и сохранить жизнь и здоровье подчиненныхъ, но для доставленія личныхъ удобствъ каждому. Съ того момента, когда при выходѣ изъ Севастополя, князь Меньшиковъ поручилъ адмиралу защиту южной стороны, онъ не переставалъ быть самымъ вѣрнымъ представителемъ той мысли, что Севастополь нужно каждому отстаивать всѣми силами; съ своей стороны онъ это исполнилъ до фанатизма, жертвою котораго онъ и сдѣлался; но фанатизмъ этотъ былъ направленъ къ славѣ и пользѣ государства, и былъ полезенъ потому, что онъ сообщился многимъ и въ высшей степени способствовалъ тому, что при многихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, моряки до конца осады оставались тѣми же, какими явились въ началѣ, и заслужили себѣ почетное мѣсто въ исторіи.

Со смертью адмирала Нахимова, хотя не было никакихъ громкихъ выраженій печали потому, что тогда демонстраціи не были еще въ обыкновеніи, но всѣми чувствовалось, что не достаетъ той объединяющей силы и той крѣпости убѣжденія, въ необходимости держаться до крайности. Хотя оставались еще весьма почтенныя и уважаемыя личности, но они не могли замѣнить Нахимова. Тотлебенъ былъ самъ сильно ра-

ненъ; князь Васильчиковъ и Хрулевъ *) пользовались большою популярностію — первый болѣе между офицерами, а послѣдній и между офицерами и между солдатами; но ни популярность эта, ни ихъ значеніе и вліяніе не имѣли такой всеобщности, какъ вліяніе Нахимова. Въ продолженіе сорока лѣтъ всѣ дѣйствія и жизнь адмирала были постоянно на виду у подчиненныхъ и начальниковъ въ своемъ морскомъ сословіи; а въ 10 мѣсяцевъ осады весь гарнизонъ—и моряки и сухопутные — успѣли хорошо узнать и усвоить себѣ, и наружность, и мысли и открытыя дѣйствія адмирала; а безъ этой способности быть скоро понятымъ массою, можно достигнуть только временной, такъ называемой популярности, и то между офицерами: но не авторитета, не нравственнаго вліянія на массу, столь необходимыхъ начальнику, и съ которыми онъ можетъ быть увѣренъ, что не только его слова, но его взглядъ будутъ поняты такъ, какъ онъ хочетъ.

Во всякомъ случаѣ, если и были замѣтны признаки уменьшенія прежняго горячаго одушевленія, то оставалось еще чувство долга, и съ нимъ продолжали стоять на бастіонахъ, находясь, по удачному выраженію А. А. Зорина, совершенно въ томъ же положеніи, въ какомъ находятся въ ступкѣ зерны кофе, который толкутъ. За мое трехмѣсячное пребываніе на бастіо-

*) Я не упоминаю о генералѣ Сакенѣ, который остался тѣмъ же, чѣмъ былъ, т. е. главнымъ начальникомъ, и не могъ такъ часто являться на бастіоны, какъ по своимъ занятіямъ, такъ и по лѣтамъ; а адмиралы вмѣсто Нахимова были назначены не тотчасъ послѣ его кончины.

нахъ многіе командиры были убиты или ранены, нѣкоторые выбыли по болѣзни, нѣкоторые, возвратясь на свои мѣста, съ худо зажившими ранами, почти всѣ переконтужены или оглушены, и сколько я помню, только одинъ Бѣлкинъ на своемъ опасномъ мѣстѣ съ начала до конца осады вышелъ невредимъ *). Вырытыя по разнымъ направленіямъ траншеи для безопасности сообщеній, траверзы, въ особенности веревочные щиты и прочія предохранительныя мѣры, хотя значительно сокращали потери, но по множеству снарядовъ летѣвшихъ на бастіоны, въ особенности пуль изъ ближайшихъ траншей, смерть и раны были весьма легкою возможностью. Впрочемъ, слѣдуетъ сказать, что бомбы летятъ тихо и о нихъ, равно какъ и о ядрахъ, сигнальщики давали знать крикомъ: бомба! или пушка! и во многихъ случаяхъ бывало возможно къ полету ихъ примѣниться, хотя многіе этого не дѣлали.

Откуда берется пренебреженіе къ жизни въ виду непріятеля—трудно объяснить, въ особенности въ Севастополѣ, гдѣ ни мы непріятеля, ни онъ насъ не видѣлъ. По наблюденіямъ надъ самимъ собою, могу сказать только слѣдующее: изъ частныхъ посылокъ на бастіоны и въ городъ, съ приказаніями князя Меньшикова, я не разъ былъ свидѣтелемъ такой небрежности, и поступивъ самъ на бастіоны сначала систематически держался правила быть осторожнымъ и не бросать даромъ жизнь, но скоро убѣдился, что

*) Большая часть нашей дистанціи была въ послѣднее время одною изъ менѣе опасныхъ въ Севастополѣ.

такая осторожность, какъ напримѣръ наклоненіе головы за брустверъ отъ ядра, или длинный обходъ траншеями и вблизи траверзовъ, или неблаговидна и ниже достоинства офицера, или очень утомительна. Къ тому же многіе погибали въ блиндажахъ, т. е. въ самомъ безопасномъ мѣстѣ. Полковникъ Гасфортъ напримѣръ, который къ намъ ходилъ очень долго на бастіоны съ своимъ полкомъ и оставался здѣсь всю ночь, былъ все время цѣлъ; но вскорѣ послѣ того, что его полкъ пересталъ ходить на бастіоны, полковникъ былъ почти до смерти израненъ осколками бомбы, которая упала къ нему на квартиру, когда онъ спалъ; одинъ офицеръ (Кремеръ или Вульфертъ), взлетѣлъ на воздухъ съ пороховымъ погребомъ и остался цѣлъ; такіе случаи, а въ особенности примѣръ Нахимова, многихъ убѣждали, что быть или не быть осторожнымъ все равно, а если къ этому прибавить монотонность, порождающую равнодушіе, безпечность и лѣнь, то понятно почему предосторожность относительно самаго себя рѣдко кѣмъ соблюдалась. Здѣсь-то и является важность распорядительности начальника, который всегда долженъ помнить, что его главная обязанность состоитъ въ томъ, чтобы ни одинъ человѣкъ не былъ потерянъ даромъ, и въ этомъ отношеніи въ Севастополѣ, въ началѣ по крайней мѣрѣ, многіе погибли, выставляясь напрасно.

Дерзкой храбрости и удальства въ подчиненныхъ конечно запрещать нельзя, и они часто бываютъ полезны, но хвастливаго молодечества терпѣть не слѣдуетъ. Въ одномъ изъ жаркихъ дѣлъ на Кав-

казѣ, князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, видя, что одинъ изъ состоявшихъ въ его свитѣ лицъ выставляется подъ пули, замѣтилъ ему „il faut être brave, mais il faut l'être avec élégance„ *). Непремѣнное условіе такой храбрости,—полное спокойствіе въ опасности и отсутствіе даже признаковъ того, будто опасности отыскиваешь. Такого рода храбрость болѣе всего пристойна офицеру, и изъ лицъ, не служившихъ, но видимыхъ чаще другихъ на всѣхъ бастіонахъ, Васильчиковъ и Тотлебенъ одарены были такого рода храбростью. Адмиралъ Нахимовъ до того пренебрегалъ опасностью, что многіе не знали—нарочно онъ ее ищетъ или не замѣчаетъ. Но положеніе Нахимова было вовсе не таково, какъ Тотлебена или Васильчикова; онъ имѣлъ значеніе главнаго начальника и очень возможно, что въ его расчеты входило показывать такой примѣръ пренебреженія жизнью.

Бастіоны были отличною школою для арміи, за отсутствіемъ полевыхъ дѣйствій. Всѣ почти войска, по очереди, перебывали здѣсь и обстрѣливались.

Изъ главныхъ сухопутныхъ начальниковъ, на нашей дистанціи перебыли: Хрулевъ, Семякинъ, Хрущовъ, съ послѣднимъ я около мѣсяца жилъ въ блин-

*) Во время свѣжаго вѣтра, одинъ офицеръ въ присутствіи М. П. Лазарева катался на шлюпкѣ и не хотѣлъ брать рифовъ, чтобы выказать свое молодечество; адмиралъ потребовалъ этого офицера на свой корабль, приказалъ убрать на шлюпкѣ кливеръ и бизань совсѣмъ, а у фока и грота приказалъ взять рифы и такъ отправилъ его кататься, и замѣтилъ, что форсированные паруса, которые безпрестанно полощутъ, показываютъ болѣе трусость, чѣмъ молодечество.

дажѣ и слышалъ много вѣрныхъ и здравыхъ его сужденій о войнѣ; а какъ начальникъ, онъ замѣчателенъ былъ тѣмъ, что всѣ дѣла, которыя ему поручались, были окончены успѣшно. Князь Воронцовъ находился у насъ на Ростиславскомъ редутѣ съ войсками, гдѣ и былъ раненъ въ високъ, также какъ и Нахимовъ, но не столь глубоко. Нѣкоторые офицеры присланы были самимъ Государемъ Императоромъ: изъ нихъ у насъ нѣсколько времени служилъ флигель-адъютантъ А. М. Рылѣевъ; многихъ привлекала на бастіоны какая то особенная сила; вообще можно сказать, всѣ съ напряженнымъ участіемъ слѣдили за всѣмъ, что дѣлается на оборонительной линіи, и изъ носителей знатныхъ нашихъ фамилій, большая часть связала свои воспоминанія съ бастіонами и Севастополемъ.

Съ половины мая, Ніель понявъ невыгоду главной атаки противъ 4-го бастіона, сосредоточилъ ее противъ Малахова кургана, и у насъ, кромѣ нѣсколькихъ усиленныхъ бомбардированій, ничего замѣчательнаго не было.

Въ половинѣ іюля я долженъ былъ по болѣзни оставить бастіоны, и пролежавъ недѣли двѣ въ госпиталѣ, на Михайловской батареѣ, отправился для возстановленія силъ въ Саблы, мѣстечко, лежащее верстахъ въ десяти отъ Симферополя, куда посылали обыкновенно послѣ болѣзни для отдыха.

По возвращеніи оттуда вмѣстѣ съ П. А. Перелешинымъ, который былъ въ Саблахъ же, мы нашли на сѣверной сторонѣ Ѳ. С. Керна, который сошелъ съ Малахова кургана для двухнедѣльнаго отдыха. Я получилъ назначеніе на 4-й бастіонъ, но прежде чѣмъ

дошелъ до меня приказъ, — утромъ 26-го августа, — находясь всѣ въ троемъ на возвышенностяхъ сѣверной стороны, мы увидѣли, какъ непріятель двинулся на штурмъ и занялъ Малаховъ курганъ, а ночью въ тотъ же день мы оставили всѣ бастіоны, отступивъ оттуда въ совершенномъ порядкѣ, и по видимому, неожиданно для непріятеля, который въ опасеніи минъ не сразу занялъ наше мѣсто.

Когда Севастополь былъ взятъ, то главнокомандующій пожелалъ имѣть при себѣ флотскаго штабъ-офицера, такъ какъ въ это время въ непріятельскомъ флотѣ замѣтна была большая дѣятельность; адмиралъ Панфиловъ, бывшій начальникомъ гарнизона, командировалъ меня къ его сіятельству; но здѣсь я оставался недолго. Государю Императору благоугодно было осчастливить крымскую армію и Севастополь Своимъ присутствіемъ, и въ первой половинѣ сентября Его Величество съ Своими Августѣйшими Братьями прибылъ въ Николаевъ; оттуда 12-го сентября пріѣхалъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Мансуровъ и привезъ повелѣніе Его Высочества генералъ адмирала, чтобы капитанъ 1-го ранга Бутаковъ и я отправились въ Николаевъ.

Нижеслѣдующій разсказъ, хотя не относится ни къ Крыму, ни къ Севастополю, я помѣщаю потому, что, по волѣ Государя Наслѣдника Цесаревича, требуется описаніе случаевъ за которые пожалованы были Георгіевскіе кресты *).

*) Всѣ бывшіе въ Севастополѣ на батареяхъ южной стороны безспорно заслужили право на Георгіевскіе кресты, подобно тому, какъ

По прибытіи моемъ въ Николаевъ, Его Высочеству угодно было, чтобы я состоялъ при Немъ и чтобы занялся вооруженіемъ гребныхъ судовъ для катанья, дабы тѣмъ нѣсколько оживить пустынную теперь рѣку. Но вскорѣ однако я получилъ порученіе состоять за начальника штаба при генералъ-адъютантѣ князѣ Барятинскомъ, который за отсутствіемъ генерала Лидерса принялъ командованіе надъ войсками расположенными по обѣимъ берегамъ рѣки Буга; и быть можетъ эта полоса воды раздѣлявшая войска, была единственная видимая причина для назначенія моряка въ эту обязанность. Но съ появленіемъ непріятельскаго флота у Кинбурна въ началѣ октября, я получилъ порученіе отправиться въ Очаковъ и тамъ наблюдать за флотомъ

вся команда брига «Меркурій» получила ихъ. Но по невозможности этого, Георгіевскіе кресты давались старшимъ начальникамъ и командирамъ наиболѣе выдвинутыхъ батарей, а также принималась въ расчетъ, совершенно справедливо, и продолжительность службы. Вѣрно оцѣнить степень права на этотъ крестъ было трудно потому, что статутъ не предвидѣлъ подобныхъ примѣровъ осады. По званію своему я имѣлъ право быть представленнымъ къ этой наградѣ, но послѣ одного изъ усиленныхъ бомбардированій предпочелъ получить чинъ, такъ какъ не чувствовалъ, чтобы сдѣлалъ что либо отличное и былъ еще недолго на бастіонахъ; а впослѣдствіи къ намъ поступилъ на Ростиславскій редутъ Шмидтъ, который до того былъ все время на лѣвомъ флангѣ, но не получилъ еще Георгія. Адмирала Нахимова это очень безпокоило и онъ считалъ себя передъ этимъ офицеромъ въ долгу и потому, когда онъ высказывалъ мнѣ однажды объ этомъ, я принялъ это за намекъ, что онъ желаетъ, чтобы Шмидтъ прежде другихъ получилъ эту награду, и считалъ долгомъ заявить адмиралу, что если меня находятъ достойнымъ этой награды, то я съ радостью уступлю свое право офицеру, который былъ на бастіонахъ всю осаду. Адмиралъ меня очень благодарилъ и сказалъ, что для меня еще не одинъ разъ представится случай получить Георгіевскій крестъ, и слова его оправдались на дѣлѣ.

и доносить обо всемъ по телеграфу въ Николаевъ. Очаковскій телеграфъ составляетъ одинъ изъ пунктовъ линіи семафорныхъ знаковъ, проведенный отъ Севастополя до Николаева. Этихъ знаковъ около двадцати въ разстояніи другъ отъ друга отъ 10 до 35 верстъ. Они состоятъ изъ башень, на которыхъ устроенъ воздушный телеграфъ.

По прибытіи моемъ 3-го октября въ Очаковъ, я явился къ генералъ-адъютанту Кноррингу, который командовалъ здѣсь войсками, и отправившись на телеграфную башню, видѣлъ какъ непріятельскія канонирскія лодки входили въ лиманъ. Батареи, устроенныя на Кинбурнской косѣ, открыли по нимъ огонь, но не воспрепятствовали входу ихъ. Непріятельскій флотъ расположился вокругъ Кинбурна: большія суда стали на якорь снаружи—въ морѣ, а канонирскія лодки съ внутренней стороны въ лиманѣ, и поставили крѣпость въ два огня. Около полудня непріятель сталъ свозить войска, чтобы пресѣчь всякое сообщеніе крѣпости.

Въ этотъ день перестрѣлка происходила между крѣпостью и судами, но, повидимому, рѣшительнаго не было ничего предпринято. Я безпрестанно сообщалъ въ Николаевъ о малѣйшихъ подробностяхъ, которыя видѣлъ. На другой день утромъ была также слышна канонада, но крѣпость была видна не ясно. Въ воздухѣ стоялъ сухой туманъ, солнце обозначалось чуть замѣтнымъ блѣднымъ кругомъ и былъ слышанъ запахъ гари, явленіе довольно частое на югѣ въ сухую погоду, и извѣстное подъ названіемъ Киммерійской мглы.

Вслѣдствіе этого я былъ крайне встревоженъ, не имѣя возможности сообщить что либо въ Николаевъ о крѣпости и боялся, что Государь Императоръ быть можетъ не получитъ своевременнаго извѣстія даже о взятіи оной, такъ какъ она, какъ я сказалъ, была едва видна въ туманѣ, и нельзя было даже разсмотрѣть, есть ли на ней флагъ или нѣтъ. Опасенія эти заставили меня рѣшиться пробраться въ крѣпость, такъ какъ единственная цѣль моего порученія состояла въ сообщеніи извѣстій въ Николаевъ. Узнавши отъ полиціймейстера или городничаго, что можно достать проводника и лодку, я вступилъ съ однимъ изъ рыбаковъ въ переговоры, и написалъ записку къ графу Петру Андреевичу Шувалову (состоявшему при генералѣ Кноррингѣ), въ коей извѣщалъ, что нахожу возможнымъ проѣхать въ Кинбурнъ, и прошу разрѣшенія его превосходительства. Между тѣмъ уже былъ часъ девятый вечера, а отвѣта не было. Пришедшій ко мнѣ городничій сообщилъ, что казенная шлюпка готовится туда отправиться. Тогда я отправился на пристань и узнавъ отъ ластоваго офицера, что шлюпка готова, я на ней отправился, взявъ и его вмѣстѣ съ собою, и не дожидая разрѣшенія генерала, такъ какъ было поздно (часовъ около 9-ти) и мы не успѣли возвратиться назадъ до свѣта.

Мы прошли мимо канонирскихъ лодокъ, не бывъ замѣченными. Главное опасеніе состояло въ томъ, чтобы изъ крѣпости не стали стрѣлять по шлюпкѣ. Для этого я приказалъ окликнуться какъ можно громче, и насъ черезъ нѣсколько попытокъ услыхали, хотя

были приведены въ крайнее недоумѣніе такимъ появленіемъ. Пріѣздъ мой, впрочемъ, произвелъ радостное впечатлѣніе на офицеровъ; повидимому многіе изъ нихъ были въ хорошемъ настроеніи духа, и собирались сопротивляться до крайности, хотя нѣкоторые говорили нерѣшительно. Комендантъ же показался мнѣ нѣсколько разстроеннымъ, не скоро понялъ причину моего появленія, и я нѣсколько разъ долженъ былъ попросить его написать рапортъ о состояніи крѣпости, за что онъ наконецъ и принялся. Пока онъ писалъ донесеніе, я просилъ одного изъ инженеровъ записать въ мою памятную книжку о поврежденіяхъ въ крѣпости причиненныхъ бывшею канонадою, и изъ книжки этой, которая цѣла у меня и до сихъ поръ, выписываю слѣдующее: „Главный валъ на 5 бастіонѣ, куртина между 4 и 5 бастіонами повреждены; пороховой погребъ поврежденъ, но исправленъ по возможности; зданія и казематъ у Одесскихъ воротъ повреждены. На казематахъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ вырыты бомбами большія ямы“.

Когда комендантъ написалъ рапортъ, я отправился обратно, и также не замѣтно миновавъ непріятельскія лодки, мы уже прошли фарватеръ лимана, когда передъ нами въ лѣвой рукѣ показалась черная полоса, на которую я обратилъ вниманіе гребцовъ и спросилъ, берегъ ли это, „точно такъ“ отвѣчали они; замѣтивъ однако же, что эта полоса двигается, я незамедлилъ увидѣть зловѣщій силуэтъ парохода, идущаго на пересѣчку нашего курса, при чемъ главная задача состояла въ томъ, чтобы пройти у него подъ носомъ. У

насъ были приняты обычныя предосторожности: весла были обмотаны каболкою, а гребцамъ приказано было какъ можно тише опускать вёсла въ воду; отбросивъ теперь все это въ сторону, я приказалъ грести что есть мочи и мы прошли „спереди его“. Мы провели еще минуту или двѣ въ тревожномъ ожиданіи, не поворотитъ ли пароходъ за нами, или не пуститъ ли по насъ картечью; но ничего этого не случилось. Впослѣдствіи, бывши съ своимъ фрегатомъ въ Мальтѣ, за обѣдомъ у главнаго командира адмирала Fanshaw'а, я сошелся съ командиромъ этого парохода, и разговорясь узналъ, что онъ дѣлалъ ночью промѣръ для входа большихъ судовъ въ лиманъ, и самъ старался не быть открытымъ, и потому на шлюпку не обращалъ вниманія. По возвращеніи въ квартиру, я нашелъ записку отъ графа Шувалова, который извѣщалъ меня, что генералъ не можетъ разрѣшить мнѣ отправиться въ Кинбурнъ, такъ какъ я присланъ сюда Его Высочествомъ Генералъ-Адмираломъ, и не нахожусь въ его распоряженіи. Я отправился немедленно къ генералу, чтобы сообщить о своей поѣздкѣ, и оправдать свой шагъ вынужденный неизбѣжностью, и безъ коего я оставилъ бы очень долго Николаевъ въ неизвѣстности относительно участи крѣпости. Генералъ мнѣ замѣтилъ, что онъ очень радъ, что все кончилось успѣшно, но что въ случаѣ неудачи я подвергся бы вѣроятно суду. Потомъ онъ прибавилъ, что такъ какъ я самъ былъ въ крѣпости то самъ и долженъ отвести Государю Императору донесеніе Кохановича.

Когда я прибылъ въ Николаевъ, то Государь

Императоръ былъ уже за столомъ, гдѣ было много приглашенныхъ, и камердинеръ, взявъ отъ меня конвертъ и сказавъ, что я приглашаюсь къ обѣду и указавъ приборъ, передалъ конвертъ Его Величеству. Государь Императоръ по прочтеніи освѣдомившись, что я привезъ донесеніе и былъ самъ въ крѣпости, подозвалъ меня, и я, вставъ съ своего мѣста, разсказалъ что видѣлъ; Государь Императоръ милостиво благодарилъ меня; за обѣдомъ же было получено извѣстіе о взятіи Кинбурна; не взирая на это печальное извѣстіе, такъ какъ это было 5-го октября т. е. годовщина перваго бомбардированія Севастополя, Государь Императоръ изволилъ превозгласить тостъ за здоровье защитниковъ Севастополя, а послѣ обѣда, выйдя на балконъ, потребовавъ меня, Его Величество спросилъ—ожидалъ ли я такой развязки. Незнавши, что противъ Кинбурна находятся плавучія батареи, покрытыя бронею и, судя по вреду отъ выстрѣловъ двухъ дней, я конечно не могъ ожидать, чтобы крѣпость сдалась въ нѣсколько часовъ, согласно чему и отвѣчалъ. Его Высочество генералъ-адмиралъ въ этотъ же день, тутъ же послѣ обѣда, поздравилъ меня съ званіемъ Своего адъютанта, а на другой день, когда я снова отправился на свой постъ въ Очаковъ, я получилъ Св. Владиміра, къ которому въ то время присоединены были въ первый разъ мечи. Но такъ какъ я орденъ Св. Владиміра имѣлъ, то мнѣ взамѣнъ былъ присланъ Георгіевскій крестъ. Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій мнѣ впослѣдствіи говорилъ, что онъ съ своей стороны

представлялъ, что Георгій по статуту слѣдовало дать; но по малымъ результатамъ отъ этой поѣздки въ Кинбурнъ, я считалъ эту награду только особою милостію Государя Императора.

По взятіи Кинбурна, канонирскія лодки англичанъ пошли вверхъ по Бугу, и дѣлали промѣръ, перестрѣливаясь съ нашими полевыми орудіями, разставленными по берегу. Принимая въ разсчетъ ненадежную защиту Николаева, они бы могли отважиться на многое. Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій мнѣ говорилъ что онъ не одинъ разъ представлялъ Его Величеству объ опасности оставаться въ Николаевѣ; но Государь Императоръ продолжалъ оставаться въ городѣ, и эта твердость вселила увѣренность въ жителяхъ.

У многихъ изъ нихъ все было готово, чтобы выѣхать, и еслибъ только Его Величество оставилъ городъ, то Николаевъ скоро бы опустѣлъ, а это стало бы извѣстно непріятелю, и было бы весьма сильнымъ для него поводомъ сдѣлать какое либо отважное покушеніе. Не знаю, что могли бы они предпринять съ сухаго пути, но съ воды невполнѣ готовыя батареи не воспрепятствовали бы бомбардированію города и порта.

Осада Севастополя вызвала къ себѣ не свойственное тогдашнимъ войнамъ всеобщее участіе, и кромѣ того она же обнаружила явленіе, которое по опредѣленію Плутарха, составляетъ несомнѣнный признакъ доблестнаго подвига — признакъ, по словамъ его состоящій въ томъ, что у всѣхъ рождается жела-

ніе этому подвигу подражать. Дѣйствительно, многія лица, не имѣвшія ничего общаго съ Севастополемъ, знавшіе его только по названію, люди съ именемъ и съ состояніемъ стремились стать на бастіоны и сдѣлаться защитниками Севастополя; и теперь прошло уже пятнадцать лѣтъ, и совершилось много большихъ событій, а фраза: „Севастопольскіе герои, доблестные защитники Севастополя" и проч. не только не теряетъ значенія, но получаетъ какъ бы болѣе смысла при всякомъ новомъ военномъ событіи.

Въ чемъ заключалось различіе этой доблести отъ той, которая, проявилась въ русскомъ народѣ въ 1612 и 1812 годахъ? Въ этихъ годахъ государство находилось на краю гибели; интересы всѣхъ и каждаго были живо затронуты, и патріотическое чувство вызывало всѣ силы на защиту отечества. Черноморскій же флотъ и Севастополь большинству были извѣстны только по слухамъ, ходъ войны не имѣлъ близкаго вліянія на жизнь частныхъ лицъ, и даже для большинства самихъ защитниковъ Севастополя въ матеріальномъ отношеніи, не было никакой существенной пользы въ его паденіи или сохраненіи. Здѣсь проявилась военная доблесть сначала до конца.

Дѣйствительно, не было ни отступленій, ни колебаній, ни неисправности въ чемъ бы то ни было. Съ перваго момента — моряки явились съ отличными матеріальными средствами обороны т. е. съ лучшею въ мірѣ артиллеріею, искусно ею дѣйствовали, и до послѣдняго момента Севастополь защищался съ одина-

ковымъ умѣньемъ, энергіею, а въ продолженіе всѣхъ 11-ти мѣсяцевъ защитники его стояли непоколебимо на назначенныхъ мѣстахъ, удерживаемые однимъ чувствомъ военнаго долга. Съ убылью одного главнаго начальника, его мѣсто замѣнялъ другой, съ такою же пользою, славою и одушевленіемъ; вмѣсто каждаго убитаго отличнаго командира бастіона или батареи, являлся новый, столь же безстрашный, какъ будто Севастополь представлялъ неистощимый запасъ подобныхъ людей, и какъ будто опустошительный огонь непріятеля не оставлялъ никакого впечатлѣнія.

Многіе утверждали, что такая стойкость не принесла существенной пользы потому, что Севастополь былъ все-таки взятъ, а преждевременное оставленіе его сберегло бы много людей, и не имѣло бы никакого существеннаго вліянія на ходъ войны. Въ ограниченномъ смыслѣ это быть можетъ справедливо; но въ общемъ значеніи эта упорная кровопролитная и долговременная оборона важна потому, что въ противоположность многимъ другимъ, въ особенности нынѣшнимъ военнымъ событіямъ, она подтверждаетъ возможность развить и возвысить нравственную сторону человѣка до той степени, при которой духовная его природа беретъ верхъ не только надъ матеріальными потребностями, но даже надъ самымъ важнѣйшимъ инстинктомъ — чувствомъ самосохраненія.

Для военнаго администратора и историка этотъ фактъ подтверждаетъ возможность организовать большой корпусъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ такъ, что-

бы государство имѣло въ военномъ своемъ элементѣ не разрушительную, а самую надежную нравственную и матеріальную силу.

Оборона Севастополя показала, что такая задача исполнима, и нѣтъ никакой причины думать, что рѣшеніе подобной задачи возможно только въ Черномъ морѣ и Севастополѣ. Взглянуть на условія и причины, при коихъ возможно было достиженіе такихъ результатовъ въ Черномъ морѣ весьма важно потому, что одинаковыя причины произведутъ одинаковыя послѣдствія, какъ въ Черномъ морѣ, и Севастополѣ, такъ и во всѣхъ моряхъ и портахъ; и какъ во флотѣ, такъ и въ арміи. Изъ слѣдующихъ по возможности сжатыхъ разсужденій можно видѣть, что не легко и не разомъ, а только при долговременномъ усиліи замѣчательныхъ дѣятелей, могли явиться тѣ важные результаты, которые обнаружились во время войны, и то при соединеніи многихъ благопріятныхъ условій, въ коихъ флотъ черноморскій находился, а именно: Черное море не замерзаетъ и плаваніе по немъ круглый годъ. Какъ прежнія войны, такъ въ особенности война 1828 года, а равно и борьба наша съ Кавказомъ, требовали не одинъ разъ большихъ усиленныхъ операцій всего флота, а контрабандный торгъ горцевъ съ турками вызвалъ учрежденіе постояннаго крейсерства у открытаго, негостепріимнаго и опаснаго сѣверовосточнаго берега Чернаго моря, гдѣ негдѣ было укрыться отъ господствующихъ зимою западныхъ вѣтровъ; и даже на закрытыхъ его рейдахъ, каковы Гетенджикъ и Новороссійскъ, особенно въ послѣднемъ, берего-

вые вѣтры подъ названіемъ бора губили иногда цѣлые отряды. Эти обстоятельства давали офицерамъ и командамъ такую практику, которую пріобрѣсти трудно въ другихъ плаваніяхъ.

Постоянное содержаніе нѣсколькихъ судовъ заграницею предоставляло офицерамъ возможность видѣть то, что дѣлается въ другихъ флотахъ, вносить все полезное къ намъ, и такимъ образомъ освѣжать застой, улучшать и обновлять то, что у насъ было хуже или устарѣло. Это ставило черноморскій флотъ въ возможность соперничать въ морскомъ искусствѣ съ англичанами, и дѣйствительно наши суда заграницею щеголяли передъ всѣми, какъ своими рабочими, такъ и управленіемъ въ морѣ. Политическое значеніе, которое имѣлъ Черноморскій флотъ, способствовало развитію и исправности его боевого состоянія.

Неоднократно получаемыя изъ Петербурга приказанія флоту быть готовымъ войдти въ море въ 24 часа, заставляло всѣхъ адмираловъ и командировъ держать свои эскадры и суда въ такомъ состояніи, чтобы немедленно выйдти на рейдъ, а порта имѣть такъ снабженными, чтобы требованіе это немедленно исполнить. Англійскіе морскіе офицеры не одинъ разъ посѣщали Севастополь и, понимая въ чемъ состоитъ дѣйствительность флота, неоднократно писали о грозномъ значеніи Черноморскаго флота. Отголоски этого повторяются и теперь, и до поднятаго восточнаго вопроса и конференціи, въ передовыхъ статьяхъ Times можно прочесть, что Черноморскій флотъ представлялъ лучшую морскую силу въ свѣтѣ,—какъ по размѣрамъ

и качествамъ судовъ и артиллеріи, такъ и по составу командъ.

Дѣйствительно, корабли наши въ этихъ отношеніяхъ были передовыми. На многихъ изъ нихъ вся нижняя батарея состояла изъ бомбовыхъ 68 фунтовыхъ пушекъ, чего не имѣли англичане; вооруженіе по чистотѣ, прочности и хорошей проводкѣ снастей не уступало англійскому, хотя этимъ англичане особенно щеголяли.

Когда въ послѣдніе годы своего управленія адмиралъ Лазаревъ плавалъ съ флотомъ, то можно было вполнѣ любоваться нашими кораблями, которые держались въ бейдевиндъ также круто, и всѣ маневры исполняли съ такою же легкостью и быстротою, какъ мелкія суда. Блаженной памяти Императоръ Николай требовалъ отъ Черноморскаго флота, чтобы онъ былъ всегда готовымъ орудіемъ нашей политики, и этимъ однимъ флотъ этотъ въ глазахъ Его получилъ большое значеніе. Сверхъ того, въ присутствіи Его моряки принимали столь дѣятельное и отличное участіе въ войнѣ въ 1828 году, что безъ флота врядъ ли можно было бы перейти Балканы; выдержавши штормъ на кораблѣ Императрица Марія и прижимаемый къ берегу, Государь Императоръ сроднился съ флотомъ личными воспоминаніями опасности, а это устанавливало связь между тѣми, кто вмѣстѣ терпѣлъ ее.

И такъ флотъ на Черномъ морѣ служилъ какъ для сообщеній и для защиты береговъ, такъ и для помощи военно-сухопутнымъ операціямъ и былъ необходимымъ орудіемъ нашей политики, и на южныхъ предѣ-

лахъ государства онъ игралъ главную роль, и безъ него ничто не могло быть предпринято.

Такое положеніе весьма благопріятно дѣйствовало на весь флотъ.

Всякій служащій чувствовалъ, что онъ для государства необходимъ, а такое сознаніе пораждаетъ въ человѣкѣ чувство собственнаго достоинства, и заставляетъ его служить дѣлу всѣми силами души. Никакое жалованье, никакія награды не въ состояніи заставить человѣка полюбить такъ сильно свое дѣло, какъ это дешевое, но великое средство. Уединенное положеніе Севастополя еще болѣе увеличивало въ морякахъ привязанность къ своей службѣ, такъ какъ ничто другое не развлекало ихъ вниманіе. Кругомъ море, суда, адмиралтейства и моряки—вотъ сфера, въ которой суждено было вращаться и дѣйствовать каждому. Между тѣмъ какъ кронштадтскимъ морякамъ близость столицы представляетъ столько соблазновъ и возможности избрать другой родъ дѣятельности, Севастополь, отдѣленный отъ всего, сосредоточивалъ всѣ частные и служебные помыслы съ самомъ себѣ. Особенно благопріятныя условія климата мѣстности и рейда, способствовали сближенію привычекъ обыденной жизни съ флотомъ; находясь всегда на глазахъ у всѣхъ, флотъ неизбѣжно составлялъ предметъ постояннаго вниманія. Хорошій или дурной входъ судна на рейдъ, быстрая или вялая работа, лихое управленіе на шлюпкѣ—все дѣлалось предметомъ шумныхъ споровъ, происходящихъ или въ клубѣ, или на Графской пристани; а такъ какъ притомъ близость товари-

щескихъ отношеній пораждала фамильярность, то въ спорахъ этихъ безцеремонно, публично, громко и въ глаза высказывалось одобреніе или порицаніе. Это хотя многимъ бывало непріятно, но имѣло важное значеніе для службы потому, что всякій остерегался попасться на зубокъ безпощадной молодежи, а избѣжать этого возможно было единственно только тѣмъ, чтобы дѣлатъ хорошо. Если какою нибудь уловкою и удавалось обмануть публику и пустить временно пыль въ глаза, то фальшь открывалась скоро, осмѣивалась публично, и побуждала большую часть общества усвоить для своихъ дѣйствій правило: plus être que paraitre. Отсюда явилась потребность изучать свое дѣло основательно, и всему корпусу офицеровъ сообщалось весьма дѣльное направленіе. Въ противуположность тому, что происходитъ въ Кронштадтѣ, гдѣ никто не видитъ флота, въ Севастополѣ всякое судно и всякій офицеръ зналъ, что на него всегда смотритъ нѣсколько глазъ, и что труба Нахимова или съ корабля, или съ квартиры наведена на рейдъ. Чувствуя себя подъ постояннымъ наблюденіемъ, всякій пріобрѣталъ привычку исполнять свое дѣло безукоризненно, нестолько изъ опасенія законнаго взысканія или выговора начальства, сколько изъ опасенія подвергнуться порицанію и насмѣшкамъ своихъ сослуживцевъ. Чрезъ это образовалось общественное мнѣніе, которое нигдѣ и никогда не выражалось такъ громко, ясно и опредѣлительно, какъ въ Черномъ морѣ, не взирая на то, что тамъ не было никакихъ печатныхъ органовъ для его выраженія. Но лучше и вѣрнѣе этихъ органовъ

были постоянныя сборища на Графской пристани, въ клубѣ, на бульварѣ и въ товарищескихъ кружкахъ.

Такое присутствіе безчисленнаго множества судей породило постоянный контроль, и было могущественнымъ средствомъ улучшенія каждаго. Въ такомъ настроеніи я нашелъ общество, поступивъ въ Черноморскій флотъ въ 1843 году, и на своихъ глазахъ видѣлъ перерожденіе къ лучшему многихъ лицъ, пріѣзжавшихъ сюда на службу изъ другихъ мѣстъ.

Общество офицеровъ представляло совершенную однородность потому, что всѣ воспитались въ одномъ и томъ-же морскомъ корпусѣ, были дѣти дворянъ, и большею частію морскихъ-же офицеровъ. Но оно могло бы получить характеръ обществъ нашихъ губернскихъ или другихъ глухихъ городовъ, занятыхъ интересами обыденной жизни и сплетнями, еслибъ, съ раннихъ лѣтъ жизни, не была въ нихъ въ корпусѣ вкоренена ежедневными требованіями привычка исполнять то, что одинъ разъ заведено и предписано, т. е. првиычка исполнять свой долгъ, а равно и согласовать свои выгоды съ желаніями своихъ товарищей, т. е. условно принятыми и вкорененными правилами и обычаями, которыя существовали помимо требованій начальства въ самой частной жизни, а это, не взирая на нѣкоторыя дурныя стороны воспитанія, *) способствовало съ раннихъ лѣтъ развитію

*) Значительную часть офицеровъ далеко нельзя было назвать образцовыми и лишь небольшая часть изъ нихъ пользовалась уваже-

разныхъ общественныхъ добродѣтелей. Такимъ образомъ главные начальники имѣли уже подготовленную почву и много благопріятныхъ условій для того, чтобы разумныя и клонящіяся къ пользѣ службѣ требованія исполнялись точно, охотно и съ одушевленіемъ, и отъ нихъ зависѣло дать всему корпусу офицеровъ должное направленіе.

Такая-же точно почва существовала и въ Балтійскомъ флотѣ, гдѣ было много замѣчательныхъ и съ высокимъ характеромъ офицеровъ. Но здѣсь можно сказать: что „сѣятель сѣялъ сѣмя при дорогѣ и налетѣли птицы и поклевали"; такъ много другихъ предметовъ по близости столицы увлекаютъ людей противъ воли въ общій водоворотъ, и погружали въ омутъ личныхъ интересовъ. Не говорю уже о климатическихъ и многихъ другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, препятствующихъ здѣсь вниманію морскихъ офицеровъ сосредоточиться исключительно на однихъ предметахъ морской службы. Въ черномъ морѣ при адмиралѣ Грейгѣ, флотъ комплектовался офицерами преимущественно изъ черноморскихъ гардемаринъ, т. е. дѣтей тамош-

ніемъ кадетъ; свѣдѣній въ предметахъ общаго образованія сообщалось немного; но предметы спеціальные читались хорошо. Первоначальная основная мысль системы воспитанія была вѣрна, и потому личности не всегда достойныхъ офицеровъ не могли испортить хорошихъ сторонъ самой системы, которая сообщала общность понятій, весьма полезную для государственной службы, и развивала духъ товарищества и взаимнаго контроля, и строгость исполнительности.

нихъ семействъ, большею частію инородцевъ. Изъ нихъ выходило много дѣльныхъ, храбрыхъ и отличныхъ морскихъ офицеровъ, но въ основѣ ихъ воспитанія не лежало и не могло лежать національное чувство, безъ котораго, при всей исправности по службѣ, она дѣлается болѣе или менѣе выгодной профессіей; ибо матеріальная польза государства не составляетъ главную цѣль, одушевляющую служащаго.*) Самъ я, поступивъ въ Черноморскій флотъ, такого положенія уже не засталъ, но очевидно, что при этомъ адмиралъ Грейгъ, при всемъ огромномъ нравственномъ значеніи и вліяніи, которое онъ имѣлъ въ продолженіе 17-ти лѣтняго управленія, не могъ достичь тѣхъ блестящихъ результатовъ какихъ достигъ адмиралъ Лазаревъ, при чемъ нужно принять въ разсчетъ и то, что и политическое значеніе Черноморскаго флота было далеко не таково, какимъ сдѣлалось съ 1828 г. Впрочемъ, не заставъ адмирала Грейга, я о томъ времени не могу ничего говорить по воспоминаніямъ; хотя слѣдуетъ здѣсь замѣтить, что въ исторіи Черноморскаго флота существенную важность имѣетъ то распоряженіе, въ силу коего черноморскихъ гардемаринъ стали переводить въ Балтійскій флотъ, а выпущенными изъ корпуса офицерами комплектовать Черноморскій. Была ли эта мысль самого Государя Императора, князя Меньшикова, адмирала Грейга или Лазарева? — я не знаю.

*) Впрочемъ, тамошніе инородцы не имѣли никакихъ политическихъ стремленій и, будучи съ нами единовѣрными, никогда не возбуждали никакихъ опасеній въ общественномъ мнѣніи.

Во всякомъ случаѣ однородность общества офицеровъ: подготовленныхъ и настроенныхъ уже въ корпусѣ къ точному исполненію установленныхъ правилъ и приказаній, и вообще воспитанныхъ въ строгомъ военномъ духѣ, была въ высшей степени благопріятна для службы. Начальникъ, одушевленный истиннымъ военнымъ духомъ, становился въ полную гармонію съ такимъ обществомъ, и при долговременномъ управленіи— каковы были управленіе Грейга и Лазарева—вѣрныя понятія о своемъ долгѣ и требованіяхъ военной службы, могли сдѣлаться присущими этому обществу. Чтобы судить о вѣрности взгляда адмирала Лазарева, я избираю на удачу одно изъ дѣлъ адмирала, теперь забытое и почти уже не примѣнимое въ техническомъ отношеніи, но всегда живое по вѣрности господствующей въ немъ идеи, могущей быть очень полезною и нынѣ при шаткости понятій о многихъ предметахъ, именно штатъ настоящаго вооруженія 1840 года. Это толстый фоліантъ, страницы котораго наполнены цифрами, означающими какой длины и толщины должны быть разныя деревья и веревки, какихъ размѣровъ разныя желѣзныя вещи, сколько какихъ матеріаловъ слѣдуетъ отпускать на корабли и проч., однимъ словомъ полное положеніе о снабженіи его для боя и плаванія. По видимому подобная работа есть дѣло канцелярій, департаментовъ или комиссій; и дѣйствительно, если смотрѣть на него, какъ на простую компиляцію цифръ, взятыхъ изъ разныхъ положеній, то дѣло это могъ бы исполнить всякій чиновникъ, что безпрестанно случается, какъ мы всѣ видимъ. Но Лазаревъ

смотрѣлъ на вещи иначе: и поручивъ ихъ составленіе лучшимъ капитанамъ, самъ далъ направленіе всему этому труду, и потому въ штатахъ 1840 года вездѣ видна одна господствующая мысль, чтобы корабль былъ снабженъ во всемъ съ избыткомъ, одинаково, какъ въ военное, такъ и въ мирное время. Люди невполнѣ опытные и не моряки весьма легко могли бы увлечья своими политико-экономическими, административными и другими высшими взглядами, не признавая той истины, что эти взгляды должны подчиниться требованіямъ военно-морскимъ. Они стали бы отпускать всего въ обрѣзъ, не терпѣть никакой экономіи на корабляхъ, сокращать для мирнаго времени штаты команды, всѣхъ снабженій на судахъ, въ предположеніи все это увеличить для войны; однимъ словомъ сдѣлать возможныя урѣзки, на которыя такъ искусны всегда канцеляріи, департаменты и комиссіи въ видахъ экономіи для государства.

Послѣдній способъ, конечно, экономнѣе. Но онъ грѣшитъ тѣмъ, что снимаетъ отвѣтственность со всѣхъ потому, что случись отъ недостатка положенія (что почти неизбѣжно) бѣдствіе, болѣзни, потеря сраженія, — командира нельзя будетъ привлечь къ отвѣтственности; а лица, составлявшія положенія, какъ всѣ коллективныя учрежденія, останутся вполнѣ безнаказанны. Между тѣмъ адмиралъ Лазаревъ, вводя въ положенія избытокъ ставилъ всѣхъ въ ясныя отношенія: когда на суднѣ всего довольно, командиру нѣтъ никакого оправданія, если требованія службы неисполнены въ точности. Адмиралъ съ своей стороны

увѣренъ, что онъ командира можетъ послать куда угодно, и требовать отъ него всякой службы. Многіе думаютъ, что обрѣзая штаты мирнаго времени, можно исправить зло увеличивая ихъ въ военное. Это есть полное заблужденіе. Пріучивъ всѣхъ, въ долгіи года мира къ безъотвѣтственности и безнаказанному неисполненію требованій начальства, неминуемо происходящихъ отъ недостатка снабженій, этимъ самымъ развращаютъ нравственность и основу службы, и этого зла нельзя будетъ исправить въ военное время никакими сверхсмѣтными суммами. Такимъ образомъ взглядъ адмирала Лазарева, выраженный въ штатахъ, имѣлъ существенное вліяніе на исправность и строгость исполненія требованій начальства, на полное опредѣленіе и разграниченіе отвѣтственности, безъ которой военная служба немыслима, и на достиженіе того главнаго условія морской службы, выраженнаго въ уставѣ, чтобы военный корабль, среди глубочайшаго мира, былъ точно также моментально готовъ къ бою, какъ среди самой ожесточенной войны *). Такую вѣрность взгляда и пониманія истинныхъ основаній военной службы можно открыть и во всѣхъ дѣлахъ адмирала Лазарева.

Какъ длинные столбцы цифръ этихъ штатовъ онъ

*) Вслѣдствіе такого основного условія военно-морской службы, на смотрахъ и ученьяхъ производятся тревоги. Въ февралѣ настоящаго года, въ Плимутѣ, въ бурную ненастную ночь, совершенно неожиданно по сигналу адмирала, вся англійская эскадра открыла огонь черезъ пять минутъ. И вообще правильное, спокойное и быстрое изготовленіе корабля къ бою всегда будетъ составлять щегольство судна, —потому что щегольство это имѣетъ смыслъ.

могъ одушевить и связать одною господствующею мыслью, приносившею такія важныя послѣдствія, такъ точно и всѣ его требованія и распоряженія отличались опредѣленностію и ясностью, твердостью убѣжденій и единствомъ цѣли, и вели къ тому, что въ общественномъ мнѣніи усвоились ясныя понятія о множествѣ тѣхъ требованій военно-морской службы и долга, которыя сводятся въ одну простую, ясную и высокую формулу военной присяги. Съ этими понятіями Черноморскій флотъ служилъ въ мирное время, съ ними же встрѣтилъ непріятеля и продолжалъ съ нимъ борьбу, и потому неудивительно, что Нахимовъ, Корниловъ и другіе начальники жертвовали собою охотно, чтобы поддержать до конца эти возвышенныя понятія, такъ какъ они составляютъ самый вѣрный оплотъ государства.

Многіе говорятъ, что Севастополь держался духомъ Лазарева; это въ значительной степени справедливо потому, что адмиралъ Грейгъ и Лазаревъ, управлявшіе съ большими правами въ продолженіе тридцати пяти лѣтъ Черноморскимъ флотомъ, могли дать и дурное и хорошее направленіе всему флоту. Къ сожалѣнію, порядочныхъ біографій этихъ адмираловъ нѣтъ; а тѣ, которыя имѣются, описываютъ ихъ заслуги безъ критическаго разбора руководящихъ ихъ идей, такъ что гораздо болѣе могутъ имѣть значенія тѣ безъотчетныя, похожія иногда на фетишизмъ похвалы, которыя случалось мнѣ слышать отъ бывшихъ приближенныхъ того и другого адмирала. Изъ нихъ по крайней мѣрѣ видно, что начальники эти стояли высоко не-

только въ служебномъ, но и въ нравственномъ отношеніи надъ массою подчиненныхъ. Каково было относительное ихъ вліяніе на Черноморскій флотъ, здѣсь разбирать не мѣсто, но необходимо замѣтить, что начальное корпусное воспитаніе тогдашней среды офицеровъ, т. е. воспитаніе въ чисто военномъ, и притомъ національномъ духѣ, служило надежнымъ подготовленіемъ для окончательнаго воспитанія этого общества на службѣ вліяніемъ примѣра, личнаго характера и дѣйствій начальства. Слѣдовательно, хотя въ защитѣ Севастополя духъ Лазарева безспорно игралъ важную роль, но хорошія основанія военно-морского воспитанія въ Морскомъ корпусѣ, при многихъ его недостаткахъ, имѣли и съ своей стороны не маловажное значеніе; а такъ какъ при томъ вѣрныя и ясныя понятія о требованіяхъ военной службы, хотя пріобрѣтенныя на другомъ поприщѣ дѣятельности, руководили и дѣйствіями главнаго морского начальника, т. е. князя Александра Сергѣевича Меньшикова, и выражались во всѣхъ его распоряженіяхъ и согласовались съ волею Государя Императора, то Черноморскій флотъ, сосредоточенный самъ въ себѣ, безпрепятственно усвоивалъ эти здравыя основанія, которыхъ адмиралъ Лазаревъ былъ вѣрный представитель, и ясными, и опредѣленными требованіями, твердостью воли и убѣжденій умѣлъ сдѣлать ихъ понятными и вкоренить въ массу подчиненныхъ, — почему флотъ и представилъ всѣ тѣ благопріятныя явленія во время войны, какія только можно желать въ благоустроенной части военныхъ силъ.

Итакъ, въ Черномъ морѣ мы имѣли:

1) Долго и полновластно управлявшихъ начальниковъ, и начальниковъ вполнѣ достойныхъ.

2) Большую, вполнѣ исправную массу морскихъ силъ, собранныхъ въ одномъ пунктѣ.

3) Сильно развитое и влiятельное общественное мнѣнiе, столько же полезное для улучшенія нравственной, сколько матеріальной части флота.

4) Совершенно однородное общество офицеровъ, не только по воспитанію, но и по народности, съ той поры когда уменьшилось число инородцевъ, преобладаніе коихъ было вредно потому, что они не видѣли въ Россіи своего отечества, и при всей исправности не могли быть хорошимъ примѣромъ молодежи, и вселять въ нихъ безкорыстіе къ службѣ. Нашъ народный поэтъ вѣрно угадалъ инстинктомъ и выразилъ въ нѣсколькихъ строкахъ то, на что нужно исписать томы.

„Невѣрю я французской дружбѣ",
„Невѣрю чести игрока,
и проч.

5) Полная готовность во всякое время къ бою, что вообще требуется и уставомъ, а въ Черномъ морѣ требовались еще и политикою Государства.

6) Отсутствіе различія между мирнымъ и военнытъ положеніемъ. Какъ важно это послѣднее обстоятельство, приведу тотъ примѣръ, что когда передъ восточною войною въ Мальтѣ, получена была депеша въ 10 часовъ вечера, чтобы англійскому флоту идти въ Дарданелы, то въ полночь ушли въ морѣ два фрега-

та, а съ разсвѣтомъ и весь англійскій флотъ снялся съ якоря *).

Послѣднія два условія выгодны потому, что они вызываютъ не только постоянную энергію и исправность на караблѣ, въ полку и во всякой военной части, но вызываютъ полную бдительность во всѣхъ административныхъ и хозяйственныхъ военныхъ учрежденіяхъ. Такъ, что смѣло можно сказать, что корабль или всякая военная часть въ полной боевой готовности будетъ полезнѣе и дѣйствительнѣе, чѣмъ десять кораблей или частей, которыхъ изготовленія нужно ждать три недѣли или мѣсяцъ, да и тогда командиръ не можетъ быть увѣренъ и отвѣчать за ея дѣйствительность и исправность.

Соединеніе всѣхъ означенныхъ условій дѣлало Черноморскій флотъ и нравственно, и матеріально, лучшею военною силою не только въ Россіи, но и въ цѣломъ свѣтѣ.

Съ цѣлію уничтожить столь исправную и всегда грозную часть нашихъ силъ, какимъ былъ Черноморскій флотъ, союзники объявили войну Россіи.

Князю Меньшикову, очень хорошо понимавшему и не разъ выражавшему, что для достиженія этой цѣли будутъ устремлены всѣ усилія врага, — приходилось

*) Что такая готовность не есть дѣло необычайное, а должно быть нормальное и возможно у насъ также какъ у англичанъ, упомяну, что мнѣ самому, въ крейсерствѣ съ фрегатомъ у Курляндскаго берега, случилось неожиданно получить депешу, «когда могу изготовиться идти въ Англію», на которую я отвѣтилъ, что могу идти черезъ нѣсколько часовъ.

теперь охранять цѣлость, неприкосновенность и славу этого флота. Къ сожалѣнію, не всѣ наши военные люди Петербурга понимали значеніе флота и многіе полагали, что непріятелю будетъ гораздо выгоднѣе покушеніе противъ Кавказа, чѣмъ покушеніе противъ Севастополя и Черноморскаго флота; и въ ожиданіи высадки на Кавказъ, князь Меньшиковъ былъ оставленъ со средствами, несоразмѣрно малыми для исполненія того, что ему предстояло. Когда союзники высадились, то моряки наши въ сухопутныхъ дѣйствіяхъ не могли принимать участія потому, что безъ крайности разгрузить корабли и моряковъ обратить въ солдатъ—было бы равносильно спуску флага. И такъ, пока оставалось надѣяться на малочисленную армію и на временныя укрѣпленія. Имѣя столь несоотвѣтственныя средства, и вполнѣ убѣжденный, что цѣль десанта союзниковъ—Севастополь, князь Меньшиковъ не развлекался несбыточною надеждою остановить высадку (что впрочемъ было и невозможно). Но между прочимъ надлежало рѣшиться—оставаться съ арміею въ Севастополѣ, или встрѣтить грудью непріятеля. Князь рѣшился на послѣднюю мѣру, не только какъ на болѣе отважную, но и болѣе благоразумную. Во всякомъ случаѣ отъ этого перваго шага зависѣло все! Алминское сраженіе задержало движеніе непріятеля на пять дней, а въ эти пять дней въ Севастополѣ сдѣлано было много! Не менѣе важно и то, что этотъ отважный выходъ сообщилъ тонъ всѣмъ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, не остался безъ вліянія на насъ, и на непріятеля, и избавилъ насъ отъ ужасныхъ шан-

совъ быть запертыми въ Севастополѣ и подвергнуться голоду.

Послѣ Алмы опять предстояло князю рѣшиться остаться въ Севастополѣ, ожидая наступленія непріятеля, или избрать болѣе полезную, хотя и рискованную, мѣру, и опять князь рѣшается на послѣднюю, т. е. на фланговое движеніе. Извѣстно всѣмъ, какъ порицалось оно въ свое время, и какъ вскорѣ послѣ этого всѣ сознали, что ничего лучше нельзя было придумать. Мѣра эта замѣчательна и въ тактическомъ отношеніи, такъ какъ армія наша въ числѣ 15, а самое большое, въ числѣ 17 тысячь человѣкъ, рѣшилась совершить фланговое движеніе въ присутствіи 60—70 тысячной арміи.

Алминское сраженіе и фланговое движеніе были два главныя дѣйствія, соотвѣтствующія двумъ торжественнымъ моментамъ войны, изъ коихъ въ каждомъ участь Севастополя и флота была въ крайней опасности, и только безукоризненно вѣрныя и рѣшительныя распоряженія и мѣры нашего главнокомандующаго, создавая на каждомъ шагу союзникамъ препятствія, склоняли шансы на нашу сторону. Такъ что смѣло сказать можно, что флотъ и Севастополь были выведены княземъ изъ крайняго и критическаго положенія. Разсматривая другія дѣйствія князя Александра Сергѣевича въ Крыму, какъ до высадки, такъ и послѣ оной, нельзя не замѣтить въ нихъ послѣдовательности, спокойствія, рѣшительности, обдуманности, и дальновидности; замѣчательно также и то, что непріятель менѣе всего ожидалъ имен-

но той мѣры или того дѣйствія, которыя предпринималъ князь; стоитъ упомянуть только о затопленіи кораблей, о фланговомъ движеніи, объ Инкерманской вылазкѣ и проч., и проч., и чрезъ это всегда онъ былъ такъ сказать en échec, не взирая на численное свое превосходство. Необыкновенная скромность и молчаливость *) князя касательно своихъ собственныхъ дѣйствій оставляютъ до сихъ поръ, какъ бы въ тѣни, многія изъ его весьма замѣчательныхъ дѣйствій; таково было смѣлое и рѣшительное снятіе гарнизоновъ изъ среднихъ укрѣпленій береговой линіи **); такова была избранная имъ линія севастопольскихъ укрѣпленій, которая требовала такъ много знанія мѣстности и проч. условій.

Собственно же о военныхъ его дѣйствіяхъ въ Крыму я уже сказалъ, и къ этому слѣдуетъ только прибавить, что безостановочность этихъ дѣйствій значительно оживляла войска и офицеровъ и не давала непріятелю покоя, такъ что непріятель былъ, какъ я замѣтилъ выше, всегда застигаемъ неожиданностью, а о командованіи князя Александра Сергѣевича вполнѣ можно сказать, что онъ сдѣлалъ все, что сдѣлать слѣдовало, и ничего не сдѣлалъ такого, чего не слѣдовало дѣ-

*) Въ отдѣльномъ приложеніи № 5 объяснена впрочемъ причина молчаливости князя, имъ же самимъ выставленная.

**) Князь Воронцовъ былъ занятъ войною въ Азіятской Турціи, адмиралъ Серебряковъ самъ предпринять ничего не могъ, а между тѣмъ союзные флоты уже были въ Черномъ морѣ. Князь Ал. Серг., зная положеніе береговой линіи, рѣшился самъ снять гарнизоны оной, и такимъ образомъ, не дожидая приказаній изъ Петербурга, вырвалъ 4000 человѣкъ изъ вѣрнаго плѣна.

лать. Къ такому убѣжденію пришолъ я послѣ многихъ диспутовъ, многихъ чтеній о Крымской кампаніи, и въ этомъ убѣжденіи пріятно мнѣ оставаться не только какъ бывшему адъютанту князя, и человѣку впослѣдствіи пользовавшемуся его расположеніемъ, но какъ русскому, потому что главнокомандующій выражаетъ военную опытность и интеллигенцію народа, и сознаться, что мы такого отыскать не могли, было бы крайне обидно для самолюбія народа. Къ счастію, съ полнымъ убѣжденіемъ можно сказать, что по уму и опытности, по характеру и огромнымъ свѣдѣніямъ, нашъ главнокомандующій былъ не только не ниже главнокомандующихъ союзниковъ, но по критическому положенію полуострова, Севастополя и флота, а равно по присутствію морскихъ и военныхъ силъ вмѣстѣ, онъ одинъ и могъ командовать въ Крыму съ большою надеждою на успѣхъ, чѣмъ всякій другой,—и что трудную задачу эту онъ исполнилъ безукоризненно.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

A small detachement of men, in a boat of the Britannia, commanded by Captain Vasey, first landed under a low cliff, where they remained; while a company of 23 Fusiliers, wilh the commanding officer of thier regiment, and the general of their division, Sir George Brown, landed further up. Of this party. Sir George was the first to jumpon shore. He was speedily followed by his staff, and by the quartermaster-general, and at once proceeded to reconnaitre the surrounding country. While he was doing so, a curious scene presented itself to those, who were on board some of the ships. The «Times» commissioner witnessed it, an thus graphically portrays it: — «Suddenly a Cossack crouched down, and pointed with his lance to the ascent of the cliff. The officer turned and looked in the direction. We looked too, and lo! a cocked hat rose above the horizon. Another figure, with a similar headdress, came also in view. The first was sir George Brown on foot; the second we made out to be Quartermaster-general Airey. The scene was exciting. It was evident the Russian and the Cossack saw sir George, but that he did not see them. A picquet of Fusiliers followed the General at a considerabbe interval. The Russian got on his horse, the Cossacks followed his example, and one of them contered to the left to see that the French were not cutting of their retreat, while the others stooped down over their saddle bows and rode stealthily, with lowered lances, towards the Englishmen. Sir George was in danger, but he did not know it. Neither did the Russians see the picquet advancing towards the brow of the hill. Sir George wat busy scanning the country, and pointing

out various spots to the quartermaster-general. Suddenly they turn, and slowly descend the hill—the gold sash disappears—the cocked hat is eclipsed kossacks and officers dismount, and steal along by the side of their horses. They, too, are hid from sight in a short time, and on the brow of the cliff appears a string of native carts. In about five minutes two or three tiny puffs of smoke rise over the cliff, and presently the faint cracks of a rifle are audible to the men in the nearest ships. In a few minutes more the cossacks are visible, flying like the wind towards Sevastopol, and crossing close to the left of the French lines of skirmishers. When we landed, we heard, that Sir George Brown had a near escape of being taken prisoner. He was the first to land, and pushed on without sending vicettes or men in front, though he took the precaution very fortunately, to bring up a few soldiers with him. The cossacks, who had been dodging him, made a dash when they were within less than a hundred yards. The general had to run, and was only saved fr m capture by the fire of the Fusiliers...
(Nol ns history of the Russians war tome II! page 419) *)

№ 2.

Après avoir fait le 13 Septembre une apparition devant Eupatorie toute le flotte qui couvrait un espace de 9 miles le long de la côte, et dont les derniers navires se trouvaient au dela de la ligne de l'horizon ..

Avant le débarquement, tout le monde à bord de la flotte a pu voir à 1100 yards des navires un officier russe qui longeait à cheval le rebord de la falaise accompagné de trois cosaques. Il s'avancait lentement, en comptant probablement le nombre et la disposition des vaisseaux et inscrivant des notes avec le plus grande calme dans un carnet. Cet officier resta pendant une heure, à portée des balles des

*) Казаки бывшіе со мною при первомъ залпѣ дѣйствительно разсыпались; но этаго не слѣдуетъ относить къ трусости, такъ какъ у нихъ подобно многимъ вполнѣ воинственнымъ народамъ, отдавать даромъ жизнь считается постыднымъ и большая часть пріемовъ ихъ джигитовки заключается въ томъ чтобы закрыться отъ непріятеля; а потому когда они не во фронтѣ то разсыпаться при выстрѣлахъ у нихъ почти всегда будетъ невольная мѣра осторожности.

carabines et dessinait passiblement une vue de la flotte lorsque le Highflyer accosta au rivage. Peu s'en est fallu qu'en se retirant les cosaques de son escorte ne fissent prisonnier le general sir G. Brown qui s'était avancé à pied, avec le quartiermaitre général pour prendre des disposition et qui ne fut sauvé que par la mousqueterie de quelques fusiliers dont il s'était fait suivre de loin.

(Journal de St. Pétersbourg 28 Sept. 1854),

Копія съ письма Кн. Меньшикова Государю, 29 іюня 1854.

№ 3.

По содержанію милостиваго рескрипта, которымъ Ваше Императорское Величество удостоили меня отъ 18-го сего іюня, всеподданнѣйше обязываюсь изложить мой взглядъ на настоящее положеніе Крыма, собственно въ отношеніи къ защитѣ его противъ непріятельскихъ покушеній. Непріятель, какъ предполагать можно — или сдѣлаетъ нападеніе на Θеодосію, или постарается прорваться въ Керченскій проливъ или, наконецъ, высадитъ войско въ Эвпаторіи, либо между симъ городомъ и Севастополемъ, чтобы устремиться на сей послѣдній, какъ на главнѣйшую цѣль войны, объявленной Россіи.

I. О покушеніи на Θеодосію.

Θеодосія не такой пунктъ, въ коемъ непріятель могъ бы основательно утвердиться. Гавани тамъ нѣтъ и линейныя суда должны стоять на рейдѣ, безспорно хорошемъ, но открытомъ.

Самый городъ, конечно, можетъ быть занятъ, но только съ боя и значительно превосходящею насъ силою. Потомъ непріятелю трудно будетъ защищать его съ береговой стороны, противъ нашего дѣйствія съ окрестныхъ высотъ. Сверхъ того, городъ имѣетъ такъ мало воды, что въ настоящее время и для гарнизона едва достаетъ.

Занять Θеодосію съ тѣмъ, чтобы потомъ оттуда идти на Севастополь, — едва ли можетъ быть цѣлью непріятеля, ибо пуститься чрезъ всю ширину Крыма съ войскомъ безъ обозовъ и безъ достаточнаго числа лошадей, значило бы идти рискованно,

подвергаясь въ случаѣ потери сраженія истребленію, при сомнительной возможности обратной амбаркаціи.

Скорѣе можно предполагать, что съ занятіемъ Өеодосіи, непріятель будетъ имѣть въ виду побѣгъ на Арабатъ, дабы разстроить наши подвозы. Но чтобы достичь этого укрѣпленія (которое слѣдуетъ вооружить), ему нужно будетъ взять его съ боя, что̀ можетъ оказаться не такъ легко.

II. О покушеніи овладѣть Керченскимъ проливомъ.

Безъ сомнѣнія, дѣльнѣе было бы со стороны нашихъ противниковъ стараться овладѣть этимъ пунктомъ, дабы разстроить наше каботажное плаваніе по Азовскому морю.

Къ достиженію этого существуютъ не малыя препятствія.

Во первыхъ, идти на Керчь изъ Өеодосіи, если она будетъ уже занята, что̀ сомнительно, какъ изъяснено выше, едва ли предприметъ осторожный генералъ, зная, что на протяженіи 80 верстъ, двигаясь не ввиду своего флота, ему придется каждый шагъ впередъ брать съ боя.

Во вторыхъ, высадить достаточное количество войска прямо въ Керчь также неудобно, по причинѣ тѣсноты мѣстности, недозволяющей направить вдругъ большой десантъ, что̀ служитъ уже къ облегченію нашей обороны; а ежели при томъ

въ третьихъ, покушеніе на Керчь предпримется не раньше, какъ черезъ 6-ть недѣль отъ сего времени, т. е., въ половинѣ августа,—то независимо отъ средствъ нашей защиты, оно подвергается всѣмъ случайностямъ равноденственныхъ погодъ.

Въ надлежащей защитѣ этого пункта, равно какъ и Өеодосіи, я вполнѣ полагаюсь на распорядительность генерала Хомутова и па тотъ отпоръ, который онъ дастъ непріятелю; однако не смѣю скрыть, что даже и неудачныя попытки враговъ на то, либо другое мѣсто, могутъ устрашить и разстроить каботажное наше плаваніе въ Азовскомъ морѣ. Устраненіе такого вліянія можетъ быть достигнуто, ежели Еникале и противолежащія косы азіатскаго берега будутъ укрѣплены батареями. Не говоря уже о пользѣ устройства сихъ батарей для защиты и самаго пролива, укрѣпленіе Еникале и косъ внушитъ въ каботажныхъ судовщикахъ доѣвріе къ безопасности предпринятія необходимыхъ для насъ перевозовъ.

Съ этою цѣлію я предоставилъ въ распоряженіе генерала Хомутова тѣ орудія морского вѣдомства, которыя отъ устья Дона не могли до сего времени быть доставлены въ Крымъ.

Наконецъ III о покушеніи на Севастополь.

Не признавая сбыточною экспедицію на Перекопъ, я думаю однако, что непріятель можетъ занять и укрѣпить Эвпаторію, для составленія себѣ опорнаго пункта съ цѣлію достичь главнѣйшихъ своихъ видовъ, а именно: уничтоженіе нашего флота и Севастополя.

Къ этому, конечно, будутъ направлены всѣ вражескія покушенія въ семъ краѣ.

Все изложенное выше о попыткахъ на Ѳеодосію и Керчь приводитъ меня къ тому заключенію, что отъ предпріятія на эти пункты,—предполагаю ихъ даже удачными, мы можемъ въ настоящемъ году понести хотя и значительный, но нерѣшительный вредъ.

Важнѣе всѣхъ покушеній можетъ быть — покушеніе на Севастополь.

Но при этомъ естественно представляется вопросъ: «достаточны-ли для сего настоящія наличныя силы непріятеля?»

При отдѣленіи дивизіи въ Андріанополь, при подкрѣпленіи Омеръ-паши отрядомъ и при занятіи Варны сильнымъ гарнизономъ, невѣроятно, чтобы у непріятеля осталось достаточное количество войска для успѣшнаго дѣйствія противъ Севастополя.

Но съ занятіемъ Валахіи австрійцами, ему не представляется уже надобности подкрѣплять столь значительно турокъ и тогда онъ, кажется, могъ бы отъ 50 до 60 тыс. англо-французскихъ войскъ, сверхъ еще турецкихъ, обратить на дѣйствіе противу Крыма.

Мы здѣсь имѣемъ въ строю:

въ 26 батал. 22,700 штык.
» 8 эскад. гусаръ 1,128 саб.
» $4^1/_2$ батал. 36 легк. оруд.

Сверхъ этого, я могу съ кордоновъ собрать въ резервъ отъ 5 до 6 сотъ казаковъ.

Изъ этого видно, что числительное превосходство будетъ на

сторонѣ непріятеля. Равномѣрно па его же сторонѣ будетъ и выгода, какъ въ выборѣ мѣста для высадки войскъ, такъ и въ возможности держать насъ въ недоумѣніи фальшивыми десантами.

Морской атаки онъ безъ сомнѣнія не предприметъ. Но имѣя въ своемъ распоряженіи значительно превосходящую насъ силу, поведетъ атаку берегомъ.

Высадку для этого войска онъ можетъ сдѣлать за два или за три перехода сѣвернѣе Севастополя, въ Эвпаторіи, напримѣръ, какъ изъяснено выше—и слѣдовать вдоль берега фланкируемый флотомъ.

При предполагаемой же силѣ его (отъ 50 до 60 т.), ему возможно будетъ отдѣлить часть войска или даже судовыя команды для десанта на мысъ Херсонесъ, если не для наступленій на городъ, то по крайней мѣрѣ для отвлеченія нашихъ силъ, принудивъ насъ оставить нѣсколько баталіоновъ на южной сторонѣ.

Это обстоятельство побуждаетъ желать, чтобъ въ сѣверной части Крыма расположена была еще хотя одна бригада съ ея артиллеріей, дабы нѣсколько возстановить равновѣсіе, какъ нашихъ силъ съ непріятельскими, такъ и самыхъ случайностей боя. Противъ внезапнаго нападенія, Севастополь конечно обезпеченъ достаточно, временными своими укрѣпленіями.

Но противъ правильной осады многочисленнаго врага и противъ бомбардированія съ берега,—средства нашей защиты далеко несоразмѣрны будутъ со средствами осаждающаго. Два или три батальона, которые могъ бы отдѣлить генералъ Хомутовъ въ подкрѣпленіе меня, ежели еще и самъ не будетъ удержанъ демонстраціею, едва-ли подоспѣютъ во время къ Севастополю, имѣя пройти слишкомъ двѣсти верстъ разстоянія.

Мы положимъ животы свои въ отчаянной битвѣ на защиту святой Руси и праваго ея дѣла; каждый изъ насъ исполнитъ долгъ вѣрнаго слуги своего Государя и честнаго сына отечества, но битва эта будетъ одного противъ двухъ,—чего конечно желательно бы избѣгнуть.

Все изложенное здѣсь, я счелъ моимъ долгомъ, подвергнуть благоусмотрѣнію Вашего Императорскаго Величества.

Г. Севастополь.
29 іюня 1854 г.

Copie

№ 4.

Копія и письма Кн. Меньшикова въ Петербургъ.

Au Prince *** Sevastopol le 31 Juillet 1854.

Laissez moi cher Prince vous dire quelques mots sur Sevastopol.

L'enceinte de cette place n'est pas encore achevée et l'intérieur ne presente aucun abri pour garantir les provisions de guerre et de bouche de l'effet des projectiles, à l'exception des blindages de circonstances des magazins à poudre.

Le genie est occupé à tailler les pierres pour preparer l'élevation d'une grande caserne défensive qui doit s'appliquer contre le mur d'enceinte déjà existant. Ne serait-il pas plus rationnel d'employer ces moyens à la continuation de cette enceinte et à tacher de clore le partour de la place; terminer les bastions inachevés et construire les magasins à l'epreuve.

Il faudrait arrêter un plan défensif du tracé et déterminer le mode à suivre pour relier entre elles les parties ébauchées de fortifications. S'il y a des sommes assignées pour cela, ce que je ne sais pas (car leur destination et leur distribution sont le secret des ingenieurs), il me paraitrait essentiel d'utiliser le temps qui s'ècoule à mettre Sevastopol en état de défense de préférence à d'autre travaux.

Le genie de la place a l'ordre de suivre mes indications pour l'emploi de quelques milliers de roubles destinés aux rémontes et restaurations de l'hopital et de quelques vielles toitures, mais quand il s'agit d'un travail défensif on me dit que les pies et les pioches manquent, qu'il n'y a pas de bois, que les autres moyens necessaires sont insuffisants etc.

Aussi la majorité de ce qui s'est fait ici l'a été en dehors du genie de la place, trop absorbé par la comptabilité et les écritures, pour s'occuper éffectivement d'autres choses.

Le réduit du сѣверное укрѣпленіе, ordonné il a bientôt un an, est encore à achever, tandis que les deux tours defensives en maçonnerie, independantes du genie, ont à peine exigé un mois pour leur construction et leur armement!!

Je ne puis assez me louer du bataillon des sapeurs et surtout du colonel Polzikoff. Tout se dont on le charge se fait vite et bien. Dans ce moment il termine le bastion № 6, qui a été relevé, de maniere à pouvoir battre l'espace compris entre ce bastion et la gorge de la batterie № 10, ce qui était d'autant plus essentiel, que de cet espace on voit à travers toutes les pièces de la batterie Alexandre. L'ouvrage a été revetu en majorité, par de pierres sèches, à defaut d'autres materiaux.

Si Vous partagez mon avis, cher Prince sur la necessité de donner une direction definitive et active aux travaux des fortifications permanantes à Sevastopol, il me semblerait urgent d'envoyer ici (s'il n'est pas trop occupé à Péterbourg) le Directeur Feldman qui connait quelles sont les vues de l'Empereur et les ressources du departement du Génie, et pourrait avoir des pleins pouvoirs suffisants pour détérminer sur les lieux.

1) Le tracé definitif de la place.

2) Les travaux à continuer immediatement.

3) L'emploi positif des sommes destinées aux travaux du génie.

4) Les formes sommaires de comptabilité et d'écritures dont la complication enlève le temps des affaires.

5) Aviser sur les lieux sur ce qu'il y aura à faire après l'éboulement de la grande batterie du Nord dite № 4, auquel je m'attends durant les pluies d'automne. Les murailles de ce fort sont lézardées et les terres, celles même qui ont leur talus naturel, éprouvent une poussée considérable vers la mer, au point de déranger le niveau du terreplein des pièces.

№ 5.

Въ слѣдующемъ приложеніи можно видѣть, почему, не взирая на несправедливыя обвиненія, князь А. С. Меньшиковъ не входилъ ни въ какую полемику о Крымской кампаніи. (Замѣчаніе 28). Отсюда также видно какъ подробно онъ слѣдилъ и руководилъ укрѣпленіями Севастополя. Эти замѣтки писаны рукою самаго князя, какъ я полагаю, на какія-то записки, представленныя на его разсмотрѣніе.

В. Стеценко.

20. Положительнаго предположенія не было ни о прикрытіи галерей пограничнымъ блиндажемъ, ни къ прикрытію порохового хранилища въ восточномъ заворотѣ казармы. Кажется излишнимъ будетъ упоминать о семъ обстоятельствѣ, тѣмъ паче, что средствъ къ отраженію города невозможно бы и придумать, такъ гдѣ-же могли бы достигать помимо и черезъ батарею.

21. Траверсы устроены для прикрытія отъ антиводной батареи, которую непріятель могъ бы устроить на западномъ берегу карантинной бухты въ развалинѣ Херсонеса.

22. Эта пушка обращена была на NW. и была внѣ укрѣпленія, и потому во время осады едва ли была въ дѣйствіи, — кажется не нужно о ней и упоминать.

23. Ворота предполагалось прикрыть, но не успѣли.

24. Редутъ Шварца былъ построенъ вновь и составлялъ плечной уголъ кремолярной преграды балаклавкой дороги и балки, по которой она проведена.

25. Стѣнка эта была оградою у киленбалки.

26. Батарея № 4 составляетъ замкнутое укрѣпленіе и слѣдовательно также была закрыта, но не имѣла обороны по странности ея начертанія, въ ней открыто нѣсколько амбразуръ, бойницъ и сдѣланы нѣкоторыя мелкія приспособленія для усиленія обороны.

27. Эту мысль отнести должно не къ одному лицу, вмѣсто которой сказать слѣдуетъ, что морское начальство имѣло это въ виду.

28. Кажется въ изложеніи правильнѣе сказать — полагать должно «что М. писалъ или просилъ у Горчакова и пр.», ибо частному лицу безъ указанія на документы, не слѣдуетъ говорить положительно, а время настоящее не довольно отдалено отъ событій, для обнародованія документовъ еще удерживаемыхъ правительствомъ въ негласности.

Дозв. ценз. 16 Мая 1872 г. Тип А. Траншеля, Влад. пр. 1.

ХРУЛЕВЪ.

РАЗСКАЗЪ СЕВАСТОПОЛЬЦА.

РАЗСКАЗЪ СЕВАСТОПОЛЬЦА.

Приглашеніе отъ Имени Вашего Императорскаго Высочества, ко всѣмъ знающимъ, что либо объ оборонѣ Севастополя, обязываетъ меня, участвовавшаго въ ней, разсказать все, видѣнное мною и отчасти слышанное тамъ же, въ Севастополѣ, во время болѣзни моей отъ ранъ и контузіи, хотя, разумѣется, за точность послѣдняго вполнѣ не ручаюсь; раны эти получены мною въ Севастополѣ, гдѣ я находился съ 5 іюня 1855 года, командуя 1-мъ баталіономъ Елецкаго пѣхотнаго полка.

Я всякій разъ съ гордостію вспоминаю эту оборону, какъ лучшій эпизодъ изъ боевой жизни моей, потому что предшествовавшія кампаніи въ Венгріи 1848 году, и въ Турціи 1853 г. не представляли ничего подобнаго славной оборонѣ Севастополя; вторая же,

лично для меня, оставила даже прискорбное воспоминаніе.

Прошу Ваше Императорское Высочество простить мнѣ, старому солдату, послѣднее выраженіе, но кто, сойдя со сцены, живетъ однимъ прошлымъ, тотъ невольно вспоминаетъ и хорошее и дурное.

Оставляя въ сторонѣ послѣднее, возвращаюсь къ первому, т. е. къ оборонѣ Севастополя.

Съ открытіемъ севастопольскаго музея, воспоминанія о славномъ быломъ, свѣжо представились каждому севастопольцу, и вѣроятно каждый, въ томъ числѣ и я, пожелалъ принести хоть малѣйшую лепту на это дѣло. По этому, въ началѣ 1869 года, я составилъ описаніе двухъ, болѣе выдававшихся изъ видѣннаго мною эпизодовъ, а именно: 1) дни предшествующій и послѣдующій штурму 6-го іюня 1855 г. послѣ котораго достался мнѣ французскій штуцеръ и 2) обстоятельства сопровождавшія эпизодъ полученія Тотлебеномъ раны, на другой день послѣ упомянутаго штурма, о чемъ мнѣ не случалось нигдѣ читать. Эти описанія отдѣльно я препроводилъ къ генералъ-адъютанту Тотлебену, испрашивая разрѣшенія на отправленіе въ музей выше упомянутаго штуцера.

Желаніе Вашего Императорскаго Высочества собрать все истинное, относящееся къ защитѣ Севастополя, обязываетъ меня соединить вышеупомянутыя два описанія и дополнить ихъ подробностями, не ускользнувшими отъ моего вниманія при исполненіи обязанностей строеваго начальника, причемъ нерѣдко ускользаетъ изъ виду то, что происходитъ внѣ круга

его дѣйствій. За мой же посильный трудъ прошу милостиваго снисхожденія.

Не вдаваясь въ политическія соображенія, заставившія оставить въ Бесарабіи на зимнихъ квартирахъ войска, отступившія въ предѣлы Имперіи послѣ снятія осады крѣпости Силистріи, начну съ того, что въ октябрѣ мѣсяцѣ 1854 года дошли до насъ слухи (безъ подробностей) о высадкѣ непріятеля въ Крыму, Альминскомъ сраженіи и обложеніи Севастополя.

Съ тѣхъ поръ, ожидая приказанія о выступленіи въ Крымъ, мы начали готовить отдохнувшія части свои къ будущимъ дѣламъ, участвовать въ которыхъ казалось намъ неминуемо.

Въ послѣдствіи мы узнали, что нѣкоторыя войска изъ нашей арміи были уже отправлены въ Крымъ, въ томъ числѣ изъ нашего корпуса 8 пѣхотная дивизія.

Наконецъ, и Елецкому пѣхотному полку, въ которомъ я имѣлъ честь командовать съ 1848 г. 1 баталіономъ, приказано было двинуться усиленными переходами въ Крымъ, куда мы и прибыли въ апрѣлѣ, и поступили въ Евпаторійскій отрядъ, въ которомъ не участвовали однако ни въ какихъ дѣлахъ; въ половинѣ мая насъ подвинули ближе къ Севастополю, и мы расположились лагеремъ на рѣкѣ Бельбекѣ, войдя въ составъ отряда генералъ-адъютанта Реада. 29 мая мы подвинулись на Мекензіевы высоты и, наконецъ, 3-го іюля вступили въ Севастополь.

Ни разсказы, какіе довелось намъ слышать о происшедшемъ уже въ Севастополѣ, объ испытаніяхъ и жертвахъ, понесенныхъ его защитниками, ни громъ

орудій, привѣтствовавшихъ наше вступленіе, ни встрѣчи страдальцевъ, выбывавшихъ изъ строя, ни даже видъ смерти, представлявшійся на сѣверной сторонѣ города множествомъ могилъ — все это не только не уменьшило нашего стремленія соединиться съ ратными товарищами, напротивъ, оно усилилось, особенно припомнивши вычитанное въ донесеніяхъ главнокомандующаго о самоотверженіи и подвигахъ царственныхъ лицъ, названныхъ „русскими молодцами".

Полку нашему, бывшему тогда въ 4-хъ баталіонномъ составѣ, указано было расположиться въ разныхъ мѣстахъ за Доковой стѣной, въ которой, уже тогда, просвѣчивали пробоины отъ непріятельскихъ ядеръ. Командуемый мною баталіонъ занялъ мѣсто по обѣимъ сторонамъ дороги, ведущей изъ города къ укрѣпленіямъ, сквозь ворота въ Доковой стѣнѣ, на небольшомъ пространствѣ, примыкая съ одной стороны къ стѣнѣ морскихъ казармъ, съ другой — къ спуску въ доки.

Движеніе массы людей на этой мѣстности вѣроятно замѣчено было непріятелемъ, потому что онъ послалъ намъ нѣсколько гранатъ, которыя ударялись большею частію о стѣны казармъ и доковъ; одна только, попавшая рикошетомъ въ ворота, оторвала ногу проходившему черезъ дорогу бравому унтеръ-офицеру 1-й гренадерской роты.

Съ наступленіемъ сумерокъ, полкъ былъ раздробленъ для ночныхъ работъ по разнымъ мѣстамъ. На долю моего баталіона досталось воздвигать вторую оборонительную линію, начатую уже на протяженіи

отъ морскихъ казармъ до Малахова кургана, впереди доковой стѣны. Матеріалъ для этого сооруженія велѣно было брать, за недостаткомъ земли, изъ стѣны, ограждавшей морской госпиталь, находившійся впереди и немного правѣе казармъ; для разбивки этой стѣны, за неимѣніемъ другихъ инструментовъ, кромѣ кирокъ, солдаты употребляли въ дѣло камни и ядра, валявшіеся вблизи работъ; стѣна оказалась построенною, какъ и всѣ зданія въ городѣ, изъ песчаника. При этомъ одинъ изъ солдатъ нашелъ ударную гранату, снабженную капсюлями; не зная свойствъ этого снаряда, онъ и его употребилъ въ дѣло, но при первомъ же ударѣ въ стѣну гранату разорвало, и осколки ея ранили двухъ человѣкъ, а виновникъ тутъ же убитъ. Послѣ этого случая солдаты до подобныхъ гранатъ уже не дотрогивались, а закапывали ихъ въ землю.

Слѣдующіе день и ночь прошли такимъ же порядкомъ; съ разсвѣтомъ работы оканчивались, люди отходили на свои мѣста, за Доковую стѣну, приводили въ порядокъ одежду и аммуницію, обѣдали и ложились спать. Такой порядокъ былъ заведенъ съ тою цѣлью, что бы солдаты послѣ ночныхъ работъ подкрѣпились и отдохнули, а поужинавши до сумерокъ, были бы вновь готовы для ночныхъ предпріятій.

Съ разсвѣтомъ 5 числа юля непріятель открылъ усиленную пальбу по всѣмъ нашимъ батареямъ, и продолжалъ ее весь день и всю ночь. Днемъ наши равносильно отвѣчали, а ночью дѣйствовали только изъ мортиръ, зарядивши прочія орудія картечью на случай штурма.

Во время этой адской бомбардировки, людямъ приказано было укрыться частью во дворѣ казармъ, частію за Доковой стѣной, но предосторожность эта только отчасти уменьшила число жертвъ, такъ какъ вблизи батарей не было мѣстности, которая могла бы насъ закрыть.

Разрывные снаряды, пущенные навѣсно, пробивали крыши и потолки зданія, и разрывались внутри съ ужаснымъ громомъ; другіе, разрываясь въ воздухѣ, наносили смерть и раны; менѣе прочихъ причиняли намъ вреда прицѣльные выстрѣлы сплошными снарядами.

Простоявши такъ цѣлый день, въ сумерки я получилъ приказаніе отвести баталіонъ, за 4-й бастіонъ и находиться тамъ вблизи церкви, позади батареи, построенной поперегъ улицы, на случай нападенія непріятеля на этотъ бастіонъ, который былъ, какъ я тогда узналъ, сильно контръ-минированъ. И тутъ бомбы падали и трескались кругомъ, но не причинили намъ большаго вреда; только нѣсколько попало черезъ крышу во внутрь церкви и взрывами сильно ее попортили.

Передъ разсвѣтомъ пальба усилилась до страшной степени, но съ разсвѣтомъ адскій огонь этотъ вдругъ прекратился въ центрѣ непріятельскихъ батарей, и тогда мы узнали, что непріятель бросился штурмовать наши укрѣпленія, лежащія лѣвѣе насъ, а именно: 3-й бастіонъ, батарею Жерве, и Малаховъ курганъ.

Тогда же я получилъ приказаніе отъ князя Василь-

чикова поспѣшить съ баталіономъ за южную бухту, на батарею Жерве, лежащую правѣе Малахова кургана, на ровной мѣстности, соединенную съ нимъ, по косогору, брустверомъ и оканчивающуюся надъ спускомъ въ Доковую балку, за которой господствовалъ 3 баталіонъ, обстрѣливавшій устье балки.

Пробѣжавъ это не малое разстояніе довольно скора, потерявъ нѣсколько человѣкъ на мосту черезъ бухту, на который были направлены выстрѣлы, я прибылъ съ баталіономъ на батарею Жерве къ исходу дѣла, и непріятель на всѣхъ пунктахъ скоро былъ побѣдоносно отраженъ съ огромнымъ урономъ.

Батарея Жерве представляла свѣжіе слѣды страшнаго побоища. Нѣсколько сотъ отважнѣйшихъ французовъ ворвавшихся черезъ амбразуры и по Доковой балкѣ во внутрь батареи, успѣли было оттѣснить находившійся на ней баталіонъ, но съ прибытіемъ 5 роты Сѣвскаго пѣхотнаго полка подъ командою штабсъ-капитана Островскаго (убитаго тутъ же) наши, воодушевленные генераломъ Хрулевымъ, соединились и совершенно уничтожили французовъ, и на батареѣ, на каждомъ шагу, по одиночкѣ и группами, лежали убитые враги не рѣдко въ перемежку съ храбрыми Сѣвцами, погибшими въ рукопашномъ бою.

Эта ужасная картина смерти была для насъ, вновь прибывшихъ защитниковъ батареи, поучительнымъ примѣромъ самоотверженія и храбрости.

Одновременно прибылъ на батарею и 3-й баталіонъ нашего полка, который черезъ нѣсколько часовъ былъ переведенъ на Малаховъ курганъ.

Расположивъ роты на главнѣйшихъ пунктахъ и разставивъ стрѣлковъ по банкету, я приказалъ наблюдать за непріятелемъ и направлять выстрѣлы по показывавшемуся непріятелю, который послѣ штурма не слишкомъ однако насъ безпокоилъ, стрѣляя лишь навѣсно. При этомъ одна бомба попала въ роту 3-го баталіона, при паденіи разорвалась и ранила нѣсколькихъ человѣкъ нижнихъ чиновъ и командира баталіона, а одного унтеръ-офицера перебросила черезъ брустверъ, во рву котораго едва могли подобрать куски его тѣла и одежды.

Окончивъ распоряженія по баталіону, я съ большимъ любопытствомъ сталъ осматривать мѣстность, по которой шли, и на которой погибли штурмовыя колонны непріятеля.

Глазамъ моимъ представилась по истинѣ поразительная картина. Отъ Малахова кургана по покатости его къ Доковой балкѣ, саженей на 300 и болѣе впереди нашихъ укрѣпленій, поле завалено было погибшими французами, а за балкой, передъ 3-мъ бастіономъ—англичанами. Казалось, многія тысячи людей покоились послѣ тяжелаго труда. Кое-гдѣ, при наступившемъ уже зноѣ, можно было видѣть приподнимавшихся и переворачивавшихся въ агоніи раненыхъ; тѣ изъ нихъ, раны которыхъ были менѣе опасны, полулежа или сидя снимали съ себя одежду и разрывая ее перевязывали раны; другіе протягивали къ намъ руки, умоляя жестами утолить ихъ жажду.

Не одно солдатское сердце стремилось помочь этимъ бывшимъ врагамъ, теперь безвреднымъ уже лю-

днямъ, но невозможность оставить батарею и опасеніе подвергнуть себя и другихъ выстрѣламъ непріятеля, наблюдавшаго за нашими дѣйствіями, останавливали эти порывы.

Многіе солдаты приглашали знаками раненыхъ французовъ ползти къ намъ, показывая манерки съ водою. Одинъ изъ часовыхъ замѣтилъ, между прочимъ, что одинъ французъ ползетъ на боку, но не въ нашу сторону, а къ своимъ укрѣпленіямъ; часовой приказывалъ ему знаками остановиться или ползти къ намъ, угрожая въ противномъ случаѣ выстрѣлить изъ ружья. Нѣсколько солдатъ у сосѣдней амбразуры наблюдали это и разсуждали, когда я проходилъ мимо ихъ; остановившись, я дѣйствительно увидѣлъ, какъ этотъ французъ, едва-едва приподнимаясь на боку, проползалъ нѣсколько шаговъ и ложился какъ бы въ изнеможеніи, но все дальше и дальше отпалзывалъ отъ нашихъ укрѣпленій. Объяснивъ солдатамъ, что французъ, вѣроятно, тяжело раненъ, находится въ сознаніи и желаетъ добраться до своихъ, но что онъ не скоро въ состояніи будетъ намъ вредить, я замѣтилъ имъ, что слѣдуетъ оставить его въ покоѣ, самъ же тоже сталъ наблюдать за нимь. Болѣе получаса французъ неуклонно приводилъ въ исполненіе задуманный маневръ и, когда очутился внѣ нашихъ выстрѣловъ, за пригоркомъ, вдругъ вскочилъ на ноги и стремглавъ побѣжалъ на бывшій камчатскій люнетъ, занятый французами, доставивши намъ своей находчивостію своеобразное развлеченіе.

Съ наступленіемъ сумерокъ явились ко мнѣ пла-

ступы, назначенные въ секреты для ночныхъ наблюденій за дѣйствіями непріятеля, и которыхъ я обязанъ былъ усилить охотниками отъ баталіона. Отправивши тѣхъ и другихъ по Доковой балкѣ въ сторону непріятеля, я поспѣшилъ заняться распредѣленіемъ людей на работы для исправленія поврежденій, причиненныхъ прошедшей бомбардировкой, и тогда же были убраны изъ батареи тѣла нашихъ убитыхъ при штурмѣ.

Не прошло и получаса, какъ явился ко мнѣ изъ секретовъ унтеръ-офицеръ съ докладомъ, что за стономъ непріятельскихъ раненныхъ невозможно прислушиваться къ происходящему въ непріятельскихъ траншеяхъ, и что необходимо подобрать тѣхъ раненыхъ, которые лежатъ по пути наблюденія секретовъ.

Находясь въ распоряженіи начальника войскъ на Малаховомъ курганѣ, которымъ въ то время былъ командиръ нашей бригады генералъ - маіоръ Юферовъ, я тотчасъ же послалъ къ нему баталіоннаго адъютанта спросить разрѣшенія послать команду съ носилками, чтобы подобрать раненыхъ французовъ, и получивъ таковое, немедленно отправилъ носильщиковъ. Распоряженіе это не только не имѣло успѣха, но, напротивъ, усилило шумъ говоромъ носильщиковъ, которые, разойдясь по полю для розысканія раненыхъ, и не видя въ ночной темнотѣ другъ друга, должны были перекликаться, о чемъ вновь дали мнѣ знать изъ секретовъ. Поэтому я велѣлъ отозвать носильщиковъ на батарею; они вскорѣ возвратились,

принесли 10 человѣкъ раненыхъ, и привели одного совершенно здороваго француза. Я отобралъ у последняго штуцеръ съ кривымъ штыкомъ, въ родѣ турецкаго ятагана и сталъ его распрашивать. Онъ объявилъ, что передъ штурмомъ имъ дали изрядное количество рому, и потому, напившись пьянъ, онъ упалъ во время штурма и проспалъ до тѣхъ поръ, пока его не разбудили наткнувшіеся на него наши солдаты.

Плѣнныхъ этихъ въ тоже время я отправилъ въ комендантское управленіе, оставивъ у себя штуцеръ, изъ котораго и я, и мои стрѣлки возвращали французамъ ихъ пули, подобранные на батареѣ.

Ночь эта прошла благополучно; непріятель мало насъ безпокоилъ выстрѣлами, и мы тоже только изрѣдка стрѣляли по немъ изъ мортиръ, направляя выстрѣлы по указанію приходившихъ изъ секретовъ, когда они замѣчали какое либо движеніе въ непріятельскихъ траншеяхъ.

На другой день, послѣ обѣда посѣтилъ батарею инженеръ генералъ-маіоръ Тотлебенъ, въ распоряженіи котораго я неоднократно находился при исполненіи инженерныхъ работъ во время осады крѣпости Силистріи, гдѣ онъ состоялъ при инженеръ генералъ-адъютантѣ Шильдерѣ; при этомъ я имѣлъ случай видѣть отличныя дѣйствія его, не только какъ инженера, но и какъ военнаго распорядителя.

Распрашивая о происшедшемъ наканунѣ во время штурма, и разсматривая направленіе непріятельскаго огня, генералъ Тотлебенъ указывалъ инженерному

офицеру и лейтенанту Жерве, строителю батареи,—носившей оттого его имя—мѣста, гдѣ слѣдуетъ вновь прорѣзать амбразуры, для дѣйствія по непріятельскимъ батареямъ и подступамъ. Идя по батареѣ по направленію къ Малахову кургану, въ самомъ началѣ подъема на оный, Эдуардъ Ивановичъ почувствовалъ себя раненымъ въ ногу (кажется въ лѣвую) одною изъ штуцерныхъ пуль, во множествѣ летавшихъ къ намъ изъ непріятельскихъ траншей при маломальски замѣтномъ у насъ движеніи.

Спокойно объявивъ окружающимъ о случившемся, генералъ присѣлъ на землю въ ожиданіи цирульника, котораго я потребовалъ изъ ближайшей роты для сдѣланія первоначальной перевязки *); когда послѣдній явился, и Эдуардъ Ивановичъ приказалъ ему разрѣзать брюки и сапогъ на раненой ногѣ, чтобы удобнѣе снять послѣдній, оказалось, что пуля прошла насквозь.

Послѣ перевязки, генералъ улегся въ приготовленныя носилки, и его понесли обратно по батареѣ мимо моего балагана **), гдѣ Эдуардъ Ивановичъ позволилъ мнѣ подложить ему подъ голову кожанную подушку, и выпилъ немного вина; закуривъ сигару, онъ велѣлъ нести себя на квартиру, не обнаруживая во все это время ни малѣйшихъ признаковъ страданій, относясь хладнокровно къ случившемуся, и обнадежи-

*) Медики находились только на перевязочныхъ пунктахъ, куда переносились немедленно раненые.

**) Такъ мы называли устроенный изъ досокъ шалашъ, назначавшійся для укрытія отъ солнечныхъ лучей, и для временнаго отдыха; собственно же блиндажей на батареи не было.

вая окружающихъ своимъ скорымъ выздоровленіемъ и свиданіемъ съ ними.

Въ это время тѣла убитыхъ французовъ, разлагаясь отъ продолжительнаго лежанія на солнцѣ, давали себя чувствовать. Слѣдующая затѣмъ ночь прошла въ тѣхъ же занятіяхъ, что и прежде, но на другой день (8 іюня), часу въ 4-мъ по полудни, мы увидѣли на ближайшемъ французскомъ укрѣпленіи бѣлый флагъ, предвѣстникъ перемирія, для уборки убитыхъ.

До полученія приказанія объ этомъ на нашихъ батареяхъ, прошло можетъ быть четверть часа времени, и непріятель, видя, что у насъ подобный флагъ невыкидывается, обнаруживалъ нетерпѣніе и, какъ бы понуждая насъ къ тому, ежеминутно производилъ одиночные выстрѣлы ядрами болѣе всего по 3-му бастіону, точно на немъ долженъ былъ быть отвѣтный флагъ.

И дѣйствительно, на 3-мъ бастіонѣ вскорѣ былъ выкинутъ бѣлый флагъ, и огонь на всѣхъ укрѣпленіяхъ прекратился съ обѣихъ сторонъ.

Означена была демаркаціонная съ обѣихъ сторонъ линія, за которую перевезли на нашихъ повозкахъ убитыхъ, а тамъ уже сами французы распоряжались ими, какъ знали, и это происходило до самыхъ сумерокъ.

Во время перемирія, войска обѣихъ сторонъ всходили на валы, и казалось, будто муравьи обсыпали свои жилища, въ особенности на нашихъ укрѣпленіяхъ, непріятели же показывались гораздо въ меньшемъ количествѣ, выходя изъ однаго любопытства и уныло глядя на насъ.

Изъ разсказовъ же о бывшихъ перемиріяхъ мы

знали, что послѣ маломальски успѣшнаго для непріятелей дѣла, они, въ особенности французы, прибывъ по обязанности на линію, старались входить въ разговоры съ нашими, а тутъ даже и не подходили, досадуя вѣрно, что ихъ порядочно поколотили *).

Съ окончаніемъ перемирія, линіи часовыхъ были убраны, войска съ обѣихъ сторонъ скрылись за свои земляные валы и почти одновременно съ обѣихъ сторонъ снова грянули выстрѣлы, предвѣстники новыхъ состязаній, не разлучныхъ съ новыми подвигами, съ новыми жертвами.

Въ продолженіи двухъ недѣльнаго пребыванія моего послѣ штурма на батареѣ Жерве, особенныхъ дѣлъ не было; днемъ ружейная перестрѣлка при замѣченномъ движеніи людей и пальба изъ орудій по траншейнымъ работамъ; а ночью навѣсный огонь изъ мортиръ, — и у насъ ежедневно уносились десятки жертвъ, то на перевязочный пунктъ, то на вѣчный покой. Лишенія, неудобства жизни, истома отъ жары и насѣкомыхъ не имѣли тутъ ужъ никакого значенія.

Помню, однажды, непріятельская бомба упала на брустверъ и скатилась къ лежавшей у подошвы банкета 3-й ротѣ, разорвалась тутъ и вынесла 18 человѣкъ ранеными и убитыми. Въ другой разъ, только что люди пришли на разсвѣтѣ съ работъ, одинъ солдатикъ 2-й роты присѣлъ съ товарищами у крутого бруствера, возвышавшагося болѣе сажени, и объя-

*) Относпусь въ ра зказѣ этомъ почти исключительно къ французамъ, потому что они только и были въ виду той батареи, на которой я находился.

вилъ, кладя ружье возлѣ себя, что онъ намѣренъ умыться, помолиться Богу, и поѣвши, хорошенько отдохнуть; но, едва онъ кончилъ разсказъ о своихъ намѣреніяхъ, непріятельская штуцерная пуля почти отвѣсно ударила его въ голову, пробила темя, застряла въ мозгу, и солдатикъ тутъ же скончался.

Пришла, наконецъ и моя очередь! 20-го іюня, на разсвѣтѣ, проходя по батареѣ, я услышалъ крикъ часоваго на валу „бомба“, крикъ, которымъ онъ, замѣчая отъ сумерокъ до полнаго разсвѣта полетъ этихъ снарядовъ, предупреждалъ каждаго быть осторожнымъ, наблюдать мѣсто паденія снарядовъ, и избѣгать по возможности эти мѣста. При этомъ крикѣ я остановился и видя, что бомба летитъ по направленію къ Малахову кургану, пересталъ и думать объ опасности, тѣмъ болѣе, что зналъ, что большею частію непріятельскія бомбы бросались такъ, чтобы разрывъ ихъ происходилъ послѣ паденія, съ цѣлію наносить бо̀льшій вредъ укрѣпленіямъ и людямъ. Но вдругъ бомба, достигнувъ наибольшей высоты полета, разрывается, и я вижу, одинъ осколокъ ея, съ сильнымъ жужжаніемъ, летитъ съ правой стороны внизъ къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ. Трудно, да и невозможно было сообразить точно мѣсто паденія осколка, на который къ тому же можно было и наскочить: поэтому я не двигался съ мѣста и ожидалъ своей судьбы, какъ вдругъ получаю порядочнымъ осколкомъ ударъ сверху подъ правую руку, нѣсколько отдѣленную отъ тѣла; затѣмъ осколокъ проскользаетъ ниже груди, по поверхности живота, и отрываетъ мнѣ на

лѣвой рукѣ три пальца съ поврежденіемъ четвертаго. Стой я нѣсколько наклонившись впередъ — осколокъ пробилъ бы меня насквозь.

Ударъ въ животъ лишилъ меня на нѣсколько минутъ возможности дыханія и рѣчи. Бывшій при мнѣ для посылокъ унтеръ-офицеръ далъ знать о случившемся ближайшему ротному командиру, который и приказалъ отправить меня на носилкахъ на перевязочный пунктъ, при чемъ одинъ изъ несшихъ меня солдатъ былъ раненъ, и долженъ былъ оставить носилки.

Не смѣю описывать происходившаго на перевязочномъ пунктѣ, скажу только, что отдавъ на произволъ медиковъ мою лѣвую руку, я просилъ спасти правую и скорѣе хлороформировать меня, чтобы не видѣть и не слышать происходившаго вокругъ меня, раздиравшаго мнѣ душу. Когда я пришелъ въ чувство, вокругъ меня происходило тоже самое; у себя же я не досчитывался лѣвой ручной кисти, и консультація приговаривала вылущить въ плечѣ и правую руку. Сознавая, что это можетъ лишить меня и семью куска хлѣба, я не соглашался на подобную операцію и уродство. Въ это время вошелъ въ комнату профессоръ кіевскаго университета Гюбенетъ, котораго я неоднократно видѣлъ, квартируя съ полкомъ въ Кіевѣ. Я обратился къ нему, и просилъ принять во мнѣ участіе, и осмотрѣть мою правую руку.

Г. Гюбенетъ, устранивъ части, мѣшавшія осмотру раны, нашелъ кость неповрежденною, и счелъ возможнымъ оставить мнѣ правую руку, надѣясь на излеченіе ее, предсказавъ при этомъ невозможность владѣ-

нія ею по прежнему, отъ разрыва въ ней мягкихъ частей, въ томъ числѣ и трехъ-главаго мускула. По окончаніи перевязки, я былъ отправленъ въ госпиталь, гдѣ раны мои, не смотря на бывшее одно время гангренозное (антоновъ огонь) состояніе правой руки, начали заживать, но вслѣдствіе продолжительной неподвижности при леченіи, владѣніе правой рукой начало возвращаться только три мѣсяца спустя.

Находясь въ полномъ сознаніи во все время леченія моего, я не упускалъ изъ виду происходившаго въ городѣ, въ полку и на батареѣ, гдѣ оставилъ мой баталіонъ, и узнавалъ объ интересовавшемъ меня изъ разсказовъ посѣщавшихъ госпиталь.

Тутъ я узналъ, что командиръ полка, полковникъ Бальцъ, произведенъ въ генералъ-маіоры; что на его мѣсто назначенъ и прибылъ къ полку, гвардіи полковникъ Уструговъ, который однако, вскорѣ былъ убитъ на Малаховомъ курганѣ; извѣстія о ранѣ и смерти вице-адмирала Нахимова и о неудачѣ 4-го августа на Черной рѣчкѣ отозвались въ душѣ моей грустью.

Непріятель же, какъ-будто раздраженный покушеніемъ нашимъ на Черной, съ другаго же дня и до послѣдняго штурма, производилъ усиленную бомбардировку по всему городу, въ особенности, по лѣвой половинѣ нашей ограды, отъ бухты до 4-го бастіона.

Около половины августа полки Елецкій и Сѣвскій были смѣнены другими войсками на Малаховомъ курганѣ и батареѣ Жерве, и употреблялись для ночныхъ работъ, но при ежедневной бомбардировкѣ не избавлялись отъ жертвъ.

Наконецъ, насталъ несчастный день 27-го августа. Непріятель, усиливъ около полудня бомбардировку, ровно въ полдень, вдругъ ее прекратилъ, и густыя колонны его понеслись на наши укрѣпленія. Главнымъ пунктомъ атаки былъ Малаховъ курганъ, къ которому во время столь продолжительной бомбардировки непріятель успѣлъ подойти подступами на довольно близкое разстояніе, что способствовало ему при штурмѣ пройти это незначительное разстояніе безъ большихъ потерь и овладѣть укрѣпленіемъ; наши же войска неуспѣли по тревогѣ явиться въ достаточномъ числѣ для отраженія штурмовавшихъ.

Завладѣвъ курганомъ, непріятель тотчасъ же укрѣпилъ входъ въ него изъ города (горжу). Прибывшіе полки: Елецкій и Сѣвскій, неоднократно бросались по его скатамъ, но сильное сопротивленіе и неудобство входа дѣлали усилія нашихъ безплодными. На этихъ приступахъ генералъ Хрулевъ и начальникъ нашей (9-й) дивизіи, генералъ Лысенко, были ранены: первый въ руку, второй въ ногу; бригадный нашъ командиръ генералъ Юферовъ убитъ штуцерною пулей на вылетъ, оставшіеся послѣ нихъ начальствующими еще нѣсколько разъ пытались добраться до врага, но всѣ усилія ихъ остались тщетными, и они должны были ограничиться ружейной перестрѣлкой, до полученія подъ вечеръ приказанія: отступать къ мосту черезъ бухту на Сѣверную сторону. Къ утру другаго дня Елецкій полкъ прибылъ на сѣверную сторону въ составѣ едва $^1|_8$ части офицеровъ и нижнихъ чиновъ, сравнительно съ тѣмъ, сколько ихъ вступило въ Севастополь.

Въ тотъ же день я получилъ отпускъ для излеченія болѣзни, происходящей отъ ранъ и контузіи; я счелъ обязанностію навѣстить и проститься съ уважаемымъ всѣми начальникомъ дивизіи, генераломъ Лысенко, который несмотря на горячечное состояніе свое отъ полученной наканунѣ раны, принялъ меня, распрашивалъ о состояніи моихъ ранъ, говорилъ, что отъ своей раны не надѣется излечиться (черезъ нѣсколько дней умеръ) и прощаясь объявилъ, что я представленъ къ наградѣ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ дѣйствительно, я былъ Высочайше награжденъ золотою полусаблею съ надписью: „за храбрость“ „за отличное мужество и примѣрную храбрость при защитѣ Севастополя“, какъ значится въ грамотѣ. 1-й же баталіонъ Елецкаго пѣхотнаго полка, которымъ я имѣлъ честь командовать съ 1848 года и съ которымъ сдѣлалъ три кампаніи, въ послѣдствіи удостоился получить Георгіевское знамя, съ надписью: „за Севастополь“.

Уволенный за ранами отъ службы,

Полковникъ Θеодоръ Плющинскій.

ДВА ЭПИЗОДА

ИЗЪ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ЖИЗНИ.

Ваше Императорское Высочество.

Милостивѣйшій Государь!

Съ неподражаемымъ восторгомъ прочелъ я № 221 газеты „Правительственный Вѣстникъ", гдѣ сообщается отъ Имени Вашего Высочества ко всѣмъ знающимъ что либо достовѣрное о Севастопольской защитѣ, съ просьбою присылать на Имя Вашего Высочества все то, что кто либо имѣетъ писаннаго о Севастополѣ, или то, что знаетъ и помнитъ и можетъ написать.

Горячо отзываясь на это воззваніе, я, какъ Севастополецъ, осчастливленный наградами за защиту города, осмѣливаюсь повергнуть при семъ къ стопамъ Вашего Высочества два эпизода, сохранившихся навсегда въ моей памяти, какъ очевидца, бывшаго участникомъ знаменитой Севастопольской обороны и находивша-

гося съ охотниками полка въ траншеяхъ Корнилова и № 2-го бастіоновъ.

Исполняя Высочайшую волю и свято наблюдая въ разсказахъ истину, имѣю счастіе быть

Вѣрноподданный

Его Величества Государя моего

Отставной штабсъ-капитанъ Алексѣй Акулѣвичъ.

ДВА ЭПИЗОДА

ИЗЪ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Въ темную ночь съ 25-го на 26-ое іюля 1855 года Полтавскій пѣхотный полкъ, въ которомъ я служилъ, занималъ 2-ой бастіонъ Севастополя. Огонь на батареяхъ, какъ нашихъ, такъ и непріятельскихъ, не умолкалъ ни на минуту; бомбы и гранаты градомъ лопались постоянно, ядра и пули визжали и свистѣли; кромѣ этого треска, грома и свиста слышались стоны раненыхъ, умирающихъ и приказанія подать носилки для выноса убитыхъ и раненыхъ съ бастіона; если прибавить къ этому страшную грозу, разразившуюся въ эту ночь надъ Севастополемъ, которая продолжалась цѣлую ночь, то это выйдетъ адъ, который когда кто либо видѣлъ или увидитъ.

Въ началѣ вечера предшествовавшаго этой ужасной ночи, я ходилъ по банкету 2-го бастіона, завернувшись, отъ сильнаго дождя, въ бурку и надсматривалъ за рабочими, починявшими щеку амбразуры; въ это время подошелъ ко мнѣ унтеръ-офицеръ и обратился съ слѣдующими словами: „Ваше благородіе, васъ полковникъ требуетъ въ блиндажъ“. — “Не знаешь ли для чего, зачѣмъ?„—“Не могу знать. Они изволили сказать, чтобы тотчасъ же пожаловали“.— “Пойдемъ„.

Прихожу въ блиндажъ и вижу картину: на полу, на разостланныхъ носилкахъ, покрытыхъ кровью, сидитъ товарищъ по полку поручикъ Хамичъ, блѣдный какъ полотно и стонетъ, кругомъ нѣсколько офицеровъ, солдатъ, командиръ полка, и взятый въ плѣнъ зуавъ,— всю эту картину освѣщаетъ свѣча. Меня даже не замѣтили какъ я вошелъ, подошелъ къ полковнику и обратился къ нему съ вопросомъ—зачѣмъ онъ звалъ меня; полковникъ приказалъ мнѣ, чтобы я тотчасъ же отправился въ траншеи и принялъ бы команду надъ охотниками и секретомъ, состоявшимъ изъ пластуновъ, такъ какъ поручикъ Хамичъ раненъ пулею въ колѣно; вслѣдъ за этимъ приказаніемъ, раненый Хамичъ, не смотря на страданія свои, передалъ мнѣ револьверъ, и умирающимъ голосомъ просилъ отомстить за него; я далъ ему слово, насколько могъ, утѣшилъ его, и подъ прикрытіемъ двухъ Георгіевскихъ кавалеровъ я отправился ощупью въ траншеи, находившіяся противъ 2-го бастіона.

Вотъ какъ былъ раненъ поручикъ Хамичъ завѣ-

дывавшій до меня охотниками полка. Съ наступленіемъ сумерокъ съ командою охотниковъ онъ вышелъ изъ бастіона и направился въ траншею, занимаемую постоянно нашими охотниками; но входя въ траншею, засталъ сидящихъ въ ней зуавовъ, одинъ изъ нихъ въ упоръ выстрѣлилъ поручику Хамичу прямо въ колѣно, прочіе зуавы выскочили и убѣжали въ свою траншею; по нимъ даны были выстрѣлы; все это сдѣлалось такъ быстро, что наши солдаты не могли и опомниться. Зуавъ, ранившій поручика Хамича, былъ взятъ въ плѣнъ, его то я и видѣлъ въ блиндажѣ. Затѣмъ я очутился въ траншеяхъ и въ томъ самомъ ложементѣ, гдѣ былъ раненъ поручикъ Хамичъ. Ночь, какъ я замѣтилъ, уже была темная, хоть глазъ выколи, я и команда сомнѣвались въ томъ, что въ нашихъ ли мы траншеяхъ, сомнѣніе это разъяснилось тогда только, когда пластуны изъ секрета дали мнѣ знать, что въ траншеяхъ непріятеля идетъ усиленная работа; я послалъ на бастіонъ дать знать объ этихъ работахъ, вслѣдъ за этимъ съ нашего бастіона бросили свѣтящееся ядро, которое упало между нашими и непріятельскими ложементами; тогда ясно какъ день мы увидѣли работающихъ французовъ и турокъ, носящихъ туры и фашины, и все это въ недальнемъ разстояніи отъ насъ. Канонада и ружейная пальба усилилась; спустя нѣсколько времени, я почувствовалъ, что что-то на меня упало: оказалось, что это одинъ изъ Георгіевскихъ кавалеровъ, одинъ изъ прикрытія, состоявшій рядомъ со мною, убитый пулею, онъ то и повалился на меня какъ снопъ; я его оставилъ до разсвѣта въ

ложементѣ, а потомъ распорядился снести его на бастіонъ. Этотъ храбрый кавалеръ былъ тотъ самый, который передалъ мнѣ приказаніе явиться къ полковнику, и который взялъ въ плѣнъ зуава, ранившаго поручика Хамича. Въ эту ночь еще были убиты одинъ пластунъ и двое охотниковъ. Черезъ нѣсколько дней умеръ отъ раны и храбрый поручикъ Хамичъ.

Миръ праху вашему, добрые и храбрые товарищи! Вы свято исполнили до конца долгъ и обязанность свою.

II.

Съ 27-го іюля и по 12-ое августа 1855 года приходилось мнѣ участвовать въ нападеніи на непріятельскіе ложементы противъ Корнилова бастіона или Малахова кургана. Разскажу одно изъ этихъ нападеній. Охотники Полтавскаго полка были соединены съ охотниками Кременчугскаго и Забалканскаго полковъ подъ командою маіора Горяинова и трехъ оберъ-офицеровъ. Съ наступленіемъ сумерокъ собрались охотники этихъ трехъ полковъ и пластуны на площадку передъ башней кургана, выжидая начальника отдѣленія генерала князя Урусова, и инструкціи дѣйствія. Наконецъ вышелъ генералъ и только что поздоровался съ командами, какъ вѣстовой крикнулъ, „берегись, бомба“; дѣйствительно бомба съ оханьемъ и шипѣньемъ упала сзади командъ, впилась въ землю, треснула и отъ осколокъ ея четыре человѣка пали. Потомъ князь Урусовъ спустился вмѣстѣ съ нами въ ровъ Ма-

лахова кургана, и проводилъ насъ до ложементовъ, при этомъ переходѣ ядро просвистѣло надъ нашими головами и храбрый генералъ ободрилъ насъ всѣхъ, слова его остались у меня въ памяти: „ну ребята, это ядро полетѣло умирать, а мы, дастъ Богъ, будемъ живы“. Генералъ довелъ насъ до ложементовъ и, пожелавъ счастливаго успѣха, возвратился на курганъ. Наконецъ совсѣмъ смерклось, канонада шла своимъ чередомъ, не умолкая. Черезъ четверть часа выйдя тихо изъ ложементовъ, мы съ крикомъ ура! бросились на непріятельскіе ложементы, овладѣли ими, выбили непріятеля изъ ложементовъ, разбросали туры и фашины, захватили шанцовый инструментъ и взяли въ плѣнъ двухъ французовъ. Убитыми съ нашей стороны оказалось пять человѣкъ, раненыхъ двое. Отъ взятыхъ въ плѣнъ французовъ мы узнали, что непріятель готовится къ бомбардированію, что черезъ мѣсяцъ и исполнилось. Неподражаемо храбры были наши охотники севастопольцы, — съ нетерпѣніемъ ожидали они всегда вылазки, брать въ плѣнъ непріятеля они не любили, французовъ почему то жалѣли, а турокъ кололи безъ пощады. Какъ я могъ замѣтить, непріятель всегда избѣгалъ боя на штыкахъ, а наши солдаты, напротивъ, жаждали штыковой работы. Нѣтъ въ мірѣ солдата, который такъ бы сильно дрался на штыкахъ, какъ нашъ русскій солдатъ. Передъ описаннымъ нападеніемъ, меня разсмѣшилъ вопросъ одного изъ солдатъ охотниковъ, такъ что мы всѣ офицеры охотники смѣялись до упаду, не смотря на то, что готовились къ смерти. „Ваше благородіе, пластунъ сказывалъ,

что вчера былъ въ секретѣ, что мы сегодня будемъ выгонять изъ траншей бѣлаго арапа съ однимъ глазомъ во лбу, говорятъ, что изъ за моря какой-то изъ фараонова войска, и теперь въ ихнихъ траншеяхъ караулъ занимаетъ". Я увѣрилъ его что это правда, и потому надо этому бѣлому арапу показать насъ русскихъ, выгнать изъ траншей и разбить фараоново войско. Я увѣрилъ также и прочихъ охотниковъ, что это правда, съ этимъ мы и бросились на ложементы.

Мало осталось въ живыхъ нашихъ храбрыхъ русскихъ охотниковъ севастопольцевъ, за то кто только живъ, всякій изъ нихъ осчастливленъ Георгіевскимъ крестомъ—самой великой и достойной наградой храбраго русскаго воина.

„Севастополецъ". Штабсъ-капитанъ Алексѣй Акулевичъ

ЗАПИСКИ СЕВАСТОПОЛЬЦА

21-го пѣхотнаго Муромскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Вячеслава Константиновича полка,

капитана Дещинскаго,

БЫВШАГО У ФРАНЦУЗОВЪ ВЪ ПЛѢНУ.

ЗАПИСКИ СЕВАСТОПОЛЬЦА

21-го пѣхотнаго Муромскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Вячеслава Константиновича полка,

капитана Дещинскаго,

БЫВШАГО У ФРАНЦУЗОВЪ ВЪ ПЛѢНУ.

1855 года 1-го числа марта мѣсяца, состоя на службѣ въ Муромскомъ мушкатерскомъ полку (что нынѣ 21-й пѣхотный Муромскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Вячеслава Константиновича полкъ), въ чинѣ подпоручика, я выступилъ съ полкомъ въ военный походъ изъ д. Мирени, Бессарабской области, Кишеневскаго уѣзда (въ 20-ти верстахъ отъ Кишенева) въ Крымъ. Въ день выступленія полка, числительность онаго состояла изъ одного генерала, 4-хъ штабъ-офицеровъ, 56-ти оберъ-офицеровъ и 3316-ти человѣкъ нижнихъ чиновъ. Слѣдовали мы походомъ, и проводили несносныя скучныя дневки, ожидая съ нетерпѣніемъ скорѣйшей встрѣчи

съ непрошенными гостями въ Крыму; и вотъ 15-го апрѣля мѣсяца, полкъ въ числѣ 5-ти штабъ-офицеровъ, 55-ти оберъ-офицеровъ и 3007 человѣкъ нижнихъ чиновъ, прибылъ на позицію на Мекензіевую гору (въ 15-ти верстахъ отъ Севастополя) и сталъ бивакомъ, гдѣ мы ознакомились съ гуломъ артиллерійскихъ выстрѣловъ нашихъ враговъ, которые ежедневно щедро сыпали гибельные снаряды въ славный городъ Севастополь; огненный кругъ, опоясывавшій его, съ каждымъ днемъ стѣснялся болѣе и болѣе, и все яростнѣе извергалъ въ городъ смерть и разрушеніе, поражая храбрыхъ его защитниковъ; но и наши не молчали, отвѣчали тѣмъ-же, и геройски отстаивали родную землю, и съ достойною стойкостью возводили новыя укрѣпленія въ Севастополѣ, подъ гибельнымъ огнемъ непріятеля, чтобы не дать ему безнаказанно и на одинъ шагъ подвинуться впередъ. Мы, стоя на позиціи въ бездѣйствіи, завидывали севастопольскимъ героямъ; и вотъ 7-го числа мая мѣсяца, въ два часа пополудни, прислано съ главной квартиры, начальнику нашей дивизіи, генералъ-лейтенанту Бельгарду распоряженіе, чтобы того же дня, одинъ полкъ изъ дивизіи двинуть въ Севастополь; эта новость вдругъ пролетѣла по нашему бивуаку, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали рѣшенія начальника дивизіи, который изъ полковъ дивизіи будетъ удостоенъ этой славы, стать грудью противъ врага, на стѣнахъ Севастополя, какъ вдругъ услышали голосъ: „начальникъ дивизіи приближается къ нашему бивуаку,“—на встрѣчу его выбѣжалъ почти весь полкъ; онъ, милостиво привѣт-

ствуя насъ, поздравилъ съ выступленіемъ въ Севастополь. Чрезъ часъ мы собрались, и тутъ же былъ отслуженъ впереди нашего бивуака молебенъ, во время котораго всѣ горячо молились, прося Всевышняго Творца силъ и мужества побѣдить врага. Послѣ молебна, нѣсколько секундъ было молчаніе и тишина, и на лицахъ всѣхъ можно было замѣтить нѣкоторое душевное волненіе, — но храбрый нашъ начальникъ дивизіи не далъ намъ задуматься, съ увлеченіемъ началъ разсказывать про Четатское дѣло, въ которомъ онъ лично участвовалъ, воодушевилъ солдатъ, попрощался съ ними и скомандовалъ: „пѣсельникамъ впередъ!“ и полкъ выступилъ въ числѣ 5-ти штабъ-офицеровъ, 50-ти оберъ-офицеровъ и 2614-ти нижнихъ чиновъ, съ позиціи Микензіевой горы въ Севастополь, куда прибылъ на сѣверную сторону къ семи часамъ вечера, и гдѣ былъ остановленъ у временнаго госпиталя, расположеннаго лагеремъ въ палаткахъ. Командующій полкомъ подполковникъ Ворожченко, остановивъ полкъ, самъ отправился явиться въ главную квартиру, и вотъ мы остановились у выше сказаннаго госпиталя, взошли въ крайнія палатки, и увидѣли въ первой палаткѣ стоящіе на землѣ бѣлые деревянные гроба съ тѣлами убитыхъ офицеровъ, а рядомъ восемь палатокъ было наполнено убитыми нижними чинами, которые лежали на землѣ безъ гробовъ; нѣкоторые изъ нихъ были сильно обезображены, безъ ногъ, безъ рукъ, а нѣкоторыхъ только были собраны куски раздробленнаго тѣла, видъ былъ ужасный! Но вмѣстѣ съ тѣмъ это увеличило въ насъ жажду мести вра-

гамъ за храбрыхъ нашихъ сотоварищей. Въ девять часовъ вечера, начали переправлять полкъ на пароходѣ чрезъ бухту въ Севастополь; переправившись, мы стали на ночь бивуакомъ на корабельной части города. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ бивуака былъ трактиръ, куда офицеры полка собрались поужинать; содержатель трактира былъ грекъ, безъ руки, которую онъ потерялъ во время первой бомбардировки, и въ домѣ, гдѣ былъ трактиръ, бомбой была пробита на сквозь крыша, потолокъ и разрушенъ полъ; побесѣдовавъ до полуночи въ трактирѣ, мы вышли къ своимъ частямъ, гдѣ провели всю ночь, слѣдя за полетомъ бомбъ, ядеръ и другихъ снарядовъ; но все это въ эту ночь счастливо миновало насъ; съ разсвѣтомъ 8 мая, полкъ былъ посланъ на работу, на бастіоны 5-го отдѣленія, гдѣ въ продолженіе сутокъ было довольно тихо, но все-таки не обошлось безъ потери: штуцерная непріятельская пуля ранила въ шею храбраго нашего товарища прапорщика Стыпулковскаго *), который послѣ перевязки раны, на перевязочномъ пунктѣ, возвратился обратно въ строй, и кромѣ того ранено 5-ть человѣкъ нижнихъ чиновъ, контужено 4 человѣка нижнихъ чиновъ, и убитъ одинъ рядовой 3-й мушкатерской роты Игнатій Стадульскій, — онъ первый изъ полка имѣлъ честь встрѣтить смерть.

9-го числа мая мѣсяца, полкъ былъ расположенъ

*) Прапорщикъ Стыпулковскій, отъ полученной во второй разъ, 26 мая смертельной раны, въ Севастопольскомъ госпиталѣ умеръ.

бивуакомъ въ Ушаковой балкѣ, и занялъ гарнизонъ въ Волынскомъ, Селенгинскомъ редутахъ, и 5-ти пушечной батареѣ, гдѣ мы, расположившись, сблизились съ храбрыми матросами, находившимися на редутахъ при орудіяхъ; они своею стойкостью и неустрашимостью подавали примѣръ нашимъ солдатамъ. Этого дня убито изъ полка 1 рядовой и ранено 4 человѣка нижнихъ чиновъ.

10-го числа мая мѣсяца, ночью была возведена новая батарея и траншея, между 5-мъ и 6-мъ укрѣпленіями нашей оборонительной линіи, и непріятель покушался помѣшать нашимъ работамъ, для чего сдѣлалъ вылазку противъ нашихъ рабочихъ; но генералъ-лейтенатъ Хрулевъ съ полками: генералъ фельдмаршала князя Варшавскаго, Подольскимъ, Житомирскимъ, Углицкимъ и Минскимъ дрался съ французскою гвардіею пять часовъ сряду, подъ сильнымъ огнемъ осадныхъ батарей; нѣсколько разъ наши выбивали французовъ штыками изъ траншей и ложементовъ, превосходящихъ числомъ въ двое нашихъ, и къ разсвѣту отбросили непріятеля съ огромною для него потерею, удержавъ мѣсто за собою; мы же въ бою не участвовали, а находились на редутахъ, нами занимаемыхъ; въ продолженіе этой ночи, артиллерійскій огонь со стороны непріятеля былъ усиленный, отъ котораго мы не мало потерпѣли урону. Далѣе въ послѣдующіе дни ничего особеннаго не произошло, убыль въ людяхъ была ежедневно.

14-го числа мая мѣсяца, командующій полкомъ подполковникъ Ворожченко заболѣлъ, и въ командо-

ваніе полкомъ вступилъ командиръ 1-го баталіона полка маіоръ Бѣляевъ, того же числа въ вечеру 3-й баталіонъ (въ которомъ я состоялъ субалтернъ-офицеромъ) былъ поставленъ въ Киленъ балкѣ резервомъ, въ ротныхъ колоннахъ, и ночью, когда ротныя колонны лежали въ двухъ линіяхъ, составляя на подобіе четверки, въ очень близкомъ разстояніи рота отъ роты, шальной непріятельской бомбѣ понравилось ворваться въ пустой интервалъ между четырьмя ротами, образовавъ такимъ образомъ пятерку, и разрывомъ своимъ нарушило наше спокойствіе; контузивъ въ голову нашего баталіоннаго командира, маіора Ярмаковскаго, вынесла изъ рядовъ 3-й гренадерской роты двухъ рядовыхъ, смертельно раненыхъ осколками, одного въ животъ, а другаго въ бедро.

15-го мая мы простояли днемъ на редутахъ безъ особаго приключенія, а въ вечеру того же дня 3-й баталіонъ заступилъ на ночь въ ложементы *), и такъ какъ была лунная ночь, то мы должны были почти пробираться ползкомъ, потому что непріятельскія траншеи находились на очень близкомъ разстояніи отъ нашихъ ложементовъ, и при томъ-же они господствовали надъ мѣстностью, и всегда подобныя смѣны сопряжены были съ потерею, но мы счастливо пробрались подъ градомъ пуль на свои мѣста; разводилъ насъ

*) Впереди Волынскаго и Селенгинскаго редутовъ и 5-ти пушечной батареи, вдоль до бухты, были устроены изъ камней и туровъ не большія ложементы, гдѣ помѣщалось въ каждомъ по нѣсколько человѣкъ; днемъ эти ложементы занимали штуцерники, а на ночь заступали по очереди роты полка.

извѣстный матросъ по имени Зеленко; занявъ ложементы, я находился въ одномъ ложементѣ посреди 7 роты, вмѣстѣ съ командиромъ оной роты, штабсъ-капитаномъ Кендзерскимъ; въ ложементѣ кромѣ насъ находился юнкеръ, барабанщикъ и гарнистъ; въ продолженіе цѣлаго вечера было тихо,—ночью часовъ въ двѣнадцать съ траншей непріятельскихъ, противъ нашихъ ложементовъ, начали выходить французскіе ротныя колонны, а за ними рабочіе, и впереди своихъ траншей начали земляную работу, а колонны ихъ стали впереди рабочихъ—прикрытьемъ; люди, стоявшіе въ колоннахъ, имѣли плащи, надѣтые въ накидку и съ наружи не было видно у нихъ оружія, но должно быть имѣли оное подъ плащами; но какъ только они вышли изъ траншей, какъ были встрѣчены нами сильными залпами изъ ложементовъ, такъ что безъ всякаго сопротивленія они убрались обратно въ свои траншеи, не успѣвъ сдѣлать окопа, потому что на всемъ протяженіи была каменистая почва, почти сплошной камень, съ которымъ не такъ легко окопаться; вслѣдъ за тѣмъ завязалась сильная артиллерійская перестрѣлка, какъ съ нашей стороны, такъ и съ непріятельской, и мы находились подъ перекрестнымъ огнемъ; со всѣхъ непріятельскихъ батарей выстрѣлы были направлены на одинъ пунктъ нашихъ редутовъ, но эта канонада продолжалась не болѣе одного часа, во время которой я съ ротнымъ командиромъ чуть что не пали жертвой, а именно: ложементъ, занимаемый нами, находился на покатости горы, спадающей къ бухтѣ; непріятельская бомба упала выше нашего ложемента, а какъ почва была каменистая,

то она не могла закопаться, а упавши, начала катиться по направленію къ нашему ложементу; гарнистъ, сидя у входа ложемента, замѣтилъ вышеозначенную бомбу, выбѣжалъ и крикнулъ намъ: „ваше благородіе спасайтесь!“ вслѣдствіе чего мы бросились всѣ изъ ложемента и, пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, попадали на землю, какъ вдругъ бомбу у нашего ложемента разорвало, разрушивъ его, осколки съ камнями отъ ложемента пролетѣли благополучно чрезъ насъ, и мы, возвратившись въ ложементъ, должны были всю ночь исправлять его. Съ разсвѣтомъ наши штуцерники смѣнили насъ, а мы вступили въ Волынскій редутъ.

16-го, 17-го, 18-го и 19-го чиселъ, кромѣ незначительнаго числа убитыхъ и раненыхъ отъ обыкновенной перестрѣлки, ничего особенаго не произошло. 20-го числа мая, часовъ въ одиннадцать утра, былъ принесенъ намъ на Волынскій редутъ приказъ по южной арміи и военно-сухопутнымъ и морскимъ силамъ въ Крыму отъ 17-го мая, за № 253 *), въ кото-

*) *Копія.*

ПРИКАЗЪ.

По южной арміи.

Военно сухопутнымъ и морскимъ силамъ въ Крыму. Главная квартира у сѣверныхъ укрѣпленій г. Севастополя.

№ 253-й

17-го мая 1855 года.

Высочайшимъ рескриптомъ на мое имя, отъ 7-го числа сего мѣсяца, Ея Императорскому Величеству Благовѣрной Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ, благоугодно было извѣстить меня, что съ разрѣшенія Государя Императора, подъ личнымъ Ея Величества покровительствомъ, открытъ сборъ добровольныхъ приношеній въ пользу раненыхъ чиновъ военно-сухопутнаго вѣдомства, столь доблестно раз-

ромъ главнокомандующій сообщалъ войскамъ радостное извѣстіе о родительскомъ попеченіи о севастопольцахъ Ея Императорскаго Величества Благовѣрной Государыни Императрицы Маріи Александровны; приказъ этотъ былъ прочтенъ нами съ порывомъ счастія и радости, и въ этотъ самый день, сама судьба помогла намъ восторжествовать надъ непріятелемъ: одинъ удачный выстрѣлъ изъ нашего редута взорвалъ на непріятельской батареѣ, подъ именемъ „Канроберъ", пороховой погребъ, взрывъ этотъ былъ привѣтствуемъ нами громкимъ единодушнымъ крикомъ: „ура! да здравствуетъ наша обожаемая Царица!" 21-го, 22-го, 23-го и 24-го чиселъ продолжались обыкновенныя перестрѣлки. 25-го же числа мая мѣсяца, въ три часа пополудни, былъ замѣченъ непріятельскій пароходъ, крейсирующій въ близи Севастополя, съ котораго была пущена ракета; по этому сигналу открылось вдругъ съ осаждающей непріятельской линіи смертоносное бомбардированіе нашихъ укрѣпленій: Волынскаго, Селенгинскаго реду-

дѣляющихъ славу защиты Севастополя; для раздачи же временныхъ пособій съ собранною доселѣ суммою и разными потребностями, по волѣ Государыни Императрицы, прибылъ уже сюда коллежскій совѣтникъ графъ Віельгорскій-Матюгикинъ. Поставляя въ извѣстность ввѣренные мнѣ войска, о семъ высокомъ вниманіи къ намъ Августѣйшей Государыни нашей, которое будетъ памятно въ отечественныхъ лѣтописяхъ, предписываю настоящій приказъ прочесть передъ ротами, эскадронами, сотнями и батареями.

Да благословитъ каждый Царицу, столь живо къ сердцу принимающую труды и опасности русскаго воинства.

Подлинный подписалъ: главнокомандующій генералъ-адъютантъ князь Горчаковъ 2-й.

товъ, 5-ти пушечной батареи Камчатскаго люнета и Забалканской батареи; къ вечеру почти всѣ наши окопы были разрушены, убитыми и ранеными были наполнены наши укрѣпленія, переносить-же ихъ къ перевязочному пункту, подъ градомъ непріятельскихъ пуль, не было никакой возможности, такъ какъ мѣстность отъ нашихъ укрѣпленій къ перевязочному пункту была открытая. Вечеромъ, когда стемнѣло, назначены были рабочіе для переноски раненыхъ и убитыхъ, а равно и для исправленія укрѣпленій; подъ безостановочнымъ огнемъ непріятеля, къ разсвѣту у насъ опять было приведено все въ порядокъ, только ряды наши стали рѣже. 26-го числа, бомбардировка усилилась, и къ полудню наши редуты были такъ разрушены, что всѣ орудія должны были замолчать; находясь въ такомъ критическомъ положеніи, мы ожидали съ нетерпѣніемъ ночи, чтобы опять приняться за работу, и исправить окопы; въ два часа пополудни пріѣхалъ къ намъ на Волынскій редутъ (гдѣ я находился прикомандированнымъ того же числа къ 4-й гренадерской ротѣ) адмиралъ Нахимовъ, осмотрѣвъ редутъ, ободривъ нижнихъ чиновъ, онъ храбро подъ непріятельскими выстрѣлами отправился обратно въ городъ, обѣщая намъ къ вечеру прислать подкрѣпленіе, такъ какъ нашъ полкъ, пострадавшій не мало отъ бомбардировки, а равно и въ предыдущее время, не въ силахъ былъ занимать гарнизонъ, и имѣть къ оному резервы въ четырехъ пунктахъ, а именно: въ 5 пушечной батареѣ, Волынскомъ и Селенгинскомъ редутахъ, и Забалканской батареѣ. Лишь только выѣхалъ изъ реду-

та адмиралъ Нахимовъ, непріятельская бомба упала къ намъ въ редутъ, и отъ разрыва оной убило двухъ рядовыхъ 4 гренадерской роты, и меня контузило камышкомъ въ лѣвую бровь; перевязавъ носовымъ платкомъ лѣвый глазъ, я остался въ редутѣ, какъ вдругъ крикнулъ сигналистъ „французы бѣгутъ!" Находившіяся въ редутѣ двѣ наши роты: 4-я гренадерская и 12-я мушкатерская (изъ коихъ много людей убыло) бросились на брустверъ для встрѣчи враговъ; французскіе же зуавы, числомъ до 20,000, выступили изъ своихъ траншей и бѣгомъ, безнаказанно (такъ какъ наша артиллерія не могла дѣйствовать), бросились штурмовать наши редуты и 5-ти пушечную батарею, пользуясь превосходствомъ силъ; они мгновенно одною частью бросились на наши резервы, а другою частью окружили наши укрѣпленія, и тутъ началась рукопашная свалка, наши въ редутѣ мужественно дрались, брустверы и рвы были покрыты тѣлами и потокомъ крови, храбрый нашъ командиръ 4-й гренадерской роты, капитанъ Куницкій, распоряжался до послѣдней минуты *), но вражья пуля попала ему въ лобъ, и онъ упалъ у самой рогатки, какъ будто бы желалъ своимъ тѣломъ забарикадировать входъ непріятелю въ редутъ, который въ эту минуту сильно натиснулъ къ рогаткѣ; вслѣдъ за нимъ палъ командующій временно 12-й ротой подпоручикъ Чернопятовъ, котораго почти въ

*) Начальникъ Волынскаго редута капитанъ лейтенантъ Шестаковъ, отправился провожать адмирала Нахимона, и возвращаясь обратно въ редутъ, на пути былъ захваченъ атакующими зуавами и взятъ въ плѣнъ.

упоръ пронзили пулей на вылетъ; частички оставшихся нашихъ ротъ перебѣгали отъ одной стороны бруствера къ другой, и опрокидывали враговъ; матросы же, видя неустойку, начали заклепывать орудія, и поджигать висящіе канаты, прикрывавшіе амбразуры;—видъ былъ ужасный, и минута рѣшительная: жить или умереть! Въ редутѣ оставалось только насъ двое офицеровъ, я контуженный и подпоручикъ Краснянскій—раненый пулей въ ногу. Наконецъ, преодолѣлъ насъ непріятель, ворвался массой въ редутъ, и тогда наши солдаты начали ломать у своихъ ружей приклады; французы, обезоруживъ насъ двухъ офицеровъ и 49 человѣкъ нижнихъ чиновъ *), начали шарить въ блиндажахъ и въ пороховомъ погребѣ, изъ котораго вытащили проколотое штыкомъ тѣло храбраго матроса, который передъ самымъ штурмомъ былъ раненъ ядромъ въ ногу; лежа подъ навѣсомъ у входа порохового погреба и услыхавъ, что французы уже были въ редутѣ, онъ хотѣлъ принести жертву на олтарь отечества, и началъ крессаломъ добывать огонь, чтобы взорвать пороховой погребъ, но былъ застигнутъ французами, и умерщвленъ на мѣстѣ. Грусть и отчаяніе наше въ минуту обезоруженія трудно выразить; мы были окружены конвоемъ по распоряженію какого-то штабъ-офицера французскаго, который, записавъ наши фамиліи, очень вѣжливо пред-

*) Въ числѣ нижнихъ чиновъ, взятыхъ въ плѣнъ, было 8-мь человѣкъ матросовъ; остальными же нашими былъ заваленъ редутъ ранеными и убитыми.

ложилъ мнѣ и подпоручику Краснянскому остаться пока въ редутѣ, а нижнихъ чиновъ отправилъ къ своимъ траншеямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ начали подбирать и уносить раненыхъ, какъ своихъ, такъ и нашихъ. Внизу же за редутомъ продолжалась съ нашими резервами кровопролитнѣйшая штыковая борьба, наши грудью стояли впереди Забалканской батареи, и дрались съ французскими зуавами; тутъ палъ съ безпримѣрнымъ мужествомъ командующій полкомъ маіоръ Бѣляевъ, пронженный штыкомъ въ грудь; командиръ 2-го баталіона маіоръ Жеваховъ былъ окруженъ зуавами, и уже его вели въ плѣнъ, но замѣтивъ это, наши солдаты бросились за зуавами и отбили невредимаго маіора Жевахова. Послѣ часовой свалки, подъѣхали по бухтѣ пять нашихъ пароходовъ, и начали по смѣшанной массѣ валять картечью, отъ которой много пало съ непріятельской стороны, но досталось тутъ и нашимъ, такъ что наши должны были отступить въ Забалканскую батарею, около которой опять началась борьба, и батарея переходила изъ рукъ въ руки нѣсколько разъ, наконецъ французы преодолѣли, и оттиснули нашихъ къ Киленъ-Балкѣ, черезъ которую былъ проведенъ небольшой плавучій на бочкахъ мостъ; много здѣсь нашихъ попадало въ воду. Подкрѣпленія же нашему полку все еще не было; во время жаркой битвы у Киленъ-Балкскаго мостика явился нашъ полковой священникъ, отецъ Александръ Круглевскій, сказавъ утѣшительное слово, крикнулъ: „ребята впередъ“!—наши бросились послѣдними силами на Забалканскую батарею, и овладѣли ею, но не

надолго; черезъ нѣсколько минутъ непріятель опять опрокинулъ нашихъ; и уже къ сумеркамъ явился къ нашимъ на помощъ съ небольшимъ отрядомъ командующій Полтавскимъ пѣхотнымъ полкомъ, подполковникъ князь Урусовъ, съ помощію котораго наши опять бросились на Забалканскую батарею, и опрокинувъ непріятеля, удержались въ оной; тогда французы отступили къ укрѣпленіямъ передовой нашей линіи, изъ которыхъ въ рукахъ ихъ осталось: 5-ти пушечная батарея, Волынскій и Селенгинскій редуты, и Камчатскій люнетъ. Потеря съ ихъ стороны была громадная; а съ нашего полка 25 и 26-го чиселъ, пало убитыми: 1 штабъ-офицеръ, 8 оберъ-офицеровъ, 365 человѣкъ нижнихъ чиновъ; ранено: 1 штабъ-офицеръ, 19 оберъ-офицеровъ, и 483 человѣка нижнихъ чиновъ; безъ вѣсти пропало: 1 оберъ-офицеръ, 289 человѣкъ нижнихъ чиновъ; въ плѣнъ взято: 5 оберъ-офицеровъ и 223 человѣка нижнихъ чиновъ *).

Во время битвы, нашъ перевязочный пунктъ, наполненный ранеными, переходилъ изъ рукъ въ руки нѣсколько разъ, туда явились уже и французскіе медики, и подавали помощь нашимъ раненымъ, но онъ былъ обратно взятъ нашими, и раненные остались въ нашихъ рукахъ; наконецъ къ вечеру рукопашный бой прекратился; тогда меня вмѣстѣ съ подпоручикомъ Краснянскимъ, подъ конвоемъ, повели къ французскимъ траншеямъ; здѣсь мнѣ сдѣлалось дурно, вслѣдствіе чего я просилъ конвоирующаго сер-

*) Всѣ эти свѣдѣнія мною собраны по возвращеніи изъ плѣна.

жанта остановиться на минуту; не успѣли мы присѣсть, какъ вдругъ явилась „кантоніерка“ женщина, одѣтая въ зуавскій костюмъ, съ повѣшенными черезъ плечо двумя баклагами, и предложила мнѣ принять отъ нее рюмку коньяку, я выпилъ немного, поблагодарилъ, всталъ и мы тронулись дальше, черезъ батарею „Канроберъ“, къ перевязочному ихъ пункту, откуда посадили насъ на вьючныхъ съ креслами лошадей, и мы отправились къ французскому лагерю, куда прибыли часовъ въ 11-ть ночью, въ лагерь жандармовъ; туда были приведены и прочіе офицеры и юнкера, взятые въ этотъ день въ плѣнъ, а именно: нашего полка было офицеровъ 5-ть человѣкъ, двое сапернаго баталіона, и трое юнкеровъ пѣхотныхъ полковъ. Размѣстили насъ въ палаткахъ, окружили конвойными, и всю ночь провели съ нами французскіе офицеры, которые были къ намъ очень внимательны, предложили намъ свои постели, угощали ужиномъ; но намъ не до того было,—участь наша была ужасная, и грустно было согласиться съ тою мыслію, что насъ увезутъ, и что мы, лишившись свободы, должны будемъ оставить любимое наше отечество, и томившись въ плѣну, съ нетерпѣніемъ ожидать той минуты, когда опять судьба возвратитъ насъ подъ святыню нашихъ знаменъ. Всю ночь черезъ растворенную дверь палатки наши взоры были обращены къ Севастополю, гдѣ канонада не уставала. На другой день, 27-го мая, насъ перевели въ лагерь французской гвардіи, гдѣ насъ помѣстили въ баракѣ, въ которомъ приготовлены были койки съ постелями; гвардейцы также цѣлый день насъ уго-

щали; въ 12-ть часовъ дня, прибылъ къ намъ какой-то французскій генералъ отъ главнокомандующаго маршала Пелисье, по порученію котораго роздалъ намъ по 200-ти франковъ каждому на платье и бѣлье (такъ какъ мы взяты были изъ редутовъ въ однихъ изъ толстаго солдатскаго сукна плащахъ, и толстыхъ сапогахъ) и предложилъ намъ написать письма, для передачи черезъ парламентера въ Севастополь; мы съ радостью воспользовались его предложеніемъ, тотчасъ написали письма къ своимъ сослуживцамъ, а равно и къ роднымъ на родину *). Находясь въ подобныхъ катастрофахъ, и будучи изнуреннымъ,—такъ какъ въ продолженіе 20-ти дней мы всѣ находились на батареяхъ, и не одной ночи не раздѣвались, а равно по нѣсколько дней сапогъ неснимали,—я съ изнуренія эту ночь спалъ сномъ убитаго. На другой день, 28-го мая, французскій гвардейскій полкъ дѣлалъ намъ обѣдъ, и во время обѣда они провозгласили тостъ за здравіе Его Императорскаго Величества нашего Государя Императора,—этотъ тостъ привелъ насъ въ восторгъ; и въ бесѣдѣ ихъ можно было замѣтить много симпатіи къ русскому народу. Потомъ былъ предложенъ ими же тостъ въ честь храбрыхъ защитниковъ Севастополя. Послѣ обѣда насъ усадили на линейки и повезли къ Камышевой бухтѣ, на пароходъ французскій подъ имемемъ „Панама“. Въ Камышевой бухтѣ у нихъ былъ

*) Письма эти были отправлены того же дня и во время перемирія, для уборки тѣлъ, были переданы по принадлежности.

устроенъ на скорую руку городокъ, который они прозвали „Petit Paris“, очень красивые домики, сбитые съ досокъ, были разукрашены разными вывѣсками магазиновъ, трактировъ, кофейнъ и былъ устроенъ театръ, въ которомъ дебютировали французскіе солдаты. Къ вечеру того-же дня мы съ тихой погодой отплыли въ море, прощаясь съ берегами красиваго Крыма. На пароходѣ насъ моряки приняли очень радушно, устроили намъ особую каюту, и для насъ былъ открытъ во всякое время ихъ буфетъ, а равно за ихъ общимъ столомъ мы завтракали и обѣдали. Въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ насъ мучала морская болѣзнь, но на другой день мы пришли въ себя и немного свыклись съ морскимъ путешествіемъ, которое казалось мнѣ не совсѣмъ привлекательнымъ. Пароходъ этотъ транспортировалъ 50 человѣкъ нашихъ плѣнныхъ солдатъ, и до 300 человѣкъ французской арміи раненыхъ и больныхъ, большею частью тифозной горячкой, отъ которой ежедневно по нѣсколько человѣкъ умирало. Во время пути, видно было, что они приняли противъ насъ плѣнныхъ всѣ предосторожности: все оружіе, принадлежавшее экипажу, было запрятано, и только оставлено однимъ часовымъ. Солдаты наши были раздѣлены по десяткамъ, и каждый десятокъ подвергнутъ былъ особому надзору; продовольствіе наши солдаты получали на равнѣ съ ихъ матросами, очень порядочное, но только наши тосковали по черномъ хлѣбѣ и по борщу. На четвертый день нашего путешествія, т. е. 31-го числа мая, утромъ съ восходомъ солнца мы приближались къ Константинополю и къ очаровательной картинѣ

Босфора; забросивъ якорь у Константинополя, моряки переодѣли насъ въ свое штатское платье (чтобы въ городѣ не подвергнуть насъ преслѣдованію любопытныхъ) отправились съ нами въ городъ, гдѣ мы купили себѣ платье и другіе необходимыя вещи; къ вечеру возвратились обратно на пароходъ; а равно и въ слѣдующіе дни мы ходили въ городъ съ французскими офицерами, осматривали городъ, были во время праздника магометанъ на богослуженіи въ Софійскомъ соборѣ, который поразилъ насъ своимъ великолѣпіемъ. Насъ не пустили во внутрь собора, такъ какъ мы были въ сапогахъ *), но предложили намъ взойдти на галлерею, находящуюся вокругъ внутренности собора. На богослуженіи былъ Султанъ съ своей свитой, послѣ служенія на площадкѣ у собора султанъ сѣлъ на подведенную ему лошадь въ драгоцѣнной сбруѣ, и принималъ парадъ, который проходилъ церемоньяльнымъ маршемъ, въ такомъ же порядкѣ, какъ и у насъ, только музыка ихъ оглушительна своими барабанами, которыхъ у нихъ въ хору находится очень много и разныхъ размѣровъ; по вечерамъ мы возвращались обратно на пароходъ. 5-го числа іюня мѣсяца, утромъ прибылъ къ намъ на пароходъ какой-то господинъ, довольно порядочно говорившій по русски, въ французскомъ военномъ мундирѣ, и предлагалъ намъ поступить на службу въ формируемый имъ легіонъ, но

*) По магометанскому закону, въ мечеть никто въ сапогахъ входить не можетъ, а снимая оставляютъ таковыя въ предверіи.

мы гордо отвѣтили ему, что онъ подобнымъ предложеніемъ насъ оскорбляетъ, и что онъ видитъ передъ собою русскихъ плѣнныхъ офицеровъ, а не измѣнниковъ; послѣ чего онъ пошелъ съ этимъ же предложеніемъ къ нашимъ солдатамъ, и отъ нихъ онъ получилъ рѣшительный единодушный отвѣтъ: „не хотимъ, возвратите насъ скорѣй въ Россію, гдѣ бы мы могли продолжать честно службу Своему Государю,“ — вслѣдствіе чего этотъ господинъ сейчасъ же отъѣхалъ; и мы того же утра подняли якорь и отплыли дальше въ Средиземное море, въ которомъ 8 числа къ вечеру застигла насъ буря: качка сдѣлалась невыносимая, и морская тошнота всѣхъ насъ не привыкшихъ уложила; пароходъ лавировалъ по волнамъ огромнѣйшихъ размѣровъ; но къ нашему благополучію, 10-го числа подъ вечеръ мы приблизились къ острову Мальтѣ, видъ береговъ котораго много насъ порадовалъ. Ставъ на якорѣ у острова Мальты, мы пробыли тамъ два дня; ходили вечерами въ городъ Валетъ, (такъ какъ днемъ, по случаю невыносимой жары, невозможно было выходить) гдѣ въ то время находилась англійская гвардія; съ англійскими офицерами мы встрѣчались въ трактирѣ, но они какъ-то удалялись отъ французскихъ офицеровъ, которые въ свою очередь были къ нимъ нерасположены. 12-го числа іюня мѣсяца въ вечеру мы отплыли отъ острова, и находились въ пути еще шесть дней, во время которыхъ погода была тихая, и ничего особеннаго не произошло. 18-го числа къ полудню мы прибыли къ берегу Франціи къ

укрѣпленію города Тулона, гдѣ насъ высадили на берегъ, и подъ конвоемъ отвели въ укрѣпленіе, гдѣ мы содержались десять дней; изъ укрѣпленія никуда насъ не отпускали; къ намъ пріѣзжали изъ города много посѣтителей, большею частью дамы (и можно было замѣтить, что онѣ принадлежали къ высшему кругу городского общества), привозили съ собою обѣды, фрукты и разныя сладости, чѣмъ насъ и угощали. Десятаго дня по полученіи распоряженія отъ военнаго министра, комендантъ укрѣпленія объявилъ намъ, что ежели мы дадимъ честное слово безъ разрѣшенія никуда изъ Франціи не удаляться, въ чемъ должны дать и подписки, то намъ офицерамъ и юнкерамъ дозволятъ жить на свободѣ, въ избранномъ нами въ какомъ-либо городѣ Франціи, за исключеніемъ Парижа, а солдаты наши должны оставаться въ Тулонскомъ укрѣпленіи; вслѣдствіе чего мы дали подписки, и по совѣту французскихъ офицеровъ избрали для жительства Роанъ Клермонтскаго департамента, такъ какъ жизнь въ этомъ городѣ дешевле другихъ; намъ выдали прогоны, подорожныя и за мѣсяцъ жалованье *), и кромѣ того было прислано намъ изъ Парижа пособіе отъ нашего правительства по 50-ти рублей серебромъ каждому; и мы того же дня въ почтовомъ дилижансѣ отправились въ Марсель, гдѣ пробывъ однѣ сутки, отправились по желѣзной дорогѣ въ Ліонъ; здѣсь мы пробы-

*) Жалованье мы получали по чинамъ, наравнѣ съ ихъ офицерами.

ли два дня, и на третій день отправились дальше по желѣзной дорогѣ, и уже до избраннаго нами Роана нигдѣ не останавливались. Прибывши въ Роанъ, мы познакомились съ французскими офицерами, квартировавшими въ этомъ городѣ, съ помощію которыхъ мы отыскали себѣ очень сходно квартиру, и вмѣстѣ съ ними въ трактирѣ столовались. Армейскіе ихъ офицеры въ обществѣ были непринятые, такъ что они ни гдѣ не бывали, и вели жизнь трактирную, убивая время по вечерамъ въ кофейняхъ и трактирахъ; съ нами, какъ военные такъ и городскіе жители были очень любезны. Пробывъ въ этомъ городѣ полтора мѣсяца, мы получили объявленіе черезъ жандармскаго офицера, что назначенъ размѣнъ плѣнныхъ, и ежели кто изъ насъ пожелаетъ быть вымѣненнымъ, то тотъ долженъ отправиться въ Парижъ, откуда насъ отправятъ на родину; мы съ радостью выслушали это утѣшительное для насъ извѣстіе, и того же дня въ 12-ть часовъ ночью выѣхали изъ Роана по желѣзной дорогѣ въ Парижъ, куда прибыли утромъ на третій день, и остановились въ какомъ-то грязномъ дешовенькомъ отелѣ; занявъ нумера, мы вышли въ общую залу и потребовали завтракать; въ это время вошелъ въ залу какой-то господинъ, одѣтый въ штатское платье, и спросилъ у буфетчика гдѣ находятся русскіе офицеры, — по указанію буфетчика онъ обратился къ намъ съ русскимъ привѣтствіемъ, и объявилъ, что онъ нашъ священникъ, состоящій при бывшемъ посольствѣ въ Парижѣ, протоіерей Васильевъ. При этой встрѣчѣ радость наша была невыразимая; онъ такъ искренно принялъ въ насъ участіе, того же

дня перевезъ насъ въ лучшій отель, — денегъ у насъ было очень мало, но протоіерей Васильевъ сказалъ намъ, чтобы мы не безпокоились объ деньгахъ, что онъ получилъ отъ нашего правительства достаточную для насъ сумму, и что занятые нами въ отелѣ роскошные номера будутъ имъ уплочены; и кромѣ того выдалъ каждому изъ насъ по 100 рублей серебр. на содержаніе какъ въ Парижѣ, такъ и во время пути. На другой день онъ насъ представилъ саксонскому консулу барону Зебаху, который очень любезно насъ принялъ и предложилъ намъ свое покровительство. Въ эту пору прибыло въ Парижъ для размѣна: генералъ 1 *), штабъ офицеровъ 2, оберъ офицеровъ 31, и юнкеровъ 8 человѣкъ. На третій день баронъ Зебахъ и протоіерей Васильевъ повезли насъ выбранныхъ семь человѣкъ въ Тюльерійскій дворецъ, гдѣ представили Императору французовъ Его Величеству Наполеону III, который ласково съ нами разговаривалъ, и спросивъ сколько насъ всѣхъ возвращается на родину, вышелъ въ другую комнату, откуда черезъ минуту возвратился, держа въ рукахъ четвертушку бѣлой бумаги, на которой что-то было карандашемъ написано, — и съ этой бумажкой обратился къ генералу Бодискѣ, чтобы по оной получить отъ придворнаго казначея 2000 франковъ въ пособіе на всѣхъ 42-хъ человѣкъ; услышавъ это, мы, поблагода-

*) Генералъ Бодиско, бывшій комендантъ крѣпости Бомерзундъ, на Аландскомъ островѣ, и равно тамъ же взятые въ плѣнъ 2 штабъ-офицера и 11 оберъ-офицеровъ финскаго стрѣлковаго баталіона.

ривъ, отозвались, что нашъ Государь Императоръ много заботится о своихъ офицерахъ, и по Его Высочайшему повелѣнію мы достаточно получили пособіе отъ нашего правительства, и подобнаго подаянія принять не можемъ, и вмѣстѣ съ симъ генералъ Бодиско означенную записку положилъ на столъ и, раскланявшись, мы вышли взволнованные, что Императоръ французовъ смотрѣлъ на насъ какъ на нищихъ, предложивъ намъ пособіе по 10 рублей серебромъ, не имѣя никакихъ данныхъ, чтобы прійти къ подобному заключенію; мы всѣ были одѣты очень прилично, а равно держали себя во все время нашего плѣна съ достоинствомъ нашего званія.

Мы пробыли въ Парижѣ семь дней, въ продолженіе которыхъ старались осмотрѣть всѣ рѣдкости города. На седьмой день утромъ, протоіерей Васильевъ отслужилъ намъ напутственный молебенъ, и мы по прощавшись съ доблестнымъ достойнымъ отцомъ, протоіереемъ Васильевымъ, и поблагодаривъ за всѣ его труды и заботы объ насъ, отправились въ путь по желѣзной дорогѣ въ Берлинъ, гдѣ мы пробыли три дня; но этотъ городъ послѣ Парижа намъ показался скучнымъ; и грустно намъ было видѣть, что хотя эта нація и была намъ союзная, но ни военные, ни жители, ни самое даже правительство не оказали намъ никакого сочувствія; и когда мы хотѣли видѣть бывшій въ это время праздничный парадъ у церкви, то насъ не пропустили въ ограду церкви, а когда мы проходившему мимо воротъ, какому-то штабъ-офицеру объявили, что мы русскіе офицеры

возвращающіеся съ Франціи изъ плѣна и желаемъ видѣть ихъ парадъ,—онъ гордо отвѣтилъ намъ: „мнѣ все равно кто вы, и какое мнѣ дѣло, что вы хотите видѣть парадъ“. Мы раздосадованные отошли оттуда съ мыслью, какъ бы скорѣй оставить Берлинъ и добраться на родину; но одно насъ останавливало, что мы въ Парижѣ, имѣя много соблазна, истратились такъ, что уже въ Берлинѣ у насъ очень мало оставалось денегъ, хотя выѣзжая изъ Парижа, мы и разсчитывали съ этими деньгами доѣхать до Варшавы, но въ Берлинѣ все-таки опасались, чтобы въ дорогѣ не встрѣтить недостатокъ, поэтому начали хлопотать въ Берлинѣ черезъ наше посольство о займѣ денегъ, и вотъ насилу на третій день, мы получили въ заемъ по 30-ти рублей серебромъ *), послѣ чего мы тотчасъ же отправились въ путь дальше по желѣзной дорогѣ, и прибыли въ Варшаву 1-го августа, гдѣ явились коменданту, по распоряженію котораго получили квартиры въ городѣ, и получивъ пособіе, назначенное намѣстникомъ по 30-ти рублей серебромъ, спѣшили себѣ сдѣлать военный свой мундиръ: надѣвши его мы свободно вздохнули, и, казалось, совершенно ожили отъ какого-то летаргическаго сна. И вотъ послѣ двухъ недѣльнаго пребыванія нашего въ Варшавѣ, получено было изъ бывшаго инспекторскаго департамента распоряженіе, чтобы насъ отправить въ свои

*) Мы еще не успѣли прибыть въ свой полкъ, какъ уже послѣдовало распоряженіе въ полкъ, вычесть эти 30 руб. серебр. изъ нашего содержанія, которые были вычтены и отправлены въ Берлинъ.

полки, что насъ много обрадовало. при мысли что опять возвратимся къ своимъ сослуживцамъ; въ то же время сообщено было инспекторскимъ департаментомъ, что по повелѣнію Его Императорскаго Величества Государя Императора дозволено было намъ раненнымъ и контуженнымъ воспользоваться отпусками, съ полнымъ содержаніемъ; вслѣдствіе чего мы были освидѣтельствованы въ комендантскомъ управленіи, особою комиссіею, и этой комиссіею были составлены медицинскія свидѣтельства о ранахъ и контузіяхъ, на основаніи которыхъ мы просили отпуски, и я, получивъ просимый мною отпускъ на 28 дней, отправился 20-го августа на родину въ Могилевскую губернію, гдѣ, пробывъ у родныхъ двѣ недѣли, заболѣлъ сильнымъ ревматизмомъ ногъ, а равно отъ контузіи,—при осенней сырой погодѣ я чувствовалъ сильную боль головы; но такъ какъ родные мои бѣдные, и не въ состояніи были меня пользовать дома, то я отправился на излеченіе въ могилевскій военный госпиталь, гдѣ, пролежавъ одинъ мѣсяцъ и оправившись немного, выписался, и 18-го октября выѣхалъ изъ Могилева въ Севастополь; по причинѣ сильнаго разгона почтовыхъ лошадей по этой дорогѣ, я насилу добрался къ 15-му числу ноября мѣсяца въ Крымъ, на позицію, на р. Бельбекъ, гдѣ былъ расположенъ нашъ полкъ въ кадровомъ составѣ; во время пути я узналъ о заключеніи мира, и по пріѣздѣ въ полкъ собралъ слѣдующія объ немъ свѣдѣнія: послѣ 26-го мая, когда полкъ потерпѣлъ такое пораженіе и понесъ столько урону, былъ сведенъ въ одинъ баталіонъ, и

переведенъ изъ Ушаковой-балки въ Николаевскія казармы, откуда былъ посылаемъ на бастіоны, а равно и на разныя работы, и почти ежедневно поносилъ убыль въ людяхъ; послѣ 26-го мая главная квартира главнокомандующаго южною арміею и военно-сухопутными и морскими силами въ Крыму была переведена изъ сѣверной стороны Севастополя въ лагерь на Инкерманскія высоты (въ окрестностяхъ Севастополя), 15-го сентября была переведена въ с. Ортокоралезъ, а оттуда 13-го октября въ Бакчисарай, гдѣ и оставалась до заключенія мира.

26-го мая, послѣ смерти командующаго полкомъ Бѣляева, вступилъ въ командованіе полкомъ маіоръ Жеваховъ *).

5-го іюня принялъ полкъ на законномъ основаніи, прибывшій къ полку подполковникъ Ничикъ, который 27-го августа былъ раненъ въ руку и отправился въ госпиталь.

24-го августа началась сильная бомбардировка Севастополя, а 27-го августа непріятель предпринялъ отчаяннный штурмъ и завладѣлъ нѣкоторыми нашими укрѣпленіями. Во время этой бомбардировки и штурма изъ полка убито: оберъ-офицеровъ 5, нижнихъ чиновъ 73 человѣка, ранено: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 12, нижнихъ чиновъ 263, безъ вѣсти пропало: нижнихъ чиновъ 93 человѣка. Такъ какъ войска терпѣли страшныя потери, то послѣ триста

*) 17-го августа, маіоръ Жеваховъ, былъ сильно контуженъ въ голову и, отправился на излеченіе въ госпиталь.

сорока девятидневной защиты Севастополя, главнокомандующій рѣшился на тяжкое, но необходимое пожертвованіе, оставить врагамъ груды развалинъ города Севастополя, пылавшихъ пламеннымъ огнемъ *), и въ ночь съ 27-го на 28-е число августа мѣсяца, севастопольскій гарнизонъ отступилъ безъ потери въ людяхъ по наведенному мосту черезъ бухту на сѣверную сторону. Полкъ былъ выведенъ изъ Севастополя старшимъ, состоящимъ на лицо, офицеромъ въ полку, штабсъ-капитаномъ Стобровскимъ, въ числѣ оберъ-офицеровъ 18-ти и нижнихъ чиновъ 852 человѣкъ.

Во все время бытности въ Севастополѣ полкъ понесъ слѣдующія потери, убито: штабъ-офицеровъ 1, оберъ-офицеровъ 13, нижнихъ чиновъ 567 человѣкъ; ранено и контужено: штабъ-офицеровъ 4, оберъ-офицеровъ 30, нижнихъ чиновъ 813 человѣкъ; безъ вѣсти пропало: оберъ-офицеръ 1, нижнихъ чиновъ 382 человѣка; въ плѣнъ взято: оберъ-офицеровъ 5, нижнихъ чиновъ 223. Почти всѣ оставшіеся въ полку офицеры получили награды, и груди восьми человѣкъ нижнихъ чиновъ были украшены Георгіевскими крестами. Всего же выбыло изъ полку со дня нашего выступленія въ Севастополь болѣе 2000 человѣкъ.

17-го ноября, полкъ выступилъ въ кадровомъ составѣ, прощаясь съ Крымомъ, гдѣ упокоилось столько храбрыхъ нашихъ товарищей, которые пали съ

*) При отступленіи нашими были взорваны пороховые погреба и зажжены многія зданія города.

честью за вѣру и отечество на стѣнахъ Севастополя, и вознося мольбы къ Всевышнему, да низпошлетъ миръ и упокоеніе ихъ праху и увѣковѣчитъ память о нихъ подъ нашими Георгіевскими знаменами *).

Капитанъ Дещинскій.

*) Нашъ полкъ, за оборону г. Севастополя, получилъ георгіевскія знамена.

ВОСПОМИНАНІЯ

кн. Д. Святополкъ-Мирскаго.

ВОСПОМИНАНІЯ

кн. Д. Святополкъ-Мирскаго.

Весною 1854 года главнокомандующій кавказскою арміею князь Воронцовъ, при которомъ я имѣлъ честь состоять адъютантомъ, ослабленный лѣтами и болѣзнью, долженъ былъ выѣхать съ Кавказа для поправленія своего здоровья. Проводивъ князя до Ставрополя, я отправился съ его разрѣшенія въ дѣйствующій корпусъ для участвованія въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Азіатской Турціи. Дѣйствія эти кончились Кюрюкдарскимъ сраженіемъ, — къ осени войска дѣйствующаго корпуса возвратились въ наши предѣлы, и расположились на зимнія квартиры. Въ тоже время стало извѣстно, что здоровье князя Воронцова не улучшается и возвращеніе его на Кавказъ невозможно. Потому я просилъ о смѣще-

ніи меня во фронтъ, и вступилъ въ командованіе баталіономъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка.

Весною 1855 года войска наши вновь перешли границу и подъ начальствомъ новаго главнокомандующаго генерала Муравьева двинулись къ Карсу. Баталіонъ, которымъ я командовалъ, былъ оставленъ въ Тифлисѣ. Въ мои лѣта и при моемъ настроеніи духа, оставаться во время войны въ мирномъ гарнизонѣ показалосъ невыносимымъ. Я обратился съ просьбою о переводѣ въ крымскую армію. Послѣ переписки, длившейся слишкомъ долго для моего нетерпѣнія, дѣло это уладилось, и, наконецъ, въ началѣ іюля я былъ переведенъ въ Азовскій пѣхотный полкъ. Простившись съ друзьями и женою, благословивъ дѣтей, младшей изъ моихъ трехъ дочерей было всего шесть недѣль, 20-го іюля я выѣхалъ изъ Владикавказа въ Севастополь, по кружной дорогѣ на Ростовъ, такъ какъ въ это время Керчь и Азовское море были уже заняты непріятелемъ. Ѣхалъ я день и ночь, но недостатокъ почтовыхъ лошадей и другія задержки замедляли мою поѣздку. По Кавказскому краю все было покойно. Явленія войны начались съ береговъ Азовскаго моря. Грозный видъ непріятельскихъ судовъ, города и деревни, оставленные жителями, — толпы ихъ, скитавшіяся въ селахъ, нѣсколько отдаленныхъ отъ морского берега,—все это возбудило во мнѣ совершенно новое чувство ненависти къ врагамъ и желаніе мести, которыхъ я не испытывалъ ни въ отношеніи турокъ, ни въ отношеніи кавказскихъ горцевъ. Турки возбуждали во мнѣ какое-то сожалѣніе, а горцы нѣкоторое сочувствіе

къ ихъ пламенному, хотя и дикому патріотизму. За Мелитополемъ въ пустынной степи, на разсвѣтѣ, въ полудремотѣ вдругъ послышалось пѣніе утренней молитвы, и какая-то толпа людей показалась не въ далекѣ отъ дороги. Молитва кончилась, забилъ барабанъ, толпа двинулась стройными рядами, и раздались звуки залихватской русской пѣсни. То была дружина ополченія Орловской губерніи на пути въ Севастополь. Разумѣется, я къ ней подъѣхалъ поближе. Видъ ратниковъ сдѣлалъ самое глубокое и отрадное впечатлѣніе,—ихъ одежда, бороды, молодцоватые, но свободные пріемы и движенія представляли вѣрную картину самаго русскаго народа, ополчившагося противъ нашествія вражей силы. Съ тѣхъ поръ я постоянно обгонялъ новыя дружины, и всѣ онѣ шли бодро, весело, съ видимою готовностью лечь костьми для защиты отечества. Тутъ ясно казалась сила могущественнѣе всякаго ландвера. По мѣрѣ приближенія къ Симферополю, видъ мѣстности становился все печальнѣе,—пыльная, широкая въ цѣлую версту дорога, и по ней въ нѣсколько рядовъ транспорты повозокъ, нагруженныхъ ранеными и больными,—множество палыхъ лошадей и воловъ, удушливый воздухъ, зной, какое-то красное мрачное солнце въ облакахъ пыли, и ни одного предмета, на которомъ взоръ могъ бы отдохнуть и успокоиться. Въ свѣтлую звѣздную ночь подъѣхалъ я къ станціи за два перегона отъ Симферополя. Пока перепрегали лошадей, я сѣлъ на крыльцѣ станціоннаго дома. Какіе-то глухіе звуки послышались въ отдаленіи. „Что это“, спросилъ я ямщиковъ? „Это стрѣ-

ляютъ въ Севастополѣ“ — отвѣтили мнѣ. Сердце мое забилось сильнѣе, близость цѣли удвоило нетерпѣніе, и я поскакалъ впередъ съ какой-то лихорадочной поспѣшностью. Симферополь имѣлъ видъ одного громаднаго госпиталя,—вездѣ больные, раненые, похороны. Я проѣхалъ не останавливаясь. Наконецъ, 30-го іюля вечеромъ прибылъ я въ главную квартиру крымской арміи, находившуюся въ это время на Инкерманскихъ высотахъ. Тутъ нашелъ я многихъ знакомыхъ и товарищей, которые тотчасъ же меня повели посмотрѣть Севастополь. Нельзя себѣ представить картины болѣе торжественной и ужасающей, какъ былъ видъ осажденнаго города съ Инкерманской высоты, въ особенности во время ночи. Гулъ пушечныхъ выстрѣловъ, трескотня ружейной перестрѣлки, крики „ура“, свѣтящійся полетъ бомбъ и гранатъ, перекрещивающихъ воздухъ въ разныхъ направленіяхъ, и какой-то неопредѣленный сливающійся въ одно цѣлое шумъ борьбы, движенія, криковъ, приказаній, полный таинственности и ужаса. Адъ! вырывалось невольно восклицаніе,— потому что-то, что было передъ глазами, никогда еще не представлялось человѣческому взору и не имѣло земного названія. Иногда все утихало, и эта таинственная тишина казалась еще ужаснѣе и торжественнѣе. Но вдругъ пальба и крики возобновлялись съ новою силою и ожесточеніемъ, какъ будто наставалъ послѣдній, рѣшительный часъ гигантской борьбы. Не могу придумать словъ для выраженія моихъ ощущеній, Это былъ страшный кошмаръ, преслѣдовавшій меня всю ночь.

Оказалось, что Азовскій полкъ расположенъ на сѣверной сторонѣ Севастополя. Я отправился на другой дѐнь туда, и тотчасъ же переправился на южную сторону. Насколько видъ Крыма, Симферополя, главной квартиры и издали самаго Севастополя дѣлалъ мрачное, какое-то безотрадное впечатлѣніе, — настолько впечатлѣніе, производимое видомъ южной стороны, было отрадное и успокоивающее. Тутъ вездѣ кипѣла покойная, разумная дѣятельность, безъ суеты и малѣйшаго страха. Команды слѣдовали въ порядкѣ по разнымъ направленіямъ, — офицеры проѣзжали и проходили свободно по улицамъ, какъ въ мирное время, на бульварѣ были даже дамы съ зонтиками въ рукахъ противъ загара отъ солнечныхъ лучей. Между тѣмъ тутъ же падали и разрывались бомбы, гранаты, ракеты,—на перекресткахъ нѣкоторыхъ улицъ стояли часовые, объясняющіе какое нужно принять направленіе, чтобы менѣе подвергаться выстрѣламъ непріятельскихъ стрѣлковъ. Но все это представлялось явленіями совершенно обыкновенными. Казалось, что всѣ люди, живущіе въ Севастополѣ, полагаютъ, что жить подъ постояннымъ огнемъ мортиръ, пушекъ и ружей составляетъ нормальное положеніе человѣческой породы. И всѣ вновь прибывшіе, невольно, естественно подчинялись такому настроенію. Удивительный духъ, чудный народъ, и сколько для этого нужно вѣры, смиренія и душевнаго спокойствія!

По возвращеніи на сѣверную сторону, я узналъ о моемъ прикомандированіи къ Одесскому егерскому полку, гдѣ былъ вакантный баталіонъ, въ Азовскомъ

всѣ баталіонные командиры были на лицо. Одесскій полкъ стоялъ на Мекензіевой горѣ, я поспѣшилъ туда, и вечеромъ 2-го августа явился начальнику дивизіи, генералу Мартанау. У почтеннаго генерала были въ это время собраны полковые командиры, которымъ онъ отдавалъ приказанія къ предстоящему сраженію, и объяснялъ диспозицію войскъ. Настроеніе всѣхъ было серіозное, рѣшительное, спокойное, но нѣсколько грустное, можно сказать безнадежное. Мы вышли вмѣстѣ съ моимъ командиромъ, полковникомъ Скюдери. Онъ самъ указалъ мнѣ палатку и отложилъ до другого дня пріемъ баталіона. Грустно провелъ я эту ночь, тяжело мнѣ было мое одиночество, безъ друзей, товарищей и даже знакомыхъ.

3-го августа утромъ явились ко мнѣ офицеры моего баталіона, ихъ было 15 человѣкъ. Затѣмъ баталіонъ былъ выстроенъ въ колонну и прибылъ командиръ полка. „Вотъ вамъ ребята новый баталіонный командиръ", сказалъ полковникъ Скюдери, „за него я вамъ ручаюсь, а въ васъ давно увѣренъ". Наружный видъ людей очень мнѣ понравился, видно было что это не новички. Но въ баталіонѣ было всего четыреста штыковъ.

Полковникъ Скюдери позвалъ меня обѣдать; за столомъ, кромѣ его и меня, были еще три баталіонныхъ командира, полковой адъютантъ и полковой докторъ.

Къ слѣдующему утру, за исключеніемъ доктора, всѣмъ присутствующимъ было суждено быть убитыми или тяжело ранеными. Предметомъ разговора было разумѣется предстоящее сраженіе. Я былъ пораженъ

мрачнымъ настроеніемъ моего начальника и новыхъ товарищей. Видно было, что они готовы умереть, обрекли себя на жертву, но безъ всякой надежды не только на успѣхъ, но даже на принесеніе какой нибудь пользы общему дѣлу. Такія безотрадныя чувства и убѣжденія были для меня совершенною новостью, и потому я сталъ нѣсколько ихъ оспаривать, утверждая, что не смотря на качества нашихъ западныхъ враговъ, при равенствѣ силъ, нѣтъ намъ никакой причины считать себя впередъ побѣжденными. „Да вотъ увидите сами", сказалъ Скюдери, „да кстати, вы въ сюртукѣ, а мы въ шинеляхъ, необходимо и вамъ надѣть шинель, это общее положеніе". Въ кавказской арміи въ дѣлахъ противъ турокъ, офицеры шинелей не надѣвали, и потому у меня ея не было. Къ счастью оказалось пальто, сшитое по теперешнему образцу, но тогда введенное только для нестроевыхъ офицеровъ. Я надѣлъ это пальто и, такимъ образомъ, избавился отъ непріятности показаться выскочкою передъ товарищами.

После обѣда стали собираться къ выступленію,— къ вечеру передъ выстроеннымъ полкомъ отслужили молебствіе, и съ наступленіемъ ночи баталіоны въ шестирядныхъ колоннахъ изъ середины двинулись внизъ по дорогѣ въ долину Черной рѣчки. Спустившись въ долину, баталіоны перестроились въ зводныя колонны. Въ девять часовъ приказано было остановиться и отдыхать. Каждый легъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ. Я скоро заснулъ тихимъ, безмятежнымъ сномъ, и такимъ образомъ проспалъ цѣлую ночь. Меня раз-

будили говоръ людей,—солдаты перекрестились, протирали глаза,—начинало свѣтать. Вдругъ налѣво послышались ружейные выстрѣлы. Это было начало аттаки Сардинской позиціи на Гасфортовой горѣ. Насъ двинули впередъ. Въ цѣпи шли двѣ роты 2-го Стрѣлковаго баталіона и команда, составленная изъ всѣхъ людей нашего полка, вооруженныхъ штуцерами и нарѣзными ружьями. Сколько мнѣ помнится, такихъ людей было по десяти человѣкъ въ ротѣ. За цѣпью шелъ нашъ четвертый баталіонъ, въ ротныхъ колоннахъ въ одну линію,—имѣя въ интервалахъ ротъ артиллерію, Затѣмъ слѣдовали три остальные баталіона полка въ колоннахъ къ аттакѣ. Становилось свѣтло,—мгла, лежащая по теченію Черной, сдѣлалась прозрачнѣе,—по той сторонѣ рѣки во многихъ мѣстахъ подымался дымъ непріятельскихъ бивуаковъ,— въ предмостномъ укрѣпленіи и по Федюниной горѣ чернѣлись люди,—они видимо суетились и строились въ черныя линіи. Въ воздухѣ было совершенно тихо,—въ лѣво отъ насъ пальба усиливалась. Не помню хорошо въ какомъ разстояніи отъ предмостнаго укрѣпленія колонна наша остановилась,—артиллерія снялась съ передковъ и открыла пальбу,—цѣпь наша тоже начала стрѣлять. Непріятель отвѣчалъ сильнымъ огнемъ, но сколько мнѣ помнится, не наносилъ намъ чувствительнаго вреда. Въ такомъ положеніи простояли мы съ четверть часа. Вдругъ кто-то подъѣхалъ къ полку и пискливымъ непріятнымъ голосомъ, столь дурно вліяющимъ во время боя, закричалъ: „Одесскому полку занимать мостовое укрѣпленіе“. Полковникъ Скюдери вышелъ впе-

редъ и внятно, спокойно скомандовалъ: „баталіоны впередъ, дирекція на середину, — скорымъ шагомъ, маршъ“. Увы, это было послѣднее приказаніе и послѣднія командныя слова, которыя мнѣ довелось слышать въ этотъ день. Баталіоны двинулись бодро, быстро, ровно въ ногу, какъ одинъ человѣкъ. Непріятель кажется ждалъ только этой минуты. Съ фронта, съ права, въ лѣва, съ верху, съ низу, съ близкихъ непріятельскихъ позицій и съ самыхъ отдаленныхъ, посылались на насъ снаряды всѣхъ формъ и названій,—казалось, что нѣтъ свободнаго отъ нихъ мѣста и возможности кому нибудь изъ наступающихъ спастись отъ истребленія. Баталіоны наши, сохраняя шагъ и равненіе, продолжали двигаться впередъ. Я оглянулся на своихъ людей,—они наступали мнѣ на пятки, всѣ глаза встрѣтились съ моими, въ нихъ блисталъ огонь отваги и геройскаго воодушевленія,—это была, по истинѣ, живая стѣна, сверкающая штыками. Казалось, что нѣтъ силы и преграды, которыхъ мы бы не могли преодолѣть,— и дѣйствительно, колонну русскихъ войскъ, хорошо настроенную, можно остановить только ея истребленіемъ. Но впереди насъ лежали какіе-то расбросанные люди,—это были солдаты нашей передовой цѣпи Я попытался мимоходомъ ихъ двинуть впередь,—они мнѣ отвѣчали какъ-то нерѣшительно: „мы раненые“ и остались на мѣстѣ. Дѣло въ томъ, что наши колонны очутились въ первой линіи. Цѣпь отстала, — а роты нашего четвертаго баталіона, не получивъ приказанія, или получивъ такое приказаніе, остались при артиллеріи. Сколько мнѣ извѣстно, въ это время командиръ

четвертаго баталіона былъ уже убитъ. До мостового укрѣпленія оставалось отъ ста до двухъ сотъ шаговъ, на валу видны были французы и замѣтны всѣ ихъ движенія. Они суетились, переходили съ мѣста на мѣсто и колебались что имъ дѣлать. Мною овладѣло необыкновенное воодушевленіе, по всѣмъ жиламъ пробѣжала огненная искра, — сердце рвалось изъ груди, и какъ будто подымало меня отъ земли, — я бросился съ крикомъ „ура“ впередъ, — наткнулся на рогатку, съ помощью барабаннаго старосты отбросилъ ее въ сторону и вскочилъ въ редутъ. Баталіонъ не отставалъ. Въ правомъ углу укрѣпленія толпились какіе-то оторопѣлые французы, — другіе, въ большомъ числѣ, оставя мостъ налѣво, бѣжали въ бродъ на ту сторону рѣки. Сообразивъ, что на мостъ вѣроятно направлены непріятельскія пушки, я бросился вслѣдъ за уходящими въ бродъ. Бродъ оказался очень удобнымъ, и я очутился на лѣвой сторонѣ Черной. Оглянувшись, увидѣлъ, что мой баталіонъ растянулся въ совершенномъ безпорядкѣ. Нужно было остановиться, чтобы его собрать и выждать приказанія. Хотѣлось было скомандовать: „стройся по знамени,“— но вспомнилъ, увы! что знамени съ нами нѣтъ; оно было оставлено, какъ и знамена другихъ частей, на сѣверной сторонѣ или Николаевской батареѣ. Однакоже люди стали быстро подходить и выстраиваться, но многихъ не доставало. Дымъ, смѣшанный съ туманомъ, покрывалъ всю окрестность, было видно только въ раіонѣ нѣсколькихъ сотъ шаговъ. Стоя подъ горою, мы не подвергались уже выстрѣламъ, а могли отдохнуть спо-

койно. Съ непріятельской стороны изъ мглы и дыма показались три всадника, они что-то махали руками назадъ, кого-то звали. Изъ моей колонны по всадникамъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ, которые я немедленно остановилъ. Всадники, очевидно, французскіе офицеры, скрылись, но въ тотъ же моментъ изъ тумана выдвинулся французскій баталіонъ съ знаменемъ. Разомкнувъ ряды, онъ шелъ быстро, рѣшительно, какъ-то весело, прямо на насъ. Нельзя было медлить, баталіонъ мой стоялъ въ колоннѣ къ аттакѣ, я скомандовалъ съ точностью, правильно, „баталіонъ впередъ, дирекція на середину, скорымъ шагомъ, маршъ." Живая стѣна, уменьшенная размѣрами, но не духомъ, двинулась опять грозно и неудержимо. Мнѣ было на душѣ легко и весело, не было тутъ ни горныхъ трущобъ и пропастей, ни густыхъ лѣсовъ, наполненныхъ дикими горцами, доведенными фанатизмомъ до свирѣпаго изступленія, ни хищныхъ курдовъ и подлыхъ баши-бузуковъ, дорѣзывающихъ несчастныхъ раненыхъ, и поругивающихся надъ мертвыми. Противъ насъ были люди тѣхъ же понятій что и мы, доступные тѣмъ же чувствамъ, слѣдующіе тѣмъ же правиламъ. Мнѣ казалось, что вся Европа смотритъ на насъ и что это скорѣе турниръ, чѣмъ война. Подойду, подумалъ я, къ нимъ въ упоръ и закричу: Messieurs, voulez vous croiser la bayonnette?

Мы сходились все ближе и ближе,—видно было выраженіе лицъ, можно было отличить малѣйшія движенія. Вдругъ французы остановились, раздалась команда, они повернули назадъ и вмѣстѣ съ тѣмъ раз-

сыпали цѣпь, которая тотъ часъ-же и открыла пальбу. Ускользнуло штыковое дѣло, самое для насъ удобное. Что тутъ дѣлать? Люди моего баталіона были вооружены гладкоствольными ружьями, число ихъ уменьшилось до такой степени, что нельзя было и думать о правильной высылкѣ частей въ цѣпь. Я рѣшился развернуть баталіонъ, и такимъ образомъ обратить его въ цѣпь, которой резервомъ служили-бы слѣдующія за мною части войскъ,—и принялъ нѣсколько влѣво, чтобы скомандовать,—но въ тотъ самый моментъ, когда хотѣлъ произнесть командныя слова, почувствовалъ въ лѣвую сторону груди страшный, знакомый мнѣ ударъ, остановившій мгновенно мой голосъ и движеніе. Я былъ до такой степени занятъ дѣломъ и соображеніемъ, что совершенно забылъ объ опасности, и потому первою моею мыслью послѣ полученія раны было: „а вотъ объ этомъ-то и позабылъ“. Между тѣмъ баталіонъ продолжалъ движеніе,—солдаты, видя кровь на моей груди, провожали меня грустнымъ, полнымъ сочувствія взглядомъ, воспоминаніе котораго никогда не изгладится изъ моей памяти. Я замѣтилъ капитана старшаго по мнѣ въ баталіонѣ, указалъ ему рукою на мою рану и хотѣлъ объяснить знакомъ, что нужно дѣлать,—но онъ посмотрѣлъ на меня какъ-то безсознательно, должно быть не понялъ, и не остановился. Не смотря на большую слабость и какое-то странное ощущеніе, которое мнѣ напоминало живую букашку, проткнутую булавкою, я не упалъ, и нашелъ довольно силъ, чтобы повернуться и пойдти назадъ. Сознаніе было полное и ни малѣйшаго волненія.—Это была моя

вторая рана въ грудь,—трудно было надѣяться, чтобы она разрѣшилась такъ благополучно, какъ первая,—вздохнувъ, я съ ужасомъ замѣтилъ, что изъ моей раны выходилъ воздухъ, казалось, что жизнь улетитъ немедленно. Такимъ образомъ, одинъ, безъ помощи, закрывая рану рукою, я дошелъ до рѣчки. Тутъ голова моя закружилась, ноги подкосились и стало дѣлаться дурно. Въ это время мимо меня проходила какая-то часть войскъ, я положилъ руку на плечо одного изъ проходящихъ солдатъ; онъ тотъ часъ меня поддержалъ, далъ напиться воды, это меня освѣжило, и возвратило голосъ.—„Ваше высокоблагородіе, я васъ доведу до моста и уложу за стѣнкою, тутъ насъ убьютъ, видите—настоящій адъ". Тогда только я обратилъ вниманіе на свистъ пуль и паденіе снарядовъ,—непріятельскій огонь преимущественно сосредоточился на переправѣ. За стѣнкою, гдѣ я легъ, было покойнѣе, я былъ увѣренъ, что тутъ мнѣ и суждено умереть, но мысль эта не возбуждала во мнѣ ни страха, ни сожалѣнія, смерть представлялась прекращеніемъ страданій и желаннымъ успокоеніемъ. Не знаю откуда появились мой баталіонный адъютантъ и нестроевые солдаты съ носилками. Солдатъ, мой первый спаситель тотчасъ повернулся и пошелъ догонять свою часть. Меня уложили на носилки и понесли на перевязочный пунктъ. Пройдя съ полверсты, мы вышли изъ линіи непріятельскаго огня. Тутъ встрѣтили другихъ солдатъ. Мои носильщики, нестроевые Одесскаго полка, потребовали смѣны, передали меня на руки новой команды, а сами возвратились къ мѣсту боя подбирать

раненыхъ своего полка. Я былъ такъ тронутъ ихъ самоотверженіемъ, что нашелъ силу отдать имъ мой кошелекъ съ деньгами. Вскорѣ донесли меня до перевязочнаго пункта,—раненыхъ было уже множество. Медики и фельдшера суетились. Ко мнѣ подбѣжалъ нашъ младшій полковой докторъ, посмотрѣлъ на мою рану, покачалъ съ сожалѣніемъ головою и сказалъ:—„Я васъ тутъ наскоро перевяжу, и отправлю на главный перевязочный пунктъ“; и какъ бы въ утѣшеніе прибавилъ: „а бѣдный полковникъ Скюдери, тому еще хуже, въ немъ двѣ пули, совсѣмъ кончается“. Рану мою на скоро забинтовали, подъѣхала полковая повозка, и не безъ труда и страданій стали меня въ нее укладывать. Въ это время показался горнистъ, которому я отдалъ въ началѣ сраженія лошадь, такъ какъ намъ было приказано быть въ бою пѣшими. Я ему забылъ отдать приказаніе, и онъ слѣдовалъ за баталіономъ, пока въ лошадь не попало нѣсколько пуль; тогда только испугавшись, онъ возвратился и теперь боялся, что будетъ отвѣчать за потерю лошади. Его успокоили и посадили на повозку, чтобы меня поддерживать. Движенія повозки по неукатанной дорогѣ причиняли мнѣ страшныя страданія,—на встрѣчу попалась намъ резервная артиллерія, нужно было сворачивать съ дороги, останавливаться, казалось, что этой поѣздкѣ и моимъ мукамъ не будетъ конца. Все это время я не только сохранилъ полное сознаніе, но чувствовалъ въ душѣ небывалую какую-то сверхъ естественную дѣятельность, ясность и силу. Мысли мои съ быстротою молніи перебѣгали съ одного предмета къ другому, обнимая весь

знакомый мнѣ міръ и стараясь проникнуть въ незнакомый. Болѣе всего меня занимало какъ кто встрѣтитъ извѣстіе о моей смерти, и что будетъ въ будущемъ съ моими близкими. Вотъ представлялись залы, ярко освѣщенныя, оркестръ гремитъ,—по скользкому паркету кружатся танцующія пары; въ одной изъ залъ стоитъ дѣвушка въ бальномъ нарядѣ, съ цвѣтами на головѣ,—это моя дочь, ей представляютъ незнакомаго кавалера, и въ разговорѣ, между прочимъ, онъ ее спрашиваетъ объ отцѣ,—„онъ убитъ подъ Севастополемъ,“ отвѣчаетъ она съ оттѣнкомъ нѣкоторой гордости и грусти на лицѣ. А вотъ въ уединенной комнатѣ женщина въ траурѣ, видъ ея печальный, больной, въ глазахъ ея слѣды слезъ, и выраженіе безнадежности и отчаянія,—это моя бѣдная жена. И такъ, образъ за образомъ, — и все это видно, слышно, какъ будто въ дѣйствительности. Отъ міра внѣшняго, воображеніе переходило къ моей собственной личности, къ вопросамъ внутреннимъ. Что такое смерть,—какъ она совершается, въ чемъ состоитъ? Прекращеніе жизни и потеря сознанія? Меня не будетъ, какъ-же это,—что станется съ моимъ я? Что останется, какъ останется? Вотъ сейчасъ узнаю,—а можетъ быть не узнаю. Что это конецъ, продолженіе, или новое рожденіе? Чувствую, что исчезаю, и кажется, что исчезнуть не могу,—что во мнѣ есть что-то нетлѣнное, не міра сего, — чего пуля не тронула и не поразила, и что это и есть настоящій я. Обѣгая вѣданное и невѣдомое, мысли мои постоянно возвращались къ продолжавшемуся сраженію. Повозка остановилась на одномъ изъ поворотовъ до-

роги, я повернулъ голову и увидѣлъ въ долинѣ одинъ только дымъ. „Кажется, наши отступаютъ,“ сказалъ равнодушно горнистъ, „должно быть силъ не хватило“. Дѣйствительно было такъ.

Наконецъ довезли меня до главнаго перевязочнаго пункта на Мекензіевой горѣ, сняли съ повозки,— подошелъ докторъ, здоровый, плотный, съ рѣшительными, нѣсколько грубыми манерами. „Пріѣхалъ къ вамъ умереть,“ сказалъ я ему какъ-то безсознательно. „Не ваше дѣло объ этомъ разсуждать, вотъ посмотримъ“ отвѣчалъ тотъ рѣзко. Разрѣзали на мнѣ одежду, положили внизъ лицомъ на высокую кровать, покрытую клеенкою,—доктору что-то подали,—я почувствовалъ на спинѣ прикосновеніе чего-то остраго, холоднаго, разъ и другой, еще, слышно было какъ докторъ всполоснулъ что-то въ водѣ. „Вотъ она“, сказалъ онъ весело, и показалъ мнѣ большую коническую пулю бельгійскаго образца, только что вынутую изъ моего тѣла. Меня перевязали, перевернули. Я посмотрѣлъ на доктора, онъ ласково улыбался, и сказавъ: „теперь нужно только спокойствія,“ велѣлъ отнести въ приготовленную палатку, гдѣ уже лежалъ другой раненый офицеръ. Горнистъ послѣдовалъ за мною и сѣлъ у моего изголовья. Сестра милосердія дала мнѣ чаю. Я сталъ очень страдать, поставили банки, два раза открывали кровь, стало легче. Но тутъ случилось несчастье; метаясь отъ боли, я сдѣлалъ какое-то сильное движеніе, непрочная госпитальная кроватъ сломалась, и я упалъ на голую землю. Мною овладѣло отчаяніе, — мысль, что могу умереть не отъ раны, а

отъ того, что сломалась кровать, была мнѣ невыносимою. Съ тѣхъ поръ, какъ докторъ показалъ мнѣ пулю, вырѣзанную изъ моей спины, въ моемъ душевномъ настроенiи сдѣлался совершенный переворотъ. До того я ожидалъ смерти съ покойнымъ смиренiемъ, — но видъ вынутой пули возбудилъ желанiе и надежду сохранить жизнь и увѣренность, что она можетъ быть сохранена. Горнистъ позвалъ людей, прибѣжалъ какой-то смотритель, меня пожалѣли, и отнесли въ землянку, гдѣ оказалось гораздо лучше, потому что въ палаткѣ было очень жарко и душно. Неудобство этой землянки заключалось только въ томъ, что передъ ней стояло нѣсколько большихъ палатокъ съ высокими кроватями, покрытыми клеенками, на которыхъ въ продолженiе многихъ дней производили хирургическiя операцiи. Крики страдающихъ раздирали мнѣ душу.

На другой день 5-го августа посѣтилъ меня начальникъ главнаго штаба генералъ-адъютантъ Коцебу, у котораго я былъ адъютантомъ до поступленiя въ эту должность къ князю Воронцову. Онъ считалъ меня убитымъ или въ плѣну, и насилу отыскалъ. Его искреннее участiе и вполнѣ отцовская заботливость обо мнѣ сильно меня тронули и ободрили. Онъ привезъ съ собой доктора, который еще разъ приказалъ открыть мнѣ кровь.

Было еще одно посѣщенiе, которое оставило во мнѣ отрадное впечатлѣнiе, никогда неизгладимое. 6-го августа дверь моей землянки осторожно отворилась и вошелъ человѣкъ, еще молодой, не военный, благо-

родной симпатичной наружности. Онъ тихо, съ благоговѣніемъ подошелъ ко мнѣ, и мягкимъ, полнымъ участья голосомъ сказалъ: „отъ имени Государыни Императрицы пришелъ узнать не нуждаетесь-ли въ чемъ нибудь“. Мнѣ показалось, что его освѣщаетъ какой-то ореолъ святости и мученичества. Слезы выступили на мои глаза. Я отвѣчалъ, что благодарю, и ни въ чемъ не нуждаюсь, кромѣ здоровья. Онъ безмолвно простоялъ нѣкоторое время и ушелъ, какъ будто съ сожалѣніемъ. Это былъ графъ Віельгорскій, присланный въ Крымъ Императрицею для пособія больнымъ и раненымъ. Недаромъ я въ немъ угадалъ мученика. Не долгое время спустя Віельгорскій умеръ въ Симферополѣ отъ тифа, которымъ заразился посѣщая госпитали. Честь ему и слава, — такая смерть еще доблестнѣе и завиднѣе, чѣмъ смерть на полѣ сраженія.

Черезъ нѣсколько дней, благодаря попеченіямъ генерала Коцебу, меня перенесли на Бельбекъ, въ домикъ, занимаемый раненымъ полковникомъ Ганомъ. Сестры милосердія предлагали мнѣ свои услуги, но я былъ такъ доволенъ уходомъ за мною моего горниста, что не могъ съ нимъ разстаться,—его простота и доброта сердца заставляли забывать его жесткія руки. Мнѣ въ немъ нравилось въ особенности то, что ухаживать за мною доставляло ему видимое удовольствіе. Онъ былъ постоянно при мнѣ, кажется никогда не ѣлъ и не спалъ. Разъ только, кажется, 7-го августа, попросилъ позволенія отлучиться въ баталіонъ узнать о товарищахъ, и скоро возвратился въ самомъ грустномъ настроеніи. На мой вопросъ: „что въ бата-

ліонѣ?“ онъ сначала промолчалъ, и лишь съ трудомъ выговорилъ: „да что сказать, въ одномъ котлѣ для цѣлаго баталіона кашу варятъ, кажись осталось пятьдесятъ человѣкъ“. И я болѣе не разспрашивалъ. Горнистъ этотъ былъ Полтавской губерніи, изъ казаковъ собственниковъ, и очень этимъ гордился. У него были деньги, зажиточная семья, и онъ ждалъ только конца войны, чтобы отправиться домой, въ отставку.

Къ концу августа мои силы на столько поправились, что меня могли перевезти въ Симферополь на дачу князя Семена Михаиловича Воронцова. Удобное помѣщеніе, которое я раздѣлялъ съ любезнымъ хозяиномъ, лечившимся тоже отъ полученной раны, и чистый воздухъ оказали самое благодѣтельное вліяніе на мое здоровье. Въ началѣ октября, хотя моя рана не совсѣмъ еще зажила, я могъ уже вступить въ командованіе Черниговскимъ пѣхотнымъ графа Дибича Забайкальскаго полкомъ, расположеннымъ бивуаками въ верховьяхъ Бельбека.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ крымская армія была осчастливлена посѣщеніемъ Государя Императора. Я былъ вызванъ въ Бахчисарай и позванъ къ Его Величеству. Поблагодаривъ меня милостиво за службу, Государь изволилъ поздравить своимъ флигель-адъютантомъ и прибавилъ: „Главнокомандующій Мнѣ сказалъ, что кавалерская дума присудила тебѣ Георгіевскій крестъ, но Мнѣ пріятно, чтобы на твоей груди былъ Мой собственный крестъ“. Сказавъ это, Государь снялъ съ себя крестъ и навѣсилъ его на меня.

Такіе дни не изглаживаются изъ памяти и достаточны, чтобы наполнить воспоминаніями всю жизнь военнаго человѣка.

Князь Дмитрій Святополкъ-Мирскій.

Тифлисъ, 14-го ноября 1870 г.

НѢКОТОРЫЯ СВѢДѢНІЯ

о Севастопольской защитѣ,

СО ВРЕМЕНИ СРАЖЕНІЯ ПРИ ЧЕРНОЙ.

НѢКОТОРЫЯ СВѢДѢНІЯ

о Севастопольской защитѣ,

СО ВРЕМЕНИ СРАЖЕНІЯ ПРИ ЧЕРНОЙ.

I.

Государю Наслѣднику Цесаревичу угодно было выразить Свою волю, чтобы достовѣрныя свѣдѣнія о Севастопольской защитѣ были представлены Его Императорскому Высочеству. Кто-жъ на такой призывъ не отзовется, если имѣетъ что сообщить относящееся къ дѣлу? А какъ и мнѣ довелось провесть въ Севастополѣ три недѣли, то и я приношу мой посильный складъ въ сокровищницу воспоминаній о знаменитой защитѣ этого города.

II.

Послѣ сраженія на Черной рѣчкѣ, непріятель открылъ по Севастополю жесточайшую бомбардировку,

грозившую его гарнизону большими потерями. На пополненіе этой убыли требовались новыя войска; почему 4-я пѣхотная дивизія, подъ командой генералъ-маіора Бабкина, была введена 6 августа въ Севастополь, и полкамъ ея указаны тамъ слѣдующія мѣста: Шлиссельбургскому и Ладожскому егерскимъ—въ 1-мъ отдѣленіи оборонительной линіи, а пѣхотнымъ полкамъ: Бѣлозерскому—впереди Николаевскаго форта, и Олонецкому, коимъ я имѣлъ честь командовать, позади этого форта, на берегу сѣверной бухты.

Со дня водворенія въ Севастополѣ по 15 августа, оба послѣдніе полка назначались: частію для содержанія городскихъ карауловъ, преимущественно же на работы, по устройству въ улицахъ баррикадъ и моста черезъ сѣверную бухту.

Въ теченіе этого времени рѣдкая ночь проходила безъ тревоги. Лишь только на оборонительной линіи усиливалась пальба, наша бригада выстраивалась передъ Николаевскимъ фортомъ на площади, чтобы быть готовой всей или по частямъ направиться куда будетъ указано. Но какъ намъ, по новости, верки и кратчайшій къ каждому изъ нихъ путь были неизвѣстны, то на первыхъ же порахъ генералъ Бабкинъ задался вѣрною мыслью доставить возможность ознакомиться съ ними полковымъ и баталіоннымъ командирамъ нашей бригады. Съ этой цѣлью онъ испросилъ у главнаго севастопольскаго начальства свѣдущаго офицера, подъ предводительствомъ котораго 9 или 10 августа мы, оба полковые командира, со всѣми своими баталіонными командирами раннимъ утромъ отправились на оборо-

нительную линію, условясь начать обзоръ ея съ праваго фланга.

Поэтому мы пошли сперва по Морской улицѣ, когда-то оживленной и красивой, а въ дни нашего съ ней знакомства запустѣлой и обезображенной развалинами, особливо въ томъ мѣстѣ, которое заслужило себѣ прозваніе долины смерти; отсюда мы направили свои шаги черезъ редутъ Шварца къ 4-му бастіону, у котораго первенство ужасовъ перебилъ Малаховъ курганъ лишь въ послѣднее время осады. Съ 4-го бастіона надо было намъ идти назадъ, и мы, взглянувъ еще разъ на редутъ Шварца, осмотрѣли, потомъ 5-й и 6-й бастіоны, а когда приблизились къ артиллерійскому дѣловому двору, тогда часы показывали уже за полдень.

Исходивъ верстъ 6 и въ добавокъ натощакъ, мы на перепутье зашли пообѣдать въ Николаевскій фортъ, гдѣ еще держался ресторанъ, несмотря на то, что на дняхъ залетѣла въ него черезъ окно бомба, и перебила множество столовой посуды и мебели.

Въ фортѣ меня и командира Бѣлозерскаго полка, полковника Исупова, ждало приглашеніе начальника лѣваго фланга оборонительной линіи, генералъ-лейтенанта Хрулева, явиться къ нему въ тотъ же день. Послѣ этого приходилось, сколько можно, поспѣшать нашей трапезой, чтобы успѣть обойдти верки корабельной стороны и представиться генералу засвѣтло; потому что въ сумерки онъ обыкновенно покидалъ свою квартиру, и перебирался проводить ночь на оборонительной линіи.

Послѣобѣденное свое странствованіе мы начали съ Екатериненской улицы. По ней, какъ лучшей улицѣ въ городѣ, въ мирное время разъѣзжали щегольскіе экипажи, а теперь осмѣливались двигаться, и то съ грѣхомъ пополамъ, лишь топорной работы повозки: такъ было изрыто и взбудоражено полотно ея всевозможными снарядами. Миновавъ адмиралтейство и Никольскую церковь, мы по крутой тропинкѣ спустились къ мосту, переправились по немъ черезъ южную бухту на корабельную сторону, и мимо морскихъ казармъ въ гору добрались до 3-го бастіона; побывали и на Малаховомъ курганѣ; но 2-й и 1-й бастіоны, по недостатку времени, уже не могли посѣтить, а ограничились только узнаніемъ кратчайшей къ нимъ дороги. Такимъ образомъ верки корабельной стороны намъ довелось обозрѣть менѣе подробно, чѣмъ городской стороны; но и бѣглаго взгляда было достаточно, чтобы убѣдиться, что на лѣвомъ флангѣ оборонительной линіи, и укрѣпленіямъ, и людямъ сильнѣе достается, нежели на правомъ флангѣ.

У порога Павловскаго форта, резиденціи генерала Хрулева, искренно поблагодаривъ нашего обязательнаго вожатаго, я разстался съ нимъ. Фамилію его не могу припомнить, но помню, что онъ былъ егерскій офицеръ и состоялъ при князѣ Васильчиковѣ ординардцемъ. Онъ зналъ всѣ укрѣпленія какъ свои пять пальцевъ, съ полною готовностію объяснялъ намъ особенности каждой мѣстности и каждаго новаго для насъ предмета, и своимъ хладнокровіемъ, самообладаніемъ подъ непріятельскими выстрѣлами приводилъ насъ въ

восхищеніе, тѣмъ большее, что былъ въ порѣ цвѣтущей молодости.

Здѣсь кстати замѣтить, что въ Севастополѣ и самые мирные характеры какъ-то скоро проникались военнымъ духомъ. Ко мнѣ въ полкъ прибылъ изъ Бобруйской крѣпостной артиллеріи маіоръ Демьяновскій, человѣкъ пожилой, тихій и семейный. Заболѣвъ лихорадкой, онъ продолжалъ нести службу. „Что вы не отправляетесь въ госпиталь лѣчиться?“ спросилъ я, видя его страданія.—„А вотъ, отвѣчалъ маіоръ,—какъ ранятъ, такъ уже тогда заразъ примусь лѣчиться и отъ раны и отъ лихорадки“. И онъ въ самомъ дѣлѣ оставался въ строю, пока не былъ раненъ или контуженъ.

III.

Поднявшись по лѣстницѣ во второй этажъ Павловскаго форта, я съ полковникомъ Исуповымъ вошелъ въ квартиру генерала Хрулева, которая своимъ простымъ, неприглянымъ убранствомъ громко заявляла, что хозяинъ ея, озабоченный севастопольскими дѣлами, забылъ и думать объ удобствахъ своего помѣщенія, что онъ въ ней болѣе гость, нежели постоянный жилецъ.

Представившись генералу, мы услышали отъ него, что полки наши поступаютъ подъ его команду и оставляются имъ пока въ резервѣ. Затѣмъ генералъ спросилъ насъ: что мы предпочитаемъ: перемѣститься ли на корабельную сторону или остаться тамъ же, гдѣ и находимся, и гдѣ люди будутъ сохраннѣе, но откуда

за то до укрѣпленій далѣе? Къ этому онъ присовокупилъ, что лишь бы резервы не опоздали на помощь, а то 35 тысячь *), подъ защитой укрѣпленій, непремѣнно отразятъ 70 тысячь.

Вопросъ, значитъ, сводился на разстояніи, которое нашимъ полкамъ нужно будетъ пройдти для принятія участія въ отраженіи нападенія; и потому я пожелалъ узнать, какъ велико можетъ быть это разстояніе? А вотъ взглянемъ на планъ, сказалъ генералъ и развернулъ планъ Севастополя съ ближайшими окрестностями, вычерченный въ большомъ масштабѣ, съ изображеніемъ ситуаціи кистью. До сихъ поръ мнѣ приходилось видѣть планы Севастополя въ мелкомъ масштабѣ, которые, поэтому, не могли дать обстоятельнаго понятія о характерѣ мѣстности, открывавшейся теперь для моей дѣятельности; этотъ же планъ обѣщалъ пополнить недостаточность моихъ свѣдѣній, и я съ жадностію принялся было разсматривать его. Но въ эту пору пальба загремѣла пуще обыкновеннаго, и генералъ принужденъ былъ прекратить только что начатое занятіе, чтобы спѣшить на оборонительную линію. Отпуская насъ къ нашимъ полкамъ, онъ объявилъ, что до времени не переведетъ ихъ на корабельную сторону.

И вотъ они на прежнихъ мѣстахъ и отбывая прежнія служебныя обязанности, дождались Успеньева дня. Въ этотъ праздникъ временная церковь въ Никола-

*) Вѣроятно эта цифра относилась до войскъ собственно ему подчиненныхъ.

евскомъ фортѣ была полна молящихся, въ числѣ которыхъ присутствовалъ и начальникъ Севастопольскаго гарнизона, графъ Сакенъ. Среди обѣдни ему о чемъ то доложили, и онъ вышелъ изъ церкви. Вскорѣ бывшіе въ ней узнали, что пріѣхалъ въ городъ князь Горчаковъ, и вмѣстѣ съ графомъ Сакеномъ отправился на оборонительную линію. Хотя въ послѣднее время военное счастіе не благопріятствовало нашему главнокомандующему, однако подчиненные его, не находя, чтобы собственно онъ былъ причиною тому, продолжали возлагать на него надежду въ добромъ исходѣ кампаніи; къ тому же каждому не безъизвѣстны были его неусыпная заботливость о пользахъ арміи, и самая высокая нравственность, и потому всѣ его любили и глубоко уважали. Послѣ этого легко догадаться, какое тревожное чувство овладѣло находившимися въ церкви, когда имъ стало извѣстно, что князь Горчаковъ пошелъ на укрѣпленія, на которыхъ, въ лицѣ Корнилова, Нахимова и Истомина, столько надеждъ и моральной силы погибло для Севастополя. Но теперь, когда со дня на день ожидался штурмъ, другими словами, кризисъ войны, подобная утрата была бы еще тягостнѣе, поэтому много горячихъ молитвъ напутствовало князя въ его опасномъ обозрѣніи севастопольскихъ твердынь, и много было радости, когда онъ возвратился съ нихъ невредимъ. Въ тотъ же день уже совсѣмъ готовый черезъ Сѣверную бухту мостъ былъ освященъ. Впрочемъ мнѣ не удалось видѣть этого торжества, завершившаго смѣлое дѣло соединенія южной стороны съ сѣверною, такъ какъ тотчасъ-

же послѣ обѣдни нашей бригадѣ приказано было собираться къ перемѣщенію на Корабельную сторону. Сборы наши тянулись недолго, и мы еще засвѣтло успѣли расположиться на новоселье: Бѣлозерскій полкъ въ Корабельной слободкѣ, а Олонецкій близъ Павловскаго форта, между бывшими провіантскими магазинами, служившими теперь для первоначальнаго помѣщенія раненныхъ лѣваго фланга, и каналомъ, снабжавшимъ прежде городъ прѣсною водой изъ Черной рѣчки, но во время осады стараніями непріятеля обезводненномъ. Въ этомъ каналѣ пріютилась моя полковая канцелярія, найдя на днѣ его нѣкоторую защиту для письменныхъ принадлежностей отъ досадныхъ шалостей вѣтра; а возлѣ канцеляріи на берегу канала я основалъ свой бивуакъ, признавая не послѣднимъ удобствомъ то, что могъ по желанію или возлежать на землѣ по восточному, или сидѣть, спустя съ берега ноги, по европейски.

IV.

Между тѣмъ солдаты поужинали, разсчетъ баталіоновъ на случай ночной тревоги былъ повѣренъ, нарядъ 2-му и 4-му баталіонамъ на завтрашнія работы сдѣланъ, и полкъ предался сну. Теперь дозволялось и о себѣ вспомнить, и я приказалъ подавать мнѣ ужинать. Но прислуга моя отрапортовала, что, по случаю сегодняшняго переселенія, ужинъ не могъ быть приготовленъ. Послѣ такого открытія ничего болѣе не оставалось, какъ послать въ Корабельную слободку за покупкой чего нибудь съѣстного, и я сталъ снаряжать день-

щика въ эту экспедицію. „Не извольте безпокоиться“, послышался сзади меня голосъ, „послѣдняя бомбардировка разогнала отсюда не только трактирщиковъ, но и лавочниковъ всѣхъ“. Обернувшись назадъ, гдѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня лежали груды ранцевъ какого-то полка, находящагося на оборонительной линіи, и при нихъ торчалъ рогожный балаганчикъ для сторожей, я увидѣлъ одного изъ нихъ, которому и принадлежали сейчасъ обращенныя ко мнѣ слова.—„Спасибо, другъ, что предупредилъ“, отозвался я, „и избавилъ моего деньщика отъ напрасной ходьбы“. А деньщику я сказалъ:—„Если бы зналъ это, похлебалъ бы солдатской кашицы; а теперь видно оставаться надо на всю ночь голоднымъ. Ступай, ложись спать“. Деньщикъ отправился къ своему ложу, а сторожъ юркнулъ въ балаганчикъ, и вскорѣ вышелъ изъ него, неся на сложенномъ полотенцѣ ломоть хлѣба, и кисть винограда. — „Коли не побрезгуете, ваше высокоблагородіе“, сказалъ онъ, „то извольте покушать: хлѣбъ мягкій и виноградъ свѣжій, сегодня съ сѣверной принесены“. Нечего и говорить, что угощеніе это, какъ оно ни просто было, очень меня обрадовало; но мнѣ стоило порядочнаго труда уговорить добраго человѣка принять за его для меня пожертвованіе денежное вознагражденіе. И этотъ примѣръ, характеризующій, такъ сказать, задушевныя отношенія солдатъ къ офицерамъ, не былъ рѣдкостію въ Севастополѣ: тамъ подобные примѣры считались обыденными явленіями.

Такъ началось новоселье для меня, а для полковника Исупова иначе: онъ въ тотъ же день получилъ

рану, и принужденъ былъ отправиться въ гошпиталь. Полковникъ былъ командующимъ нашею бригадою, а послѣ него командованіе ею перешло ко мнѣ.

V.

На другой день, 16 августа, мой полкъ былъ подвинутъ нѣсколько ближе къ оборонительной линіи, въ сосѣдство какой-то порожней казармы, стоявшей особнякомъ на пустырѣ.

2-й и 4-й баталіоны, поработавшіе того числа днемъ, возвратились, а 1-й и 3-й баталіоны отправились на ночныя работы. Стемнѣло. Пальба ожесточенно загрохотала и долго, долго, не уменьшала своей силы, но наконецъ и стихать стала. Замѣчая, что дѣла на оборонительной линіи принимаютъ обычный ходъ, я прилегъ возлѣ казармы, прислонясь головой къ стѣнѣ. Уже сонъ началъ овладѣвать мною, какъ раздался страшный громъ, стѣна дрогнула, и я отъ ея толчка мгновенно вскочилъ на ноги. Къ сторонѣ Малахова кургана высоко взвилось густое облако дыма, багровое, пылающее. Сонныхъ возлѣ казармы словно не было, всѣ, подобно мнѣ, уже стояли и молча съ изумленіемъ глядѣли въ направленіи къ грозному взрыву. „Но гдѣ же и что взлетѣло на воздухъ?“ Вотъ вопросъ, который мы повторяли другъ другу, и всякому встрѣчному и поперечному, боясь услышать недобрыя вѣсти. Однако опасенія наши оказались напрасными: вскорѣ дошли до насъ слухи, что взорванъ пороховой погребокъ въ непріятельскихъ траншеяхъ, и мы, успокоившисъ, снова предались сну.

На утро съ оборонительной линіи въ Павловскій фортъ возвращался мимо насъ верхомъ генералъ Хрулевъ, съ двумя или тремя своими ординарцами. Появленіе всадниковъ на севастопольскихъ улицахъ было тогда какимъ-то дивомъ, вслѣдствіе того, что пользоваться верховою ѣздой могли очень немногіе изъ генераловъ и штабныхъ офицеровъ, прочіе же чины, коимъ полагаются въ строю лошади, должны были держать ихъ на сѣверной сторонѣ. Генералъ казался въ духѣ, и настроеніе начальника, бывшаго кумиромъ севастопольцевъ, съ быстротою электрической искры сообщилось намъ, вызвавъ по удаленіи его оживленныя сужденія, въ которыхъ слышались и похвалы его военной находчивости, и удивленіе безграничной храбрости не только самого его, но и окружающихъ его офицеровъ и, наконецъ, увѣренность, доходившая почти до суевѣрія, что былъ бы онъ цѣлъ, такъ Севастополь не погибнетъ.

Вскорѣ я былъ позванъ къ генералу въ его квартиру. Тамъ онъ объявилъ мнѣ, что мой полкъ назначается въ 5-е отдѣленіе оборонительной линіи, почему я долженъ теперь же явиться командующему войсками сказаннаго отдѣленія, генералъ-адъютанту князю Урусову, для полученія отъ него дальнѣйшихъ распоряженій.

VI.

Во исполненіе этого приказанія, я немедленно отправился къ князю Урусову, имѣвшему пребываніе въ оборонительной башнѣ, близъ 1-го бастіона. До-

рога туда шла берегомъ Сѣверной бухты, вдоль водопроводнаго канала, черезъ Аполлонову и Ушакову балки, и мало было тревожима выстрѣлами, за исключеніемъ пригорка между послѣднею балкой и башней, вокругъ которой зачастую рекошетировали ядра и падали бомбы, направляемыя на нее съ несомнѣннымъ намѣреніемъ обратить ее въ развалины. Войдя въ ея дверь, я очутился въ довольно темномъ корридорѣ съ дверями направо и налѣво. Дальная изъ лѣвыхъ дверей была отворена, и черезъ нее проникалъ слабый свѣтъ въ корридоръ. Я направился къ ней и увидѣлъ комнату въ два или три небольшія окна, въ которой находилось нѣсколько офицеровъ. Одинъ изъ нихъ, по моей просьбѣ, пошелъ было доложить обо мнѣ князю, но въ эту минуту отворилась противоположная дверь и въ ней показался онъ самъ; я представился ему, и онъ пригласилъ меня войдти въ его комнату. Конечно, въ мирное время рѣдкій изъ оберъ-офицеровъ не пользуется лучшей квартирой, но въ Севастополѣ почиталось величайшимъ благоволеніемъ судьбы и то, если имѣлся кровъ, подъ которымъ человѣкъ, ложась послѣ трудовъ уснуть, могъ надѣяться, что въ теченіе кратковременнаго своего отдохновенія не будетъ придавленъ какимъ нибудь чугуннымъ чудовищемъ. Впрочемъ, сводъ жилища князя былъ подпертъ деревянной стойкой, слѣдовательно оно и въ отношеніи безопасности не могло претендовать на совершенство. Въ комнатѣ тамъ и сямъ виднѣлись аптекарскіе пузырьки, что вмѣстѣ съ болѣзненнымъ цвѣтомъ лица князя обнаруживало, что ему приходится вести борь-

бу не только съ общимъ внѣшнимъ врагомъ, но и съ своимъ собственнымъ, внутреннимъ. Опускаясь на стулъ и пожелавъ, чтобы и я садился, князь повелъ со мною рѣчь въ такомъ смыслѣ, что я съ своимъ полкомъ еще новички въ Севастополѣ, между тѣмъ Севастополь переживаетъ теперь самое критическое время, ожидая со дня на день рѣшительнаго приступа; и потому, онъ, какъ начальникъ, которому предоставлено по ближайшему усмотрѣнію распоряжаться нами, считаетъ для себя необходимымъ имѣть понятіе о нашихъ военныхъ качествахъ, дабы, сообразно имъ, назначить намъ мѣсто въ чертѣ 5-го отдѣленія оборонительной линіи; а для того онъ проситъ меня дать правдивый отзывъ насчетъ военныхъ отличій, равно и неудачъ, если онѣ когда случались, не только съ моими подчиненными, но и со мной самимъ, забывъ всякое самолюбіе, но помня общую пользу и важность предстоящихъ событій.

Какъ ни былъ труденъ заданный вопросъ, но безъ требуемаго отвѣта онъ не могъ остаться; и вотъ что въ приблизительныхъ словахъ я передалъ князю.

Полкомъ командую я съ 5 числа сего мѣсяца, тѣмъ не менѣе я знаю его очень хорошо; потому что 9-ть лѣтъ командовалъ въ немъ 1-мъ баталіономъ. Если начать съ солдатъ, то прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что изъ нихъ нѣтъ ни одного георгіевскаго кавалера; такъ какъ въ настоящую войну до дѣла на Черной рѣчкѣ, находясь съ прочими полками своей дивизіи въ резервѣ, онъ подвергался лишь обстрѣливанію конгревовыми ракетами, не причинившими

никому вреда; а въ предшествовавшую настоящей войнѣ Венгерскую войну изъ всего полка удалось принять участіе, и то самое незначительное, только 2-му баталіону въ одномъ сраженіи, Дебричинскомъ. Но если въ пользу боевыхъ достоинствъ моихъ солдатъ я не могу привесть ничего осязательнаго, то смѣло могу обратить вниманіе на то, что дѣлаетъ возможнымъ проявленіе въ нихъ этихъ достоинствъ. Они хорошо дисциплинированы; отличаются привязанностію къ полковой семьѣ, откуда вытекаетъ готовность ихъ стоять грудью за своихъ; они всегда бодры духомъ, и рвутся раздѣлить съ закаленными севастопольцами честь и опасности защиты Севастополя. Что касается офицеровъ, то изъ нихъ тоже немногіе были до чернорѣчинскаго сраженія въ дѣлахъ, а именно: три баталіонные командира *), одинъ ротный командиръ **) и три субалтернъ-офицера ***), когда служили еще въ прежнихъ полкахъ, и одинъ ротный командиръ, состоявшій во время Дебричинскаго сраженія субалтернъ-офицеромъ во 2-мъ баталіонѣ ****); но про всѣхъ безъ изъятія офицеровъ полка справедливость требуетъ сказать, что они тѣ наглядные образцы, съ которыхъ солдаты берутъ поучительные для себя примѣры.

— Теперь мнѣ приходится говорить о себѣ, но я

*) Маіоры: Бутовскій въ Турціи 1828 и 1829 годахъ и Кисель и Крощинскій въ Венгріи въ 1849 году.

**) Подпоручикъ Пригоновъ въ Трансильваніи въ 1849 году.

***) Прапорщики: Кубышкинъ, Коноваловъ и Котловъ на Кавказѣ противъ горцевъ.

****) Поручикъ Петрини.

боюсь, что не съумѣю быть краткимъ, заявилъ я князю.

— Разсказывайте, какъ вамъ удобнѣе, отозвался онъ, а я не потягощусь васъ слушать.

— Любя военныя науки въ школѣ, продолжалъ я, —я и на службѣ не забывалъ теоретической стороны военнаго дѣла; но насколько я способенъ или не способенъ къ этому дѣлу на практикѣ, того мнѣ еще не удалось испытать. Впрочемъ, это произошло не только помимо моей воли, но рѣшительно наперекоръ ей. Я съ ранней молодости имѣлъ влеченіе къ боевой дѣятельности, и потому, при производствѣ изъ Московскаго кадетскаго корпуса въ офицеры, просилъ о зачисленіи меня въ артиллерію кавказскаго корпуса. Но какъ и на Кавказѣ были мѣстности мирныя, къ тому-жъ и судьба, видно, хотѣла подшутить надъ моимъ скороспѣлымъ войнолюбіемъ, то вышло такъ, что меня назначили въ батарею (по тогдашнему роту), квартировавшую въ Имеретіи, гдѣ царствовало полнѣйшее спокойствіе. Однакожъ я не унывалъ.

Отъ батареи этой четыре горныхъ орудія находились въ командировкѣ въ Абхазіи, занятой нашими войсками недавно, и потому еще находившейся въ броженіи,—и туда-то мѣтилъ я попасть. Черезъ годъ съ небольшимъ такъ и случилось. Но въ продолженіе этого времени наши войска успѣли утвердиться въ четырехъ укрѣпленныхъ пунктахъ: Сухумъ-Кале, Бомборахъ, Пицзундѣ и Гаграхъ, и занялись устройствомъ для себя прочныхъ помѣщеній, оставляя въ сторонѣ туземцевъ, которые уже не смѣли серіезно

тревожить ихъ, хотя неосторожно отлучавшихся изъ укрѣпленій солдатъ и офицеровъ уводили въ горы и отстаивали неприкосновенность своихъ лѣсовъ съ оружіемъ въ рукахъ, отчего деревья на постройки и дрова можно было рубить не иначе, какъ подъ прикрытіемъ стрѣлковой цѣпи. Въ такомъ безплодномъ стѣсненіи я выжилъ въ укрѣпленіи Бомборахъ четырнадцать мѣсяцевъ, и оставилъ его вслѣдствіе перевода меня въ другую батарею. Но только я выѣхалъ въ маѣ 1834 года изъ Бомборъ, какъ на нихъ произведено было нападеніе и форштадъ ихъ сожженъ абхазцами. Съ тѣхъ поръ въ Абхазіи завязались продолжительныя военныя дѣйствія, а я въ новой батареѣ очутился безъ всякой надежды достигнуть своей цѣли въ близкомъ будущемъ, такъ какъ батарея эта, находясь верстахъ въ 80-ти отъ крѣпости Гумровъ (нынѣ Александрополь), что на турецкой границѣ, врядъ ли куда нибудь могла быть отвлечена. Съ одной стороны такая неудача въ погонѣ за боевыми случайностями, а съ другой разстройство здоровья отъ южной лихорадки заставили меня искать службы на родственномъ сѣверѣ, и я былъ потребованъ въ Павловскій кадетскій корпусъ для занятія должности дежурнаго офицера; въ послѣдствіи же я былъ тамъ и преподавателемъ топографической съемки.

Въ корпусѣ я прослужилъ девять лѣтъ. Къ исходу этого времени въ политическомъ мірѣ стали обнаруживаться признаки близкихъ замѣшательствъ. Можно было догадываться, что они мирнымъ путемъ не разрѣшатся, и что Россіи волей-неволей придется при-

нять участіе въ подготовляющихся военныхъ событіяхъ; а въ такомъ случаѣ войскамъ дѣйствующей арміи предстояло первымъ взяться за оружіе. Разсчитывая такъ, я подалъ въ 1847 году прошеніе о переводѣ меня въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ этой арміи, а въ маѣ 1849 года, будучи командиромъ 1-го баталіона Олонецкаго полка, я находился уже въ составѣ той части дѣйствующей арміи, которая была послана для усмиренія Венгріи. Вотъ когда казалось несомнѣннымъ исполненіе давнишняго моего желанія, тѣмъ болѣе, что Олонецкій полкъ, при самомъ вступленіи въ Венгрію, попалъ въ колонну, при которой слѣдовалъ самъ фельдмаршалъ и которая наступала съ твердою рѣшимостью опрокинуть непріятельскій корпусъ, стоявшій передъ нею на пути. Однако мы въ пять переходовъ прошли разстояніе между гг. Бардфельдомъ и Кашау, имѣвъ лишь двѣ кавалерійскія аванпостныя стычки; на серіезное же сопротивленіе непріятель не отваживался, и за Кашау совершенно исчезъ у насъ изъ вида. Но это былъ только наблюдательный корпусъ, а главныя силы венгровъ, подъ начальствомъ Гергея, вели тогда борьбу съ австрійцами у крѣпости Коморна. Въ ту же сторону изъ Кашау и насъ фельдмаршалъ повелъ. Пройдя гг. Мишкольцъ и Гіонгіешъ мирно, мы приближались къ с. Гатвану, и тутъ услыхали отдаленную пальбу — это было дѣло нашего авангарда съ Гергеемъ подъ Вайценомъ. Наши войска тотчасъ же двинулись туда, а Олонецкому и Полтавскому полкамъ да одной батареѣ было приказано остановиться у Гатвана для прикрытія Вагенбурга. Полтавцы однако че-

резъ нѣсколько дней какъ-то отдѣлались отъ него, а мы, переходя съ нимъ съ мѣста на мѣсто въ хвостѣ арміи, всѣ до одного сраженія пропустили; посчастливилось только 2-му нашему баталіону попасть въ Дебричинское сраженіе, благодаря тому, что онъ назначенъ былъ конвоировать летучій паркъ, отправлявшійся изъ Вагенбурга къ арміи, и подоспѣлъ съ нимъ къ ней передъ самымъ началомъ сраженія. Такимъ образомъ, изкрестивъ вдоль и поперегъ Венгрію, приходилось покидать ее, не понюхавъ венгерскаго пороха; но одинъ нежданный случай явился какъ бы на выручку мнѣ. Въ числѣ немногихъ крѣпостей, еще упорствовавшихъ послѣ сдачи Гергея, въ признаніи австрійскаго правительства, была крѣпость Мункачь. Для покоренія ея предназначался отрядъ, въ составъ котораго изъ нашего полка долженъ былъ войдти только одинъ баталіонъ. Полковой командиръ, зная мое батальное настроеніе, назначилъ въ этотъ отрядъ мой баталіонъ. Отрядъ форсированнымъ маршемъ двинулся къ крѣпости, предполагая, по слухамъ, встрѣтить самое упорное сопротивленіе; а крѣпость, кажется, ожидала лишь одного, чтобы было кому покориться. Поэтому сдача ея не замедлила послѣдовать, и я еще разъ увидѣлъ парализованными мои воинственныя стремленія. Затѣмъ отрядъ пошелъ въ Россію, а я съ баталіономъ былъ оставленъ для охраненія крѣпости и надзора за плѣнными, коммендантомъ и тридцатью офицерами, впредь до распоряженія высшаго начальства. Пробывъ тамъ безъ всякихъ тревогъ двѣ недѣли, я, согласно распоряженію фельдмаршала, передалъ крѣпость и

плѣнныхъ прибывшему мнѣ на смѣну Забалканскому полку, и черезъ Кашау и Краковъ присоединился, послѣ двухмѣсячной слишкомъ командировки, къ своему полку, уже расположенному на зимовыхъ квартирахъ въ Варшавской губерніи, въ г. Кушно.

Наконецъ, когда наступила теперешняя война, я уже не смѣлъ и помышлять о возможности попасть въ ряды дѣйствующихъ войскъ, отчасти потому, что столько разъ прежде это мнѣ не удавалось, преимущественно же потому, что полкъ нашъ, квартируя въ Люблинѣ, находился слишкомъ далеко отъ театра военныхъ дѣйствій. Но когда наша и 5-я дивизіи въ маѣ сего года были направлены въ Крымъ, а въ іюлѣ расположились на берегахъ р. Качи, откуда по зарямъ можно было слышать севастопольскую пальбу,—тогда я отъ всего сердца возблагодарилъ судьбу, что она открываетъ и мнѣ путь къ участію въ этой святой брани.

Вотъ вѣрное изложеніе, примолвилъ я въ заключеніе моего длиннаго доклада, того, какъ понимаю я моихъ подчиненныхъ и какимъ я былъ въ продолжительномъ преслѣдованіи моей завѣтной цѣли; теперь судите и рѣшите, ваше сіятельство, къ чему мы пригодны“.

Князь поблагодарилъ меня за откровенность и сказалъ: что радъ видѣть меня въ числѣ своихъ подчиненныхъ, потому что я, если и не искусился еще въ ратныхъ дѣлахъ, то все-таки уже побывалъ близко возлѣ нихъ; но замѣтилъ, что несмотря на добрыя надежды, внушаемыя моимъ объясненіемъ, было бы луч-

ше, если бы мой полкъ обязанности обороны, имѣющія свои особенности, изучилъ исподоволь подъ руководствомъ уже свыкшихся съ этимъ дѣломъ людей; а потому князь приказалъ мнѣ, для ознакомленія полка, съ новымъ для него родомъ службы, приводить на оборонительную линію баталіоны поочередно, по одному каждый день, начавъ это съ завтрашняго дня. Затѣмъ прощаясь, князь пригласилъ меня на сегодняшній обѣдъ.

VII.

Часу во 2-мъ пополудни, я вторично явился въ башню и въ той комнатѣ, гдѣ въ первый мой приходъ я нашелъ нѣсколькихъ офицеровъ, теперь увидѣлъ накрытый столъ къ обѣду и собравшихся гостей. Вскорѣ вышелъ князь, и всѣ сѣли за столъ. Обѣдавшихъ было человѣкъ десять, и это число, благодаря хлѣбосольству хозяина, никогда не уменьшалось, а нерѣдко возрастало; такъ какъ помимо начальника отдѣленія, полковыхъ командировъ, адъютанта и ординарцевъ, пользовавшихся радушіемъ князя постоянно, онъ любилъ видѣть за своимъ столомъ еще и офицеровъ тѣхъ полковъ, коимъ доводилось находиться вблизи башни. Блюдъ бывало немного и тѣ незатѣйливыя, какъ иначе и быть не могло при тогдашней обстановкѣ; но изъ за стола всѣ вставали сытыми и довольными хозяиномъ, умѣвшимъ начальническій тонъ согласить съ обходительностію.

Въ числѣ обѣдавшихъ въ тотъ разъ былъ командующій Кременчугскимъ полкомъ, маіоръ Вакгаузенъ.

Обратясь къ нему и ко мнѣ, князь предложилъ намъ условиться сегодня же, какъ размѣстить завтра моего полка баталіонъ между кременчугцами, и просилъ маіора наблюсти, чтобы его люди передали моимъ всѣ правила и снаровки, соблюдаемыя при стрѣльбѣ съ банкета, и при подачѣ часовыми сигналовъ объ артиллерійскихъ выстрѣлахъ непріятеля и о всемъ у него происходящемъ; а такъ же объяснили бы, какъ пользоваться траверзами, какъ поступать при паденіи бомбъ, гдѣ съ меньшею опасностію можно переходить съ мѣста на мѣсто и т. п. Условясь послѣ обѣда съ маіоромъ на счетъ завтрашнихъ нашихъ дѣлъ, я поспѣшилъ къ своему полку. Проходя въ тотъ день вдоль Сѣверной бухты уже четвертый разъ, я имѣлъ возможность составить себѣ понятіе о числѣ раненыхъ, препровождаемыхъ по этой дорогѣ на перевязочный пунктъ Павловскаго мыска, и недоумѣвалъ, почему она еще не пріобрѣла названіе дороги раненныхъ, хотя ихъ, право, чаще, нежели здоровыхъ, можно было встрѣтить на ней.

VIII.

Въ теченіе дня 17 августа на работахъ были 1-й и 3-й баталіоны, а ночью съ 17 на 18 работали 2-й и 4-й, послѣ этого 18 числа можно было послать на оборонительную линію или 1-й, или 3-й баталіонъ, и я приказалъ готовиться 1-му.

На утро 18 августа, этотъ баталіонъ явился по своему назначенію, и былъ поставленъ на банкетъ, въ перемежку съ кременчугцами, принявшими новыхъ

сотоварищей весьма дружелюбно. Тѣмъ временемъ, какъ мои солдаты испытывали цѣльность своей стрѣлбы по непріятелю, или присматривались къ занятой имъ мѣстности, а кременчугцы наставляли ихъ въ хитростяхъ обороны, я съ маіоромъ Вакгаузеномъ ходилъ вдоль линіи расположенія нашихъ полковъ, отъ башни къ 1-му бастіону и обратно, разсуждая о предметахъ, тоже касавшихся дѣла обороны.

Былъ уже часъ 12-й дня, когда противоположныя намъ непріятельскія батареи стали обнаруживать усиленную дѣятельность. Сигналисты съ бруствера безпрерывно выкрикивали: „Пушка! На 2-й бастіонъ! Бомба! На Парижскую“! „Что-то зачастили“, замѣтилъ маіоръ, „этакъ не мудрено и намъ чего нибудь дождаться. А вы знаете“, спросилъ онъ меня, „что дѣлать, если упадетъ вблизи бомба?“ „Знаю“, отвѣчалъ я, „надо лечь наземь, какъ можно ближе къ ней“. Въ это время мы подходили къ 1-му бастіону.—„Бомба“! крикнулъ ближайшій сигналистъ и, послѣ короткой паузы, завопилъ, что было духа: „На-на-на-наша!! Берегись!!!“— „Да“, сказалъ совершенно спокойнымъ голосомъ маіоръ, „она прямо падаетъ на насъ... видите, видите?“ „Нѣтъ“, отозвался я, „у меня глаза слабы и не могутъ смотрѣть на ясное небо“. „Ну, это несчастье... а впрочемъ, позвольте ужъ мнѣ распорядиться вами“. И онъ взялъ меня подъ правую руку и, слѣдя за направленіемъ бомбы, сталъ вмѣстѣ со мной передвигаться изъ стороны въ сторону.

Вдругъ онъ рванулъ меня сильно вправо, и въ ту-же секунду грянулась возлѣ меня слѣва, въ двухъ

или трехъ шагахъ, бомба. Земля дрогнула, двѣ доски сосѣдней платформы спрыгнули съ своихъ лежней, а мы оба пали ницъ.... Зловѣще шевелилась бомба въ выбитомъ ею гнѣздѣ; затаивъ дыханіе и крестясь, я подползалъ къ ней бокомъ чтобы еще нѣсколько сократить между ней и мною разстояніе. И вотъ раздался оглушительный рѣзкій трескъ, черепки загудѣли и засвистѣли черезъ насъ, и мы, всѣ осыпанные пылью, поднялись на ноги, минуты двѣ смотря безъ словъ другъ на друга. „Поздравляю“, началъ маіоръ, „вы теперь получили самое торжественное посвященіе въ члены севастопольскаго братства: я, можно сказать состарѣлся въ Севастополѣ, а только въ первый разъ видѣлъ такую сердитую гостью въ такой близи“. „Благодарю васъ“, въ сильномъ волненіи проговорилъ я, пожимая руку добраго товарища, „безъ вашихъ орлиныхъ глазъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ осколками бомбы и мои дребезги разлетѣлись бы во всѣ стороны“.

Послѣ полудня ожесточенная пальба осадныхъ батарей значительно укротилась, и я съ маіоромъ отправился въ башню обѣдать. За столомъ князь пожелалъ узнать, какъ идутъ наши дѣла. Маіоръ одобрительно отнесся о порученныхъ ему ученикахъ, а я съ признательностію о нашихъ учителяхъ, разсказавъ при этомъ про паденіе бомбы, благодаря маіору, обошедшееся безобидно для насъ обоихъ. На это князь ободрительно замѣтилъ, что такое счастливое вступленіе на оборонительную линію предвѣщаетъ мнѣ и впредь благополучное пребываніе на ней. Передъ вечеромъ 1-й баталіонъ получилъ дозволеніе возвра-

титься на свои бивуаки, а 2-му дано приказаніе прибыть на оборонительную линію по утру 19 августа. И съ этимъ баталіономъ я тоже отдежурилъ день. Находя, что половина полка, ознакомившаяся съ порядками службы на банкетѣ, можетъ передать ихъ другой половинѣ, князь велѣлъ явиться въ слѣдующій день на оборонительную линію уже всему моему полку и смѣнить Полтавскій полкъ, занимавшій 1-й бастіонъ, Парижскую батарею, находившуюся возлѣ башни, и банкетъ отъ этой батареи до потерны, простиравшійся шаговъ на 300 въ направленіи по 2-му бастіону.

IX.

На этихъ мѣстахъ полкъ оставался четверо сутокъ, и служба его здѣсь заключалась въ слѣдующемъ:

Сформированныя еще до сего, по примѣру прочихъ полковъ, команды пластуновъ *) и команда охотниковъ **), пользовавшіяся въ теченіе дня льготой отъ всѣхъ служебныхъ обязанностей, высылались на ночь передъ куртину, соединявшую 2-й бастіонъ съ рогаткою ***), въ волчьи ямы для наблюденія за непріятельскими траншеями и для предохраненія нашихъ верковъ отъ тревогъ мелкихъ партій ****); затѣмъ

*) 1 унт. оф. и 9 ряд., одѣтыхъ на подобіе настоящихъ пластуновъ.

**) 1 об.—оф., 2 у. о., 1 муз. и 32 ряд.

***) Эта рогатка заграждала проходъ, бывшій на серединѣ куртины между 2-мъ бастіономъ и Малаховымъ курганомъ и служившій раздѣльнымъ пунктомъ для 5-го и 4-го отдѣленій оборонительной линіи.

****) Кромѣ пластуновъ и охотниковъ Олонецкаго полка высылались передъ куртину такія же команды Бѣлозерскаго и Полтавскаго

команда штуцерныхъ и съ нарѣзными ружьями *) употреблялась постоянно на банкетѣ для производства ружейной пальбы; и наконецъ, всѣ остальные люди дѣлились на двѣ смѣны, изъ коихъ одна находилась на банкетѣ, а другая на работахъ.

Такъ какъ люди этихъ смѣнъ и по сравнительно слабому ихъ искусству въ стрѣльбѣ, и по качеству ихъ ружей предназначались преимущественно для дѣйствія по непріятелю на близкомъ разстояніи, то они, поработавъ полсутокъ, имѣли достаточно времени въ остальную половину сутокъ отдохнуть и выспаться на банкетѣ. Отъ этого въ любой часъ дня можно было видѣть не мало солдатъ и офицеровъ съ надвинутою на глаза фуражкой, прислонившихся къ брустверу и покоящихся безмятежнымъ сномъ добросовѣстныхъ тружениковъ. Я говорю про офицеровъ пѣхотныхъ, которые, по причинѣ частыхъ перемѣщеній ихъ полковъ съ одного пункта на другой, лишены были всякой возможности обзавестись блиндажами; морскіе же и артиллерійскіе офицеры, пользуясь неподвижностію своихъ батарей, сумѣли обезпечить себя болѣе или менѣе надежными убѣжищами.

Впрочемъ, для большей точности, слѣдуетъ добавить, что нѣсколько моихъ офицеровъ избрали себѣ пристанищемъ порожнее каменное строеніе, въ кото-

полковъ, а полковъ Забалканскаго, Алексопольскаго и Кременчугскаго и пластуны Черноморскихъ казаковъ высылались передъ верки, занимавшіе протяженіе между 2-мъ бастіономъ и Киленбалочной бухтой.

*) 1 об. оф., 2 у. о. и 192 рядовыхъ.

ромъ когда-то помѣщалась лабораторія; и самъ я имѣлъ небольшую комнатку въ башнѣ, гдѣ отъ князя Урусова и его управленія оставалось мѣсто для двухъ или трехъ командировъ ближайшихъ къ ней полковъ. Только верхъ упраздненной лабораторіи, будучи полуразрушенъ, не представлялъ ни малѣйшей преграды для вертикальнаго огня; а входъ и выходъ изъ башни соединялся съ значительнымъ рискомъ: она для непріятеля была какъ бѣльмо въ глазу, за то ужъ онъ и громилъ ее! Разъ во время обѣда у князя, когда онъ сидѣлъ спиной къ растворенному окну, громадная бомба брякнулась подъ самымъ окномъ. „Бей, только не позатылку"!—сказалъ шутливо князь, поворотясь къ нему бокомъ. Бомба лопнула и надымила въ столовой до удушья, но больше ничего. Въ другой разъ черепокъ бомбы влетѣлъ въ корридоръ башни, людей не коснулся, только опрокинулъ ведро съ водой. А то однажды, выходя изъ башни, я повстрѣчался съ раненымъ Бѣлозерскаго полка солдатомъ, который едва плелся; вдругъ надъ нами разрывается бомба и однимъ изъ своихъ осколковъ сноситъ черепъ Бѣлозерцу; несчастный, вскрикнувъ, упалъ какъ подкошенный, а часть его мозговъ очутилась у меня на фуражкѣ и на плечѣ.

X.

Но если башня обращала на себя очень много вниманія непріятельскихъ артиллерійстовъ, то у нихъ довольно еще оставалось его и для прочихъ частей

оборонительной линіи; такъ что, говоря вообще, погромъ шелъ повсемѣстный, усиливаясь съ каждымъ днемъ все болѣе. Послѣднее обстоятельство явно указывало на пропорціональное ослабленіе нашихъ средствъ пораженія; а въ такомъ случаѣ, все спасеніе наше должно было заключаться въ немедленномъ исправленіи разрушаемыхъ укрѣпленій и въ безостановочной насыпкѣ земли на обнажаемыя сводчатыя и блиндированныя постройки, въ которыхъ между прочимъ помѣщались и пороховые склады. Короче сказать — и это не будетъ парадоксомъ — Севастополь держался тогда не столько боевыми, сколько рабочими своими силами. Только необходимо замѣтить, что для успѣха тогдашнихъ работъ требовалось болѣе мужества, чѣмъ для любого боя; потому что на удары врага отвѣчать своими ударами легче, нежели быть осыпаему его ударами и думать не о возмездіи, а объ исполненіи заданнаго урока.

Понимая это, начальники старались всѣми мѣрами ободрить падающихъ духомъ и поощрять смѣлыхъ работниковъ. Поэтому, хотя въ Севастопольскомъ гарнизонѣ и существовалъ обычай освобождать фельдфебелей отъ нахожденія при работахъ, но имѣя въ виду, что присутствіе при ротѣ достойнѣйшаго изъ нижнихъ чиновъ можетъ возбудительно дѣйствовать на нихъ въ критическія минуты ихъ занятій, я совѣтовалъ фельдфебелямъ моего полка, если не каждый разъ, то по мѣрѣ возможности, являться съ своими ротами на работы. Совѣтъ этотъ оказалъ ожидаемое дѣйствіе, и многіе изъ фельдфебелей принесли несом-

нѣнную пользу дѣлу, хотя фельдфебель 2-й мушкатерской роты Флоріанъ Кострицкій, счастливой наружности и отважный молодой человѣкъ, и палъ жертвою своего усердія къ службѣ. Начальствуя командой, которой приказано было насыпать до половину разрушенный брустверъ, Кострицкій замѣтилъ, что люди нерѣшительно берутся за исправленіе его, потому что пули и ядра безпрерывно летѣли на разбитую насыпь.—„Чего вы оторопѣли?“ сказалъ онъ солдатамъ. „Вѣдь въ потемкахъ (это было ночью) непріятель не можетъ въ насъ цѣлиться, онъ стрѣляетъ наугадъ. Вотъ смотрите!“ — И съ этими словами Кострицкій вскочилъ на брустверъ. Работа мгновенно закипѣла, но виновникъ ея начала не увидалъ ея окончанія: онъ былъ пораженъ пулею на смерть; тѣмъ не менѣе начатая работа уже не останавливалась.

Вотъ и еще примѣръ самопожертвованія для ободренія рабочихъ. Одна изъ нашихъ батарей была приведена въ молчаніе. Пользуясь ея безотвѣтностію, непріятель грозилъ разрушить до основанія ея мерлоны. Въ отвращеніе этой бѣды, требовалось подбитыя орудія замѣнить сколь можно поспѣшнѣе годными къ дѣйствію, и эта работа была поручена 8-й мушкатерской ротѣ. Чтобы увеличить усердіе своихъ солдатъ, командиръ ея, капитанъ Брохоцкій, самъ впрягался вмѣстѣ съ ними въ лямку для перетаскиванія орудій.

И благодаря энергичнымъ усиліямъ этой роты, батарея очень скоро получила возможность укротить пылъ своихъ противниковъ; но ротный командиръ былъ раненъ, и черезъ нѣсколько дней его не стало.

XI.

Говоря о первомъ моемъ представленіи князю Урусову, я не могъ не замѣтить о плохомъ состояніи его здоровья, что сразу бросалось въ глаза. Съ тѣхъ поръ оно еще болѣе разстроилось. Въ связи, должно быть, съ этимъ обстоятельствомъ 22 числа, около полудня, генералы Хрулевъ и Лысенко посѣтили князя. Выйдя отъ него, они направились, въ сопровожденіи начальника 5-го отдѣленія, капитанъ - лейтенанта Ильинскаго, командующаго Бѣлозерскимъ полкомъ, маіора Никифорова, меня и еще нѣсколькихъ офицеровъ, на Парижскую батарею. Тамъ генералъ Хрулевъ, увидавъ людей моего полка, обратился ко мнѣ съ благодарностію за то, что объ нихъ слышны исключительно одни похвальные отзывы, и что на дняхъ, во время ночной ошибочной тревоги, онъ самъ имѣлъ случай удостовѣриться въ расторопности и смѣтливости двухъ ротъ *), бывшихъ на работѣ, которыя, замѣтивъ на оборонительной линіи безпокойство, не только быстро собрались въ строй — что обязаны были сдѣлать,—но и бросились бѣгомъ къ мѣсту тревоги, чего отъ нихъ не требовалось, и что онѣ предприняли изъ собственнаго побужденія подать помощь угрожаемому пункту. Пожавъ мнѣ руку, генералъ Хрулевъ примолвилъ:—„Прошу васъ, батинька, принять мою благодарность за чистую монету. Кромѣ вашего полка есть здѣсь и другіе вновь прибывшіе, —

*) По справкамъ тогда наведеннымъ мною, 2-й грен. и 6-й мушк.

хотѣлось бы и тѣмъ сказать спасибо, — но пока не могу". Генералъ Лысенко также высказалъ свое мнѣніе въ пользу Олонецкаго полка. Затѣмъ, обходя занятую моимъ полкомъ линію укрѣпленій, генералъ Хрулевъ вездѣ привѣтствовалъ офицеровъ и солдатъ своею благодарностію за ихъ любовь къ труду и пониманіе военнаго дѣла. Надо было видѣть, какою радостію, какимъ торжествомъ сіяли лица моихъ боевыхъ товарищей, чтобы понять, что значили для нихъ лестныя слова уважаемаго начальника; да и для меня они имѣли такую цѣну, что я земли не слышалъ подъ собою. Это былъ тріумфъ всего полка, пріобрѣтенный имъ семнадцати дневными трудами, обильно упитавшими севастопольскую почву его потомъ и кровью 290 человѣкъ *), выбывшими за это время изъ строя отъ непріятельскаго огня. Обойдя укрѣпленія, генералъ Хрулевъ пожелалъ обозрѣть осадныя работы съ вершины башни. За нимъ было послѣдовали туда и всѣ сопровождавшіе его, но онъ настоятельно потребовалъ, чтобы они остались въ низу, и только одинъ капитанъ-лейтенантъ Ильинскій, можно сказать, силою взобрался тоже на башню. Появленіе на такой высотѣ двухъ наблюдателей представляло интересную цѣль для непріятеля, и онъ принялся осыпать ихъ выстрѣлами, не отличась однако на этотъ разъ мѣткостію. Спустясь съ башни, генералъ Хрулевъ распрощался съ нами. За обѣдомъ князь Урусовъ, посмѣиваясь благосклонно, замѣтилъ мнѣ, что я хоро-

*) См. параграфъ XVI.

шо успѣваю и пожелалъ еще большихъ успѣховъ. Тутъ же онъ объявилъ, что сегодня отъѣзжаетъ на сѣверную сторону, и что вмѣсто него будетъ командовать войсками 5-го отдѣленія генералъ-маіоръ Сабашинскій. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ обѣда князь оставилъ насъ, а генералъ Сабашинскій прибылъ къ намъ.

XII.

Хотя для меня, неизбалованнаго фортуной, довольно было и того, чѣмъ она уже подарила меня въ тотъ день, но ей, видно, этого казалось мало, и она низпослала мнѣ еще одно утѣшеніе. Я получилъ отъ адъютанта командуемой мною бригады, находившагося съ своей канцеляріей на городской сторонѣ, письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ, что полученъ Высочайшій приказъ, отъ 12 августа, о назначеніи меня командующимъ Олонецкимъ полкомъ, коимъ я до сего времени завѣдывалъ лишь по распоряженію ближайшаго начальства. Поздравляя меня съ Монаршею милостію, адъютантъ присовокуплялъ, что она обрадуетъ сильно и олонецкихъ офицеровъ, потому что желаніе ихъ служить подъ моимъ начальствомъ они могутъ считать нынѣ уже осуществившимся. И такъ, я зналъ теперь, что моему командованію полкомъ дарована надлежащая прочность, и что въ добавокъ оно приходится по нраву моимъ подчиненнымъ. Послѣднее обстоятельство тѣмъ пріятнѣе было для меня, что я не искалъ у нихъ популярности искуственными путями; явившись же сама собой, она становилась для

меня очень цѣнною, какъ могучее подспорье въ дѣлѣ начальствованія.

XIII.

23-е число минуло, не принеся ничего особеннаго, но на разсвѣтѣ слѣдующаго дня передъ Севастополемъ открылся цѣлый адъ, такъ что и для старожиловъ оборонительной линіи это зрѣлище имѣло занимательность новизны. Всѣ ждали съ минуты на минуту приступа; войска стояли наготовѣ. Я былъ назначенъ командовать лѣвымъ флангомъ, начинавшимся у башни и кончавшимся нижнею траншеей, въ сосѣдствѣ Киленбалочной бухты.

Провѣряя боевой фронтъ, капитанъ-лейтенантъ Ильинскій сказалъ мнѣ, что непріятель, хотя противъ насъ и не съ такой силой дѣйствуетъ, какъ противъ 2-го бастіона и Малахова кургана, но это только для отвлеченія нашего вниманія, а что аттака начнется непремѣнно противъ насъ изъ Киленбалки; и потому ее ни на минуту не должно оставлять безъ наблюденія. Но какъ приступъ съ этой стороны подвергалъ бы непріятеля обстрѣливанію нашихъ пароходовъ изъ Киленбалочной бухты, чего, конечно, онъ никогда бы не захотѣлъ испробовать, то на данное мнѣ предостереженіе нельзя было смотрѣть иначе, какъ на невинное средство возбудить во мнѣ усиленную бдительность; по крайней мѣрѣ, я такъ это понялъ, а потому ничего и не возражалъ.

Не смотря однакожъ на всѣ будто бы несомнѣнные признаки, приступъ на этотъ разъ не состоялся,

и съ восходомъ солнца, котораго изъ-за порохового дыма не можно было явственно видѣть, бомбардировка потеряла исключительный характеръ, развязавъ намъ руки для обычныхъ занятій.

Вскорѣ я былъ позванъ къ генералу Сабашинскому. Онъ пилъ чай, и мнѣ подали стаканъ.

— Полтавцы, началъ генералъ, какъ и вамъ, я думаю извѣстно, занимаютъ теперь куртину отъ рогатки до 2-го бастіона, а Кременчугцы 2-й бастіонъ. Они очень уже пострадали, и я намѣренъ ихъ оттуда смѣнить; на смѣну же имъ я назначаю вашъ полкъ.

— Слушаю, отозвался я.

— Двумя баталіонами, по собственному выбору, вы займете куртину; а другими двумя 2-й бастіонъ. Сами вы должны находиться на куртинѣ, какъ наиболѣе отдаленномъ отъ меня пунктѣ, а непосредственный надзоръ за баталіонами, которые помѣстятся во 2-мъ бастіонѣ, поручите старшему изъ ихъ баталіонныхъ командировъ. Прошу васъ и старшаго баталіоннаго командира во 2-мъ бастіонѣ извѣщать меня записками, не менѣе трехъ разъ въ сутки, что у васъ или у непріятеля дѣлается, а въ экстренныхъ случаяхъ увѣдомлять меня немедленно.

— Все это будетъ исполнено, ваше превосходительство. А когда прикажете вести полкъ на новыя мѣста?

— Сей же часъ, потому что передъ полуднемъ бомбардировка обыкновенно усиливается. Не скрою отъ васъ, продолжалъ генералъ, что теперешній вашъ постъ очень опасный; но вы, вѣроятно, за это на меня не посѣтуете....

— Напротивъ, ваше превосходительство. Принимая новое назначеніе какъ знакъ довѣрія къ моему полку, я за себя и за моихъ подчиненныхъ приношу глубокую благодарность и смѣю завѣрить въ готовности нашей оправдать оказываемое намъ довѣріе.

— И прекрасно. Что же касается до меня, то каждый, кто служилъ подъ моимъ начальствомъ въ Севастополѣ, скажетъ вамъ, умѣю ли я цѣнить дѣльныхъ помощниковъ. Но это дѣло второстепенное, а главное—исполненіе долга; вашъ же долгъ теперь: отстаивать свою позицію донельзя—и ни шагу назадъ!

— Будьте увѣрены, ваше превосходительство, что я не забуду этихъ словъ и напрягу всѣ силы, чтобы выполнить ихъ.

— Ну, такъ и съ Богомъ!

Выйдя отъ генерала, я немедленно собралъ полкъ и повелъ его на новую позицію, назначивъ 3-й и 4-й баталіоны на 2-й бастіонъ, а 1-й и 2-й на куртину. Такимъ образомъ младшимъ по номеру баталіонамъ предстояло пройдти около четверти, а старшимъ около полуверсты отъ потерны, т. е. отъ того пункта, въ который упирался доселѣ правый флангъ полка. Идя рядами, съ ружьями на перевѣсъ, въ совершенной тишинѣ и держась сколько можно ближе бруствера, мы успѣли совершить этотъ переходъ незамѣтно для непріятеля, что однако не спасло насъ отъ потери десяти человѣкъ, раненныхъ пулями, которыя здѣсь, по причинѣ близости непріятельскихъ траншей и низкаго профиля бруствера, не въ при-

мѣръ чаще летали, нежели тамъ, откуда мы переселялись.

Добравшись до мѣста своего назначенія, я обратился къ командовавшему Полтавскимъ полкомъ за болѣзнію настоящаго полкового командира, полковнику Грушке, съ предложеніемъ передать куртину на мое попеченіе.

По окончаніи ея сдачи, онъ познакомилъ меня съ хозяевами единственнаго на всей куртинѣ блиндированнаго убѣжища, гостепріимствомъ которыхъ онъ пользовался; а тѣ на столько были обязательны, что пригласили меня занять мѣсто, оставшееся послѣ подполковника вакантнымъ.

Блиндажъ, гдѣ я теперь водворился, на половину своей высоты находился ниже горизонта, и имѣлъ надъ собой брустверъ, а съ боку лазейку, исполнявшую назначеніе двери и окна. Съ трехъ остальныхъ боковъ внутри были устроены четыре узкихъ прилавка, которые могли служить кроватями четыремъ-же личностямъ; болѣе не оказывалось мѣста уже ни для человѣка, развѣ на землѣ, но тогда его топтали-бы ногами какъ половикъ. Комплектъ блиндажныхъ жильцовъ былъ полный, ихъ, помимо меня, считалось трое: пѣшей артиллеріи прапорщикъ Калошинъ, казачей артиллеріи, если не ошибаюсь, прапорщикъ Гросманъ и флотскій офицеръ, чинъ и фамилію котораго рѣшительно забылъ; да и мудрено-бы не забыть теперь, если и въ то время я моихъ хозяевъ, а они меня едва знали. Служебныя занятія у насъ были разныя, ихъ они тянули на батарею, а меня на банкетъ; можно

было-бы сходиться за хлѣбомъ-солью, но я дѣлилъ ее всегда съ нѣсколькими изъ своихъ однополчанъ, которыхъ блиндажъ не могъ въ себя вмѣстить, и тщательно избѣгалъ стѣснять своимъ присутствіемъ моихъ хозяевъ, когда они принимались за свою трапезу. Такимъ образомъ большую часть сутокъ я проводилъ на банкетѣ, а блиндажъ навѣщалъ почти исключительно для сна.

XIV.

Осмотрѣвъ куртину внимательно, нельзя было не убѣдиться, что генералъ Сабашинскій имѣлъ полное право назвать ее опаснымъ постомъ.

Профиль ея, не отличавшаяся и въ началѣ сооруженія солидностію размѣровъ, теперь усердіемъ непріятельскихъ батарей ущербилась по всѣмъ тремъ измѣреніямъ: въ высоту, глубину и ширину; а въ одномъ мѣстѣ брустверъ былъ даже насквозь пробитъ, и хотя это окно каждую ночь съ значительною потерей рабочихъ задѣлывали, но поутру непріятельскія ядра вновь его отрывали. Ружейная пальба, какъ я уже и замѣтилъ, заявляла себя здѣсь очень серіозно, а о количествѣ бросаемыхъ сюда сплошныхъ и разрывныхъ снарядовъ свидѣтельствовали безчисленныя борозды и воронки, коими была изпещрена почва по сю сторону оборонительной линіи.

Длина куртины по линіи огня считалась въ 405 шаговъ, слѣдовательно, для обороны ея ружейной пальбой требовалось, по меньшей мѣрѣ, столько же

человѣкъ, сколько насчитывалось шаговъ; а я могъ располагать для этой цѣли не болѣе, какъ 350 человѣками, т. е. однимъ баталіономъ, другой же долженъ былъ держать въ резервѣ, чтобы въ случаѣ вторженія непріятеля внутрь верковъ, имѣть возможность встрѣтить его сомкнутымъ строемъ. Правда, въ числѣ войскъ 5 отдѣленія имѣлся общій резервъ, но для сохраненія ли его отъ излишнихъ потерь, или для лучшаго обезпеченія лѣваго фланга, если въ самомъ дѣлѣ опасались за приступъ со стороны Киленбалки, только общій резервъ помѣщался въ Ушаковой балкѣ, ближе къ лѣвому, нежели къ правому, т. е. къ нашему флангу, будучи невидимъ намъ, а мы ему, тогда какъ непріятельскія траншеи находились у насъ совершенно въ виду. Послѣ этого оставаться намъ безъ собственнаго резерва было совершенно непозволительно.

При слабости съ нашей стороны огня ружейнаго, орудейный едва ли не былъ еще слабѣе. У насъ находились нѣсколько мортиръ, довольно впрочемъ бойко отвѣчавшихъ своимъ противникамъ, и дивизіонъ пѣшей артиллеріи, которому совершенно не по силамъ была борьба съ крупнокалиберными осадными орудіями. Вслѣдствіе этого, назначеніе его, какъ объяснялъ командовавшій имъ прапорщикъ Калошинъ, состояло въ томъ, чтобы дѣйствовать по штурмующимъ войскамъ картечью, отъ чего эти четыре орудія и назывались штурмовою батареею; но если бы штурмъ не былъ отраженъ, то ретироваться въ корабельную слободку къ своей батареѣ, обязанной по

тревогѣ немедленно прислать на оборонительную линію передки, принадлежащіе сказанному дивизіону. Но если матеріальныя средства къ оборонѣ не стояли въ уровень со средствами, имѣвшимися въ распоряженіи осаждающаго, то падать отъ того духомъ мы во все не думали. Не говоря уже объ офицерахъ, которые, занимая видное положеніе, должны были поддерживать себя на высотѣ его; но и солдаты, чья скромная доля рядовыхъ бойцевъ избавляла ихъ отъ заботы казаться выше, чѣмъ они есть, и тѣ очень бодро переносили боевые труды и опасности, и даже въ ужасахъ пиротехніи находили источникъ для своего развлеченія.

Въ этомъ отношеніи особенно выдавался передъ другими цирюльникъ 2-й мушкатерской роты, Михѣй Кирсановъ, котораго профессія вовсе не обязывала на постоянное пребываніе на оборонительной линіи, и который однако ни на одинъ часъ не покидалъ ее, ради того, чтобы слѣдить за полетомъ и паденіемъ нашихъ бомбъ: удачные выстрѣлы нашъ Фигаро награждалъ аплодисментами, а не удачные свистками, сопровождая тѣ и другіе шуточками и прибауточками, доводившими окружающую его публику до гомерическаго хохота, тогда какъ въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда раздавались стоны и лилась кровь.... И не смотря на то, что для наблюденія за результатами выстрѣловъ надо было вскакивать на валъ, судьба хранила смѣлаго весельчака.

XV.

На другой день послѣ прибытія нашего на куртину, т. е. 24-го августа, я получилъ диспозицію слѣдующаго содержанія *):

Диспозиція 5-го отдѣленія: начальникъ отдѣленія, капитанъ 1-го ранга Микрюковъ **).

Помощникъ его артиллеріи подпоручикъ Врончепскій.

Начальникъ войскъ за болѣзнію генералъ-адъютанта князя Урусова, генералъ-маіоръ Сабашинскій.

Правый флангъ подъ командою командующаго Олонецкимъ полкомъ подполковника Алексѣева.

Рогатка и стѣнка отъ оной до бастіона № 2-го.

Разстояніе въ шагахъ по линіи огня 405 шаговъ.

Два баталіона Олонецкаго полка 665 человѣкъ.

Бастіонъ № 2-го разстояніе въ шагахъ 354 шага.

Два баталіона Олонецкаго полка 665 человѣкъ.

Центръ

Подъ начальствомъ полковника Иванова.

Стѣнка отъ бастіона № 2-го до лабораторной батареи въ шагахъ 200.

Двѣ роты Бѣлозерскаго полка 870***) человѣкъ.

*) Оно передается здѣсь со всевозможною вѣрностію.

**) Онъ очередовался въ отправленіи обязанностей начальника отдѣленія съ капит.-лейт. Ильинскимъ и смѣнилъ его уже по удаленіи моемъ изъ башни.

***) Это описка. Вмѣсто 870, вѣроятно, должно быть 170, потому что черезъ двѣ строки ниже въ 10 ротахъ того же полка показано 860 человѣкъ, а 860 : 10×2=172, что самую незначительную имѣетъ разницу съ 170.

Сомкнутый редантъ, состоящій изъ двора оборонительной казармы и лабораторіи, разстояніе въ шагахъ по линіи огня 750 шаговъ.

Два баталіона и двѣ роты Бѣлозерскаго полка 860 человѣкъ.

Лѣвый флангъ.

Подъ начальствомъ командира Забалканскаго полка Нейдгерта.

1) Парижская батарея съ горжевою обороною, разстояніе по линіи огня 404 шага.

Два баталіона Забалканскаго полка 480 человѣкъ.

2) Бастіонъ № 1-го, съ горжею, разстояніе по линіи огня 437 шаговъ.

Двѣ роты 48-й дружины, 2-я стрѣлковая и въ резервѣ одна рота Алексопольскаго полка *).

3) Передняя траншея отъ рейда до бастіона № 1, разстояніе въ шагахъ по линіи огня 402 шага.

Двѣ роты 48-й дружины, 4-я стрѣлковая и въ резервѣ одна или двѣ роты Алексопольскаго полка *).

Въ резервѣ.

Пять ротъ Алексопольскаго полка 450 человѣкъ.

Два баталіона Полтавскаго полка 438 человѣкъ.

Два баталіона Кременчугскаго полка 618 человѣкъ.

*) Итого 4 роты. А всего 9 ротъ. Полагая въ каждой по примѣру Бѣлозерскаго полка по 85 человѣкъ, во всѣхъ, значитъ было 765 человѣкъ.

Примѣчаніе: 1) Сводные бригады 8-й дивизіи мѣняются между собою мѣстами черезъ три дня.

2) Резервъ работаетъ 2-ю оборонительную линію и въ случаѣ тревоги поддерживаетъ бастіонъ № 2 и рогатку.

3) На ночь для усиленія Олонецкаго полка вводится изъ резерва двѣ роты въ бастіонъ № 2 и двѣ роты къ рогаткѣ.

4) Къ дружинѣ № 48, прикомандировываются 4-го стрѣлковаго баталіона 2-я и 4-я роты, съ тѣмъ, чтобы занимая банкеты дружина имѣла своихъ штуцерныхъ.

Заключеніе.

При таковыхъ средствахъ, данныхъ 3-му, 4 и 5-му отдѣленіямъ для отраженія врага, ввѣренныхъ защитѣ доблестныхъ полковъ не нахожу нужнымъ сказать: „что подъ командою храбрыхъ своихъ начальниковъ никто не долженъ не только разсуждать, но и мыслить объ отступленіи во 2-ю оборонительную линію, которая построена единственно для прикрытія резервовъ и устрашенія непріятеля. 2) Послѣ отбитія непріятеля строго воспрещается преслѣдовать его, а провожать только ружейнымъ огнемъ.

Крикъ ура людямъ, состоящимъ на банкетахъ воспретить и вообще чтобы не было никакого шума, а стараться, чтобы было какъ можно меньше суеты.

Исправленіе всѣхъ поврежденій на банкетахъ и батареяхъ производить войскамъ, находящимся для прикрытія ихъ.

Части войскъ, находящіяся на работахъ, по тревогѣ немедленно оставляютъ работу и слѣдуютъ къ своему мѣсту. Ежели какая либо часть назначается на работу, то всѣ гг. офицеры той части непремѣнно должны находиться на своихъ мѣстахъ. Раненыхъ и убитыхъ во время штурма до отраженія онаго не подбирать.

Подлинную подписалъ генералъ-лейтенантъ Хрулевъ. Начальнику праваго фланга, командующему Олонецкимъ полкомъ, г-ну подполковнику Алексѣеву.

Въ диспозиціи этой заслуживаютъ особеннаго вниманія: 1) Измѣненіе въ порядкѣ отбыванія работъ, устранявшее теперь дробленіе частей войскъ; такъ что съ этихъ поръ уже не могло случиться, чтобы половина полка дѣйствовала на банкетѣ, а другая занималась возведеніемъ 2-й оборонительной линіи или другими работами гдѣ нибудь въ значительномъ отдаленіи, какъ нерѣдко бывало доселѣ, и что въ виду ежечасно ожидаемаго штурма уже не имѣло никакого извиненія. 2) Изчисленіе длины всѣхъ укрѣпленій 5-го отдѣленія и численности предназначаемыхъ для ихъ защиты войскъ. Первая равнялась 2,952 шагамъ, а послѣдняя 3,605 человѣкамъ *), съ резервомъ же, состоявшимъ изъ 1,506 человѣкъ, 5,111 человѣкамъ, что весьма немного для обороны линіи въ 984 сажени. И наконецъ, 3) Заботливость генерала Хрулева объ усиленіи обо-

*) По диспозиціи 2,670 человѣкъ и 11 ротъ, въ коихъ я считаю 935 человѣкъ.

ронительныхъ средствъ праваго фланга. Проходя молчанiемъ центръ и лѣвый флангъ, диспозицiя предписывала вводить во 2-й бастiонъ и на куртину на ночь часть резерва, а въ случаѣ тревоги вмѣнялось въ обязанность всему резерву поддерживать эти верки. Распоряженiемъ этимъ какъ бы указывалось, что правый флангъ признается наиболѣе подверженнымъ непрiятельскому нападенiю, и вѣрность этого указанiя вполнѣ оправдалась послѣдствiями. А между тѣмъ, о чемъ я уже упоминалъ, резервъ къ лѣвому флангу находился ближе нежели къ правому. Конечно, вышеприведенною же диспозицiею предписывалось резерву работать по 2-й оборонительной линiи, и можетъ быть именно эти работы отвлекали его такъ далеко отъ праваго фланга; но въ такихъ обстоятельствахъ дѣло болѣе выиграло бы, еслибы половину резерва оставить сооружать 2-ю оборонительную линiю, а другую держать наготовѣ вблизи пунктовъ, такъ мѣтко указанныхъ прозорливымъ начальникомъ. Но какъ на помощь резерва, по крайней мѣрѣ, своевременную, правому флангу расчитывать не приходилось, то ему оставалось довольствоваться только своими собственными средствами, и я еще наканунѣ распорядился такъ: два баталiона поставилъ на банкетѣ, а другiе два въ резервѣ, въ ротныхъ колоннахъ, за соотвѣтствующими ротами стоящихъ на банкетѣ баталiоновъ и шагахъ въ 50 отъ бруствера. Штуцерныхъ и съ нарѣзными ружьями людей всего полка я помѣстилъ для усиленiя огня на банкетѣ, куда должны были въ случаѣ штурма явиться и пластуны съ охотниками, предназначав-

шіеся и теперь, какъ передъ симъ *), къ занятію въ ночное время впереди куртины волчьихъ ямъ. Ротныя колонны обязаны были ворвавшихся при штурмѣ внутрь укрѣпленія одиночныхъ смѣльчаковъ обезоруживать или уничтожать, а массы аттаковать въ штыки, стараясь при этомъ дѣйствовать одновременно съ двухъ и даже съ трехъ сторонъ; такъ если бы одна рота встрѣтила непріятеля съ фронта, то сосѣдней ударить ему во флангъ, а если противъ другого непріятельскаго фланга оказалось бы еще рота, то и ей немедленно вступить въ рукопашный бой. И такъ дѣйствовать ротнымъ колоннамъ до прихода на помощь общаго резерва, а тогда они должны вступить на банкетъ, по порядку нумеровъ баталіоновъ и ротъ, или по моему указанію. Для себя же, на время штурма, я избралъ мѣсто на лѣвомъ флангѣ штурмовой батареи, откуда мнѣ удобно было видѣть площадь къ сторонѣ непріятеля, всю куртину и стоящія за ней ротныя колонны, и гдѣ я для нихъ безъ труда былъ виденъ.

Находя, что все это нисколько не отступаетъ отъ смысла приведенной выше диспозиціи, я, передавъ въ баталіоны содержаніе ея, подтвердилъ вчерашнія мои распоряженія къ непремѣнному исполненію; и съ той поры весь полкъ поголовно сталъ готовиться къ штурму, съ такою увѣренностію въ близость его, что всѣ дѣла, нетребовавшія особенной поспѣшности, откладывались до окончанія его. Напримѣръ, полковой казначей, придя на оборонительную линію, говоритъ мнѣ:

*) См. параграфъ IX.

„я принесъ жалованье за майскую треть, не угодно ли вамъ получить?“—„Нѣтъ“, отвѣчаю я, „ужь удовлетворяйте роты и офицеровъ, а мнѣ нѣкогда теперь, послѣ штурма получу“. Или одинъ ротный командиръ съ своимъ фельдфебелемъ бесѣдовалъ: „возьми отсюда какого нибудь сапожника, пусть онъ оглядитъ ранцы *), да которые нужно, починитъ“.—„Слушаю-съ. А впрочемъ, не прикажите ли обождать, пока штурмъ пройдетъ?“—„Да, и правду, пусть его пройдетъ, а тогда и починкой займемся“.

И злой день, хотя не такими быстрыми шагами, какъ мы ожидали и какъ намъ хотѣлось, все-таки приближался, предпосылая себѣ потрясающія явленія.

Бомбы и ракеты точно въ перегонку одна за другой летѣли въ Севастополь. 24-го августа, повечеру загорѣлся отъ нихъ одинъ изъ нашихъ кораблей въ сѣверной бухтѣ, и всю ночь своимъ печальнымъ заревомъ освѣщалъ превращенный въ рѣшето городъ, и вокругъ него валы, облитые кровью. Ровно черезъ двое сутокъ, 26-го августа повечеру, тамъ же вновь запылалъ пожаръ,—это горѣлъ другой корабль. Съ невыразимой горестью о бѣдственной участи славнаго Черноморскаго флота, частію уже затопленнаго, частію теперь обращаемаго въ пепелъ, мы слѣдили за видоизмѣненіями пламени, то ослабѣвающаго, то усиливаю-

*) Ранцы всего полка находились на Павловскомъ мыскѣ вблизи солдатскихъ кухонъ. Тамъ же обитали фельдфебеля, каптенармусы, писаря, цырюльники и т. п.

щагося, а сердце билось тревожно, какъ бы чуя еще что-нибудь недоброе. И точно, въ той же сторонѣ разразился жестокій взрывъ, и ночное небо отъ края до края озарилось такимъ сильнымъ свѣтомъ, что въ немъ исчезло зарево пожара. Около часа, оставаясь въ невѣденіи на счетъ того, чему этотъ взрывъ повредилъ, мы опасались, не случилось ли чего съ новымъ мостомъ; но наконецъ узнали, что это у Графской пристани взлетѣли на воздухъ привезенныя съ корабельной стороны бочки съ порохомъ, отъ попавшей въ нихъ ракеты. А корабль своимъ чередомъ горѣлъ всю ночь напролетъ.

Пожары виднѣлись намъ издали, а присутствіе смерти ощущалось нами возлѣ, и ощущалось очень сильно. Чтобы судить о числѣ ея жертвъ и вообще о потеряхъ полка отъ непріятельскаго огня, я представляю нѣкоторыя данныя по этому предмету, случайно сохранившіяся у меня вмѣстѣ съ тою диспозиціею, о которой говорилось въ предыдущемъ параграфѣ.

АВГУСТА.

	Съ 6—22-е.				23-го.		24-го.			25-го.		Съ 23—25-е.			
	Штабъ-офицер.	Оберъ-офицер.	Нижн. чиновъ.	Итого.	Штабъ-офицер.	Нижн. чиновъ.	Штабъ-офицер.	Оберъ-офицер.	Нижн. чиновъ.	Оберъ-офицер.	Нижн. чиновъ.	Штабъ-офицер.	Оберъ-офицер.	Нижн. чиновъ.	Итого.
Контужено	„	„	57	57	„	6	„	1	9	1	12	„	2	27	29
Ранено . .	1	3	189	193	1	29	1	„	44	„	64	2	„	137	139
Убито . . .	„	„	40	40	„	2	„	„	24	„	19	„	„	45	88
Итого. . .	1+	3	+286=	290			1	1	77	1	95	2+	2+	209=	256

Какъ же была велика убыль августа 26 и до полудня 27-го, когда начался штурмъ, за неимѣніемъ данныхъ, сказать положительно не могу; но принимая во вниманіе постепенно возраставшую убыль съ 23 по 25 августа, позволительно думать, что 26 числа выбыло изъ строя болѣе, чѣмъ наканунѣ; и потому убыль 26 августа слѣдуетъ считать не менѣе какъ 110 человѣкъ, а въ теченіе полудня 27 августа, когда бомбардировка свирѣпствовала еще сильнѣе, нежели въ предшествовавшія числа, въ 30 человѣкъ.

Изъ всѣхъ этихъ цифръ оказывается возможнымъ вывесть слѣдующія заключенія: что съ прибытія своего въ Севастополь, съ 6-го по полдень 27 августа, полкъ отъ непріятельскаго огня понесъ убыль въ 686 человѣкъ.

А съ водворенія своего на куртинѣ и во 2-мъ бастіонѣ, съ 23 по полдень 27 августа, т. е. въ теченіе 4¹|₄ сутокъ, 396 человѣкъ.

Съ полученія же мною диспозиціи, съ 25 по полдень 27 августа, т. е. въ 2 ¹|₄ сутокъ, 279 человѣкъ.

Если послѣднюю цифру вычесть изъ цифры 1330, обозначающей въ диспозиціи численность Олонецкаго полка, то окажется, что онъ встрѣтилъ приступъ въ числѣ 1051 человѣка.

Но если бы приступъ не состоялся 27 августа, а Олонецкій полкъ продолжалъ занимать тѣ же верки и подъ такимъ же огнемъ, теряя значитъ въ каждыя 4¹|₄ сутокъ по 396 человѣкъ, то черезъ одиннадцать сутокъ и нѣсколько часовъ отъ полка остались бы ра-

ненные и больные по гошпиталямъ, и нестроевая рота на Сѣверной сторонѣ.

XVII.

Но эти невзгоды, какъ онѣ ни были суровы, почти не измѣнили насъ; глядя на прогрессивное уменьшеніе нашей ротной семьи, мы только сосредоточеннѣе, пасмурнѣе стали. Тѣмъ не менѣе, если бы для разсѣянія такого настроенія могло явиться какое-либо средство, то оно не было бы вредно. И оно въ самомъ дѣлѣ явилось наканунѣ приступа въ формѣ приказанія генерала Сабашинскаго, предписывавшаго мнѣ назначить и прислать къ нему достойнѣйшихъ 8 унтеръ-офицеровъ и 8 рядовыхъ (тѣхъ и другихъ по два изъ каждаго баталіона) для награжденія ихъ знакомъ отличія военнаго ордена. Эта новость всѣхъ насъ оживила. Солдаты пустились размышлятъ, кому изъ нихъ выпадетъ честь украситься свѣтлымъ крестикомъ; а начальники стали обдумывать, кого изъ нихъ справедливѣе представить къ этой наградѣ; и всѣ безъ изъятія предались горделивой радости, такъ какъ это былъ еще первый случай фактическаго признанія заслугъ полка.

Въ числѣ унтеръ-офицеровъ, я назначилъ двухъ или трехъ фельдфебелей, показавшихъ себя, во время работъ подъ непріятельскими выстрѣлами, распорядительными и неустрашимыми, и послалъ всѣхъ 16 человѣкъ къ генералу. Вскорѣ они возвратились, принеся мнѣ отъ него приказаніе: фельдфебелей изъ на-

граднаго списка исключить, а вмѣсто ихъ внести въ него унтеръ-офицеровъ и завтра всѣхъ удостоиваемыхъ къ наградѣ вновь прислать къ генералу.

Такое неблаговоленіе къ фельдфебелямъ можно объяснить развѣ тѣмъ, что генералъ не зналъ, что у меня въ полку, вопреки общему заведенію въ гарнизонѣ, они не только не отставали отъ ротъ, во время нахожденія послѣднихъ на работахъ, но и жизнью своей при этомъ жертвовали. Но что-жъ мнѣ было дѣлать? Все это разъяснить? Но послѣ такого категорическаго приказанія письменныя разъясненія были неумѣстны, тѣмъ болѣе, что настоящей причины исключенія фельдфебелей я всетаки не вѣдалъ; а идти ходатайствовать изустно за исключенныхъ еще менѣе оказывалось дозволительнымъ, такъ какъ для этого мнѣ пришлось бы, по крайней мѣрѣ, на полчаса отлучиться отъ своего поста, что при ежеминутномъ ожиданіи штурма было чистѣйшею несообразностію. И такъ, оставалось только въ точности исполнить полученное мною приказаніе, такъ я и поступилъ 27 августа по утру. Но генералъ, занявшись другими дѣлами, не успѣлъ тотъ-часъ, по прибытіи удостоиваемыхъ къ наградѣ, возложить на нихъ знаки отличія; а тутъ закипѣлъ штурмъ, и эти люди, безъ крестовъ, бросились изъ башни отстаивать верки съ посторонними полками.

XVIII.

Отправляя этихъ людей къ генералу, надо было заодно послать къ нему и записку о положеніи дѣлъ

передъ куртиной. Присматриваясь съ этой цѣпью къ осаднымъ работамъ, я ничего новаго въ нихъ не замѣтилъ: ближе онѣ за ночь не подвинулись, и скопленія войскъ въ траншеяхъ не обнаруживалось. Такъ мною и было донесено.

Вѣтеръ въ то утро разгулялся очень сильный. Подымая съ сухой почвы облака пыли, онъ гналъ ихъ на непріятеля, продувая порядкомъ и насъ, такъ что я тонкую шинель перемѣнилъ на шинель изъ солдатскаго сукна.

Приблизился полдень, и севастопольскіе громы, всегда смолкавшіе въ эту пору дня, притихли и на этотъ разъ. Прапорщикъ Калошинъ, бывшій не постояннымъ, а очереднымъ начальникомъ штурмовой батареи, съ минуты на минуту ждалъ себѣ на смѣну другого офицера и съ какимъ-то нервическимъ нетерпѣніемъ все посматривалъ въ ту сторону, откуда тотъ долженъ былъ показаться, повторяя безпрерывно: „Вотъ бы хорошо въ такое затишье пробраться во свояси“. Но на смѣну никто не являлся...

И вдругъ на Малаховомъ курганѣ поднялась тревога, мои барабаны тоже загремѣли, а отъ меня она понеслась далѣе къ лѣвому флангу. Мгновенно полкъ расположился на оборонительной линіи, какъ мною уже было объяснено.

Къ этому слѣдуетъ дополнить, что на банкетѣ куртины сталъ 1-й *), а за куртиной въ ротныхъ колон-

*) Правѣе 1-го баталіона занималъ банкетъ Муромскій полкъ, составлявшій самый крайній лѣвый флангъ 4-го отдѣленія.

нахъ 2-й баталіонъ, и что штурмовая батарея находилась между 1-й гренадерской и 1-й мушкатерской ротами, слѣдовательно, я, помѣстясь у лѣваго фланга батареи, былъ въ тоже время у праваго фланга 1-й мушкатерской роты.

На Малаховомъ курганѣ бой уже зявязался, а передъ нами еще не показывались французы; но это лишь на нѣсколько минутъ; и вотъ они разомъ высыпали изъ траншей длинною и густою цѣпью, и бросились къ укрѣпленіямъ. Это было сигналомъ къ открытію съ нашей стороны ружейной и картечной пальбы. Французы падали отъ выстрѣловъ, оступались въ волчьи ямы, но неудержимо подавались впередъ, смыкаясь бѣгомъ въ двѣ густыя массы, изъ коихъ одна взяла направленіе на 2-й бастіонъ, а другая устремилась къ проходу, находившемуся на правомъ флангѣ 1-й гренадерской роты и загражденному рогаткой; цѣпь стрѣлковъ служила связью обѣимъ массамъ и наступала вмѣстѣ съ ними. Но если мы стрѣляли, то и противники наши не дремали. Ихъ приближающіеся стрѣлки поражали стоявшихъ на банкетѣ мѣткимъ ружейнымъ огнемъ, а осадныя батареи продольными выстрѣлами съ праваго фланга. Такимъ образомъ наши люди убывали, и огонь становился все слабѣе, а поддержать его силу было некѣмъ, потому что, за неприбытіемъ общаго резерва, 2-й баталіонъ не могъ быть введенъ на банкетъ.

Между тѣмъ обѣ непріятельскія массы почти одновременно достигли 2-го бастіона и рогатки. Въ чемъ заключались дальнѣйшія дѣйствія первой изъ нихъ,

мнѣ, по дальности разстоянія и за пороховымъ дымомъ, невозможно было разобрать, за то все свое вниманіе я сосредоточилъ на второй массѣ. Предшествуемая саперами, которые въ нѣсколько мгновеній разрушили топорами рогатку, эта плотная масса вторглась внутрь укрѣпленія и, увидя рядъ ротныхъ колоннъ, обратилась на нихъ. 2-я гренадерская рота, подъ командою прапорщика Мамацева, первая встрѣтила французовъ штыками. Въ ту же пору поручикъ Кунцъ съ своею 4-й мушкатерской ротой двинулся впередъ. —„Куда вы?“ крикнулъ я.—„Къ вамъ!“ отвѣчалъ поручикъ.—„Оставьте меня, и помогайте гренадерамъ! Командуйте“, присовокупилъ я: „лѣвое плечо впередъ— и на руку!“ Поручикъ Кунцъ немедленно завелъ роту, какъ я велѣлъ, и ударилъ непріятелю во флангъ. Въ каждой изъ ротъ могло быть около шестидесяти пяти человѣкъ, а съ противоположной стороны было, по меньшей мѣрѣ, человѣкъ шестьсотъ; не смотря однако на такое неравенство силъ, французы, стремительно аттакованные съ фронта и праваго фланга, заколыхались, и если бы въ этотъ моментъ подоспѣлъ на помощь намъ хотя бы одинъ какой-нибудь полкъ, имъ не миновать бы попятнаго пути. Но помощи какъ небывало, и отчаянный рукопашный бой скоро окончился совершеннымъ уничтоженіемъ двухъ храбрыхъ ротъ, потерявшихъ при этомъ ранеными своихъ отважныхъ начальниковъ *). Освободясь отъ штыковъ

*) Прапорщикъ Мамацевъ излѣчился и уѣхалъ на свою родину, въ Грузію, а поручикъ Кунцъ вскорѣ умеръ.

2-й гренадерской и 4-й мушкатерской ротъ, масса повалила въ направленіи къ 5-й и 6-й мушкатерскихъ ротъ, выславъ своихъ стрѣлковъ для дѣйствія въ тылъ стоявшимъ на банкетѣ.

Тѣмъ временемъ, какъ все это происходило на правомъ флангѣ и позади куртины, цѣпь стрѣлковъ, наступавшая на нее съ фронта, приблизилась къ самой подошвѣ бруствера, ровъ котораго отъ предшествовавшей штурму бомбардировки былъ засыпанъ землею едва не наполовину своей глубины. Теперь наши выстрѣлы перелетали бы черезъ голову французовъ, прижавшихся къ эскарпу; и потому, прекративъ пальбу, солдаты, а съ ними и офицеры, принялись бросать въ нихъ навѣсно ручныя гранаты, камни и другіе тяжеловатые предметы, попадавшіеся подъ руку. Этими средствами 1-й баталіонъ отстаивалъ свою позицію до тѣхъ поръ, пока не открыли по немъ сзади пальбу стрѣлки той массы, что, восторжествовавъ надъ первыми двумя ротами 2-го баталіона, двинулась сразиться съ остальными его ротами. Когда же для противодѣйствія этимъ стрѣлкамъ принуждены были многіе спуститься съ банкета, тогда на немъ образовались интервалы, лишенные всякой защиты, и доступъ непріятелю съ фронта куртины былъ облегченъ какъ нельзя болѣе.

Въ эти критическія минуты подбѣгаетъ ко мнѣ прапорщикъ Калошинъ и говоритъ:—„Мои канониры почти всѣ перебиты или ранены, а передки не ѣдутъ. Не бѣжать ли мнѣ за ними? Хоть бы орудія отсюда увезти“.—„Что это вы?“ возразилъ я. „Ужъ теперь не

заманить сюда тѣхъ, кто забылъ насъ, а кто помнитъ, тѣ и безъ зова придутъ. Ты куда?" крикнулъ я унтеръ-офицеру 1-й мушкатерской роты, Боско, соскочившему съ банкета.—"По затылкамъ строчатъ, ваше высокоблагородіе", отвѣчалъ онъ, „такъ вотъ хочу сдачи дать". Онъ прицѣлился въ одного изъ французовъ, упражнявшихся позади куртины въ подстрѣливаніи защитниковъ ея, но, и курка не спустивъ, рухнулъ на земь. Въ ту-же секунду и съ другой стороны на меня кто-то повалился; оборачиваюсь и вижу—Калошинъ лежитъ безъ движенія, какъ пластъ, только багровый румянецъ горитъ во всю щеку. Не успѣлъ я подуматѣ: — видно, сердце твое чуяло, молодой человѣкъ, что такъ треволсенъ былъ ты передъ штурмомъ,—какъ рядовые 1-й мушкатерской роты: Андрей Васильевъ, Иванъ Бутенко и Василій Агилевичь, дѣйствовавшіе въ шагахъ десяти отъ меня на банкетѣ, бросились ко мнѣ съ крикомъ: „ужъ лѣзутъ!" И въ слѣдъ затѣмъ шесть французскихъ солдатъ и седьмой офицеръ появились на кронѣ бруствера передъ нами; солдаты прицѣлились въ насъ почти въ упоръ, но офицеръ, удерживая ихъ, показалъ мнѣ жестомъ, что требуетъ отдачи оружія.

Вмѣшательство офицера было для меня испытаніемъ или искушеніемъ выше всякой мѣры. Не случись онъ при солдатахъ, они дали бы по насъ залпъ, и я палъ бы раненый или убитый, какъ за минуту передъ тѣмъ Боско или Калошинъ, и дѣлу конецъ. А теперь залпъ не могъ произойдти безъ моего напрашиванія на него; иначе чѣмъ же, какъ не напрашиваніемъ, наз-

вать то, еслибъ я обнаружилъ рѣшимость на борьбу, когда самая борьба была немыслима, потому что на каждаго изъ насъ наведено было по нѣсколько заряженныхъ ружей? Но напрашиваться на разстрѣляніе себя и, въ придачу, трехъ солдатъ у меня не достало духа. Я глянулъ вокругъ себя: ни вблизи, ни вдали не видать было за насъ ни кого, а противъ насъ безъ счета, и я вложилъ саблю въ ножны; смотря на меня, мои солдаты, державшіе ружья на руку, опустили ихъ къ ногѣ.

Затѣмъ оружіе у насъ было отобрано, и офицеръ тотъ-часъ же пригласилъ меня слѣдовать въ траншеи въ сопровожденіи находившагося при немъ сапера, напутствовавъ его какимъ-то приказаніемъ, котораго я не могъ разслушать *).

*) При штурмѣ выбыло изъ рядовъ полка:

Шт.-кап. Маркъ-Миллеръ, командиръ—не упомню которой роты въ 4 баталіонѣ	убиты.
Подпоручикъ Пригоновъ, командовавшій мушкатер. ротой	
Прапорщикъ Кубышкинъ начальникъ охотниковъ . . .	
Прапорщикъ Коноваловъ, начальникъ штуцерныхъ . .	
Маіоръ Бутовскій, командиръ 2-го баталіона	отъ ранъ умерли.
Капитанъ Коризна, командиръ 1-го баталіона	
Поручикъ Кунцъ, командиръ 4-й мушкатерской роты .	
Капитанъ Хмельницкій, командиръ 1-й гренадерской роты	ран. по излѣч.
Шт-кап. Лобановскій командиръ 2-й мушкатерской роты	
Прапорщ. Мамацевъ, командовавшій 2 гренадерской ротой	

Были убиты и ранены сверхъ того, но теперь не могу припомнить ни числа ихъ, ни чиновъ и фамилій.

Короче сказать, когда полкъ переправился на сѣверную сторону, то въ немъ ни одного штабъ-офицера, ни одного капитана не оставалось на лицо, а нижнихъ чиновъ уцѣлѣло только человѣкъ пятьсотъ.

XIX.

И я пошелъ за саперомъ къ траншеямъ, откуда спѣшили въ Севастополь колонна за колонной; въ траншеяхъ войска непрерывной вереницей подвигались въ томъ же направленіи.

Подходя къ батареѣ прочной постройки и сильно вооруженной, мой спутникъ не преминулъ объяснить, что это бывшая наша Камчатская батарея. Черезъ открытую ея горжу онъ повелъ меня къ валу, на которомъ съ зрительной трубкой въ рукѣ, окруженный свитой, стоялъ генералъ Пелисье,—и приблизясь къ нему, отрапортовалъ, что я взятый въ плѣнъ командиръ батареи. Пелисье былъ въ мундирѣ, со звѣздой почетнаго легіона на груди, а поверхъ мундира имѣлъ пальто, надѣтое въ рукава. Наружность французскаго главнокомандующаго отличалась бодрымъ и воинственнымъ видомъ, не смотря на значительную просѣдь въ усахъ и испаньелкѣ. —„Вы по французски говорите", началъ Пелисье.

— Нѣтъ; но понимать немного могу, отвѣчалъ я по французски.

Генералъ обратился къ стоявшему возлѣ него бѣлокурому молодому офицеру, и приказалъ ему быть толмачемъ. Послѣдній спросилъ меня по нѣмецки: „не говорите ли вы по нѣмецки?" — „Еще менѣе, чѣмъ по французски", отозвался я по русски. — „Такъ я буду говорить съ вами на вашемъ языкѣ", объявилъ офицеръ и сталъ слушать генерала: И вотъ отъ слова до слова заданные мнѣ вопросы и мои на нихъ отвѣты:

— Вашъ чинъ и фамилія?

— Подполковникъ Алексѣевъ.

— Сколько орудій было на вашей батареѣ?

— Я не командовалъ батареей, а только случайно находился возлѣ нея; командовалъ же я пѣхотнымъ полкомъ.

— Какія верки вы обороняли?

— Куртину отъ рогатки до 2-го бастіона и 2-й бастіонъ.

— Гдѣ эта рогатка?

— На серединѣ куртины, соединяющей Малаховъ курганъ со 2-мъ бастіономъ.

— Кромѣ вашего полка, были ли на тѣхъ веркахъ другіе полки и сколько?

— На самой оборонительной линіи не были, а въ резервѣ были, но сколько—не знаю, потому что они находились вдали отъ меня, въ мѣстахъ, менѣе подверженныхъ выстрѣламъ.

— Ожидали ли въ Севастополѣ сегодня штурма?

— Мы ожидали его уже недѣли двѣ.

— А сегодня?

— И сегодня также, какъ въ предшествовавшіе дни.

Послѣ этого Пелисье велѣлъ саперу отвесть меня въ лагерь генерала Боске.

Теперь мы шли въ направленіи къ Доковой балкѣ вдоль траншей, наполнявшихся безпрерывно подходящими изъ лагеря войсками. Въ этой мѣстности очень часто ложились русскіе снаряды, зло вымѣщая французамъ за севастопольскія потери. При входѣ въ на-

званную балку, на одномъ изъ ея склоновъ стояла большая колонна. „Это гвардія“, съ самодовольствіемъ замѣтилъ саперъ. И вдругъ въ середину колонны ввалилась бомба. Видалъ я дѣйствіе заморскихъ бомбъ, но и землячка не ударила лицомъ въ грязь; даже вчужѣ стало гвардію жалко. „Сей-часъ, сей-часъ“, твердилъ саперъ, „повернемъ въ ущелье, и ужасы эти прекратятся“.

Вскорѣ дѣйствительно и траншеи и опасности кончились, и мы пришли къ перевязочному пункту, откуда саперъ повелъ меня въ Киленбалку къ другому перевязочному пункту, а отъ этого послѣдняго той же дорогой опять къ первому. Ради чего саперъ водилъ меня по всѣмъ этимъ мытарствамъ, я ужъ право не знаю; но наконецъ, видно, уставъ и самъ не менѣе меня, онъ противъ перваго пункта поднялся со мною въ гору и по ровной мѣстности привелъ меня въ лагерь Боске.

Тамъ отъ сапера меня приняли на свое попеченіе какіе-то господа, должно быть, чиновники интендантскаго вѣдомства, и старались съ рѣдкимъ участіемъ успокоить и разсѣять меня. Послѣднее уже и потому было трудно, что бесѣда между нами, по весьма плохому знанію мной французскаго языка, не могла клеиться; а къ тому же, какая любезность, какой талантъ прогонять чужое горе могли заставить меня позабыть, что я въ плѣну? Немного спустя, мои собесѣдники, узнавъ, что въ лагерь прибыло много плѣнныхъ, предложили мнѣ свидѣться съ ними. Я согласился, и мы пошли.

Дозв. ценз. 16 Мая 1872 г. Тип. А. Траншеля, Влад. пр. 1.

ХРУЩОВЪ.

XX.

Человѣкъ 500 солдатъ и ратниковъ стояли развернутымъ фронтомъ и возлѣ нихъ вразсыпную съ десятокъ офицеровъ *). Напротивъ этого смураго строя, хотя неподвижнаго и молчаливаго, но все еще смотрѣвшаго внушительно, сновалъ живой и говорливый людъ въ синихъ пальто, нѣчто въ родѣ унтеръ-штаба, видимо торжествовавшій на своей улицѣ праздникъ.

Изъ плѣнныхъ офицеровъ нашлись нѣкоторые, умѣвшіе свободно объясняться по французски, чѣмъ и не замедлили воспользоваться для удовлетворенія своего любопытства мои спутники; а я, оставшись на

*) Къ вечеру еще прибавилось ихъ. Вотъ полный ихъ списокъ.

Капитанъ-лейтенантъ Карповъ
Лейтенантъ Панферовъ } флотскіе.

Прапорщикъ Ивановъ, морской артиллеріи.

Поручикъ фонъ-Ключекъ
Подпоручикъ Яновскій
— Ноздрѣевъ
— Орда } саперы.

Поручикъ Карицкій
Подпоручикъ Юній
— Бохзевичъ
Прапорщикъ Данильченко } Модлинскаго полка.

Поручикъ Карицкій, хотя и былъ раненъ, но легко, и потому находился съ нами.

Поручивъ Фильбрандтъ, Прагскаго полка.

Подпоручикъ Новиковъ
Прапорщикъ Бѣлаго.
» » Лютекъ. } Казанскаго полка.

Подпоручикъ Петровъ, Муромскаго полка.

Поручикъ Ивановъ, Арестантскихъ ротъ.

просторѣ, подошелъ ближе къ строю и сталъ глазами искать своихъ солдатъ. Въ это время одно синее пальто адресовалось ко мнѣ съ какимъ-то вопросомъ. Затрудняясь вступить въ разговоръ на плохо знакомомъ языкѣ, я молчалъ. Пальто повторило вопросъ. Я отозвался по русски, что не понимаю. Пальто уже съ нѣкоторымъ азартомъ обратилось ко мнѣ съ прежнимъ же вопросомъ. И я отвѣчалъ тоже, что прежде, но для лучшаго вразумленія докучливаго пальто по французски: „А, какъ не понимаетъ“ заголосили многіе вдругъ. „Онъ просто не хочетъ говорить съ нами! Это что за упрямство?—Это на что похоже?“ Но тутъ я увидѣлъ Васильева, Бутенко и Агилевича, стоявшихъ рядомъ, и, оставляя возраставшій гамъ его собственной участи, подошелъ къ нимъ и спросилъ:“ „Кромѣ васъ, изъ нашихъ никого здѣсь нѣтъ?“ „Никого, ваше высокоблагородіе“, подтвердили они. „Что, друзья?“ продолжалъ я, положа руку на плечо Васильева, „видно, плохо мы дрались, что попали сюда“. „Кажись старались, ваше высокоблагородіе“, отозвались они грустно, а у Васильева такъ и слезы показались.... Нашлись онѣ и у меня.... Но не будь ихъ, переполненное горечью сердце, кажется, разорвалось бы на части. „Богъ не безъ милости, братцы“, утѣшалъ я ихъ, „вернемся и къ своимъ: а пока не забывайте, что я, по мѣрѣ моихъ средствъ, вашъ пособникъ въ вашихъ нуждахъ“ *). „Благодаримъ покорно, ваше

*) И они, а вмѣстѣ съ ними и другіе, попавшіеся въ плѣнъ, не разъ обращались ко мнѣ съ разными просьбами, а иногда изъ одного

высокоблагородіе", отвѣчали они повеселѣвшими голосами, ободренные моимъ участіемъ. Сцена эта, происходившая въ глазахъ взбалмошныхъ, но впечатлительныхъ французовъ, укротила ихъ задоръ; и когда я отошелъ отъ строя, никто изъ нихъ уже не домогался отъ меня бесѣды на томъ языкѣ, съ которымъ я былъ едва знакомъ.

Вслѣдъ затѣмъ всѣхъ насъ размѣстили по палаткамъ. Для офицеровъ ихъ отвели двѣ. Въ той, гдѣ пришлось мнѣ помѣститься, большая часть офицеровъ была съ Малахова кургана. По ихъ отзывамъ, курганъ палъ безвозвратно, а какъ онъ былъ ключемъ всей оборонительной линіи, то становилось понятнымъ, что и для Севастополя послѣдній часъ пробилъ. Такой исходъ одиннадцати-мѣсячной кровавой борьбы не могъ не огорчать насъ, и мы очень пріуныли. Замѣтивъ печальное наше настроеніе, молодой конно-артиллеристъ, присутствовавшій при насъ въ качествѣ стража, взялся утѣшать насъ довольно оригинальнымъ образомъ. — „Вы не горюйте очень, господа", говорилъ онъ, покуривая коротенькую трубочку, „вы завтра-же или послѣ завтра будете при своихъ полкахъ". „Какъ такъ?" радостно вскричали иные изъ насъ. „А вотъ какъ. Се-

только желанія провѣдать меня. Кромѣ этихъ трехъ человѣкъ, взятъ былъ въ плѣнъ нераненый горнистъ 2-го баталіона и раненые: 1 ун.-оф. 3-го баталіона и рядовые: 1-го батал. 9 челов.
2-го » 3 »
3-го » 2 »
4-го » 2 »

Всѣхъ же нижнихъ чиновъ изъ полка находилось въ плѣну 21 человѣкъ.

вастополь теперь въ нашихъ рукахъ; слѣдовательно, ваша армія поспѣшитъ переправиться на Сѣверную сторону. Штурмъ ей долженъ былъ стоить огромныхъ потерь, да при переправѣ она потеряетъ не менѣе того, потому что не будемъ же мы смотрѣть на отступленіе сложа руки; послѣ этого, дай Богъ, чтобы хотя половина вашей арміи достигла Сѣверной стороны. Оставивъ наблюдательный отрядъ на Южной сторонѣ, всѣ наши силы—и конечно, въ нынѣшнюю-же ночь—устремятся на Мекензіеву гору, овладѣютъ ею и черезъ Инкерманскія высоты явятся передъ вашей разстроенной арміей. Припертая къ морю, безъ боя или послѣ боя гибельнаго для нея, она должна будетъ положить оружіе. А тогда, согласитесь, какая надобность будетъ намъ держать плѣнныхъ въ разныхъ мѣстахъ? Ну, васъ и переведемъ мы на Сѣверную сторону къ вашимъ полкамъ“.

Но въ этотъ мигъ какъ протестъ противъ такой хвастливости, грянулъ въ Севастополѣ сильный взрывъ. Ясно, что онъ не могъ быть дѣломъ французовъ, если они уже заняли городъ, такъ какъ имъ разрушать свое достояніе, хотя бы и временное, не было никакого разсчета; слѣдовательно, Севастополь находился еще во власти русскихъ, и рѣшеніе вопроса о судьбѣ его пока принадлежало будущему. Это смекнули сразу всѣ, и самъ стратегикъ едва-ли не прежде прочихъ; по крайней мѣрѣ, онъ первый выскочилъ изъ палатки, чтобы взглянуть на дѣйствіе взрыва. Вышли и мы.

Вечерній сумракъ уже спускался на землю, тѣмъ разительнѣе разливалось зарево надъ Севастополемъ.

Картина была грозная, и впечатлѣніе отъ нея усиливалось неумолкаемыми перекатами ружейной пальбы; все это обнаруживало упорную борьбу, нисколько не обѣщавшую тѣхъ легкихъ побѣдъ, которыя пророчилъ сражающимся французамъ ихъ соотечественникъ, покуривавшій трубочку внѣ выстрѣловъ. Подобное сознаніе теперь, кажется, проникло и въ его пылкую голову; онъ и съ нимъ еще трое какихъ-то французовъ стояли, устремивъ глаза на неожиданное зрѣлище, и пожимая плечами, равговоривали шопотомъ.

XXI.

Какъ ни сильны бываютъ душевныя волненія, а если человѣкъ не боленъ, то подъ конецъ все-таки захочетъ ѣсть. Тоже самое случилось къ вечеру и съ нами. Въ лагерѣ однако ничего нельзя было купить съѣстного, потому что маркитанты всѣ находились при войскахъ подъ Севастополемъ; но наши по съѣстной части поиски какъ-то дошли до свѣдѣнія лагернаго начальства, и къ намъ въ палатку пришелъ адъютантъ генерала Боске, если не обманываетъ меня память, Дампіеръ. Извиняясь передъ нами за лагерныя торговлю и администрацію, не могущія въ настоящую минуту удовлетворить требованіямъ нашего желудка, адъютантъ заявилъ, что заботу объ этомъ онъ, сколько дозволятъ ему запасы его, беретъ лично на себя, въ уплату русскому хлѣбосольству, которымъ онъ пользовался, по случаю своего плѣна въ минувшую зиму, въ Ярославлѣ. Разумѣется, мы очень благодарили г. Дампіера за его вниманіе къ нашимъ

нуждамъ; и только онъ удалился, какъ явились къ намъ: корзина съ бутылками, жареная индѣйка и нѣсколько бутылокъ лафита. Все это было раздѣлено нами поровну, на мою долю достались: двѣ булки, крыло индѣйки и полбутылка вина.

Поужинавъ, всѣ легли вповалку на голой землѣ. Завернувшись въ свою толстую шинель, пригодившуюся какъ нельзя болѣе въ эту прохладную ночь, и я улегся; но никакъ не могъ заснуть изъ за того, что держать голову на землѣ, въ уровень со всѣмъ тѣломъ, оказывалось крайне неудобнымъ, а подложить подъ нее было нечего. Помучившись немало, я рѣшился испытать одно средство, почти безнадежное, какъ мнѣ казалось; я взялъ пообъемистѣе камень и употребилъ его вмѣсто подушки. И что-жъ? Не будучи пустынникомъ, свыкшимся съ каменнымъ изголовьемъ, я скоро и крѣпко уснулъ.

XXII.

На слѣдующій день всѣхъ насъ, офицеровъ и солдатъ, перевели въ другой лагерь, находившійся бокъ-о-бокъ съ резиденціею Пелисье, состоявшею изъ многихъ шатровъ и деревянныхъ домиковъ, кокетливо украшенныхъ цвѣтниками, рѣшетками и т. п.

Послѣ полудня, изъ подъ Севастополя возвратился Пелисье, и начали прибывать войска. Передъ вечеромъ офицерами одного стрѣлкового полка или баталіона мы были приглашены провесть вмѣстѣ съ ними нѣсколько часовъ. Подъ обширнымъ наметомъ на коврахъ, мы возлегали съ нашими гостепріимными хозяе-

вами, куря сигары и папиросы, и освѣжаясь прохладительными напитками. Тутъ мы узнали, что осаждающимъ удалось вчера утвердиться лишь на одномъ пунктѣ оборонительной линіи — на Малаховомъ курганѣ, что штурмъ имъ обошелся весьма дорого, и что по этимъ причинамъ переправа нашихъ войскъ совершилась ночью безъ преслѣдованія. Послѣднее извѣстіе было для насъ дороже всего, потому что успокоивало насъ за участь нашей достойной арміи. Отъ души мы порадовались и тому, что число плѣнныхъ, взятыхъ противными сторонами, оказывалось почти равное, чѣмъ могъ облегчиться размѣнъ ихъ и ускориться наше возвращеніе восвояси. Вообще вечеръ, проведенный нами въ обществѣ любезныхъ стрѣлковъ, можно назвать безцѣннымъ подаркомъ судьбы въ нашемъ тяжкомъ положеніи.

Такъ какъ мы имѣли одежды, обуви и бѣлья столько, сколько ихъ было на насъ, чѣмъ ограничить насъ французы не могли, если не желали заслужить упрекъ въ жестокости, то на обзаведеніе недостающихъ намъ вещей выдали единовременно: штабъ-офицерамъ по 300, капитанамъ по 200 и прочимъ оберъ-офицерамъ по 100 франковъ каждому. Но изъ этой заботливости о нашемъ костюмѣ должно было вывесть весьма непріятное заключеніе, что намъ нечего надѣяться на скорое освобожденіе. И точно, вслѣдъ за раздачей денегъ, мы узнали, что въ тотъ-же день, т. е. 29 августа, послѣ обѣда насъ перевезутъ на одинъ изъ военныхъ кораблей для отправки въ Константинополь.

Предстоящая разлука съ родной землей вызвала у насъ желаніе написать письма къ роднымъ и знакомымъ, а опекуны наши помогли осуществленію его, снабдивъ насъ письменными принадлежностями, и вызвавшись переслать нашу корреспонденцію въ главный штабъ русской арміи. Я писалъ тогда квартермистру Олонецкаго полка, прапорщику Котлову, прося его все оставшееся послѣ меня имущество, за которымъ теперь некому было присматривать, продать и изъ вырученныхъ денегъ сто рублей препроводить, куда слѣдуетъ, въ пользу раненыхъ при штурмѣ, а остальныя деньги съ неполученнымъ мною жалованьемъ и столовыми за майскую треть отослать по почтѣ къ матери моей *). А ей я писалъ: „я, благодаря Бога, живъ и даже здоровъ; но я несчастливъ такъ, какъ только можетъ быть несчастливъ русскій, находящійся въ неволѣ, когда отечество его въ борьбѣ съ врагами. Я съ третьяго дня въ плѣну и нынѣ изъ французскаго лагеря еще гляжу на дымящійся Севастополь. Что далѣе будетъ со мною, Богу извѣстно; но вы можете быть покойны въ томъ отношеніи, по крайнѣй мѣрѣ, что люди, во власть которыхъ я попалъ, не чужды участія къ несчастнымъ". Въ заключеніе я увѣдомлялъ мою мать о сдѣланномъ мною распоряженіи относительно моего достоянія. Что же касалось хозяйственной части Олонецкаго полка, то за неполученіемъ по командѣ приказанія бывшимъ

*) И онъ не смотря на труды военнаго времени, такъ тщательно выполнилъ всѣ мои порученія, какъ только могъ я желать.

его командиромъ *) и мною о сдачѣ и пріемѣ полка на законномъ основаніи, она оставалась въ рукахъ моего предмѣстника, и потому съ этой стороны я былъ свободенъ отъ заботъ.

XXIII.

Въ назначенное время офицеры въ госпитальныхъ экипажахъ, а солдаты и ратники пѣшкомъ, подъ кавалерійскимъ конвоемъ, были препровождены на берегъ Камышевой бухты, къ которой тогда примыкалъ импровизированный французскій городокъ съ лавками, ресторанами и т. п. Какъ въ немъ шла вообще городская жизнь, трудно было узнать мимоходомъ, а торговля его имѣла довольно мизерные размѣры, напримѣръ, полотняныхъ издѣлій ни въ одной лавкѣ нельзя было найдти, да и миткалевыя-то не отличались хорошимъ выборомъ. Отсюда небольшой пароходъ перевезъ насъ на корабль „Шарлемань", гдѣ штабъ-офицеры были помѣщены въ капитанскихъ каютахъ, оберъ-офицеры въ офицерскихъ, а нижніе чины между матросами. Нельзя при этомъ умолчать, что въ первой же нашей встрѣчѣ съ моряками мы нашли въ нихъ хозяевъ самыхъ доброжелательныхъ и предупредительныхъ.

Совсѣмъ иной пріемъ мы встрѣтили отъ моря, которое своимъ волненіемъ укачало насъ до того, что мы не могли держаться на ногахъ не только на дру-

*) Генералъ-маіоромъ Масловымъ, который съ того же времени сталъ командовать 2-й бригадой нашей дивизіи, какъ я, Олонецкимъ полкомъ.

гой, но даже и на третій день. Конечно, главною причиной качки былъ свѣжій вѣтеръ, но ему не мало содѣйствовала стоянка на якорѣ,—и потому мы очень желали скорѣйшаго отплытія, а между тѣмъ, хотя все къ тому было готово, корабль не трогался съ мѣста. Къ исходу третьихъ сутокъ нашего пребыванія на морѣ, капитанъ Жаненъ съѣхалъ на берегъ и вернулся оттуда съ своимъ сыномъ, молодымъ офицеромъ, только что прибывшимъ съ полкомъ изъ Франціи. На радости старый морякъ приказалъ подать за обѣдомъ шампанскаго и послѣ бокала, другого, объявилъ, что получилъ приказаніе завтра сняться съ якоря, пояснивъ при этомъ, что оно замедлилось до сихъ поръ собственно потому, что Пелисье только теперь убѣдился въ отсутствіи подъ Севастополемъ минъ; но если бы онѣ были обнаружены тамъ, тѣмъ болѣе, если бы причинили французамъ или англичанамъ вредъ, то онъ въ виду русской арміи всѣхъ плѣнныхъ предалъ бы разстрѣлянію. На сколько это открытіе было близко къ истинѣ, не берусь судить, но на завтра, 2-го сентября, „Шарлемань“ дѣйствительно распустилъ свои паруса и понесъ насъ на чужбину, далеко отъ Севастополя.

Оглавленіе I-го тома.

Стран.

I. Служебная дѣятельность Александра Петровича Хрущова (нынѣ генерала отъ инфантеріи, генералъ-адъютанта) во время Севастопольской обороны 1

II. Воспоминанія командира 4-го бастіона капитана 1-го ранга Реймерса (бывшаго капитанъ-лейтенантомъ) о восьми-мѣсячной бытности его въ Севастополѣ во время его бомбардированія 26

III. Воспоминанія инженеръ-полковника Бульмеринга . . . 46

IV. Воспоминанія объ участіи при защитѣ г. Севастополя, бывшаго въ то время полковымъ адъютантомъ Владимірскаго пѣхотнаго полка поручика, нынѣ отставнаго маіора, Наума Александровича Горбунова. 53

V. Оборонительная казарма № 5-го бастіона 89

VI. Эпизодъ изъ инкерманскаго дѣла 111

VII. Воспоминаніе объ осадѣ Севастополя, маіора пѣхотнаго Калужскаго Его Императорско-Королевскаго Величества Императора Германскаго и короля Прусскаго полка, Николая Семеновича Лагушинскаго *) 121

VIII. День 26-го мая 1845 года въ Севастополѣ 181

IX. Крымская кампанія. Воспоминанія и разсужденія к.-адм. Стеценки. 193

X. Разсказъ Севастопольца 321

XI. Два эпизода изъ Севастопольской жизни 343

*) Въ заголовкѣ по ошибкѣ въ рукописи напечатано Латинскій.

Стран.

XII. Записки севастопольца, 2-го пѣхотнаго Муромскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Вячеслава Константиновича полка, капитана Дещинскаго, бывшаго у французовъ въ плѣну 353

XIII. Воспоминанія кн. Д. Святополкъ-Мирскаго 383

XIV. Нѣкоторыя свѣдѣнія о Севастопольской защитѣ, со времени сраженія при Черной 405

Bayerische Staatsbibliothek München

RAL - 495
Buchbinderei
SCHWAB
München

Bayerische StaatsBibliothek

Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Sbornik rukopisej, predstavlennych Ego Imperatorskomu Vysočestvu Gosudarju Naslědniku Cesareviču o Sevastopolʹskoj oboronĕ sevastopolʹcami

Bd.: 1

S.-Peterburg 1872

Z 39.201-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11019761-5